ISSN 2782-5256
NIION: 2022-0089
MOSURED: 77/27-031

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ

1
2026

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. А. Антонян
доктор юридических наук, профессор

Ю. М. Антонян
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

А. А. Аубакирова
доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

А. Р. Белкин
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

А. А. Бессонов
доктор юридических наук, доцент

М. В. Бобовкин
доктор юридических наук, профессор

Л. А. Букалерова
доктор юридических наук, профессор

В. Ю. Владимиров
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

О. Г. Дьяконова
доктор юридических наук, профессор

А. В. Камалян
кандидат медицинских наук

М. В. Кардашевская
доктор юридических наук, профессор

А. В. Кокин
доктор юридических наук, доцент

И. А. Кубасов
доктор технических наук, доцент,
почетный радист Российской Федерации

Н. П. Майлис
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный член Литовского криминалистического общества,
член Международного сообщества судебных экспертов

А. Л. Миронов
кандидат юридических наук, доцент

Т. Ф. Моисеева
доктор юридических наук, профессор

А. А. Мохов
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
сферы образования Российской Федерации

Нгуен Ван Кау
кандидат юридических наук
(Социалистическая Республика Вьетнам)

И. Э. Никитина
доктор юридических наук, доцент

В. А. Прорвич
доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор

Е. Р. Россинская
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, академик РАЕН

Л. А. Рычкалова
доктор юридических наук, доцент

С. А. Смирнова
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации

О. А. Соколова
доктор юридических наук, профессор

И. Б. Тутынин
доктор юридических наук, доцент

А. И. Усов
доктор юридических наук, профессор

В. Ю. Федорович
кандидат юридических наук, доцент

Ш. Н. Хазиев
доктор юридических наук, доцент

О. В. Химичева
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации

Цолмон Баяндорж
кандидат юридических наук (Монголия)

В. Н. Чулахов
доктор юридических наук, профессор

А. И. Швед
доктор юридических наук (Республика Беларусь)

В. К. Дадабаев
доктор медицинских наук, доцент

Д. Д. Долидзе
доктор медицинских наук, профессор

А. Г. Иванов
доктор медицинских наук, профессор

Л. В. Чичановская
доктор медицинских наук, профессор

В. Г. Шестакова
доктор медицинских наук, доцент

И. Б. Лебедев
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования

В. И. Бобошко
доктор экономических наук, профессор

Ж. А. Кеворкова
доктор экономических наук, профессор

Н. Д. Эриашвили
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник
сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ
в области образования

EDITORIAL BOARD

E. A. Antonyan
doctor of legal science, professor

Yu. M. Antonyan
doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation

A. A. Aubakirova
doctor of legal science, professor (Republic of Kazakhstan)

A. R. Belkin
doctor of legal science, professor,
academician of the Russian Academy of Sciences

A. A. Bessonov
doctor of legal science, associate professor

M. V. Bobovkin
doctor of legal science, professor

L. A. Bukalerova
doctor of legal science, professor

V. Yu. Vladimirov
doctor of legal science, professor,
honored lawyer of the Russian Federation

O. G. Dyakonova
doctor of legal science, professor

A. V. Kamalyan
candidate of medical sciences

M. V. Kardashevskaya
doctor of legal science, professor

A. V. Kokin
doctor of legal science, associate professor

I. A. Kubasov
doctor of technical sciences, associate professor,
honorary radio operator of the Russian Federation

N. P. Mailis
doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation,
honorary member of the Lithuanian Forensic Society,
member of the International Community of Forensic Experts

A. L. Mironov
candidate of legal science, associate professor

T. F. Moiseeva
doctor of legal science, professor

A. A. Mokhov
doctor of legal science, professor,
honorary worker of education of the Russian Federation

Nguyen Van Cau
candidate of legal science (Socialist Republic of Vietnam)

I. E. Nikitina
doctor of legal science, associate professor

V. A. Prorvich
doctor of legal science, doctor of technical sciences, professor

E. R. Rossinskaya
doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, academician of the Russian Academy of Sciences

L. A. Rychkalova
doctor of legal science, associate professor

S. A. Smirnova
doctor of legal science, professor, honored scientist of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation

O. A. Sokolova
doctor of legal science, professor

I. B. Tutynin
doctor of legal science, associate professor

A. I. Usov
doctor of legal science, professor

V. Yu. Fedorovich
candidate of legal science, associate professor

Sh. N. Khaziev
doctor of legal science, associate professor

O. V. Khimicheva
doctor of legal science, professor,
honored worker of the higher school of the Russian Federation

Tsolmon Bayandorzh
candidate legal science (Mongolia)

V. N. Chulakhov
doctor of legal science, professor

A. I. Shved
doctor of legal science (Republic of Belarus)

V. K. Dadabaev
doctor of medical sciences, associate professor

D. D. Dolidze
doctor of medical sciences, professor

A. G. Ivanov
doctor of medical sciences, professor

L. V. Chichanovskaya
doctor of medical sciences, professor

V. G. Shestakova
doctor of medical sciences, associate professor

I. B. Lebedev
doctor of psychological sciences, professor

S. N. Fedotov
doctor of psychological sciences, professor

I. V. Groshev
doctor of psychological sciences, doctor of economic sciences, professor, honored worker of science of Russia, winner of an award of the government of Russia in the field of education

V. I. Boboshko
doctor of economic sciences, professor

Zh. A. Kevorkova
doctor of economic sciences, professor

N. D. Eriashvili
candidate of historical sciences, candidate of legal sciences, doctor of economic sciences, professor, honorary worker of education of Russia, winner of an award of the government of Russia in the field of science and technology, winner of an award of the government of Russia in the field of education

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-82987
от 14 марта 2022 г.

Главный редактор
Надежда Павловна Майлис
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
почетный член Литовского
криминалистического общества,
член Международного сообщества
судебных экспертов

Главный редактор
объединенной редакции
Нодари Дарчоевич Эриашвили
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

Редакция
М. А. Андронаки,
В. С. Клементьева,
А. В. Петрушина,
М. А. Пыженкова,
О. А. Головлева,
А. П. Яковлев

Учредители
«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Издательство
«ЮНИТИ-ДАНА»
123298, г. Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1

Распространяется по подписке
Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 014554

Адрес издательства и редакции
123298, г. Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
e-mail: sud-ekspertiz@mail.ru
тел.: 8-499-740-68-30

Содержание № 1 • 2026

Акименко П. А.
Противодействие незаконной миграции: проблемы и перспективы ужесточения уголовного законодательства 7

Бородин А. В.
Объект и предмет преступлений, посягающих на культурные ценности по уголовному законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия 12

Гончаров А. В.
Возможности проведения идентификационных исследований замков с цилиндровым механизмом, отпертых методом самоимпрессии 18

Гребнева А. С., Гребнев Д. Ю.
Особенности психологической подготовки сотрудников экспертных подразделений 24

Гулина Е. Г.
Актуальные проблемы исследования рукописных записей, выполненных под воздействием гипноза 28

Демин К. Е.
Актуальные вопросы производства механоскопической судебно-трасологической экспертизы на современном этапе 32

Жидович А. С.
Судебная экспертиза по уголовным делам о незаконных действиях в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: опыт Республики Беларусь 37

Зинов Б. П.
Возмещение вреда, причиненного преступлением, как неотъемлемое условие прекращения уголовного дела (уголовного преследования), в досудебном уголовном производстве 43

Иванов А. В.
Информационные отметки на объектах, имеющих криминалистическое значение: классификация применяемых технологий и способов нанесения 51

Иванов Д. А., Потапов В. Д., Туманов Д. О.
Криминологические и криминалистические аспекты производства допроса при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 65

Качан В. Н.
Общая конструкция и признаки боевой части клинка коротко-клинкового холодного оружия 73

Ким А. В.
Компьютерная информация: понятие, содержание, форма 79

Красюк С. В.
Субъективные признаки незаконного привлечения денежных средств и (или) иного имущества 87

Ле Суан Хоанг.
Основные теоретические положения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице 94

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Номер подписан в печать
19.03.2026 г.
Цена договорная

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 500 экз.
Первый завод — 300 экз.
Заказ № 20

https://mosu-red.ru
www.niion.org
www.unity-dana.ru
https://мосу.мвд.рф

Михайлова Е. В.
Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность в условиях цифровой среды 100

Мышко Е. Ф.
Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, принципы и современные реалии 106

Пакалина Д. И.
Профилактика экспертных ошибок в технико-криминалистической экспертизе документов при диагностическом исследовании реквизитов 113

Семочкина А. А., Чистякова С. Е.
Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной ст. 156 УК РФ 117

Соболь А. Е.
Институт уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в современном российском законодательстве: понятие, основания формирования и содержание 122

Соколова О. А.
Влияние идей профессора Н. П. Майлис на развитие интеграционного направления в дактилоскопии и дерматоглифике 128

Токолов А. В.
К вопросу правового регулирования механизма противодействия травли и ненависти в цифровом пространстве 136

Туркова Н. М.
Ответственность судебного эксперта при использовании технологий искусственного интеллекта 143

Фаниев П. А.
Понятие информационного объекта в судебной компьютерной экспертизе и его значение для расследования преступлений 150

Фролова А. Н.
К вопросу об особенностях освоения учебной дисциплины «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» иностранными слушателями 154

Четвергова О. А., Коглина В. А.
Применение информационных технологий при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов 158

Шарифходжаев Ш. И.
Формы систематизации криминалистически значимой информации, составляющей содержание криминальных и следственных ситуаций при расследовании транснациональных преступлений 165

Шевкопляс Н. П.
Криминальный консалтинг как элемент организованной преступной игорной деятельности 173

Эриашвили Н. Д.
Присвоение и растрата в уголовном судопроизводстве: доказывание умысла и предмета преступления 179

Зинченко Д. С.
Функции сбыта в системе незаконного оборота наркотиков 185

The journal is registered Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications

Media Registration Certificate
PI № FS77-82987
dated March 14, 2022

Editor-in-Chief
Nadezhda P. Mailis
doctor of legal science, professor, honored scientist of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation, honorary member of the Lithuanian Forensic Society, member of the International Community of Forensic Experts

Editor-in-Chief of the joint Editorial Office
Nodari D. Eriashvili
candidate of historical sciences, candidate of legal sciences, doctor of economic sciences, professor, honorary worker of education of Russia, winner of an award of the government of Russia in the field of science and technology, winner of an award of the government of Russia in the fild of education

Editorial Office
M. A. Andronaki,
V. S. Klementyeva,
A. V. Petrushina,
M. A. Pyzhenkova,
O. A. Golovleva,
A. P. Yakovlev

Founders
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
Akademika Volgina str., 12
UNITY-DANA Publishing House
123298, Moscow,
Irina Levchenko str., 1

Distributed by subscription
Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» — 014554

Editorial Staff adress
123298, Moscow,
Irina Levchenko str., 1
e-mail: sud-ekspertiz@mail.ru
tel.: 8-499-740-68-30

Contents № 1 • 2026

Akimenko P. A.
Countering illegal migration: problems and prospects of tightening criminal legislation 7

Borodin A. V.
The object and subject of crimes infringing on cultural property under the criminal legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany 12

Goncharov A. V.
The possibility of conducting identification studies of locks with a cylinder mechanism unlocked by self-compression 18

Grebneva A. S., Grebnev D. Yu.
Features of psychological training for employees of expert units 24

Gulina E. G.
Actual problems of studying handwritten notes made under the influence of hypnosis 28

Demin K. E.
Current issues of the production of mechanoscopic forensic tracological examination at the present stage 32

Zhydovich A. S.
Judicial examination in criminal cases of illegal actions in relation to firearms, ammunition and explosives: the experience of the Republic of Belarus 37

Zinov B. P.
Compensation for damage caused by a crime as an essential condition for the termination of a criminal case (criminal prosecution) in pre-trial criminal proceedings 43

Ivanov A. V.
Information markings on objects of forensic significance: classification of applied technologies and methods of application 51

Ivanov D. A., Potapov V. J., Tumanov D. O.
Criminological and criminalistic aspects of interrogation in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime 65

Kachan V. N.
The general design and features of the warhead of a short-bladed bladed weapon 73

Kim A. V.
Computer information: concept, content, form 79

Krasyuk S. V.
Subjective signs of illegal attraction of funds and (or) other property 87

Le Xuan Hoang.
The main theoretical provisions of the forensic handwriting examination of short notes written in the Vietnamese Latin alphabet 94

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

It is sent for the press
19.03.2026
Contractual price

Format 60×84 1/8.
Offset printing.
Circulation 500 copies.
1st batch — 300.
Order № 20

https://mosu-red.ru
www.niion.org
www.unity-dana.ru
https://мосу.мвд.рф

Mikhailova E. V.
Involvement of minors in criminal activities in a digital environment 100

Myshko E. F.
International cooperation in the field of criminal justice: the concept, principles and modern realities 106

Pakalina D. I.
Prevention of expert errors in the technical and forensic examination of documents during the diagnostic examination of banking details 113

Semochkina A. A., Chistyakova S. E.
Problems of qualification of failure to fulfill the duties of raising a minor and the direction of improvement of the norm provided for in art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation 117

Sobol A. E.
The institute of criminal liability for violations of traffic rules and vehicle operation in modern Russian legislation: concept, grounds for formation, and content 122

Sokolova O. A.
The influence of the ideas of professor N. P. Mailis on the development of the integration trend in fingerprinting and dermatoglyphics 128

Tokolov A. V.
On the issue of legal regulation of the mechanism for countering harassment and hatred in the digital space 136

Turkova N. M.
The responsibility of a forensic expert when using artificial intelligence technologies 143

Faniev P. A.
The concept of an information object in computer forensics and its significance for the investigation of crimes 150

Frolova A. N.
On the issue of the peculiarities of mastering the academic discipline «Handwriting and handwriting expertise» by foreign students 154

Chetvergova O. A., Koglina V. A.
The use of information technology in determining the relative prescription of the execution of the details of documents 158

Sharifkhodzhaev Sh. I.
Forms of systematization of criminalistically significant information that makes up the content of criminal and investigative situations in the investigation of transnational crimes 165

Shevkoplyas N. P.
Criminal consulting as an element of organized criminal gambling activity 173

Eriashvili N. D.
Misappropriation and embezzlement in criminal proceedings: proving intent and the subject of the crime 179

Zinchenko D. S.
Functions of distribution within the system of illicit drug trafficking 185

Научная статья
УДК 343
EDN: https://elibrary.ru/kglpik
NIION: 2022-0089-1/26-369
MOSURED: 77/27-031-2026-01-369

Противодействие незаконной миграции: проблемы и перспективы ужесточения уголовного законодательства

Павел Александрович Акименко
Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, nochnoy_patrul@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ современной проблемы незаконной миграции в Российской Федерации и мер уголовно-правового противодействия ей в свете последних законодательных новаций 2024 г. Отмечается общественная опасность организации незаконной миграции как формы организованной преступности и анализируются причины ужесточения уголовного законодательства в данной сфере. Выявлены ключевые проблемы в данной сфере (в том числе преобладание условных наказаний) и предложены перспективные пути совершенствования законодательства и практики его применения — усиление неотвратимости наказания, использование современных средств идентификации, межгосударственное сотрудничество. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего ужесточение уголовно-правовых мер с профилактическими и организационными мерами.

Ключевые слова: незаконная миграция, организация незаконной миграции, организованная преступность
Для цитирования: Акименко П. А. Противодействие незаконной миграции: проблемы и перспективы ужесточения уголовного законодательства // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 7–11. EDN: KGLPIK.

Original article

Countering illegal migration: problems and prospects of tightening criminal legislation

Pavel A. Akimenko
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nochnoy_patrul@mail.ru

Abstract. The analysis of the current problem of illegal migration in the Russian Federation and measures of criminal law counteraction to it in the light of the latest legislative innovations of 2024 is carried out. The public danger of organizing illegal migration as a form of organized crime is noted and the reasons for the tightening of criminal legislation in this area are analyzed. Key problems in this area have been identified (including the predominance of suspended sentences) and promising ways to improve legislation and its application have been proposed, including strengthening the inevitability of punishment, the use of modern means of identification, and interstate cooperation. The conclusion is made about the need for an integrated approach combining stricter criminal law measures with preventive and organizational measures.

Keywords: illegal migration, organization of illegal migration, organized crime
For citation: Akimenko P. A. Countering illegal migration: problems and prospects of tightening criminal legislation. Forensic science and research. 2026;(1):7–11. (In Russ.). EDN: KGLPIK.

Незаконная миграция в современной Российской Федерации приобрела характер острой комплексной проблемы, затрагивающей вопросы демографии, экономики и безопасности. В публичном дискурсе все чаще звучит мысль о разграничении легальной трудовой миграции и нелегальной: как метко отметил в ноябре 2024 г. Д. Песков, «мигранты — это не проблема. Проблема — это незаконные мигранты» [7]. Действительно, организованное перемещение и неправомерное пребывание иностранных граждан несет многочисленные угрозы, поскольку приводит к обострению межэтнических отношений и повышению уровня преступности [3, с. 3]. В научной литературе отмечается, что «незаконная миграция — это источник нелегальной рабочей силы; она способствует развитию теневого сектора экономики, влечет девальвацию национальных производственных сил и ряд иных негативных последствий» [9, с. 3]. Кроме того, незаконные миграционные потоки рассматриваются как фактор, увеличивающий риски экстремизма и терроризма. Так, отмечается, что незаконная миграция зачастую выступает «преддверием» иных тяжких преступлений, включая террористическую активность [6]. В 2024 г. в России произошел резонансный террористический акт, совершенный выходцами из Центральной Азии, что послужило толчком к пе-

© Акименко П. А., 2026

ресмотру миграционной политики. Эти обстоятельства обуславливают общественный запрос на усиление мер противодействия незаконной миграции, особенно в части уголовно-правового реагирования на наиболее опасные ее проявления.

До обозначенного времени наказания за преступления, связанные с незаконной миграцией, в Российской Федерации оставались относительно мягкими, что снижало превентивный эффект нормы. На практике в период до 2024 г., когда произошел пересмотр санкций соответствующих норм уголовного закона, подавляющее большинство виновных избегало реального заключения: по официальным данным, в 2023 г. около 78 % осужденных по ст. 322.1 УК РФ получили условные сроки (лишь 22 % приговорены к реальному лишению свободы) [8]. Такая ситуация способствовала возникновению сомнений в достаточности, реальности и неотвратимости наказания, поскольку потенциальные организаторы незаконной миграции могли рассчитывать на мягкое обращение. Одновременно наблюдался стремительный рост числа выявляемых преступлений данной категории: МВД сообщило, что в 2023 г. количество преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ, увеличилось на 79,6 % по сравнению с предыдущим годом. Эти тревожные тенденции — резкий рост незаконной миграции и связанного с ней криминала при недостаточно строгом наказании — обусловили необходимость срочных изменений в законодательстве. Лозунг «ужесточить наказание» приобрел поддержку как среди населения, обеспокоенного ростом преступности среди нелегалов, так и на уровне высших органов власти.

Таким образом, к началу 2024 г. в сфере противодействия незаконной миграции четко обозначились несколько проблем:

♦ значительный масштаб и организованный характер незаконной миграции;

♦ вовлеченность преступных групп и коррупционных элементов;

♦ использование мигрантов в иных преступных целях (включая экстремизм);

♦ недостаточная эффективность уголовно-правовых мер с точки зрения сдерживания этого явления.

В ответ на эти вызовы были разработаны и приняты поправки в уголовное законодательство, направленные на усиление ответственности и устранение выявленных пробелов (Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Постановка проблемы сводится к вопросу: способны ли изменения 2024 г. в УК РФ качественно улучшить ситуацию и какие дальнейшие шаги с учетом практики правоприменения необходимы для повышения эффективности уголовно-правового противодействия незаконной миграции?

Принятые в конце 2024 г. законодательные изменения знаменуют новый этап уголовно-правовой политики в сфере миграции. Ключевым нововведением стало значительное усиление санкций за организацию незаконной миграции и смежные преступления, что повлекло отнесение особо квалифицированного состава организации незаконной миграции (ч. 3 ст. 322.1 УК РФ) к категории особо тяжких преступлений, что имеет важные последствия: расследование таких дел передано в ведение следователей ФСБ и МВД (повышая приоритет разработки этих преступлений), а назначение условных наказаний по ним маловероятно. Можно ожидать, что суды станут чаще избирать реальное лишение свободы для осужденных организаторов, особенно действовавших в составе групп, поскольку закон теперь того требует. Это должно повысить неотвратимость наказания и сыграть роль сдерживающего фактора.

Помимо введения особо квалифицированного состава, изменениями 2024 г. был усилен базовый и квалифицированный состав ст. 322.1 УК РФ. Установлен нижний порог наказания, а также расширен перечень отягчающих обстоятельств (ч. 2 ст. 322.1 УК РФ). Соответствующие изменения отражают распространенные схемы незаконной миграции: использование фальшивых паспортов и регистраций, эксплуатация онлайн-сервисов для подбора мигрантов, а также связь незаконной миграции с другими преступлениями (например, укрытие разыскиваемых преступников или подготовка базы для совершения преступлений). Теперь подобные случаи прямо обозначены в законе, что устраняет пробелы в квалификации и позволяет строже наказывать виновных.

Изменения 2024 г. затронули и смежные составы, закрепленные в УК РФ. Ужесточено наказание за так называемые «фиктивные миграционные действия» — преступления, предусмотренные ст. 322.2 и 322.3 УК РФ. Таким образом, действия, связанные с созданием видимости легального статуса для мигрантов, теперь отнесены к категории преступлений средней тяжести. Это продиктовано практикой: данные деяния часто являются частью схем организации незаконной миг-

рации. Повышение санкций позволит строже преследовать лиц, обеспечивающих инфраструктуру для нелегального пребывания мигрантов (например, владельцев жилья, оформляющих фиктивную регистрацию за плату).

Следующим новшеством стало введение специальной конфискации имущества, полученного преступным путем от организации незаконной миграции посредством дополнения ст. 104.1 УК РФ. Это важное дополнение: ранее конфискация прямо не упоминалась в контексте миграционных преступлений, и изъятие доходов осложнялось необходимостью доказывать их преступное происхождение в отдельных процедурах. Теперь же законодательно закреплено, что если организатор незаконной миграции действовал ради выгоды (а такие преступления почти всегда совершаются с корыстной целью), государство может конфисковать вырученные средства. Данная мера направлена на лишение преступников экономического стимула и удар по организаторам незаконной миграции как по представителям теневого бизнеса. Можно ожидать, что угроза потери криминальных доходов в сочетании с длительными сроками заключения значительно повысит уровень сдерживания: преступление станет не только опасным, но и экономически невыгодным.

Наконец, еще одним важным шагом стало внесение изменения в общий перечень отягчающих обстоятельств посредством включения нового отягчающего обстоятельства: совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации (п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Это нововведение означает, что статус незаконного мигранта сам по себе отягчает ответственность за любое совершенное им преступление. Например, если иностранный гражданин, не имеющий законных оснований находиться в стране, совершает кражу или иное преступление, суд при назначении наказания обязан учесть данный факт как отягчающий. Даная мера направлена на укрепление превентивной функции уголовного закона: лицо, пребывающее в Российской Федерации нелегально, должно понимать, что любое противоправное деяние в таком статусе влечет более строгое наказание. Кроме того, новелла имеет и важный символический смысл — она подчеркивает недопустимость нахождения в стране вне правового поля. В совокупности с другими поправками (увеличением санкций по «миграционным» статьям) это создает более целостную систему противодействия: и организаторы, и сами нелегалы теперь сталкиваются с более строгим подходом уголовного права.

Таким образом, вступившие в силу поправки 2024 г. существенно изменили уголовно-правовой ландшафт в сфере миграции, усилив санкции и закрыв ряд законодательных лакун. Однако возникает вопрос: решат ли эти меры обозначенные проблемы полностью или же требуются дополнительные шаги? Для ответа необходимо оценить перспективы и возможные трудности практической реализации новых норм.

Во-первых, новые пределы санкций объективно должны сократить применение условного осуждения. Дальнейшая практика покажет, будет ли отмечено снижение активности таких преступных групп. Пока что, за период 2024–2025 гг., правоохранительные органы, напротив, фиксировали активизацию усилий по раскрытию крупных каналов незаконной миграции. Показательным стал случай в декабре 2025 г., когда ФСБ совместно с МВД пресекли деятельность межрегиональной преступной группы, легализовавшей более 2 тыс. мигрантов из стран Азии и Ближнего Востока и получившей преступный доход не менее 500 млн руб. [1]. В ходе операции был задержан 21 участник группировки, проведены десятки обысков, изъяты многочисленные поддельные миграционные документы и денежные средства. Примечательно, что уголовные дела возбуждены по ч. 3 ст. 322.1 УК РФ, т. е. уже по новой норме с квалификацией «организованная группа». Этот пример демонстрирует решимость правоохранительных органов реализовать новации законодательства на практике.

Во-вторых, эффективность мер во многом зависит от материально-технического и организационного обеспечения выявления правонарушений. Усиление наказания само по себе не увеличивает раскрываемость преступлений. В этой связи позитивным является то, что параллельно с изменениями в УК РФ предпринимаются и организационные меры. Так, МВД России с 2021 г. ввело обязательную дактилоскопическую регистрацию трудовых мигрантов и их медицинское освидетельствование. По словам Министра внутренних дел России В. А. Колокольцева, эти меры позволили на четверть увеличить количество выявляемых нелегалов и более чем вдвое увеличить выявление преступлений, связанных с организацией незаконной миграции [5]. Данный факт указывает, что современные технологии учета (биометрия, межведомственные базы данных) значительно укрепляют потенциал борьбы с миграционными преступлениями.

Перспективным направлением представляется дальнейшая цифровизация миграционного контроля [4, с. 109–110] — создание единой информационной системы, отслеживающей в реальном времени статус нахождения иностранных граждан и фиксирующей подозрительные действия (например, массовую регистрацию по одному адресу). В сочетании с жесткими уголовно-правовыми санкциями это даст синергетический эффект. Безнаказанность, ранее подкреплявшаяся слабым контролем, должна быть окончательно сломлена совмещением законодательства и технологий.

В-третьих, важнейшим условием успешного противодействия незаконной миграции остается международное сотрудничество. Поскольку каналы незаконной миграции имеют трансграничный характер, усиление наказания внутри одной страны может привести лишь к частичной нейтрализации проблемы. Преступные группы могут перераспределять маршруты, использовать «тихие гавани» в соседних государствах для подготовки поддельных документов и т. д. Поэтому перспективно развитие соглашений с государствами — основными поставщиками мигрантов (странами СНГ, Центральной Азии) — о совместных мерах борьбы. Речь идет об обмене оперативной информацией, координации пограничного контроля, совместных операциях против организаторов каналов.

Наконец, нельзя забывать и о профилактической составляющей. Ужесточение уголовного закона — это мера реагирования, «последний рубеж», срабатывающий после совершения преступления. Для снижения притока незаконных мигрантов необходимо устранять коренные причины. На государственном уровне предпринимаются шаги по совершенствованию миграционного законодательства в целом: упорядочению выдачи разрешений на работу, внедрению экзаменов по языку и правовым основам, ликвидации возможностей для фиктивной регистрации через реформу институтов миграционного учета. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что привлечение иностранной рабочей силы должно основываться на потребностях экономики и сопровождаться адаптацией мигрантов посредством знания ими языка, уважения к законам и традициям страны [2]. Выполнение этих условий будет способствовать тому, что миграция станет контролируемой и легальной, снизится мотивация прибегать к услугам преступных «посредников». Таким образом, основной стратегией должно стать сочетание жесткого пресечения нелегальных схем (через уголовное наказание) с созданием цивилизованных условий для законной миграции и интеграции добросовестных иностранных работников. Например, упрощение и ускорение процедур легального оформления труда мигрантов лишит нелегальный бизнес части «клиентуры», а повышение ответственности работодателей за наем незаконных мигрантов сократит спрос на нелегальную рабочую силу.

Подводя итог данной части, представляется целесообразным отметить, что ужесточение наказания — необходимый, но недостаточный шаг. Оно даст эффект лишь в комплексе с иными усилиями государства. Тем не менее, важность уголовно-правовых мер трудно переоценить: они выполняют роль силового барьера, который должен остановить наиболее опасные проявления незаконной миграции и четко обозначить недопустимые границы.

Выводы. Проведенное исследование показало, что незаконная миграция представляет серьезную угрозу общественной безопасности и требует решительного противодействия средствами уголовного права.

Результаты исследования указывают и на то, что ужесточение уголовных норм — лишь часть решения проблемы. Для достижения максимального эффекта необходимо параллельно совершенствовать работу правоохранительных органов (внедрение современных методов выявления, оперативное взаимодействие служб), развивать международное сотрудничество в пресечении трансграничных каналов и улучшать миграционное законодательство в целом, чтобы снизить предпосылки незаконной миграции.

Основные направления дальнейшего совершенствования законодательства могут включать:

- систематизацию норм о наказании работодателей за использование труда незаконных мигрантов;
- дифференциацию ответственности самих незаконных мигрантов с акцентом на меры, стимулирующие добровольную легализацию или выезд;
- повышение ответственности должностных лиц за содействие миграционным нарушениям.

При этом недопустимо ущемление прав добросовестных иностранных работников — уголовно-правовое принуждение должно адресоваться именно организаторам противоправных схем и злостным нарушителям.

В целом, опыт 2024–2025 гг. в Российской Федерации демонстрирует политическую волю к решению проблемы незаконной миграции. Ужесточение уголовного законодательства стало закономерной реакцией на обострившуюся ситуацию и соответствует

мировым трендам борьбы с незаконной миграцией как преступным явлением. Первые признаки реализации этих мер дают осторожный оптимизм: крупные каналы начинают выявляться и ликвидироваться, а неотвратимость строгого наказания становится реальностью, а не декларацией. Вместе с тем, как гласит известный принцип, наказание эффективно там, где ему сопутствует неотвратимость и поддержка общества. Общество же, в свою очередь, должно видеть, что государство борется не с миграцией как таковой, а именно с ее незаконными формами, опасными для страны. Только в этом случае принимаемые меры будут легитимны и результативны. Незаконная миграция должна перейти из разряда «криминального бизнеса» в разряд неоправданного риска, и обновленное уголовное законодательство призвано сыграть решающую роль в достижении этой цели.

Список источников

1. В пяти регионах задержали организаторов нелегальной миграции // URL: https://tass.ru/proisshestviya/25994207

2. Выступление В. В. Путина на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» от 7 ноября 2024 г. // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/75521

3. Байбурина Э. Р. Организация незаконной миграции: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

4. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Применение цифровых технологий в процессе публичного управления миграционными процессами в Российской Федерации // Lex Russica. 2023. № 12 (205). С. 101–112.

5. СКР: в 2024 г. преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти втрое // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7197764

6. Костюк М. Ф., Кунц Е. В. Незаконная миграция как внутренняя угроза уголовно-исполнительной системе // Миграционное право. 2025. № 4. С. 31–33.

7. Песков: проблему для России представляют не мигранты, а нелегалы // URL: https://ria.ru/20241122/peskov-1985131040.html

8. Число осужденных за легализацию мигрантов в РФ в 2023 г. выросло на 27 % // URL: https://tass.ru/obschestvo/20611511

9. Фоменко Д. Д. Организация незаконной миграции в контексте российского, международного и зарубежного опыта криминализации. Краснодар, 2022.

References

1. Organizers of illegal migration were detained in five regions // URL: https://tass.ru/proisshestviya/25994207

2. V. V. Putin's speech at the plenary session of the Valdai Discussion Club on November 7, 2024 // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/75521

3. Baiburina E. R. Organization of illegal migration: criminal law and criminological aspects: diss. ... candidate of legal sciences. Chelyabinsk, 2010.

4. Zherebtsov A. N., Malyshev E. A. The use of digital technologies in the process of public management of migration processes in the Russian Federation // Lex Russica. 2023. No. 12 (205). P. 101–112.

5. The Investigative Committee of Russia: in 2024, crime among illegal migrants increased almost threefold // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7197764

6. Kostyuk M. F., Kunts E. V. Illegal migration as an internal threat to the penal system // Migration law. 2025. No. 4. P. 31–33.

7. Peskov: the problem for Russia is not migrants, but illegal immigrants // URL: https://ria.ru/20241122/peskov-1985131040.html

8. The number of people convicted of legalizing migrants in the Russian Federation increased by 27 % in 2023 // URL: https://tass.ru/obschestvo/20611511

9. Fomenko D. D. Organization of illegal migration in the context of Russian, international and foreign criminalization experience. Krasnodar, 2022.

Информация об авторе

П. А. Акименко — ведущий научный сотрудник, старший советник юстиции Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

P. A. Akimenko — Senior Researcher, Senior Advisor of Justice at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 343
EDN: https://elibrary.ru/jliece
NIION: 2022-0089-1/26-370
MOSURED: 77/27-031-2026-01-370

Объект и предмет преступлений, посягающих на культурные ценности по уголовному законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия

Алексей Владимирович Бородин
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, bomg@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются объект и предмет преступлений, посягающих на культурные ценности, в сравнительно-правовом аспекте уголовного законодательства Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. Анализируются доктринальные подходы к определению непосредственного объекта преступлений, выявляются проблемы бланкетности и терминологической разнородности российского регулирования, влияющие на квалификацию. На примере германского права показываются особенности расширенного понимания культурных ценностей (kulturgut), специального законодательного регулирования и экспертного обеспечения. Формулируются предложения по унификации терминологии и совершенствованию уголовно-правовой охраны культурных ценностей с учетом современных форм их существования.

Ключевые слова: культурные ценности, объект преступления, предмет преступления, уголовное право, сравнительно-правовой анализ, kulturgut

Для цитирования: Бородин А. В. Объект и предмет преступлений, посягающих на культурные ценности по уголовному законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 12–17. EDN: JLIECE.

Original article

The object and subject of crimes infringing on cultural property under the criminal legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany

Alexey V. Borodin
Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, bomg@mail.ru

Abstract. Considers the object and subject of crimes infringing on cultural values in the comparative legal aspect of the criminal legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. The author analyzes the doctrinal approaches to the definition of the direct object of crimes, identifies the problems of bluntness and terminological heterogeneity of Russian regulation affecting qualifications. Using the example of German law, the features of an expanded understanding of cultural values (kulturgut), special legislative regulation and expert support are shown. Proposals are formulated to unify terminology and improve the criminal law protection of cultural property, taking into account modern forms of their existence.

Keywords: cultural values, object of crime, subject of crime, criminal law, comparative legal analysis, kulturgut

For citation: Borodin A. V. The object and subject of crimes infringing on cultural property under the criminal legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. Forensic science and research. 2026;(1):12–17. (In Russ.). EDN: JLIECE.

Объект преступления является ключевым элементом состава и определяет характер и степень общественной опасности деяния. В уголовно-правовой доктрине объект преступления традиционно понимается как охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым причиняется вред преступным деянием [13]. Применительно к преступлениям, посягающим на культурные ценности, объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану объектов культурного наследия и иных культурно значимых объектов, предусмотренных соответствующими нормами УК РФ.

Культурное наследие обладает высокой общественной значимостью и нуждается в эффективной уголовно-правовой защите от противоправных посягательств. Для раскрытия специфики объекта в

© Бородин А. В., 2026

данной категории дел используется традиционное деление объекта на общий, родовой, видовой и непосредственный.

Общий объект преступлений представляет собой совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Родовой объект рассматриваемых преступлений соотносится с общественными отношениями в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, что обусловлено местом соответствующих норм в структуре Особенной части УК РФ. Видовой объект связан с охраной общественной нравственности, поскольку посягательства на культурные ценности затрагивают ценностные основания общества и его культурное наследие.

Наконец, непосредственный объект преступлений, связанных с посягательствами на культурные ценности, вызывает наибольшие дискуссии в научной среде. Различные исследователи предлагают разные трактовки непосредственного объекта. Некоторые авторы считают, что им является вся культура народа и его историческая ценность [6; 8; 9]. Другие полагают, что непосредственным объектом выступает безопасность Российской Федерации в национальной и духовной сферах [5]. Третьи сужают понятие до общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения безопасности памятников культуры [7]. На наш взгляд, наиболее точным представляется определение непосредственного объекта как общественных отношений, возникающих при сохранении культурных ценностей от преступных посягательств. Такой подход позволяет учесть специфику рассматриваемых преступлений и в то же время не расширяет понятие объекта чрезмерно.

Важно отметить, что правильное определение объекта преступления имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

В правовом поле определение культурных ценностей в российском праве во многом носит бланкетный характер, что осложняет квалификацию. Так, Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» относит к ним движимые предметы материального мира, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение, однако не закрепляет достаточных критериев их отграничения от иных объектов [15].

В научной литературе также отсутствует единый подход к определению культурных ценностей. Некоторые исследователи, опираясь на философские концепции, рассматривают культурные ценности как высшее проявление идеального мира, воспринимаемое людьми [14]. Другие акцентируют внимание на материальной составляющей культурных ценностей, подчеркивая необходимость их обособления от окружающего мира и закрепления на материальном носителе [10].

В немецком уголовном праве понятие «культурные ценности» (Kulturgьter) определяется более широко, чем в российском законодательстве. Согласно § 304 Уголовного кодекса Германии (Strafgesetzbuch, StGB), к культурным ценностям относятся «предметы искусства, науки, ремесла или торговли, находящиеся в общественных коллекциях или выставленные для публичного обозрения, а также предметы, которые служат общественным целям или украшают общественные пути, площади или сооружения» [16]. Это позволяет включить в круг охраняемых объектов, например, современные произведения уличного искусства или временные инсталляции, что отвечает современным тенденциям в искусстве и культуре.

Кроме того, немецкое законодательство отдельно выделяет категорию «национально ценного культурного достояния» (national wertvolles Kulturgut), которая определяется в Законе о защите культурных ценностей (Kulturgutschutzgesetz, KGSG) [17]. Эта категория включает объекты, имеющие особое значение для культурного наследия Германии, и пользуется повышенной правовой защитой.

Такой дифференцированный подход к определению предмета преступления может быть полезен для совершенствования российского законодательства, так как позволяет более точно определить степень общественной опасности деяния в зависимости от значимости конкретного культурного объекта, расширить круг охраняемых объектов и адаптироваться к современным формам культурного самовыражения. Как отмечает немецкий правовед Клаус Тидеманн, такой подход позволяет обеспечить более эффективную защиту культурного наследия, включая не только традиционные объекты искусства и истории, но и современные произведения, имеющие культурную значимость [4].

Традиционно предмет посягательства в уголовном праве связывается с материальным объектом, однако современные формы фиксации культурных ценностей ставят вопрос о защите объектов, суще-

ствующих в цифровой форме (цифровые произведения, электронные модели, цифровые копии). Это требует уточнения подходов к предмету посягательства и к доказательственной оценке культурной значимости таких объектов.

Предмет посягательств на культурные ценности характеризуется тем, что он обладает самостоятельной культурно-исторической (научной, художественной) значимостью, что влияет на оценку общественной опасности деяния. Для признания объекта культурной ценностью на практике нередко требуется специальная экспертиза, особенно в случаях археологических находок либо малоизвестных предметов. При этом отнесение объекта к культурным ценностям не обязательно зависит от его формальной регистрации или постановки на учет; определяющим является фактическая культурная (историческая, научная, художественная) значимость.

В немецкой правовой системе роль экспертизы в определении культурной ценности предмета имеет свои особенности. Согласно § 256 Уголовно-процессуального кодекса Германии (Strafprozessordnung, StPO), заключения экспертов об оценке культурных ценностей могут быть представлены в письменной форме без необходимости личного присутствия эксперта в суде [18]. Данное положение значительно упрощает процедуру рассмотрения дел, связанных с преступлениями против культурных ценностей, и позволяет более оперативно принимать решения.

Кроме того, в Германии существует система аккредитованных экспертов по культурным ценностям (öffentlich bestellte und vereidigte Sachverständige für Kulturgut), которые имеют специальную подготовку и полномочия для проведения экспертиз в этой области [1]. Это обеспечивает высокий уровень профессионализма и объективности при определении культурной ценности предметов.

Опыт Германии в организации системы экспертной оценки культурных ценностей может быть полезен для совершенствования российской практики. Внедрение системы аккредитованных экспертов и упрощение процедуры представления экспертных заключений в суде могли бы способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях против культурных ценностей.

Особого внимания заслуживает экономический признак предмета преступления. Традиционно предмет хищения должен обладать свойством стоимости, и культурные ценности не являются исключением. Однако определение стоимости культурных ценностей представляет значительную сложность, поскольку не все они могут быть оценены исключительно в экономических категориях. В этой связи представляется обоснованным мнение исследователей о том, что особенностью предметов, имеющих особую ценность, является наличие «нематериальной составляющей», определяемой их исторической, культурной или научной значимостью для общества [5]. Данный подход позволяет более полно учесть специфику культурных ценностей как предмета преступного посягательства.

В немецкой уголовно-правовой доктрине экономический аспект культурных ценностей как предмета преступления рассматривается в более широком контексте. Профессор Бернд Хайнрих отмечает, что экономическая ценность объекта не является определяющим фактором при квалификации преступлений против культурных ценностей [2].

Ключевой проблемой российского регулирования остается терминологическая разнородность: в уголовном законе параллельно используются категории «культурные ценности», «объекты культурного наследия», «предметы, имеющие особую ценность», что порождает неопределенность при квалификации и отграничении смежных составов. Как отмечает А. В. Петрянин, «отсутствие единого подхода к определению предмета преступного посягательства в рассматриваемой сфере существенно снижает эффективность уголовно-правовой охраны культурных ценностей» [11]. В ФРГ данная проблема в большей степени нивелируется использованием единого термина культурное наследие Kulturgut, содержание которого раскрывается в специальном законодательстве (KGSG).

Согласно § 2 Закона о защите культурных ценностей, под культурным достоянием понимаются:

1) движимые вещи или их совокупности, имеющие художественное, историческое или научное значение, в частности: археологические объекты, предметы изобразительного искусства, предметы декоративно-прикладного искусства, рукописи, архивные материалы, музыкальные инструменты, старинные книги, иные предметы коллекционирования;

2) части разобранных художественных или исторических памятников или археологических объектов;

3) неотъемлемые части художественных, исторических или религиозных памятников, которые были отделены от них;

4) недвижимые вещи, имеющие художественное, историческое или научное значение, в частности. Сюда относятся памятники архитектуры, памятники монументального искусства, археологические объекты, группы зданий, представляющие историческую или художественную ценность.

В научной литературе предлагаются различные варианты решения проблемы терминологического многообразия — от замены термина «культурные ценности» на «объекты, представляющие культурную ценность» до выделения всех преступлений данной категории в отдельную главу УК РФ. Представляется, что наиболее оптимальным было бы унифицировать терминологию, четко определив соотношение используемых понятий.

Что же касается проблемы систематизации и реструктуризации норм УК РФ, касающихся преступлений против культурных ценностей, то она является предметом активных научных дискуссий. Некоторые исследователи (например, М. А. Редчиц) указывают на необходимость консолидации норм, предусматривающих ответственность за посягательства на культурные ценности, в одном разделе или главе УК РФ [12]. М. А. Редчиц аргументирует это тем, что разобщенность норм не способствует оптимизации уголовно-правовой охраны культурных ценностей.

Действительно, сгруппировать соответствующие составы преступлений в рамках одной главы УК РФ, возможно, в разделе о преступлениях в сфере экономической деятельности, учитывая преимущественно материальный характер предмета посягательства, является довольно интересной идеей. К тому же в немецком уголовном праве преступления, посягающие на культурные ценности, в основном сосредоточены в Законе о защите культурных ценностей (KGSG). При этом § 83 KGSG предусматривает ответственность за различные формы посягательств на культурные ценности, включая их уничтожение, повреждение и нарушение требований по их сохранению. Как отмечает профессор Ульрих Зибер (Ulrich Sieber) из Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка: «Концентрация норм об ответственности за посягательства на культурные ценности в одном законодательном акте позволяет избежать проблем квалификации, возникающих при наличии смежных составов в разных нормативных актах» [3].

Однако следует отметить, что предлагаемая реструктуризация имеет ряд сложностей. Во-первых, не все предметы, подпадающие под действие указанных статей, являются культурными ценностями в строгом смысле этого слова. Во-вторых, существуют нормы, объединенные с рассматриваемыми составами признаками родового и видового объектов, в которых культурные ценности не являются предметом преступления (например, ст. 214 УК РФ «Вандализм» и ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений»).

Совершенствование уголовно-правовой охраны культурных ценностей целесообразно осуществлять комплексно, во взаимосвязи со специальным (административным и гражданским) регулированием режима охраны культурных объектов.

Таким образом, анализ российского и немецкого опыта в сфере уголовно-правовой охраны культурных ценностей позволяет сформулировать ряд выводов, предложений по совершенствованию отечественного законодательства.

1. Унификация терминологии. Наиболее точным представляется определение непосредственного объекта как общественных отношений, возникающих при сохранении культурных ценностей от преступных посягательств. Такой подход позволяет учесть специфику рассматриваемых преступлений и в то же время не расширяет понятие объекта чрезмерно. По примеру немецкого законодательства, где используется единый термин «Kulturgut», целесообразно ввести в российское законодательство единый термин для обозначения культурных ценностей, который будет последовательно использоваться во всех релевантных нормах.

2. Расширение предмета преступления. Следуя подходу немецкого законодателя, можно рассмотреть возможность включения в круг охраняемых объектов современных форм культурного самовыражения, таких как уличное искусство или временные инсталляции.

Список источников

1. Bundesverband Deutscher Sachverständiger und Fachgutachter e.V. (BDSF). Sachverständige für Kulturgut // URL: https://www.bdsf.de/sachverstaendige/fachgebiete/kulturgut

2. Heinrich B. Strafrecht. Allgemeiner Teil. 6. Aufl. Stuttgart : Kohlhammer, 2019. P. 178.

3. Sieber U. Schutz des kulturellen Erbes durch Strafrecht. Freiburg, 2018. S. 78.

4. Tiedemann K. Wirtschaftsstrafrecht: Einführung und Allgemeiner Teil. 5. Aufl. München: Verlag Franz Vahlen, 2017. P. 89.

5. Бабурин В. В., Мартышева О. М. Предмет преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 1 (56). С. 23–28.

6. Бородин А. В., Осокин Р. Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 101–107.

7. Кулыгин В. В. Уголовно-правовая охрана культурного наследия в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительный анализ // Российско-китайское экономическое сотрудничество: практические аспекты правового регулирования. Владивосток : Владивостокский государственный университет, 2024. С. 72–81.

8. Макаров Д. А. Законодательство Российской Федерации в области охраны культурных ценностей: уголовно-правовое и уголовно-процессуальное содержание // Государство и право. 2024. № 4. С. 20–29.

9. Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения // Государство и право. 2012. № 7. С. 49–58.

10. Панфилов А. Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий (часть I) // Право и политика. 2011. № 2. С. 293–305.

11. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: очередной взгляд на проблему // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 600–602.

12. Редчиц М. А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2018.

13. Гаухман Л. Д. и др. Уголовное право России. Общая часть: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М. : ОМЕГА-Л, 2009.

14. Халиков И. А. Международно-правовая основа уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере охраны исторического и культурного наследия // Государство и право. 2024. № 1. С. 49–55.

15. Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ред. действующая) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Strafgesetzbuch (StGB) § 304 Gemeinschädliche Sachbeschädigung // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__304.html

17. Gesetz zum Schutz von Kulturgut (Kulturgutschutzgesetz — KGSG) § 6 National wertvolles Kulturgut // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kgsg/__6.html

18. Strafprozessordnung (StPO) § 256 Verlesung von Erklärungen // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__256.html

References

1. Bundesverband Deutscher Sachverständiger und Fachgutachter e.V. (BDSF). Sachverständige für Kulturgut // URL: https://www.bdsf.de/sachverstaendige/fachgebiete/kulturgut

2. Heinrich B. Strafrecht. Allgemeiner Teil. 6. Aufl. Stuttgart : Kohlhammer, 2019. P. 178.

3. Sieber U. Schutz des kulturellen Erbes durch Strafrecht. Freiburg, 2018. S. 78.

4. Tiedemann K. Wirtschaftsstrafrecht: Einführung und Allgemeiner Teil. 5. Aufl. München: Verlag Franz Vahlen, 2017. P. 89.

5. Baburin V. V., Martysheva O. M. The subject of the crime under art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1 (56). P. 23–28.

6. Borodin A. V., Osokin R. B. The concept and signs of cultural values // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. P. 101–107.

7. Kulygin V. V. Criminal and legal protection of cultural heritage in the Russian Federation and the People's Republic of China: a comparative analysis // Russian-Chinese economic cooperation: practical aspects of legal regulation. Vladivostok : Vladivostok State University, 2024. P. 72–81.

8. Makarov D. A. Legislation of the Russian Federation in the field of protection of cultural property: criminal law and criminal procedural content // State and law. 2024. No. 4. P. 20–29.

9. Osokin R. B., Kursaev A. V. Criminal and legal assessment of the abduction, destruction or damage of

property from the bodies of the deceased or their burial sites // State and law. 2012. No. 7. P. 49–58.

10. Panfilov A. N. Cultural values and objects of cultural heritage: the problem of unification of concepts (part I) // Law and Politics. 2011. No. 2. P. 293–305.

11. Petryanin A. V. Conceptual foundations of countering extremist crimes: another look at the problem // Legal technology. 2023. No. 17. P. 600–602.

12. Redchits M. A. Criminal and legal protection of cultural heritage objects: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2018.

13. Gaukhman L. D. et al. Russian criminal law. General part: textbook for students of higher educational institutions studying in the field of «Jurisprudence». M. : OMEGA-L, 2009.

14. Khalikov I. A. International legal basis of the criminal law policy of the Russian Federation in the field of protection of historical and cultural heritage // State and law. 2024. No. 1. P. 49–55.

15. The Law of the Russian Federation of April 15, 1993, No. 4804-1 «On the export and import of cultural property» (current edition) // LRS «ConsultantPlus».

16. Strafgesetzbuch (StGB) § 304 Gemeinschädliche Sachbeschädigung // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__304.html

17. Gesetz zum Schutz von Kulturgut (Kulturgutschutzgesetz — KGSG) § 6 National wertvolles Kulturgut // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kgsg/__6.html

18. Strafprozessordnung (StPO) § 256 Verlesung von Erklärungen // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__256.html

Библиографический список

1. Осокин Р. Б. Объективные признаки состава уничтожения или повреждения культурных ценностей // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 9 (43). С. 196–202.

2. Осокин Р. Б. Отграничение уничтожения или повреждения культурных ценностей от преступлений, смежных с ним по составу // Дифференциация ответственности за должностные преступления: сб. науч. ст. М. : Издательский дом «Юриспруденция», 2019. С. 118–122.

3. Осокин Р. Б. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности по уголовному законодательству Исламской республики Иран // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 144–147.

Bibliographic list

1. Osokin R. B. Objective signs of the composition of destruction or damage of cultural values // Socio-economic phenomena and processes. 2012. No. 9 (43). P. 196–202.

2. Osokin R. B. Distinguishing the destruction or damage of cultural property from crimes related to it in terms of composition // Differentiation of responsibility for official offenses: a collection of scientific articles. M. : Publishing House «Jurisprudence», 2019. P. 118–122.

3. Osokin R. B. Criminal law protection of public morality under the criminal legislation of the Islamic Republic of Iran // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 4. P. 144–147.

Информация об авторе

А. В. Бородин — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Information about the author

A. V. Borodin — Senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 03.03.2026.

Научная статья
УДК 343.98.062
EDN: https://elibrary.ru/jydxga
NIION: 2022-0089-1/26-371
MOSURED: 77/27-031-2026-01-371

Возможности проведения идентификационных исследований замков с цилиндровым механизмом, отпертых методом самоимпрессии

Андрей Васильевич Гончаров
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия,
gonchar_andr@mail.ru

Аннотация. Использование специализированного инструментария и методов вскрытия замочных устройств является одной из наиболее сложных проблем в криминалистическом расследовании преступлений против собственности. Высокий профессионализм преступников и продуманность действий существенно осложняют процесс выявления виновных лиц и доказательства вины. Исследование посвящено изучению особенностей анализа цилиндровых замков, подвергшихся воздействию метода самоимпрессии, широко применяемого злоумышленниками при совершении квартирных краж.

Цель исследования заключается в выявлении характерных следов инструмента на элементах цилиндрового механизма, позволяющих идентифицировать конкретные средства взлома и подтвердить участие конкретных лиц в противоправных действиях. Для достижения поставленной цели проведен ряд экспериментальных исследований, направленных на воспроизведение процесса открытия замков данным способом. Полученные результаты позволили выявить признаки, позволяющие определить применение специальных отмычек, имеющих существенное значение в качестве доказательств при рассмотрении уголовных дел.

Представленные выводы имеют важное теоретическое и практическое значение для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, совершенных путем незаконного проникновения в жилые помещения посредством манипуляции замковыми механизмами.

Ключевые слова: криминальное отпирание, отмычки, замки с цилиндровым механизмом, метод самоимпрессии

Для цитирования: Гончаров А. В. Возможности проведения идентификационных исследований замков с цилиндровым механизмом, отпертых методом самоимпрессии // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 18–23. EDN: JYDXGA.

Original article

The possibility of conducting identification studies of locks with a cylinder mechanism unlocked by self-compression

Andrey V. Goncharov
Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russia,
gonchar_andr@mail.ru

Abstract. The use of specialized tools and methods for opening locking devices is one of the most difficult problems in the forensic investigation of crimes against property. The high professionalism of the criminals and the thoughtfulness of their actions significantly complicate the process of identifying the perpetrators and proving guilt. The study is devoted to the study of the features of the analysis of cylinder locks exposed to the method of self-suppression, widely used by intruders when committing burglaries.

The purpose of the study is to identify characteristic tool marks on the elements of the cylinder mechanism, which make it possible to identify specific hacking tools and confirm the participation of specific individuals in illegal actions. To achieve this goal, a number of experimental studies have been conducted aimed at reproducing the process of opening locks in this way. The obtained results made it possible to identify signs that make it possible to determine the use of special lock picks that are essential as evidence in the consideration of criminal cases.

The presented conclusions have important theoretical and practical significance for improving the effectiveness of the detection and investigation of crimes committed by illegally entering residential premises through the manipulation of locking mechanisms.

Keywords: criminal unlocking, lock picks, cylinder locks, method of self-repression

For citation: Goncharov A. V. The possibility of conducting identification studies of locks with a cylinder mechanism unlocked by self-compression. Forensic science and research. 2026;(1):18–23. (In Russ.). EDN: JYDXGA.

В статье подробно изложен проведенный анализ по результатам исследования цилиндровых механизмов с исключительно горизонтально расположенной ключевой скважиной (рис. 1), штатным для которых является ключ с перфорацией (рис. 2). В результате проведенной работы был выявлен комплекс следов, оставляемых следов при использовании метода самоимпрессии, зависящий от множества факторов:

© Гончаров А. В., 2026

♦ качества метала роторов и компараторов цилиндрового механизма;

♦ состояние самого цилиндрового механизма (наличие смазки, загрязнение каналов компараторов и пружин);

♦ качества используемой фольги или полимерного материала (в некоторых случаях используется материал на полимерной основе);

♦ навыка преступника.

Рассмотрим каждый фактор, влияющий на характер оставляемых следов при использовании метода самоимпрессии, в отдельности.

1. Качество метала роторов и кодовых штифтов цилиндрового механизма.

В некоторых цилиндровых механизмах внутренняя часть роторов, а также кодовых штифтов имеют дефекты в виде мелких рытвин и выкрашенностей металла, что затрудняет выявление следов постороннего предмета (рис. 3).

Рис. 1. Горизонтально расположенная ключевая скважина цилиндрового механизма

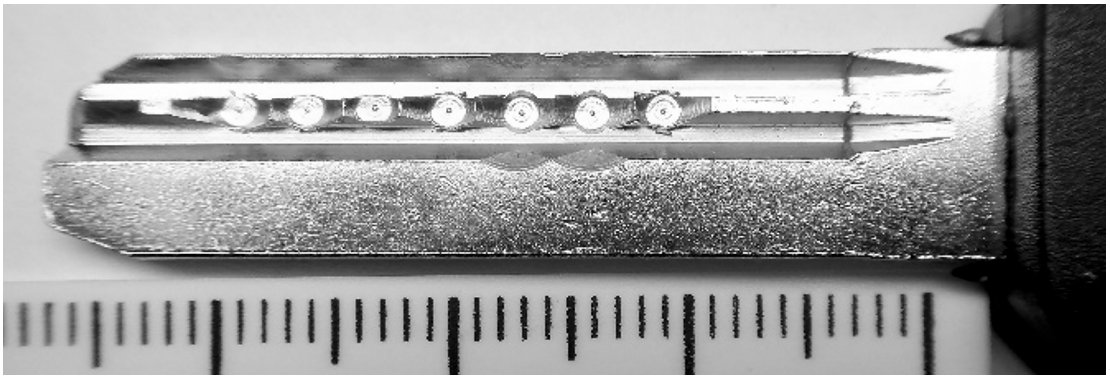

Рис. 2. Штатный ключ с перфорацией

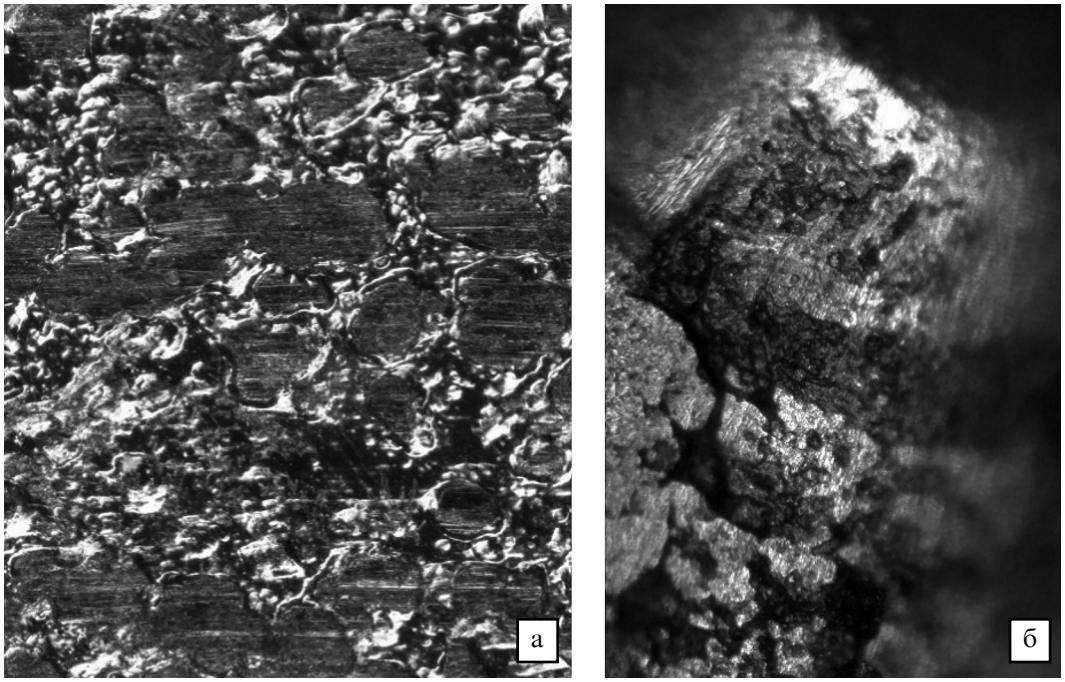

Рис. 3. Увеличенное изображение: а — части ротора; б — кодового штифта

Рис. 4. Увеличенное изображение внутренней части ротора

2. Состояние самого цилиндрового механизма (наличие смазки, загрязнение каналов штифтов и пружин).

Рис. 5. Сверху вниз — пищевая фольга; фольга на самоклеющейся основе; строительная фольга; фольга в наборе (при покупке)

В данном случае при наличии обильной густой смазки в сочетании с пылью делают поверхность мало восприимчивой к образованию следов (рис. 4).

3. Качество используемой фольги.

Данное обстоятельство играет важнейшую роль в отображении следов как на роторе, так и на кодовых штифтах (рис. 5).

Так как при использовании метода самоимпрессии край фольги загибается на переднюю часть отмычки, для предотвращения замятия и разрыва фольги при вводе в ключевую скважину основное воздействие на ротор осуществляется именно этой частью. Ввиду того, что следообразующая часть отмычки закрыта фольгой, то следы могут отобразиться частично или вовсе не отобразиться (рис. 6). Далее при продвижении отмычки внутри цилиндра фольга от трения может повредиться как полностью, так и частично, «оголив» край отмычки — в данном случае следы будут оставлены непосредственно отмычкой (рис. 7).

В случае применения более плотной фольги следы на кодовых штифтах следы могут отобразиться частично или вовсе не отобразиться.

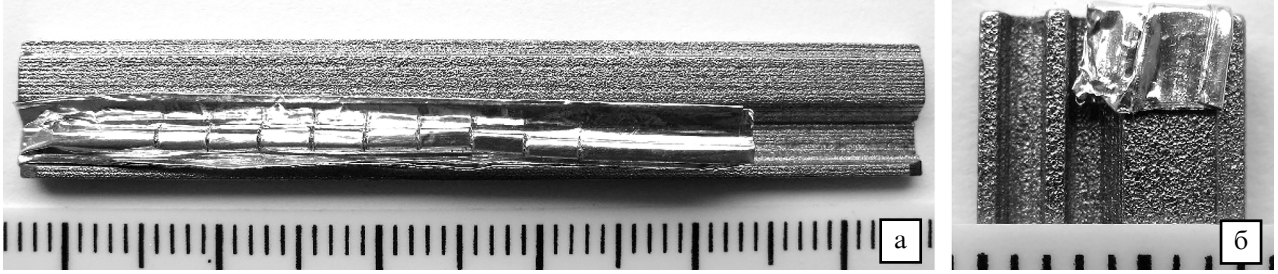

Рис. 6. Отмычка для самоимпрессии с фольгой: а — лицевая сторона; б — передняя часть оборотной стороны

На практике встречались случаи применения фольги на самоклеющейся основе — в данном случае фольга клеится непосредственно на отмычку, загибание на передний край уже не производится — вследствие чего верхняя часть отмычки свободна и при отпирании замка оставляет весь комплекс следовой информации на верхней части ротора над кодовыми штифтами. Учитывая то, что материал фольги достаточно плотный при воздействии отмычки на кодовые штифты следы могут не отобразиться.

4. Навыка преступника.

В данном случае имеется ввиду способ ввода отмычки в ключевую скважину. Некоторые преступники для предотвращения повреждения фольги вводят отмычку под максимально возможным углом в ключевую скважину до «упирания» в верхнюю часть ротора, а затем плавно продвигают отмычку по ключевой скважине до штифта, вследствии чего следы имеют четкую границу остановки (рис. 8).

Далее при «упирании» в каждый кодовый штифт производят манипуляцию отмычкой: «качание» из стороны в сторону (слева направо или наоборот). Эти действия позволяют плавно ввести отмычку в ротор и обеспечить ее проход над штифтами с минимальной вероятностью повреждения фольги. Данный навык впоследствии может стать постоянным. Следы в данном случае отображаются в виде дуговых потертостей над каждым кодовым штифтом. Причем микрорельеф данных потертостей будет как раз зависеть от качества применяемой фольги. Чем хуже качество фольги, тем более высока вероятность ее повреждения; вследствие чего в дуговых потертостях будут видны трассы следов (рис. 9, 10). И наоборот, чем выше качество фольги, тем менее выраженней будет микрорельеф.

Проведенные эксперименты позволили выявить наиболее выраженные (информативные) следы, ос-

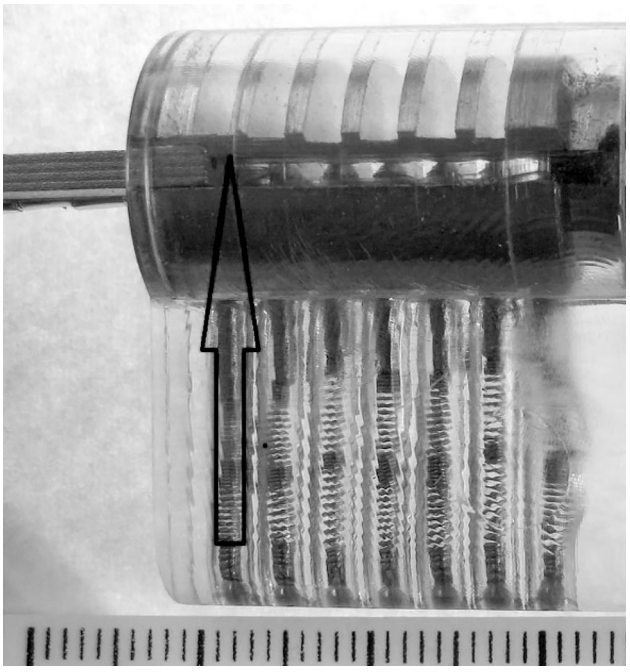

Рис. 7. Передняя часть отмычки контактирует с ротором

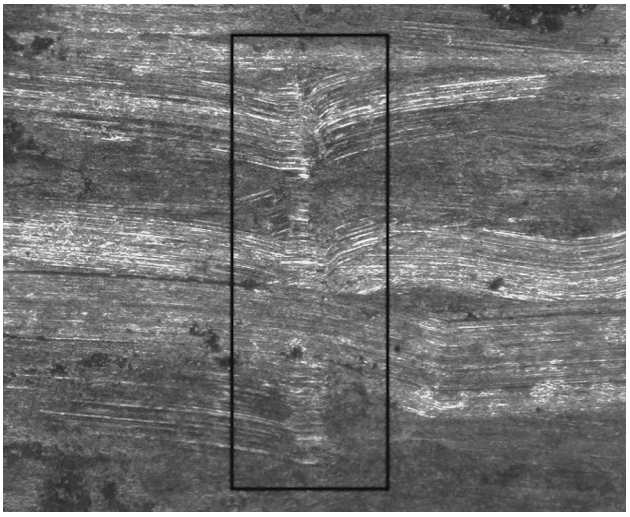

Рис. 8. Следы, оставленные отмычкой на внутренней части ротора (рамкой отмечена граница остановки отмычки)

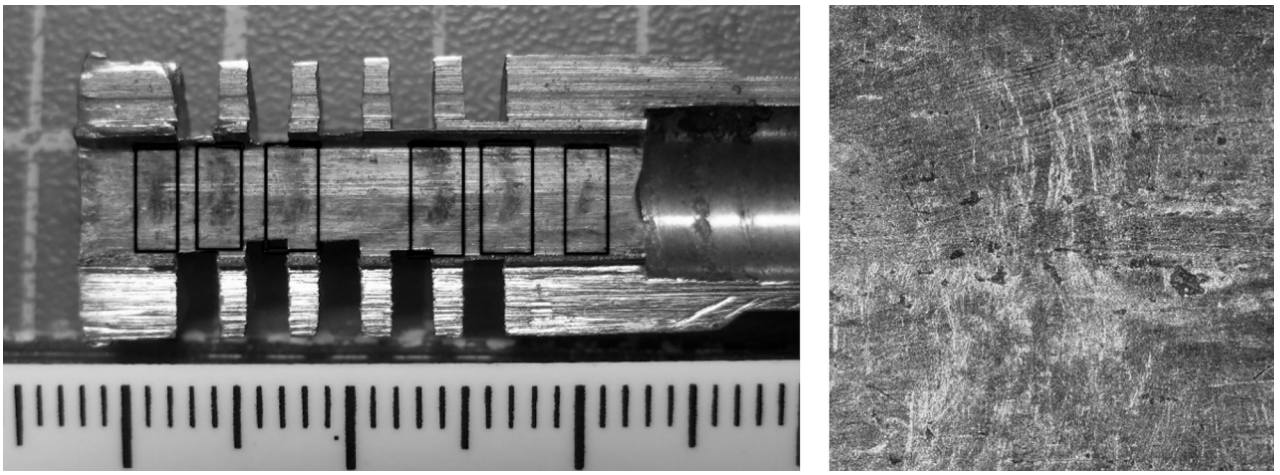

Рис. 9. Следы, оставленные отмычкой на внутренней части ротора (рамками отмечены дуговые потертости)

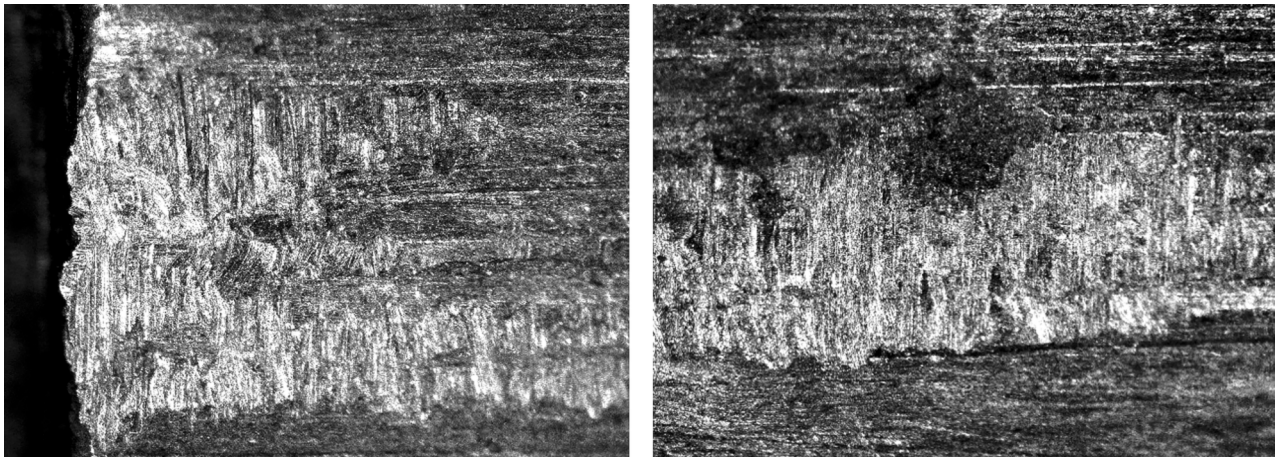

Рис. 10. Следы, оставленные отмычкой на внутренней части ротора

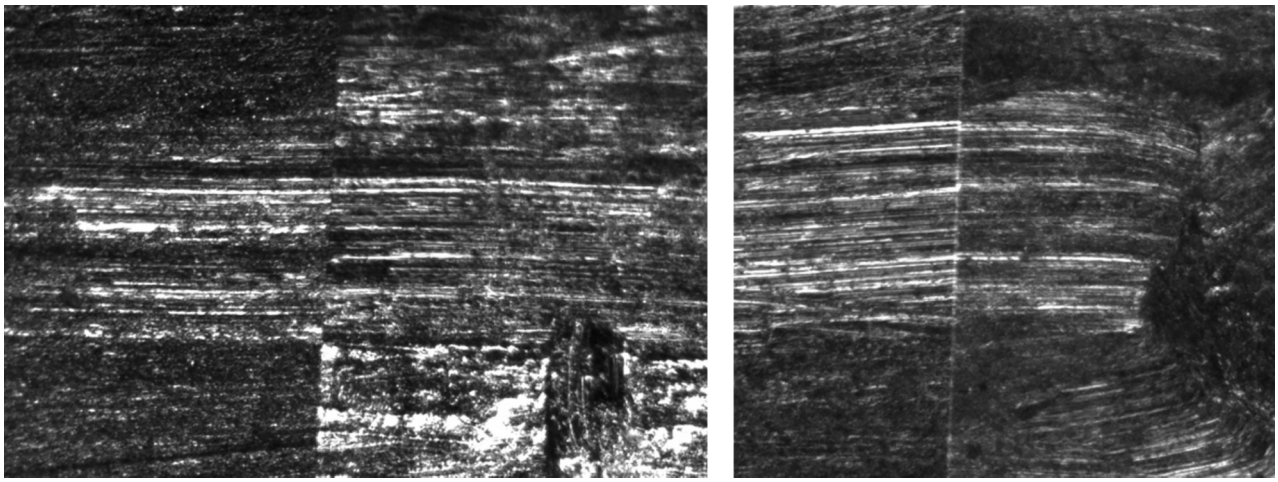

Рис. 11. Увеличенное изображение совмещения экспериментальных следов, отобразившихся на внутренних поверхностях ротора

тающиеся при отпирании замка методом самоимпрессии на внутренних поверхностях ротора (над кодовыми штифтами), а также на кодовых штифтах.

С целью возможной идентификации следообразующего объекта (отмычки) по обнаруженным следам, а также установления факта отпирания нескольких замков одним и тем же предметом (отмычкой) проводилось сравнительное исследование экспериментальных следов, отобразившихся на поверхностях роторов и на кодовых штифтах при отпирании цилиндровых механизмов замков методом самоимпрессии между собой, при помощи микроскопа «Leica FCM» (увеличение до 80-Х) (рис. 11, 12).

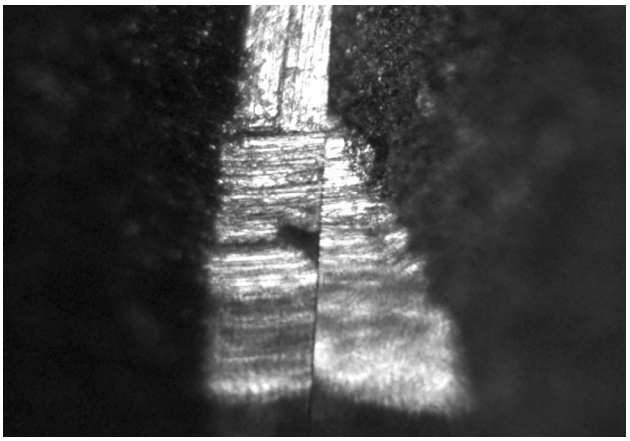

Рис. 12. Увеличенное изображение совмещенных экспериментальных следов, отобразившихся на кодовых штифтах

Наиболее сложным является сравнительное исследование следов, обнаруженных на кодовых штифтах. Это происходит ввиду того, что:

а) следовоспринимающая поверхность имеет малую площадь;

б) следы образовываются разными участками отмычки из-за различного секрета замков (взаиморасположение длинных и коротких штифтов);

в) штифты подпружинены и в процессе отпирания проворачиваются.

Дальнейшим сравнительным исследованием следов, обнаруженных на цилиндровых механизмах замков, изъятых с мест совершения квартирных краж со следами, экспериментально оставленными отмычка-

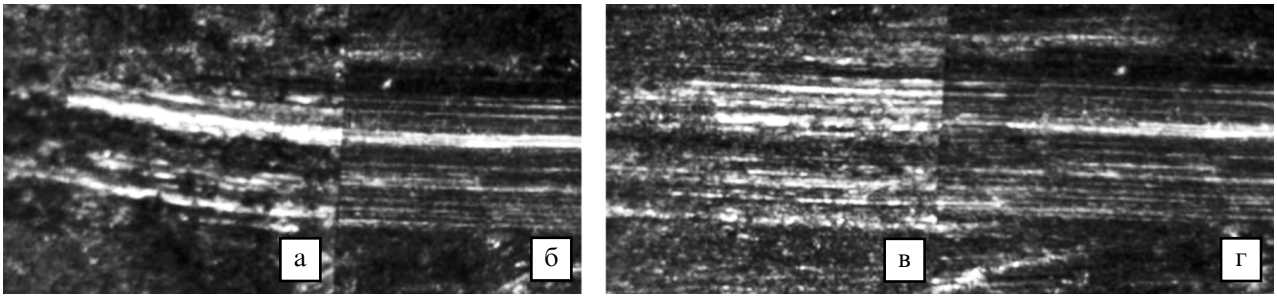

Рис. 13. Увеличенное изображение совмещенных экспериментальных следов, обнаруженных на внутренних поверхностях четырех разных роторов (а, б, в, г) цилиндровых механизмов, отпертых с помощью одной отмычки

ми, были установлены совпадения по общим признакам (месту обнаружения следов), а также по частным признакам (микрорельефу следов) (рис. 13, 14).

Исходя из полученных результатов были сделаны выводы о том, что следы посторонних предметов, обнаруженных на цилиндровых механизмах замков, изъятых с мест происшествий, оставлены отмычками используемой для отпирания замка методом самоимпрессии изъятыми у лиц, подозреваемых в совершении преступлений.

На основании изложенного можно рекомендовать экспертам проводить идентификационные исследования по следам, оставленных отмычками методом самоимпрессии, при обнаружении следующих групп следов:

1) следы, обнаруженные на внутренней части ротора совпадают как по локализации, так и по микрорельефу;

2) следы, обнаруженные на кодовых штифтах, совпадают между собой как по локализации, так и по микрорельефу.

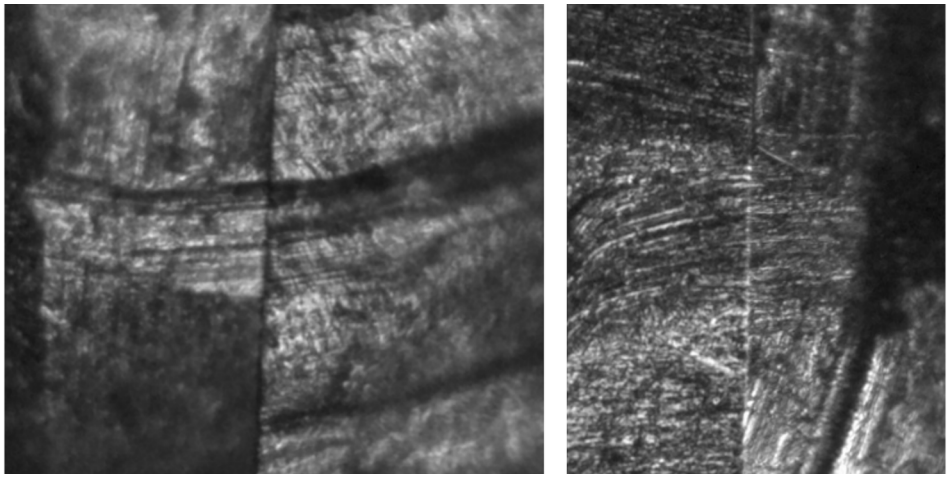

Рис. 13. Увеличенное изображение совмещенных экспериментальных следов, обнаруженных на внутренних поверхностях четырех разных роторов (а, б, в, г) цилиндровых механизмов, отпертых с помощью одной отмычки

Библиографический список

1. Гончаров А. В., Торчик М. А., Саркисов С. В. Метод самоимпрессии как один из способов отпирания замков с цилиндровым запирающим механизмом // Новая наука как результат инновационного развития общества. Сургут, 2017.

Bibliographic list

1. Goncharov A. V., Torchik M. A., Sarkisov S. V. The method of self-expression as one of the ways of unlocking locks with a cylinder locking mechanism // New science as a result of innovative development of society. Surgut, 2017.

Информация об авторе

А. В. Гончаров — Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России.

Information about the author

A. V. Goncharov — Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.
The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.

Научная статья
УДК 343.983
EDN: https://elibrary.ru/kokxoq
NIION: 2022-0089-1/26-372
MOSURED: 77/27-031-2026-01-372

Особенности психологической подготовки сотрудников экспертных подразделений

Алла Сергеевна Гребнева[1], Дмитрий Юрьевич Гребнев[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[2] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия
[1,2] allabotya@mail.ru

Аннотация. Анализируются специфические особенности подготовки сотрудников экспертных подразделений в области психологии. Рассмотрены наиболее часто встречающиеся проблемы в служебной деятельности сотрудников. Приведены примеры и методы преодоления последствий отрицательных факторов в их практической деятельности.

Ключевые слова: сотрудники экспертных подразделений, профессиональная деятельность, стресс, факторы стресса, психологическая подготовка, эмоциональный фон, тренинги

Для цитирования: Гребнева А. С., Гребнев Д. Ю., Особенности психологической подготовки сотрудников экспертных подразделений // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 24–27. EDN: KOKXOQ.

Original article

Features of psychological training for employees of expert units

Alla S. Grebneva[1], Dmitry Yu. Grebnev[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[2] All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Moscow, Russia
[1,2] allabotya@mail.ru

Abstract. Specific features of training of employees of expert units in the field of psychology are analyzed. The most common problems in employee performance were considered. Examples and methods of overcoming the consequences of negative factors in their practical activities are given.

Keywords: employees of expert units, professional activities, stress, stress factors, psychological training, emotional background, and training sessions

For citation: Grebneva A. S., Grebnev D. Yu. Features of psychological training for employees of expert units. Forensic science and research. 2026;(1):24–27. (In Russ.). EDN: KOKXOQ.

Сотрудники экспертных подразделений в период выполнения своих профессиональных задач подвергаются значительным психологическим и эмоциональным нагрузкам, обусловленным регулярным взаимодействием с доказательствами преступлений, часто связанных с актами насилия, трагическими событиями и человеческими жертвами. Осознание и контроль собственного эмоционального состояния выступают определяющими факторами, влияющими на их профессиональную результативность и способность качественно выполнять служебные обязанности [1]; т. е. профессиональная деятельность характеризуется постоянным воздействием стрессогенных факторов, включая высокий уровень ответственности, взаимодействие с травмирующим контентом, сжатые сроки для принятия решений, а также необходимость коммуникации с различными участниками следственного процесса. В таких условиях психологическая подготовка становится одним из ключевых компонентов профессиональной практики, направленных на обеспечение результативности работы и поддержание психоэмоционального благополучия [2].

На начальном этапе психологическая подготовка сотрудников экспертных подразделений предусматривает выявление стрессовых факторов, с ко-

© Гребнева А. С., Гребнев Д. Ю., 2026

торыми они сталкиваются в профессиональной деятельности. Это может включать не только работу непосредственно на месте происшествия, но и взаимодействие с потерпевшими, свидетелями, а также давление со стороны общественности и ожидания оперативного раскрытия преступлений. Способность своевременно распознавать источники напряжения и принимать меры для минимизации их негативного воздействия на психоэмоциональное состояние является крайне важной. Здесь же стоит отметить и неточности, допускаемые сотрудниками экспертных подразделений в рамках проводимых исследований, факторах и обстоятельствах (причинах), способствующих появлению таких неточностей в заключении эксперта. К основным причинам с точки зрения психофизиологии стоит отнести особенности личности эксперта и его физическое и эмоциональное состояние. Неаккуратность, поверхностное и несерьезное отношение к производству исследования, невнимательность, переутомление, болезнь, эмоциональность, суетливость.

Значительное место в подготовке сотрудников экспертных подразделений занимают методы обучения и тренировки, направленные на развитие стрессоустойчивости. В их число входит когнитивно-поведенческая терапия, которая помогает специалистам формировать навыки позитивного мышления и осваивать адаптивные модели поведения. Психологические тренинги, медитативные практики и техники релаксации способствуют развитию умения сохранять спокойствие и концентрацию в экстремальных условиях [3, с. 115–162].

Психологическая подготовка сотрудников экспертных подразделений в рассматриваемых условиях направлена на развитие стрессоустойчивости, освоение методов эмоционального самоконтроля, предупреждение профессионального выгорания, повышение результативности деятельности в условиях стресса [4].

С целью достижения результативности психологической подготовки сотрудников, необходимо выполнить следующие задачи:

♦ обучение методам саморегуляции (например, практикам осознанности и дыхательным техникам);

♦ развитие эмоционального интеллекта, включая способность управлять собственными эмоциями, а также понимать эмоциональные состояния других людей;

♦ отработка навыков принятия решений в условиях временного ограничения;

♦ создание условий для психологического восстановления после воздействия стрессовых факторов.

Немаловажной теоретической составляющей психологической подготовки будет изучение причины возникновения стрессовых реакций, механизмов влияния стресса на физическое и психическое состояние человека, стратегии преодоления и минимизации последствий стрессовых ситуаций, выявление и корректировка когнитивных ошибок, таких как эффект подтверждения, аффективная ошибка и гиперфокусировка [4].

Практическая составляющая обучения включает применение интерактивных методик — различных тренингов по управлению стрессом (освоение практик осознанности, выполнение дыхательных упражнений, использование медитации и прогрессивной мышечной релаксации). Актуальна и реализация ситуационного моделирования: воспроизведение реальных условий профессиональной деятельности (например, осмотр места происшествия, взаимодействие с участниками следственного процесса), применение технологий виртуальной реальности (VR) для создания максимально приближенных к реальности сценариев.

Результат процесса обучения предусматривает анализ поведения сотрудников экспертных подразделений в стрессовых ситуациях, предоставление конструктивной критики и рекомендаций по оптимизации действий.

Говоря о психологической подготовки сотрудников экспертных подразделений, стоит учитывать, что профессиональная служебная деятельность проходит в коллективном взаимодействии. Поэтому максимально благоприятной составляющей процесса обучения выступают групповые занятия. Групповые занятия способствуют развитию навыков командной работы и поддержки:

♦ обсуждение сложных случаев с коллегами;

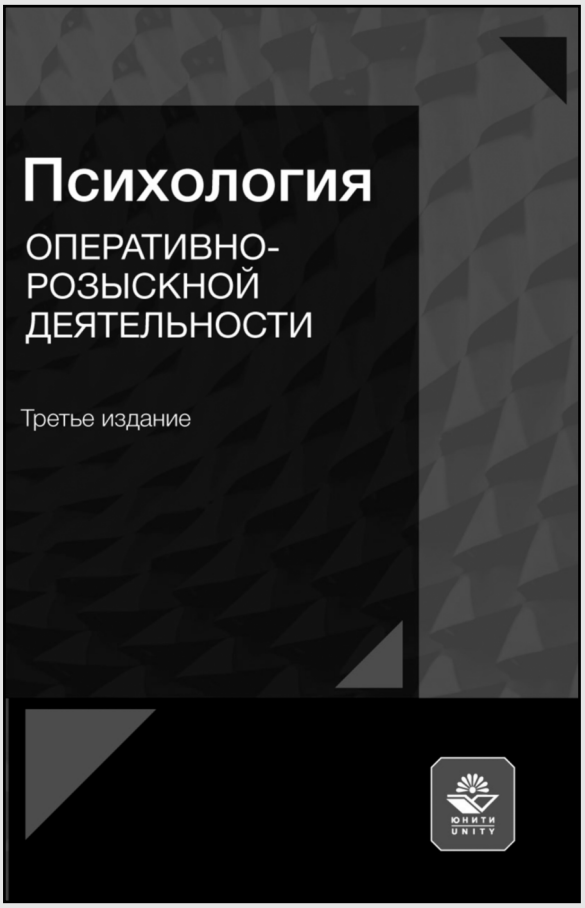
♦ совместное решение задач в условиях повышенного напряжения;

♦ формирование атмосферы доверия и взаимопомощи.

Важным элементом психологической подготовки является поддержка со стороны коллег и руководства. Формирование среды, характеризующейся доверием и взаимопомощью, а также обеспечение дос-

ПСИХОЛОГИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований
Под ред. В. Л. Цветкова, Н. А. Кузьмина, И. Б. Лебедева, А. Ю. Федотова

Учебное пособие включает систему основных понятий психологии оперативно-розыскной деятельности, рекомендации эффективного самоопределения в ситуациях взаимодействия с лицами, представляющими оперативный интерес, а также основы психотехники решения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел. Его содержание соответствует рабочим программам учебной дисциплины для обучающихся по специальностям 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка».

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

тупа к профессиональным консультациям (например, возможность обращения к психологу или психотерапевту), способствует осознанию сотрудниками того, что они не остаются один на один с психологическим напряжением.

В рамках психологической подготовки стоит учитывать важность личной жизни и увлечений, ценностных ориентаций каждого конкретного сотрудника.

Ценностные ориентации человека являются неотъемлемой частью его личности. Ценности выступают в роли так называемых регуляторов поведения человека, так как они в той или иной мере являются социально-психологическими образованиями личности.

На формирование ценностных ориентаций, во-первых, влияют личные внутренние, индивидуальные качества человека (индивидуальные), а во-вторых, внешние факторы, исторически и культурно обусловленные (социальные) [5, с. 82–96].

Ценностные ориентации личности обеспечивают взаимодействие ее внутреннего «Я» с окружающей действительностью, отражают систему устоявшихся взглядов человека на те или иные явления и предметы окружающей действительности, связывая между собой мотивационно-личностную и потребностную сферу жизни человека [6, с. 54].

Занятия физической активностью, творческая деятельность, общение с природой и близкими людьми выступают дополнительными ресурсами, способствующими эмоциональному восстановлению и отвлечению от профессиональных обязанностей.

Таким образом современные подходы к подготовке, включающие теоретическое обучение, практические тренинги и применение технологий, способствуют укреплению стрессоустойчивости, развитию навыков эмоционального самоконтроля и профилактике профессионального выгорания. Для достижения оптимальных результатов необходимо принимать во внимание индивидуальные характеристики сотрудников, региональные особенности и специфику их профессиональной деятельности. Внедрение комплексного подхода к психологической подготовке станет значимым этапом в совершенствовании работы сотрудников экспертных подразделений и повышении качества следственных мероприятий [7]. Психологическая подготовка сотрудников к деятельности в условиях стресса представляет собой ключевой ас-

пект, влияющий на их профессиональную результативность и психоэмоциональное состояние.

Список источников

1. Алиева Ф. О. Отдельные психологические ошибки, допускаемые при проведении следственного осмотра // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 159–161.

2. Колосова Л. В. Некоторые аспекты применения специальных знаний при производстве следственного осмотра в раскрытии и расследовании преступлений против личности // Актуальные проблемы юридической науки и практики: мат. междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 208–213.

3. Лебедев Н. Ю., Лебедева Ю. В., Степанов С. А. и др. Конфликты, возникающие при производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий и пути их разрешения. В кн.: криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по разрешению конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования преступлений: учеб. пособие. Новосибирск, 2020.

4. Дубровин А. С. Психологические аспекты принятия решений. М. : Юрайт, 2020.

5. Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц., Ермаков П. Н. Технологии направленной трансляции смыслов в практике учебного процесса. М., 2016.

6. Алексеев В. Г. Ценностные ориентации личности и проблема их формирования. М., 2003.

7. Васильева Е. А. Психология общения в профессиональной деятельности. М. : Юрайт, 2021.

References

1. Alieva F. O. Individual psychological mistakes committed during the investigative examination // Civil service and personnel. 2021. No. 3. P. 159–161.

2. Kolosova L. V. Some aspects of the application of special knowledge during an investigative examination in the detection and investigation of crimes against the individual // Actual problems of legal science and practice: proceedings of the international scientific and practical conference. 2020. P. 208–213.

3. Lebedev N. Yu., Lebedeva Yu. V., Stepanov S. A. etc. Conflicts arising in the course of separate investigative and other procedural actions and ways to resolve them. In the book: forensic support for the activities of law enforcement agencies to resolve conflicts arising during the preliminary investigation of crimes: tutory. manual. Novosibirsk, 2020.

4. Dubrovin A. S. Psychological aspects of decision-making. M. : Yurayt, 2020.

5. Abakumova I. V., Kagermazova L. Ts., Ermakov P. N. Technologies of directed translation of meanings in the practice of the educational process. M., 2016.

6. Alekseev V. G. Value orientations of an individual and the problem of their formation. M., 2003.

7. Vasilyeva E. A. Psychology of communication in professional activity. M. : Yurayt, 2021.

Информация об авторах

А. С. Гребнева — доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Д. Ю. Гребнев — доцент кафедры физической культуры и специальной подготовки Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. S. Grebneva — Associate Professor of the Department of Technical and Forensic Support for Expert Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. Yu. Grebnev — Associate Professor of the Department of Physical Culture and Special Training of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 343.9
EDN: https://elibrary.ru/liijtm
NIION: 2022-0089-1/26-373
MOSURED: 77/27-031-2026-01-373

Актуальные проблемы исследования рукописных записей, выполненных под воздействием гипноза

Елена Георгиевна Гулина
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, elenka.gulina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые вопросы, связанные с исследованием рукописных записей, выполненных под воздействием гипноза, как одного из видов «сбивающих» факторов, воздействующих на процесс письма.

Ключевые слова: гипноз, необычное патологическое состояние, рукописные записи
Для цитирования: Гулина Е. Г. Актуальные проблемы исследования рукописных записей, выполненных под воздействием гипноза // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 28–31. EDN: LIIJTM.

Original article

Actual problems of studying handwritten notes made under the influence of hypnosis

Elena G. Gulina
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, elenka.gulina@mail.ru

Abstract. Discusses some issues related to the study of handwritten notes made under the influence of hypnosis, as one of the types of «confusing» factors affecting the writing process.

Keywords: hypnosis, unusual pathological condition, handwritten notes
For citation: Gulina E. G. Actual problems of studying handwritten notes made under the influence of hypnosis. Forensic science and research. 2026;(1):28–31. (In Russ.). EDN: LIIJTM.

В связи с проведением специальной военной операции (СВО), начатой в 2022 г., в ответ на действия российских войск увеличилось количество попыток совершения киевскими националистами террористических актов внутри нашей страны. Для их осуществления используются как дроны, направляемые на объекты инфраструктуры, социальной сферы, дома мирных жителей, так и специальные психологические приемы, и современные технологии воздействия на граждан с целью овладения их денежными средствами, драгоценностями и жильем. Только по итогам девяти месяцев 2024 г. общий ущерб от такой мошеннической деятельности составил 150 млрд руб., рассказал руководитель технико-криминалистического управления Следственного комитета России, Иван Стрельцов [3]. Наши граждане страдают не только в материальном, но и в моральном плане. Причем если раньше у мошенников в приоритете было хищение денежных средств, то сейчас они вынуждают своих жертв совершать операции по реализации движимого и недвижимого имущества, оформлять кредиты и займы. Следует подчеркнуть, что продажа или передача недвижимого имущества требует обязательного соблюдения правил гражданской сделки, куда входит юридическое оформление соответствующих документов с рукописными удостоверительными записями и подписями сторон. Документ, в котором записи выполнены под воздействием на граждан специальных психологических приемов, в том числе гипноза, должна быть признана соответствующими органами недействительной. Факт выполнения записей в необычном психологическом либо психофизиологическом состояниях устанавливается психологами, большую помощь которым может оказать эксперт-почерковед, исследовав соответствующие рукописные записи.

© Гулина Е. Г., 2026

Гипноз (в переводе с греческого языка — «сон») представляет собой временное бессознательное состояние, которое характеризуется резкой фокусировкой внимания на словах гипнотизера и отсутствием критического мышления. При этом гипноз не похож на сон, а погрузиться в него против своей воли человек не может. Исследователи из университета Стэнфорда отмечают, что всего лишь 5–10 % населения земного шара отличаются высокой восприимчивостью к гипнозу, тогда как около 79 % умеренно восприимчивы, а около 10 % и вовсе невозможно загипнотизировать. Более внушаемыми являются представители творческих профессий, т. е. те, кто обладает обостренной способностью понимать чувства, переживания и внутреннее состояние другого; в эту же категорию входят люди с «магическим» мышлением — способностью с легкостью поверить в различные паранормальные и мистические явления. Гипнозу более всего подвержены дети до 14 лет, что объясняется богатым воображением и слабым развитием критического мышления. У человека, находящегося в гипнотическом состоянии, внимание максимально сфокусировано на словах, которые произносит гипнотизер, а тело расслаблено, при этом сознание подвержено внушению, а сенсомоторная коммуникация (мелкая моторика, координация движений и т. д.) снижена; человек перестает получать объемную информацию от внешнего мира и максимально сосредотачивается на конкретных мыслях. Пребывание в гипнозе можно сравнить с чтением интересной книги, когда ты полностью погружен в сюжет, увлечен событийным рядом, взаимодействием и поступками персонажей, при этом совершенно не реагируешь на происходящее вокруг. А завершив чтение, ты словно бы возвращаешься из небытия. Гипнотизер при осуществлении своей деятельности выступает единственным посредником между человеком и окружающим миром, с помощью специальных приемов помогая сфокусироваться на определенных мыслях, ощущениях и действиях. Таким образом, во время гипноза человек одновременно сфокусирован и расслаблен: сознание полностью занято какой-то мыслью, а тело временно «отдыхает». Снижается активность вегетативной нервной системы, регулирующей скорость сердцебиения, работу органов пищеварения, а самое главное, тонус мышц. Мошеннику, чтобы воздействовать на жертву, нужно создать такую ситуацию, при которой ее мозг не способен проводить полномасштабный анализ ситуации и принимать самостоятельные решения. И когда «клиент» вошел в легкий или глубокий транс и полностью сконцентрирован на словах гипнотизера, уже можно начинать специальное воздействие.

Использовать гипноз при расследовании преступлений стали в середине XX в. Так, в США агенты ФБР в сотрудничестве с психологами прибегали к нему для получения дополнительной информации от свидетелей или потерпевших в тех случаях, когда человек не мог ее воспроизвести в силу стрессовой ситуации или какого-либо заболевания. Был разработан специальный метод под названием «Следственный гипноз». Однако в 1980–1990-е гг. он оказался дискредитирован случаями ложных воспоминаний под гипнозом о сексуальном насилии над потерпевшими. Основным аргументом для критики метода стала невозможность исключения внушения гипнотизером потерпевшему недостоверной информации, в результате чего возникает так называемый «синдром ложной памяти». По итогам возникших дискуссий суды США резко ограничили допустимость свидетельств, полученных в результате применения гипноза, в качестве доказательств.

В России 2 марта 1924 г. на заседании Научной комиссии Русского научного графологического общества (РНГО) были проведены опыты гипнотического внушения над некоторыми лицами во время письма для установления некоторых графологических признаков почерка [4, с. 21–25]. В присутствии членов комиссии 26-летнюю Т. ввели в состояние гипноза и внушили, что ей 10 лет. Испытуемую попросили написать письмо подруге. Ее почерк содержал такие признаки, как малая степень выработанности и связности, замедленный темп письма, простая сложность, выполнение букв по нормам прописи, вертикальный наклон. Далее загипнотизированной поочередно внушили, что ей 13 и 15 лет, также попросив написать письмо подруге. Основные признаки почерка в экспериментальном письме «13-летней» характеризовались ниже средней степенью выработанности, приближенной к нормам прописи сложностью, соответствием выработанности координацией и темпом, малой степенью связности и вертикальным наклоном. Почерк «15-летней» Т. имел выработанность выше средней, простую сложность, соответствующие выработанности координацию и темп, от высокой до средней связность и правый наклон. При

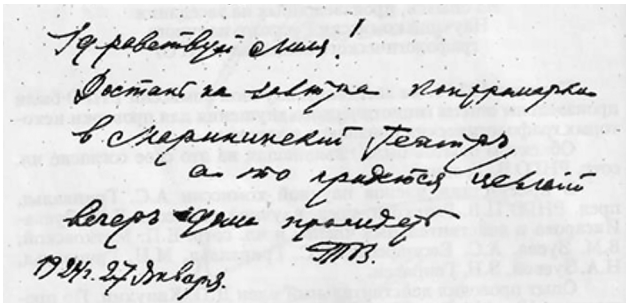

Рис. 1. Изображение почерка Т. 27лет

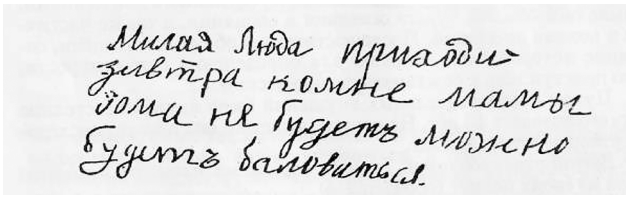

Рис. 2. Изображение почерка Т.
в состоянии гипноза (10 лет)

анализе экспериментальных образцов были установлены признаки почерка, характерные для соответствующих возрастных групп. Данные исследования показали большую связь между деятельностью головного мозга и мускульными движениями, управляющими процессом письма.

В теории судебно-почерковедческой экспертизы как в XX, так и XXI в. большое место занимали и занимают до сих пор вопросы о воздействии «сбивающих» факторов на процесс письма. Особое место уделено обстоятельствам, вызывающим временные функциональные расстройства нервной системы человека, влияющие на выполнение рукописных записей обстоятельствам, вызывающим временные функциональные расстройства нервной системы человека, влияющие на выполнение рукописных записей. К необычным психофизиологическим состояниям отнесены: патологические изменения писавшего; записи, выполненные в состоянии алкогольного опьянения и наркотического опьянения, в состоянии повышенного возбуждения или торможения; болезненные состояния, вызываемые нервными или психическими расстройствами. Для каждого из этих состояний выявлены классические и специфические признаки, отображающиеся в рукописях исполнителей, наработаны модельные методы с указанием частоты встречаемости признаков почерка лиц, находящихся в психопатологическом состоянии [1, с. 306–332]. Анализ, проведенный группой ученых Г. Н. Гордеевой и В. Г. Грузковой, предсмертных писем и образцов письма лиц, покончивших жизнь самоубийством, помимо признаков нарушения координации движений, выявил признаки неряшливого внешнего вида исследуемых писем: наличие помарок, исправлений букв, штрихов, неоднократные зачеркивания слов и строк. Это объясняется, по-видимому, тем, что резкие функциональные нарушения нервной деятельности ведут к ослаблению контрольных функций зрительного анализатора и коры головного мозга [2, с. 26–53]. Признаки почерка у лиц, перенесших травму головного мозга, например, после автомобильной катастрофы, характеризуются, кроме нарушения координации движений и снижения темпа письма, нарушением буквенного состава слов: недописыванием букв в словах, неправильным подборе согласных и гласных в словах, исправлением букв [5, с. 121–180]. Однако рукописные записи, выполненные в состоянии гипноза, мало изучены и в настоящее время не воспринимаются судами в качестве доказательства воздействия на писавшего, поскольку его применение и эффективность остаются спорными [6]. Но гипноз как научно-психологическое понятие не теряет с течением времени свою значимость, исследования данного феномена продолжаются. Ученым по-прежнему важно, как можно больше узнать о столь необычном и интересном явлении, в том числе об отображении признаков почерка в рукописных записях, выполненных в состоянии гипноза. И здесь необходимо взаимодействие специалистов разных направлений: психологов, нейрофизиологов юристов, экспертов-почерковедов.

Список источников

1. Бобовкин М. В. Теория и практика судебно-почерковедческой экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии: моногр. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2005.

2. Гордеева Г. Н., Грузкова В. Г. Возможности установления факта выполнения рукописи, лицом, находившимся в необычном психофизиологическом состоянии / отв. ред. А. Е. Ароцкер. Киев, 1972.

3. URL: https://www.vedomosti.ru/podcast/newsrelease/2024/12/05/1079393-podkast-5-dekabrya-2024-goda

4. Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность (способ определения характера по почерку, графологический метод изучения личности). М. : Издательство «СТ», 1993.

5. Трубникова В. А. Признаки необычного выполнения рукописей. М., 1971.

6. Маев В. К., Данченко С. А. Гипноз как научное психическое понятие // Международный студенческий научный вестник. 2023. № 2. С. 34–39.

References

1. Bobovkin M. V. Theory and practice of forensic handwriting examination of letters of persons in a psychopathological condition: monograph. Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005.

2. Gordeeva G. N., Gruzkova V. G. The possibility of establishing the fact of manuscript execution by a person who was in an unusual psychophysiological state / ed. by A. E. Arotsker. Kiev, 1972.

3. URL: https://www.vedomosti.ru/podcast/newsrelease/2024/12/05/1079393-podkast-5-dekabrya-2024-goda

4. Zuev-Insarov D. M. Handwriting and personality (a method of determining character by handwriting, graphological method of studying personality). M. : Publishing house «ST», 1993.

5. Trubnikova V. A. Signs of unusual execution of manuscripts. M., 1971.

6. Maev V. K., Danchenko S. A. Hypnosis as a scientific mental concept // International Student Scientific Bulletin. 2023. No. 2. P. 34–39.

Информация об авторе

Е. Г. Гулина — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

E. G. Gulina — Senior Lecturer of the Department of Document Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ЭКСПЕРТА

Монография. 287 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований
Н. П. Майлис

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

Для аспирантов (адъюнктов), студентов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к криминалистике и судебной экспертизе.

Научная статья
УДК 343.982.35
EDN: https://elibrary.ru/meqkwd
NIION: 2022-0089-1/26-374
MOSURED: 77/27-031-2026-01-374

Актуальные вопросы производства механоскопической судебно-трасологической экспертизы на современном этапе

Константин Евгеньевич Демин
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, diomin.costia@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы научного обеспечения трасологической механоскопической экспертизы; предложены пути их решения.

Ключевые слова: изделия массового производства, механоскопия, пломбировочные устройства, судебно-трасологическая экспертиза

Для цитирования: Демин К. Е. Актуальные вопросы производства механоскопической судебно-трасологической экспертизы на современном этапе // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 32–36. EDN: MEQKWD.

Original article

Current issues of the production of mechanoscopic forensic tracological examination at the present stage

Konstantin E. Demin
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, diomin.costia@yandex.ru

Abstract. The problems of scientific support of tracological mechanoscopic examination are considered; ways of their solution are proposed.

Keywords: mass-produced products, mechanoscopy, sealing devices, forensic tracological examination

For citation: Demin K. E. Current issues of the production of mechanoscopic forensic tracological examination at the present stage. Forensic science and research. 2026;(1):32–36. (In Russ.). EDN: MEQKWD.

Предметом научного исследования является судебно-экспертная практика производства механоскипических экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях, выявление причин и условий экспертных ошибок при их производстве и меры по их преодолению.

Цель научного исследования заключается в совершенствовании научных постулатов, призванных обеспечить систематизацию знаний об механоскопии как области научных знаний.

Для достижения поставленной цели, необходимо выполнение следующих задач:

♦ раскрыть понятие механоскопии;

♦ обозначить их виды; выявить причин возникновения судебных ошибок при проведении мехпаноскопических трасологических экспертиз;

♦ раскрыть их природу и наметить меры по их преодолению.

Объектом исследования выступает судебно-экспертная деятельность экспертная деятельность, сопряженная с проведением трасологических экспертиз механоскопических объектов, в том числе следов орудий взлома, новых типов замков, пломбировочных устройств (ПУ), изделий массового производства (ИМП) и т. д.

Актуальность темы исследования заключается в том, что в представленной работе освещены наиболее типичные этапы развития механоскопии как области научных знаний, используемых в производстве механоскопических экспертиз и исследованиях.

Современный этап развития трасологии как области научных знаний о следах характеризуется бурным развитием такого направления как механоскопия. Данная научно-практическое учение хоть и относится к традиционным видам, в задачи которых входит отождествление предметов по следам, оставленными

© Демин К. Е., 2026

ими или же орудием или инструментом, установление их идентификационной значимости в рамках решения вопросов, сопряженных с установлением целого по частям или единого источника происхождения.

Многие ученые криминалисты высказывали свое мнение о том, что трасологическую механоскопию необходимо выделить как самостоятельный род трасологических экспертиз. В основу такой позиции лег постулат об недостаточном уровне развития данного учения, в середина прошлого века характеризуется изрядным отставанием от уровня развития криминалистики как в теоретическом, так и практическом плане. И лишь благодаря опубликованным в 70–90-е гг. XX в. трудам ученых в области трасологии, сейчас мы имеем достаточно обширную терминологическую базу в сфере производства механоскопических экспертиз.

На протяжении всего пути развития трасологии можно выделить определенную тенденцию — интегрирования различного рода знаний в иные вектора развития, в результате чего появлялись новые роды и виды экспертиз. Сейчас конфронтация среди ученых по поводу взаимозависимости естественных и гуманитарных наук в трасологии поутихла, так как большинство пришло к выводу, что их взаимосвязь помогает развиваться науке, открывать новые теории и изобретать новые методы исследования, тем самым выводя трасологию на новый, более высокий уровень. Так, В. С. Митричев смог создать методику исследования стекла фарных рассеивателей и других схожих предметов на основе разработанных методов исследования [5]. Г. Л. Грановский был одним из первых, кто предложил использование термина «механоскопия». В сущность данного определения входило создание приемов, а также средств, которые в своей совокупности будут предназначены для идентификации и неидентификационных изучений механизмов, предметов и иных объектов. Под орудиями он подразумевал предметы, практическая значимость которых появлялась при применении мускульной силы человека: молоток, отвертка, стамеска и т. д. Механизмы же включали в себя устройства, которые состояли из взаимосвязанных элементов, функционирование которых всецело не зависело от человека, например, станок для обработки древесины, металлорежущий станок, гвоздильный аппарат и т. п. [1, с. 47–48].

По мнению И. И. Пророкова, данное направление нужно было ознаменовать как «экспертиза производственных механизмов на изделиях», а в объекты записать следы от технических устройств, которые остаются на изделии, как и готовом, так и полуфабрикате, в результате технологического процесса производства. Он выдвинул предложение о том, что в ходе проведения экспертных исследований необходимо обращать внимание на следы, которые остаются от рабочей части поверхности производственных механизмов, и соотносить их с общими принципами трасологии. Он считал, что при исследовании предметов из области механоскопии можно выделить две задачи: установление общего источника происхождения; определение однородности объектов. Данные задачи различаются следующим: в первом случае эксперт обладает идентифицируемыми объектами и способен идентифицировать детали конкретной производственной машины. Во втором же — идентифицируемый объект не всегда может быть известен, хотя эксперт может обладать предметами, которые схожи по некоторым признакам с искомым [6, с. 186–189].

В процессе решения задач, поставленных перед экспертом, важно обращать внимание на морфологические признаки следообразующего объекта. Учеными подчеркивалось, что эксперт, проводящий механоскопические экспертизы, должен обладать не только трасологическими знаниями и научными идеологиями, связанными с механизмом производства изделий. На примере замков и пломбировочных устройств можно показать тонкости изучения внешних данных о предметах при помощи своеобразных механических систем. Именно такого рода объекты по своим техническим особенностям являются наиболее приближенными к предметам точной механики. На финальном этапе производства деталей их механизмы похожи на механически слаженную систему, которая включает в себя некоторое количество взаимосвязанных элементов, взаимодействие которых подразумевает слаженную и бесперебойную работу без приложения мускульной силы человека. Суммируя вышесказанное, отметим, что воздействие извне на корпус предмета влечет за собой к изменению внешних и внутренних свойств (следы от отмычек, нештатных ключей или иных предметов, использованных для отмыкания), нарушение штатной работы частей, включение иных материальных свойств, которые изменяют качественные характеристики предметов. Важность причисления данного рода объектов к механоскопии диктуется практиче-

ской значимостью. Под предметами в экспертизах замков и пломбировочных устройств подразумевается установление фактических данных, касающихся орудий взлома и инструментов и с изучением состояния и несанкционированных действий. Наибольший интерес у сотрудников полиции вызывает изучение замков, а именно установление факта повторного навешивания пломбировочного устройства или же криминального вскрытия [3, с. 130–136]. При предоставлении на экспертизу исправного замка, решение задачи в категорической форме на основе изучения его морфологической составляющей проводится редко. Похожая ситуация происходит и с экспертизой пломбировочного устройства, где нетронутость внутреннего устройства еще не означает, что устройство исправно. Получается, что при изучении таких своеобразных объектов одних классических трасологических методик мало, причем с прошествием лет данная нехватка ощущается все острее.

Исходя из многолетней практики с механоскопией чаще всего ассоциировались исследования, связанные с ИМП, которые имели следы производственного происхождения. Согласно трасологической терминологии, данные следы было принято классифицировать как типичные следы-отображения. Этот вид следов наиболее выгоден в трасологии для исследования экспертных задач по методикам, которые уже прошли апробацию. Несмотря на некую схожесть механоскопии с экспертизой изделий массового производства, наблюдается и некое различие: рабочие части от конвейерных механизмов по отношению к поверхности изготавливаемого изделия всегда занимают заранее определенное статическое положение [2]. Данный факт явился детерминирующим основанием для обособления в иную группу следов, появившихся в результате производства, в которых происходит единообразное отображение следообразующих элементов механизмов. Именно поэтому такого характера следы имеют высокую степень информативности, и общая методика исследования классической трасологии должна сочетаться с иными, более новыми способами изучения представленного объекта.

Следовательно, механоскопию представляют, как раздел трасологии, включающий в себя методы и средства по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию следов, образование которых происходит в результате контактного взаимодействия орудий, инструментов и технического устройств со следовоспринимающей поверхностью.

Механоскопические следы могут лишь опосредованное свидетельствовать о том, что человек воздействовал на объект с помощью своей силы, а также о наличии у субъекта специальных знаний в области производства и изготовления вещей.

Механоскопическая экспертиза включает в себя множество объектов, одними из которых являются орудия взлома, различные виды замков, пломб, изделия массового производства и прочие. Перейдем к более детальному рассмотрению некоторых из этих групп.

Экспертиза следов орудий и инструментов является одним из самых часто назначаемых направлений трасологических исследований. Для того, чтобы попасть в жилое помещение или любое иное здание, правонарушителю придется разрушить преграду, т. е. устройство, закрывающее помещение, с помощью подручных или профессиональных средств: лома, набора отмычек, набора ключей, напильника и др.

Под взломом принято считать преступные действия, которые направлены на получение несанкционированного и злонамеренного доступа к запертому хранилищу с помощью вывода из строя запирающего элемента. В зависимости от объекта взлома и иных обстоятельств, которые могут влиять на взлом, преступник использует различные предметы для своего деяния. Их принято классифицировать по группам:

♦ орудия, которые предназначены для взлома, например, отмычка, ломик «фомка», «гусиная лапка»;

♦ орудия, назначение которых является бытовым или производственным, например, топор, стамеска, сварочный аппарат;

♦ предметы, которые случайно оказались на месте происшествия, например, металлические обрезки, камни, прутья.

Объекты же взлома подразделяют на следующие группы:

♦ запорные устройства, под которыми может рассматриваться щеколда, замок (как врезной и накладной, так и навесной);

♦ хранилища, включающие в себя сундуки, сейфы, железные ящики;

♦ преграды в виде таких строительных конструкций, как дверь, потолок, окно, стены.

Для взлома таких объектов чаще всего используются следующие способы: отжима и разрушения.

Разрушение преграды обычно используется правонарушителями в тех случаях, когда они не бояться остаться замеченными, потому что данный способ нередко связан с шумом и масштабным разрушением. Разрушение заграждений подразделяют на общее и частное.

Отжим же применяют при разрушении таких преград, как окно, дверь, форточка, ящики мебели и др. В данных ситуациях поступают также, как и при отжиме замка, когда сначала вводится орудие в пространство между плоскостями в объекте, затем используют его в качестве рычага, оказывая давление на стороны и расширяя пространство [4].

По воздействию орудия на следовоспринимающий предмет принято классифицировать следы по следующим основаниям:

♦ следы резания/распила/сверления — образуются в результате воздействия на объект пилы, сверла. В следах разреза можно увидеть отображения частных признаков режущей кромки, которые при дальнейшем исследовании помогут при идентификации инструмента;

♦ следы отжима (давления) — появляются при силовом, резком воздействии инструмента на преграду. Глубина следа зависит от силы, приложенной на орудие, от материала следообразующего и следовоспринимающего предмета;

♦ следы трения — механизм их образования обусловлен воздействием под углом орудия взлома на плоскость объекта. Если фронтальный угол от 0 до 90 град., то след называют уплотненным. Если фронтальный угол составляет от 90 до 180 град., то образовывается след-отслоение (соскоб).

При характеристике следов орудий и инструментов как материальных следов нужно учитывать не только следы-отображения, но и следы-предметы, которые включают в себя обломки рабочих частей, а также следы-вещества — частицы металлической окалины, капли металла. При исследовании признаков, отображенных в следе, появляется возможность получение значимой информации по поводу механизма следообразования [7, с. 261–263].

В заключении статьи следует остановится на некоторых проблемах, возникших при производстве механоскопической экспертизы на современном этапе развития трасологии. Так, исследование изделий, изготовленных по современным технологиям, в настоящее время ждет своего разрешения. В частности, необходимо обеспечивать ЭКП качественным оборудованием, эксперты трасологи сталкиваются с изделиями, изготовленными посредствам 5D-печати, что требует разработки новых методических рекомендаций по их трасологическим исследованиям, в которых следует особое внимание уделить признакам, характерным для всех данным инновационным; разработать тактику получения образцов для сравнительного исследования, определить влияние используемого материала на качество отображения диагностических и идентификационных признаков.

Кроме этого, качественные изменения, затронувшие понятийно-категориальный аппарат механоскопической экспертизы, требуют пересмотра и уточнения определений ключевых понятий, таких как объект, предмет, методы и задачи экспертизы. Объектом механоскопических исследований могут быть не только физические предметы, но и следы, оставленные на них. При этом, предметом экспертизы выступают механические воздействия, которые необходимо проанализировать для установления причинно-следственных связей.

Список источников

1. Грановский Г. Л. Основы трасологии (общая и особенная части). 2-е изд. М., 2006.

2. Коглина В. А. О классификации инновационных производственно-технологических механизмов, применяющихся при изготовлении изделий массового производства // Эксперт-криминалист. 2021. № 1. С. 10–12.

3. Демин К. Е., Булгаков В. Г., Булгакова Е. В. и др. Криминалистическая техника: учебник. 2-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2024.

4. Майлис Н. П. Учение о следах: вчера, сегодня, завтра // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 36–38.

5. Митричев В. С. Спектральный анализ фарного стекла // Вопросы судебной экспертизы и криминалистики: сб. науч. работ. Вып. 1. Алма-Ата, 1959. С. 167–186.

6. Пророков И. И. Криминалистическая экспертиза следов: учеб. пособие для вузов МВД СССР / отв. ред. А. Ф. Волынский. Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1980.

7. Майлис Н. П., Беляев М. В., Харламова О. А. и др. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник. 2-е изд., стер. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025.

References

1. Granovsky G. L. Fundamentals of tracology (general and special parts). 2nd ed. M., 2006.

2. Koglina V. A. On the classification of innovative production and technological mechanisms used in the manufacture of mass-produced products // Forensic expert. 2021. No. 1. P. 10–12.

3. Demin K. E., Bulgakov V. G., Bulgakova E. V. and others. Forensic technology: textbook. 2nd ed., trans. and add. M. : Yurait, 2024.

4. Mailis N. P. The doctrine of footprints: yesterday, today, tomorrow // Forensic expert. 2014. No. 3. P. 36–38.

5. Mitrichev V. S. Spectral analysis of LED glass // Issues of forensic examination and criminalistics: collection of scientific papers. Issue 1. Alma-Ata, 1959. P. 167–186.

6. Prophokov I. I. Forensic examination of traces: textbook. handbook for universities of the USSR Ministry of Internal Affairs / ed. by A. F. Volynsky. Volgograd : Higher Investigative School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1980.

7. Mailis N. P., Belyaev M. V., Kharlamova O. A. and others. Tracology and tracological examination: textbook. 2nd ed., ster. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2025.

Библиографический список

1. Беляев М. В. К вопросу об особенностях методики трасологической экспертизы // Вестник криминалистики. 2021. № 4 (80). С. 18–23.

2. Несмиянова И. О., Гольцев Д. С. Влияние научно-технического прогресса на компетенцию судебных экспертов // Судебная экспертиза и исследования. 2023. № 1. С. 33–36.

3. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021668409 Российская Федерация. «Десктопное приложение «ExpertLab» (справочник эксперта (на примере трасологических исследований): № 2021666966: заявл. 25 октября 2021 г.: опубл. 15 ноября 2021 г. / И. О. Несмиянова, О. А. Харламова; заявитель: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

4. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020617111 Российская Федерация. Постановление о назначении судебной экспертизы: № 2020616121: заявл. 11 июня 2020 г.: опубл. 30 июня 2020 г. / И. О. Несмиянова; заявитель: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

Bibliographic list

1. Belyaev M. V. On the issue of the peculiarities of the methodology of tracological examination // Bulletin of Criminalistics. 2021. No. 4 (80). P. 18–23.

2. Nesmiyanova I. O., Goltsev D. S. Influence of scientific and technological progress on the competence of forensic experts // Forensic examination and research. 2023. No. 1. P. 33–36.

3. Certificate of state registration of the computer program No. 2021668409 Russian Federation. «ExpertLab desktop application» (expert's handbook (using the example of tracological research): No. 2021666966: application October 25, 2021: published November 15, 2021 / I. O. Nesmiyanova, O. A. Kharlamova; applicant: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

4. Certificate of state registration of the computer program No. 2020617111 Russian Federation. Resolution on the appointment of a forensic examination: No. 2020616121: application June 11, 2020: published June 30, 2020 / I. O. Nesmiyanova; applicant: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Информация об авторе

К. Е. Демин — доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

K. E. Demin — Associate Professor of the Department of Weapons Science and Traceology of the Forensic Science Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Научная статья
УДК 343
EDN: https://elibrary.ru/lrnqsc
NIION: 2022-0089-1/26-375
MOSURED: 77/27-031-2026-01-375

Судебная экспертиза по уголовным делам о незаконных действиях в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: опыт Республики Беларусь

Артур Станиславович Жидович
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Zhidovichartur@gmail.com
Научный руководитель: профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор **И. В. Тишутина**

Аннотация. Проводится исследование вопросов организации и назначения отдельных видов судебных экспертиз в рамках производства по делам (материалам) о незаконных действиях, совершенных в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. На основе анализа судебно-следственной практики выявлены следующие проблемные аспекты: отсутствие четкой уголовно-процессуальной регламентации правового статуса отдельных участников при назначении и проведении судебных экспертиз, а также при отборе образцов для сравнительного исследования; нарушение последовательности проведения определенных экспертных исследований; недостаточное использование поисково-познавательного потенциала эксперта-криминалиста. Предложены рекомендации правового и практического характера, направленные на повышение эффективности расследования рассматриваемой категории преступлений.

Ключевые слова: судебная экспертиза, следователь, расследование, огнестрельное оружие, следы преступления
Для цитирования: Жидович А. С. Судебная экспертиза по уголовным делам о незаконных действиях в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: опыт Республики Беларусь // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 37–42. EDN: LRNQSC.

Original article

Judicial examination in criminal cases of illegal actions in relation to firearms, ammunition and explosives: the experience of the Republic of Belarus

Artur S. Zhydovich
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Zhidovichartur@gmail.com
Research supervisor: Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor **I. V. Tishutina**

Abstract. A study is being conducted on the organization and appointment of certain types of forensic examinations in the framework of proceedings on cases (materials) on illegal actions committed in relation to firearms, ammunition, explosives and explosive devices. Based on the analysis of judicial and investigative practice, the following problematic aspects have been identified: the lack of clear criminal procedural regulation of the legal status of individual participants in the appointment and conduct of forensic examinations, as well as in the selection of samples for comparative research; violation of the sequence of certain expert studies; insufficient use of the search and cognitive potential of a forensic expert. Legal and practical recommendations aimed at improving the effectiveness of the investigation of this category of crimes are proposed.

Keywords: forensic examination, investigator, investigation, firearms, traces of crime
For citation: Zhydovich A. S. Judicial examination in criminal cases of illegal actions in relation to firearms, ammunition and explosives: the experience of the Republic of Belarus. Forensic science and research. 2026;(1):37–42. (In Russ.). EDN: LRNQSC.

В настоящее время уголовно наказуемые деяния, связанные с незаконными действиями в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, характеризуются рядом факторов, обусловливающих их повышенную общественную опасность. К их числу относятся: высокий уровень латентности, использование оружия и предметов вооружения при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, появление новых способов изготовления огнестрельного оружия, в частности посредством применения технологии 3D-печати, активное использование информационно-коммуникационных технологий при сбыте (приобретении) оружия, а также действия, направленные на сокрытие следов указанных преступлений.

© Жидович А. С., 2026

Учитывая перечисленные факторы, решение задач уголовного процесса, а также оперативное и всестороннее расследование преступных деяний, установление виновных лиц и их привлечение к уголовной ответственности, существенно осложняется при отсутствии комплексного применения методов и средств, доступных правоохранительным органам. Практика свидетельствует, что особое значение среди них приобретают судебные экспертизы, поскольку заключения экспертов служат основой для возбуждения уголовного дела, выдвижения следственных версий, определения направлений расследования и идентификации лиц, причастных к уголовно наказуемому деянию. Кроме того, в соответствии со ст. 88 УПК Республики Беларусь, заключение эксперта и протокол его допроса являются самостоятельными источниками доказательств [1].

Под судебной экспертизой понимается «исследование, проводимое в соответствии с уголовно-процессуальным … законом лицом, обладающим специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности в целях установления обстоятельств (фактических данных), имеющих значение для дела» [2, с. 261].

Судебные экспертизы, проводимые по рассматриваемой категории дел, подразделяются на: *медицинские* (биологические, генетические, химические), *криминалистические* (баллистические, дактилоскопические, трасологические), *специальные* (взрывотехнические, экспертизы продуктов выстрела, металлов, сплавов и изделий из них), *технические* (компьютерно-технические, экспертизы радиоэлектронных устройств и электробытовой техники) и *психиатрические* экспертизы. В рамках указанных исследований решаются такие задачи: идентификационные, диагностические, классификационные и ситуационные. В Республике Беларусь сотрудниками Государственного комитета судебных экспертиз (далее — ГКСЭ Республики Беларусь) ежегодно проводится около 300 тыс. экспертных исследований, из которых: судебные медицинские (60 %), криминалистические (25 %) и иные (15 %) [9].

Общие условия, порядок организации и назначения, а также сроки проведения судебных экспертиз и документальное оформление их результатов регламентируются УПК Республики Беларусь, положениями Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» [3] и иными нормативными правовыми актами. Отдельные организационные вопросы, касающиеся проведения экспертных исследований, нашли отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [4].

Концептуальные основы теории судебных экспертиз освещались в трудах Т. В. Аверьяновой, А. Ф. Волынского, А. В. Дулова, А. М. Зинина, В. Я. Колдина, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской, В. Н. Чулахова, А. И. Шведа. Отдельные аспекты организации и проведения экспертных исследований по уголовным делам, связанным с незаконными действиями в отношении огнестрельного оружия и предметов вооружения, рассмотрены в работах А. Г. Андреева, В. Ю. Владимирова, А. В. Кокина, Е. А. Лаппо, В. А. Ручкина, И. В. Пашуты, А. А. Погребного.

Несмотря на наличие сформированного теоретического базиса, разработку отдельных методических материалов и законодательное регулирование общих положений организации и проведения судебных экспертиз, судебно-следственная практика и результаты ряда монографических исследований указывают на то, что рассматриваемая проблематика сохраняет свою актуальность и требует дальнейшего углубленного научного изыскания. Это обусловлено рядом обстоятельств, в числе которых: развитие современных технологий; внедрение новейших методов и средств в практику экспертных исследований; появление новых видов экспертиз; проблемные аспекты взаимодействия следователя (лица, производящего дознание) и эксперта; вопросы, касающиеся правового статуса отдельных участников уголовного судопроизводства при производстве экспертиз и др.

Результаты анализа 156 уголовных дел, возбужденных по ст. 295 УК Республики Беларусь, проведенного в рамках диссертационного исследования, свидетельствуют о том, что в процессе расследования следователь (лицо, производящее дознание) не ограничивается назначением исключительно судебной баллистической или взрывотехнической экспертиз, которые, безусловно, являются наиболее типичными и распространенными для данной категории преступлений. В частности, по ним проводятся следующие виды экспертных исследований[1]:

[1] Сведения приведены в процентном выражении от общего количества изученных уголовных дел.

♦ *судебно-баллистическая* — 92,3 % (проводится на предмет отнесения объекта к огнестрельному оружию и боеприпасам, определения исправности и пригодности их для стрельбы, идентификации вида и модели огнестрельного оружия);

♦ *судебно-взрывотехническая* — 29,5 % (определяет наличие/отсутствие у лица, изготовившего взрывное устройство, специальных знаний в области взрывного дела и технологии создания взрывчатых веществ, а также принадлежность исследуемых веществ и изделий к взрывчатым веществам и взрывным устройствам);

♦ *судебно-генетическая* — 28,2 % (направлена на установление генетических характеристик биологического материала, представленного на объектах исследования, а также индивидуально-конкретного тождества биологических следов и объектов);

♦ *судебно-психиатрическая* — 23,7 % (задачами являются определение психического состояния подозреваемого (обвиняемого), его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими в период инкриминируемого ему деяния и после его совершения). Указанная экспертиза производилась в отношении несовершеннолетних, лиц, имеющих преклонный и старческий возраст, а также состоящих на психоневрологическом и наркологическом учетах;

♦ *судебно-биологическая* — 17,9 % (в рамках данной экспертизы устанавливается наличие следов биологического происхождения, а также определяется их групповая и видовая принадлежность);

♦ *судебно-дактилоскопическая* — 12,8 % (заключается в идентификации личности человека по следам папиллярных узоров);

♦ *судебно-трасологическая* — 4,5 % (задачей исследования является определение индивидуального тождества по отображаемым в следах свойствам и признакам, целого по частям);

♦ *судебная компьютерно-техническая* — 3,8 % (проводится с целью поиска сведений на машинных носителях информации по определенным критериям, например, ключевым словам, а также данных об активности пользователя в сети Интернет);

♦ *иные* экспертизы (4,5 %), в числе которых: экспертиза продуктов выстрела, экспертиза электронных устройств, экспертиза металлов, сплавов и изделий из них, фототехническая экспертиза и др.

Отличительной особенностью экспертных исследований, проводимых по данной категории дел, является их комплексный характер (отмечено в 21,8 % изученных случаев). Приведем пример. *В ходе расследования уголовного дела в отношении М. по факту совершения незаконных действий, связанных с огнестрельным оружием, его составными частями и компонентами, боеприпасами и взрывчатыми веществами, были назначены не только баллистическая и дактилоскопическая экспертизы, но и комплексная судебная фототехническая и трасологическая экспертиза, а также комплексная судебная взрывотехническая, генетическая и нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов экспертиза* [10].

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, основанием для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела служит наличие достаточных данных, указывающих на признаки уголовно наказуемого деяния. По рассматриваемой категории преступлений, большая часть таковых признаков устанавливается следователем (лицом, производящим дознание) самостоятельно, без привлечения экспертов, обладающих специальными знаниями. Однако, установление признака, определяющего предмет преступного посягательства, а именно: относятся ли изъятые объекты к огнестрельному оружию, составным частям или компонентам к нему, боеприпасам, взрывчатым веществам или взрывным устройствам, — требует проведения судебной баллистической или взрывотехнической экспертизы [5].

В качестве предмета преступного посягательства выступали: патроны (71,8 %), огнестрельное оружие, его составные части и компоненты (36,5 %), взрывчатые вещества (16,7 %), взрывные устройства (10,3 %), боеприпасы взрывного действия (1,3 %). Одной из характерных особенностей рассматриваемых преступлений является вариативность предмета преступного посягательства, изъятого по уголовному делу, как в количественном, так и в качественном отношении. Пример. *В ходе проверки причастности гражданина А. к незаконному обороту огнестрельного оружия и предметов вооружения сотрудниками правоохранительных органов был проведен осмотр его домовладения, в результате которого обнаружены и изъяты: длинноствольный карабин, две винтовки, револьвер, пистолет, около 50 составных частей и компонентов к оружию, свыше 1,7 тыс. боеприпасов различного калибра, порядком 2,5 кг взрывчатых веществ* [11].

Проведенный анализ судебно-следственной практики позволяет акцентировать внимание на следующих аспектах.

Во-первых, в ряде случаев взаимодействие следователя (лица, производящего дознание) и эксперта-криминалиста начинается непосредственно с момента выезда следственно-оперативной группы на место происшествия по сообщению о преступном деянии данной категории. На месте происшествия проводится анализ первоначальной следственной ситуации, ключевым информационным элементом которой являются следы преступления. Привлечение эксперта-криминалиста к осмотру является необходимым условием для своевременного обнаружения, надлежащей фиксации и корректного изъятия объектов-носителей криминалистически значимой информации. По преступлениям данной категории указанный специалист привлекался в 39 % изученных дел. Результативность экспертного исследования напрямую зависит от качества и количества изъятых следов (объектов), а также от оперативности их предоставления. В связи с этим, А. Ф. Волынский и И. В. Тишутина отмечают, что на практике недостаточно внимания уделяется тому факту, что информативность судебных экспертиз непосредственно связана с поисково-познавательной деятельностью специалиста в рамках осмотра места происшествия, поскольку исследованию подлежит то, что обнаружено и изъято [6, с. 13]. В частности, по уголовным делам данной категории изъятию подлежат следующие объекты: предметы преступного посягательства — огнестрельное оружие (револьверы, пистолет-пулеметы, винтовки, ружья (обрезы), автоматы), различные его составные части и компоненты, патроны, взрывчатые вещества, взрывные устройства (гранаты, детонаторы, взрывпакеты), а также кобуры (футляры, емкости их содержащие), являющиеся в ряде случаев носителями различных следов; одежда; специальные приборы и инструменты, используемые для изготовления оружия; телефоны (ноутбуки); жесткие диски; флеш-накопители; блокноты (записные книжки) и др. Важно подчеркнуть, что изъятие и упаковку огнестрельного оружия и предметов вооружения необходимо проводить с соблюдением криминалистических рекомендаций.

Во-вторых, эффективность судебной экспертизы значительным образом зависит от качественной ее подготовки. Перед назначением экспертизы следователю (лицу, производящему дознание), необходимо тщательно оценить сложившуюся следственную ситуацию и, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела и изъятые следы (объекты), определить основания ее проведения и возможность получения криминалистически значимой информации посредством экспертного исследования. С этой целью рекомендуется провести консультацию со специалистом для определения: экспертного учреждения (с учетом территориальности, материально-технической оснащенности и сферы компетенции), вида и возможностей конкретной экспертизы, полноты и корректности формулировки вопросов, ставящихся перед экспертом, а также порядка (например, огнестрельное оружие и предметы вооружения доставляются только нарочным способом) и перечня предоставляемых объектов для исследования [7]. Следует отметить, что актуальная и подробная информация об экспертах, включая их области специализации и контактные данные, размещена на официальном сайте ГКСЭ Республике Беларусь. Указанный ресурс обеспечивает доступ к реестрам судебно-экспертных организаций и экспертов, осуществляющих производство различных видов судебных исследований.

Основательная подготовка к назначению экспертизы, как правило, исключает необходимость направления судебным экспертом ходатайств о предоставлении дополнительных материалов, что положительно влияет на оперативность ее производства. Относительно продолжительности экспертных исследований важно подчеркнуть, что в соответствии с положениями УПК Республики Беларусь, подавляющее большинство (более 99 %) экспертиз проводятся в срок, не превышающий 30 суток [9].

В-третьих, ст. 173 УПК Республики Беларусь предусматривает возможность проведения экспертизы на стадии производства по материалу, предшествующей возбуждению уголовного дела. В соответствии со ст. 227 УПК Республики Беларусь, следователь (лицо, производящее дознание), при необходимости назначения экспертизы, выносит соответствующее постановление. Согласно данной процессуальной норме, подозреваемый (обвиняемый) подлежит ознакомлению с указанным постановлением, с разъяснением ему прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Кроме того, указанные лица должны быть ознакомлены с заключением эксперта (сообщением о невозможности его дачи), что фиксируется в соответствующих протоко-

лах. Анализ положений УПК Республики Беларусь, в частности, ст. 174, 178 и 178.1 позволяет констатировать наличие на стадии производства по материалам такого участника как «лицо, в отношении которого проводится проверка» [1]. Однако, его понятие, правовой статус, а также права и обязанности, в том числе при назначении и проведении экспертизы, в действующем законодательстве не определены. Вместе с тем, несмотря на отсутствие правовой регламентации, изучение судебно-следственной практики показывает, что при необходимости проведения экспертизы в рамках производства по материалам (данное положение применялось по всем фактам незаконных действий в отношении огнестрельного оружия и предметов вооружения), следователь осуществляет ознакомление лица, в отношении которого проводится проверка, с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта.

Процессуальным статусом в уголовном судопроизводстве должны быть наделены субъекты, прямо или косвенно упомянутые в уголовно-процессуальном законодательстве, при этом необходимо гарантировать действенный правовой механизм защиты их прав [8].

В-четвертых, необходимо акцентировать внимание на значимости соблюдения определенной последовательности проведения исследований (в рамках различных видов экспертиз) с целью обеспечения сохранности объектов для последующих судебных экспертиз, в частности, баллистической, дактилоскопической, биологической и генетической. Следует учитывать, что первоначальное проведение баллистической экспертизы может воспрепятствовать дальнейшему производству, например, судебной генетической или дактилоскопической экспертизы. В качестве иллюстрации приведем следующий пример. *В рамках производства по материалу о незаконных действиях в отношении боеприпасов была назначена судебная баллистическая экспертиза патронов, в процессе которой осуществлялся их отстрел. Впоследствии, по тем же объектам (отстрелянным гильзам) было назначено проведение комплексной биолого-генетической, дактилоскопической и дополнительной судебно-баллистической экспертизы* [12]. Учет данного обстоятельства при принятии решения о назначении судебной экспертизы будет способствовать получению дополнительных источников доказательств в рамках уголовного процесса.

В-пятых, для преступлений рассматриваемой категории характерна особенность: предметы преступного посягательства, как правило, являются носителями различных следов (следы рук, биологического происхождения и ДНК). По этой причине в рамках досудебного производства осуществляется отбор образцов для сравнительного исследования, например, следов рук или буккального эпителия, в целях последующего проведения биологических, генетических и дактилоскопических экспертиз. Ст. 234 УПК Республики Беларусь определяет порядок получения образцов для сравнительного исследования в отношении подозреваемого и обвиняемого. Согласно этому порядку, о проведении данного следственного действия следователь выносит постановление и составляет протокол. Однако, в данной процессуальной норме отсутствует упоминание о «лице, в отношении которого проводится проверка». Вместе с тем, результаты изучения судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что получение образцов для сравнительного исследования осуществлялось в каждом третьем изученном уголовном деле (37,2 %), преимущественно в рамках производства по материалам (до возбуждения уголовного дела), т. е. у лица, в отношении которого проводилась проверка.

Полагаем, что устранение обозначенных пробелов в законодательстве будет способствовать обеспечению защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса и единообразному применению норм УПК Республики Беларусь. Использование в практической деятельности вышеизложенных аспектов, касающихся назначения и проведения судебных экспертиз, повысит эффективность расследования преступлений рассматриваемой категории.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (в ред. от 17 февраля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс. Беларусь».

2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М. : Мегатрон XXI, 2000.

3. Закон Республики Беларусь 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс. Беларусь».

4. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (в ред. от 31 марта 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс. Беларусь».

5. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 294–295.2, 296 и 297 УК Республики Беларусь)» (в ред. от 31 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс. Беларусь».

6. Волынский А. Ф., Тишутина И. В. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения поисково-познавательной деятельности при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. 2018. № 4-2. С. 9–17.

7. Тишутина И. В. Использование специальных знаний в целях выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I междунар. форума (Москва, 7–8 июня 2017 г.). М., 2017. С. 328–334.

8. Мичурина О. В. Гарантии соблюдения прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность без приобретения статуса участника уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 192–195.

9. Сотрудники ГКСЭ ежегодно проводят около 300 тыс. экспертиз // URL: https://belta.by/society/view/sotrudniki-gkse-ezhegodno-provodjat-okolo-300-tys-ekspertiz-384416-2020/

10. Уголовное дело № 21121110202 // Архив суда Московского района г. Минска.

11. У жителя Минщины изъят большой арсенал // URL: https://www.mvd.gov.by/ru/news/14621

12. Уголовное дело № 241226021338 // Архив суда Борисовского района Минской области.

References

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus No. 295-Z of July 16, 1999 (as amended dated February 17, 2025) // LRS «ConsultantPlus. Belarus».

2. Belkin R. S. Criminalistic encyclopedia. 2nd edition, supplemented. M. : Megatron XXI, 2000.

3. The Law of the Republic of Belarus on December 18, 2019 No. 281-Z «On forensic expertise» // LRS «ConsultantPlus. Belarus».

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated March 29, 2001 No. 1 «On Judicial expertise in criminal cases» (as amended dated March 31, 2016) // LRS «ConsultantPlus. Belarus».

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated April 3, 2008 No. 1 «On Judicial practice in cases of crimes related to illegal actions in relation to weapons, ammunition and explosives (Articles 294–295.2, 296 and 297 of the Criminal Code of the Republic of Belarus)» (as amended dated March 31, 2022) // LRS «ConsultantPlus. Belarus».

6. Volynsky A. F., Tishutina I. V. Forensic examination in the system of scientific and technical support of search and cognitive activity in the investigation of crimes // Proceedings of Tula State University. 2018. No. 4-2. P. 9–17.

7. Tishutina I. V. The use of special knowledge in order to identify and overcome opposition to the investigation of crimes // Theory and practice of forensic examination: international experience, problems, prospects: collection of scientific papers of the First International Forum (Moscow, June 7–8, 2017). M., 2017. P. 328–334.

8. Michurina O. V. Guarantees of respect for the rights of persons involved in criminal procedural activities without acquiring the status of a participant in criminal proceedings // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 2. P. 192–195.

9. The staff of the SCSE annually conducts about 300 thousand examinations // URL: https://belta.by/society/view/sotrudniki-gkse-ezhegodno-provodjat-okolo-300-tys-ekspertiz-384416-2020/

10. Criminal case No. 21121110202 // Archive of the court of the Moskovsky district of Minsk.

11. A large arsenal was seized from a resident of Minsk region // URL: https://www.mvd.gov.by/ru/news/14621

12. Criminal case No. 241226021338 // Archive of the Borisovsky district Court of the Minsk region.

Информация об авторе

А. С. Жидович — Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. S. Zhydovich — Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 10.03.2026.
The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Научная статья
УДК 34.3
EDN: https://elibrary.ru/rfhwki
NIION: 2022-0089-1/26-376
MOSURED: 77/27-031-2026-01-376

Возмещение вреда, причиненного преступлением, как неотъемлемое условие прекращения уголовного дела (уголовного преследования), в досудебном уголовном производстве

Борис Павлович Зинов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, bzinov@mvd.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы повышения эффективности деятельности следователя и дознавателя по возмещению вреда, причиненного преступлением. Установлено, что институт добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, находит свое место и в уголовном судопроизводстве и, как известно, оно может быть осуществлено несколькими способами: возмещение вещи такого же рода и качества, взамен утраченной; исправление поврежденной вещи; компенсация вреда в денежном эквиваленте; заглаживание вреда, который был причинен в результате преступления, совершенном несовершеннолетним. Доказано, что в случае, когда, предмет преступного посягательства возвращен полностью, то имущественные права потерпевшего будут считаться восстановленными, в связи с чем, имущественный вред рассматриваться не будет. Это подразумевает, что потерпевший будет владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, как до совершения преступления. В заключение делается вывод о том, что важнейшую роль при принятии решения о направлении уголовного дела в суд имеет разъяснительная деятельность следователя и дознавателя. Такая деятельность заключается в разъяснении отдельных положений участникам уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное производство, руководитель следственного органа, следователь, вред, причиненный преступлением, добровольное возмещение вреда

Для цитирования: Зинов Б. П. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как неотъемлемое условие прекращения уголовного дела (уголовного преследования), в досудебном уголовном производстве // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 43–50. EDN: RFHWKI.

Original article

Compensation for damage caused by a crime as an essential condition for the termination of a criminal case (criminal prosecution) in pre-trial criminal proceedings

Boris P. Zinov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, bzinov@mvd.ru

Abstract. The issues of increasing the effectiveness of the investigator and inquirer in compensation for damage caused by a crime are considered. It has been established that the institution of voluntary compensation for damage caused by a crime finds its place in criminal proceedings, and, as is known, it can be carried out in several ways: compensation for things of the same kind and quality, instead of lost; correction of damaged things; compensation for damage in monetary terms; compensation for damage that was caused as a result crimes committed by a minor. It is proved that in the case when the object of criminal encroachment is returned in full, the property rights of the victim will be considered restored, and therefore, property damage will not be considered. This implies that the victim will own, use and dispose of the property as before the crime was committed. In conclusion, it is concluded that the explanatory activity of the investigator and the inquirer plays an important role in deciding whether to send a criminal case to court. This activity consists in explaining certain provisions to participants in criminal proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, head of the investigative body, investigator, harm caused by a crime, voluntary compensation for harm

For citation: Zinov B. P. Compensation for damage caused by a crime as an essential condition for the termination of a criminal case (criminal prosecution) in pre-trial criminal proceedings. Forensic science and research. 2026;(1):43–50. (In Russ.). EDN: RFHWKI.

На сегодняшний день возмещение вреда, причиненного преступлением, подразумевает деятельность по восполнению причиненного преступлением имущественного вреда, компенсацию убытков в форме упущенной выгоды, возмещение морального вреда и вреда деловой репутации, а также возмещение физического вреда.

В качестве видов вреда М. Ф. Федоров выделяет следующие [10, с. 377]:

1) имущественный вред;

© Зинов Б. П., 2026

2) физический вред — всегда проявляется в физических страданиях человека. Физические страдания — это индивидуальные ощущения и боли, которые человек испытывает в результате физического вреда. Они могут быть временными или постоянными, их степень может варьировать от незначительной до серьезной;

3) моральный вред — это психологические или эмоциональные страдания, вызванные преступлением. Включает ощущения тревоги, страха, стресса, психологического дискомфорта и нарушения душевного равновесия.

Общеизвестно, что существует и вред деловой репутации, причиненный исключительно юридическим лицам, потерпевшим от преступлений.

Отметим, что А. В. Коробкин и Т. П. Бутенко приходят к мнению о том, что «возмещение вреда — это межотраслевой институт» [3, с. 174].

И с этим невозможно не согласиться. Возмещение вреда, причиненного преступлением, закреплено во многих нормативных правовых актах, в том числе и международных. Речь о них более подробно пойдет в следующем параграфе настоящей работы. А пока только отметим, что Декларация основных принципов международного правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью была создана с целью защиты прав пострадавших лиц. Она закрепляет необходимость установления и укрепления национальных компенсационных фондов для возмещения ущерба, когда это невозможно осуществить по различным причинам, таким как финансовая неплатежеспособность виновного лица или его необнаружение.

Ст. 52 Конституции РФ также в значительной мере отражает этот всемирно признанный принцип, утверждая охрану прав жертв преступлений и злоупотреблений властью по закону.

В тождестве с основным законом нашего государства действует и ст. 6 УПК РФ, относящаяся к разделу «Принципы уголовного процесса», подтверждает, что основной целью судебных процессов является защита прав и законных интересов пострадавших от преступлений физических и юридических лиц.

На основании принципа возмещения вреда, причиненного преступлением, каждый, кому был причинен вред в результате совершения противоправных действий, имеет право на возмещение ущерба. Это право состоит в неразрывной связи с Конституцией РФ, что является не только юридической обязанностью, но и моральной обязанностью правового государства перед гражданами.

В. И. Коваленко в свою очередь определяет, что «возмещение ущерба является не только элементом уголовного процесса, но и является механизмом обеспечения справедливости и правопорядка внутри страны» [2, с. 145].

Следующим нормативным правовом актом, который необходимо рассмотреть в рамках исследуемой темы, является ГК РФ. В частности, наибольший интерес представляет гл. 59 ГК РФ, которая регулирует право потерпевшего на компенсацию вреда и определяет следующие возможности:

1) полное возмещение вреда — потерпевший имеет право на полное восстановление нарушенных прав и интересов, включая моральный, физический и имущественный вред. Это означает, что потерпевший вправе требовать возмещение всех видов вреда, если этот вред будет подтвержден;

2) определение размеров ущерба — потерпевший имеет право обратиться в органы предварительного расследования или в органы прокуратуры с требованием установить точный размер ущерба, который был ему причинен.

Истец должен представить достоверные доказательства, подтверждающие размер вреда, чтобы суд имел возможность обосновать требуемое возмещение. Если доказательства отсутствуют или не удовлетворительны, суд может отказать в возмещении ущерба и рассмотрении гражданского иска.

Определение размера вреда также может иметь влияние на степень общественной опасности преступления и его квалификацию. Например, если вред является значительным, преступление может быть признано особо тяжким и наказание за него будет более строгим.

Истец имеет право определить сумму иска и суд будет принимать это во внимание при определении размера возмещения в соответствии с применимыми нормами УПК РФ и других законов. Тогда суд может решить обоснованность иска и в итоге определить размер возмещения, который будет соответствовать причиненному ущербу.

В ст. 44 УПК РФ предусмотрено, что гражданин может подать гражданский иск по поводу возмещения морального вреда и затрат, которые связаны с восстановлением нарушенных прав. Согласно рассматриваемой статье, истец обязан указать точный

размер возмещаемого вреда, которую он считает полной и справедливой.

Однако, как подчеркивает М. Ф. Федоров, несмотря на то, что потерпевший сам заявляет сумму вреда, окончательное решение все же зависит от того, какое решение примет суд на основании доказанности причинения вреда [10, с. 378]. Соглашаясь с мнением автора, суд должен учитывать тяжесть преступления и способность подозреваемого/обвиняемого возместить заявленный ущерб. Это подчеркивает важность судейской оценки, так как каждое преступление индивидуально.

Однако окончательное решение принимает суд, который рассматривает все обстоятельства дела и принимает обоснованное решение о размере компенсации, если таковая признается уместной. В случае, когда предмет преступного посягательства был возвращен полностью, то имущественные права потерпевшего будут считаться восстановленными, в связи с чем, имущественный ущерб рассматриваться не будет.

Чтобы подтвердить факт нанесения физических увечий и как следствие для устранения последствий, причиненных преступлением, необходимо медицинское заключение. В некоторых случаях, чеки от покупки медикаментов также будут являться подтверждением нанесения физических увечий.

Однако последствия от физических увечий возместить полностью не всегда возможно. Условно такие последствия носят название «постоянные» или «долгосрочные». В таких случаях гражданин, который получил «долгосрочные» увечья, может рассчитывать на моральную компенсацию.

Добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением, может быть осуществлено несколькими способами:

1) возмещение вещи такого же рода и качества, взамен утраченной;

2) исправление поврежденной вещи;

3) компенсация вреда в денежном эквиваленте.

Однако, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» содержит четвертый способ возмещения вреда, а именно заглаживание вреда, который был причинен в результате преступления, совершенном несовершеннолетним [7].

Возмещение вреда напрямую зависит от правильного применения всех рассмотренных ранее процессуальных и организационных мер. Это подтверждается и статистическими данными. Например, за 2025 г. было возмещено более 110 млрд руб., о чем свидетельствуют данные, полученные с официального сайта МВД России.

После завершения стадии предварительного расследования, следователь (дознаватель) обязан удостовериться, что предпринял все необходимые меры по возмещению вреда потерпевшему. Это является важным условием обеспечения принципа законности последующего направления уголовного дела в суд.

В частности, Д. А. Иванов подчеркивает, что «дознаватель должен активно способствовать реализации прав потерпевшего на возмещения вреда, а именно разъяснять возможность предъявления иска и процедуру его предъявления, а также обеспечивать сбор всех необходимых доказательств по уголовному делу» [1, с. 3].

Важнейшую роль при принятии решения о направлении уголовного дела в суд имеет разъяснительная деятельность следователя и дознавателя. Такая деятельность заключается в разъяснении отдельных положений участникам уголовного судопроизводства. В частности, особо важна деятельность по разъяснению обвиняемому права на добровольное возмещение вреда, что позволит прекратить уголовное дело на основании ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ.

Так, *дознаватель ОД ОМВД России по району Измайлово г. Москвы, расследуя уголовное дело № XXXXXXX, возбужденное 25 мая 2023 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, своевременно разъяснил подозреваемому право на добровольное возмещение вреда, в связи с чем уголовное дело было прекращено. Подозреваемый от уголовной ответственности был освобожден.*

В качестве положительного примера системной работы следователя по возмещению причиненного преступлениями вреда, можно привести уголовное дело № XXXXXXX по обвинению Л. в совершении 69 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 (1), ч. 4 ст. 159 (50), ч. 1 ст. 187 (1), п. «б» ч. 4 ст. 174.1 (1), п. «б» ч. 2 ст. 165 (16) УК РФ, в рамках реализации муниципальных контрактов на приобретение жилых помещений (квартир) в строящихся многоквартирных жилых домах для нужд администрации Анжеро-Судженского городского округа, сумма ущерба

составила свыше 148 млн рублей. Следователем наложен арест на имущество обвиняемого и третьих лиц стоимостью 145 млн рублей. Кроме того, в результате разъяснения Л. положений п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, предусматривающих заглаживание вреда в качестве смягчающего обстоятельства, последним добровольно возмещено 2 млн рублей. 2 мая 2024 г. уголовное дело направлено в суд.

При этом изучение материалов уголовных дел позволило выявить и негативные тенденции в данном виде деятельности следователей и дознавателей. Так, *уголовное дело № XXXXXXXX, возбужденное 25 декабря 2019 г. СО МО МВД России «Барун-Хемчикский» Республики Тыва в отношении С. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, по факту кражи в Монголии 26 лошадей. Срок предварительного следствия продлевался до 12 месяцев без проведения необходимых следственных действий. Потерпевший по уголовному делу не допрошен, имущественный вред не возмещен. При этом, 25 декабря 2023 г. уголовное дело в отношении С. прекращено по ст. 28 УПК РФ (деятельное раскаяние), несмотря на то, что в отношении него УФСБ России по Республике Тыва расследовалось уголовное дело по ст. 322 УК РФ и 28 февраля 2024 г. Овюрским районным судом он осужден к 3 годам лишения свободы условно.*

Аналогично по уголовному делу № XXXXXXXX по обвинению Я. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, место возникновения преступного умысла Я. на совершение инкриминируемого преступления указано, как «Чувашская Республика, ул. Московская д. 125», что не может соответствовать действительности, так как не указан населенный пункт. В условиях полного отсутствия возмещения ущерба, не принято мер по установлению наличия движимого и недвижимого имущества, банковских счетов и денежных средств родителей несовершеннолетнего Я., подлежащих аресту в целях возмещения причиненного ущерба и возможных штрафных санкций. Арест на имущество, счета и денежные средства не наложен.

Данные факты свидетельствуют как о положительных аспектах деятельности следователей (дознавателей) по возмещению причиненного преступлением вреда, так и о низком уровне данного рода деятельности. Разумеется, эти вопросы находятся на контроле руководства органов предварительного расследования и ежедневно принимаются соответствующие управленческие решения. Вот некоторые из них:

1) со следователями следственных подразделений проводятся семинарские занятия, в ходе которых дополнительно изучаются методические рекомендации, разработанные Следственным департаментом МВД России;

2) в следственные подразделения для изучения и использования в практической деятельности также направляется информация о положительном опыте работы следователей органов внутренних дел иных субъектов Российской Федерации в данном направлении служебной деятельности;

3) в ходе заседаний рабочих групп с участием заинтересованных оперативных подразделений рассматриваются уголовные дела, находящиеся в производстве органов предварительного следствия области, намечаются совместные мероприятия, направленные на возмещение причиненного ущерба, в том числе реализация которых запланирована в разных субъектах России;

4) следователями проводятся следственные действия, иные мероприятия, направленные на отыскание и изъятие имущества подозреваемых (обвиняемых) с целью наложения на него ареста;

5) начальникам территориальных органов предписано по всем фактам задержания мошенников-курьеров по IT-хищениям в обязательном порядке проводить в дежурные сутки обысковые мероприятия по месту их жительства с целью изъятия имущества и денежных средств для обеспечения дальнейшего возмещения ущерба потерпевшим;

6) организация и результаты работы по возмещению ущерба на периодической основе рассматриваются при изучении вопросов об итогах деятельности ГСУ (СУ, СО), а также для достижения положительных результатов, руководством ГСУ (СУ, СО) вопросы обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлениями постоянно выносится на обсуждение коллегий ГУ (У) МВД по субъектам.

Уточним, что это далеко неисчерпывающий перечень всех мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности по возмещению вреда, причиненного преступлениями. Однозначно только комплексный и многоуровневый спектр деятельности всех заинтересованных органов и должностных лиц позволит достичь максимально положительного результата.

Далее следует особо подчеркнуть, что в отечественной литературе существует мнение о том, что применять ст. 25, 28 УПК РФ нецелесообразно. Например, И. А. Насонова и А. В. Ливенцева придерживаются мнения о том, что «прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон никак не связано с добровольным возмещением вреда» [5, с. 144]. Примирение сторон обозначает лишь желание потерпевшего примириться с подозреваемым.

При этом, Д. О. Михайлов в свою очередь, выступает за примирение сторон. В данном случае автор придерживается позиции, что «применение ст. 25 УПК РФ допустимо лишь тогда, когда преступление совершено в отношении конкретного лица» [4, с. 98]. Это обусловлено возмещением вреда, так как он возмещается конкретному лицу, за конкретное деяние.

Укажем и еще один способ возмещения вреда, предусмотренный уголовно-процессуальным законом.

В частности, ст. 115 УПК РФ определяет возможность наложения ареста на имущество с целью обеспечения гражданского иска и имущественных взысканий; т. е., на основании данной статьи можно сделать вывод о том, что такой способ применяется лишь при причинении имущественного вреда. Однако, Д. А. Иванов считает, что данный способ может обеспечивать возмещение как имущественного, так и морального вреда [1, с. 3]. Размер компенсации вреда, истец определяет самостоятельно; в связи с этим возникают сложности в установлении реального размера вреда и наложении ареста на имущество. Часто размер вреда, заявленный истцом, бывает завышен и не соответствует реальному размеру вреда. На основании этого, также необходимо внесение изменений в законодательство.

Так, *в соответствии с постановлением Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 16 августа 2018 г. было отказано в удовлетворении ходатайства дознавателя о наложении ареста иска на S доли 6 жилого помещения, принадлежащего Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска [6, с. 4]. Суд аргументировал свою позицию тем, что стоимость доли жилого помещения на основании представленных документов, не менее 250 тысяч рублей. А это значительно превышает размер вреда, заявленный в гражданском иске в 56 тысяч рублей.*

Е. В. Смирнова считает, что необоснованность сумм возмещения вреда, приводит к затягиванию процесса доказывания по уголовному делу [9, с. 54]. Автор приходит к выводу о том, что существует необходимость в закреплении четких критериев соразмерности причиненного вреда и возмещаемого вреда.

На основании мнения автора, приходим к мнению, что необходимо разработать методические рекомендации для следователей, дознавателей и судей, которые будут отвечать требования соразмерности вреда и будут основываться на видовых особенностях совершенного преступления.

Согласно статистическим данным Генеральной Прокуратуры РФ за 2026 г., материальный ущерб составил 399 млрд руб., из них 231,3 млрд приходятся на экономические преступления. За 2026 г. в Москве, благодаря работе полиции, удалось возместить более 120 млрд руб. ущерба, причиненного действиями мошенников.

В частности, в Следственном управлении УМВД России по Псковской области ежемесячно по уголовным делам, запланированным на окончание в текущем месяце, в соответствии с требованиями приказа МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России» [8] и ведомственной оценки, составляется расчет показателя возмещения вреда, который направляется руководителям подразделений органов предварительного расследования, дислоцированных на территории Псковской области. В 2025 г. обеспечено возмещение 64,7 % причиненного ущерба, сумма причиненного ущерба составила 323 млн руб., возмещенного — 207 млн руб. (2024 г. — 24,3 %, причиненный — 70 млн руб., возмещенный — 17 млн руб.).

Говоря о более детальных действиях и решениях следователей и дознавателей по возмещению причиненного преступлениями вреда, можно привести следующий пример. В частности, *22 марта 2024 г. следователем СУ УМВД России по г. Кургану совместно с сотрудниками ОБК УМВД России по Курганской области осуществлена служебная командировка в г. Екатеринбург Свердловской области, где проведен обыск по месту жительства Т., привлекаемого к уголовной ответственности за совершение хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по уголовному делу № XXXXXXXXXX. В ходе обыска среди прочего изъят мобильный телефон «Iphone 14 Pro» («Айфон*

14 Про»). Принятыми мерами, удалось обеспечить возмещение потерпевшим ущерба в полном объеме на общую сумму 118 тыс. руб.

Аналогично по уголовному делу № XXXXXXXX, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, по факту хищения имущества С., при надлежащем взаимодействии между сотрудниками следствия и оперативными подразделениями, грамотно спланированной работе, задержаны «курьеры» Б. и М., совершавшие преступления в составе организованной группы, которые впоследствии добровольно возместили в полном объеме причиненный имущественных вред в 937 070 рублей.

Имеются и отрицательные показатели данного вида деятельности. Так, в два и более раза снизилась результативность работы по данному направлению в органах предварительного следствия МВД по Республикам Коми, ГУ (У) МВД России по Камчатскому и Красноярскому краям, Саратовской, Курганской, Амурской, Брянской, Калужской областям.

В частности, относительно проводимой работы по возмещению вреда, причиненного преступлениями, в результатах проверки СУ УМВД России по Курганской области отмечено, что, несмотря на принимаемые меры, в 2025 г. не обеспечено надлежащее возмещение причиненного вреда по оконченным уголовным делам, удельный вес которого составил 25,2 %, а удельный вес арестованного имущества только 8,5 %. *Низкие показатели возмещенного вреда обусловлены окончанием в июне 2023 г. резонансного уголовного дела по обвинению генерального директора ООО «С-ДСУ 111» Калашникова А. А. в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 7 ст. 159 УК РФ, связанных с мошенническими действиями при строительстве автомобильной дороги Р-254 «Иртыш», где сумма причиненного имущественного вреда составила 319 507 622 рубля, при возмещении в 32 000 000 руб. и аресте имущества на сумму 3 283 463 руб. Препятствием для полного возмещения причиненного имущественного вреда и ареста имущества явилось наличие возбужденного сотрудниками следственного комитета Тульской области уголовного дела в отношении руководителя ООО «С-ДСУ 111» по фактам невыплаты заработной платы и неуплаты налогов, в рамках которого все имущество обвиняемых, в том числе К., изъято и арестовано.*

В отдельных случаях имеют место факты минимальной или отсутствующей результативности принимаемых мер, направленных на возмещение ущерба, причиненного преступлениями. *В качестве примера можно привести уголовное дело № XXXXXXXXX, оконченное в 2023 г., связанное с незаконными рубками лесных насаждений, где при подсчете ущерба Департаментом природных ресурсов применяются специальные коэффициенты, завышающие фактическую стоимость (ущерб 22 млн руб., возмещен на 30 %), изъяты техника, бензопилы и другое имущество.*

Подытоживая сказанное важно подчеркнуть, что возможность возмещения вреда в уголовном процессе — важное средство защиты лиц, потерпевших от преступных посягательств. Это дополнительная, причем весьма ощутимая материально, гарантия обеспечения прав лиц, потерпевших от преступлений.

Между тем применительно к освобождению от уголовной ответственности, например, в связи с примирением с потерпевшим Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 пояснил, что возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (ст. 75–76.1 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия или одобрения) другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий (например, в связи с заключением под стражу, отсутствием у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества). В случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 199 и 199.1 УК РФ, возмещение ущерба допускается и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется лицу (примечание 2 к ст. 199 УК РФ).

Полагаем, что заложенная Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в данные разъяснения идея должна использоваться и при толковании формулировки ст. 76.2 УК РФ.

Главное, чтобы это произошло добровольно и по инициативе подозреваемого, обвиняемого. Обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, загладить вред в будущем вне зависимости от наличия у него объективной возможности для их выполнения не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности.

Аналогичные данные были получены нами и при проведении анкетирования следователей и дознавателей. Так, на вопрос о том, важно ли в материалах уголовного дела отразить факт реального возмеще-

ния причиненного вреда подозреваемым (обвиняемым), абсолютное большинство 98,3 % опрошенных ответили положительно.

Абсолютно обоснованно утверждает Д. А. Иванов, говоря о том, что «наличие в материалах уголовного дела документов, подтверждающих расходы потерпевшего, уже является основанием для компенсации ему понесенных расходов со стороны подозреваемого, обвиняемого, но, естественно, в добровольном порядке.

Речь здесь не идет о каких-либо взысканиях в пользу потерпевшего, так как это является прерогативой суда при вынесении итогового решения по делу. Говорится лишь о том, что задача следователя, дознавателя в данном случае состоит в разъяснении сущности добровольного возмещения вреда подозреваемому, обвиняемому как одного из оснований смягчения ответственности либо достижения примирения с потерпевшим (в том числе с последствиями в виде прекращения уголовного дела или уголовного преследования в порядке ст. 25 УПК РФ)».

Таким образом, по итогам настоящего исследования видится логичным и обоснованным сделать следующие выводы и предложения.

1. Аргументирован вывод о том, что историко-правовой подход к изучению проблем возмещения вреда позволяет выявить эволюцию этого правового института и понять его современное состояние, определить его значимость для уголовно-процессуальной деятельности и определить тенденции в развитии.

2. Доказан вывод о том, что важнейшую роль при принятии решения о направлении уголовного дела в суд имеет разъяснительная деятельность следователя и дознавателя. Такая деятельность заключается в разъяснении отдельных положений участникам уголовного судопроизводства. В частности, особо важна деятельность по разъяснению подозреваемому (обвиняемому) права на добровольное возмещение вреда, что позволит прекратить уголовное дело на основании ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ.

3. Доказана необходимость внесения изменений в ст. 5 УПК РФ, а именно дополнение статьи понятием «добровольное возмещение вреда». Так, автор предлагает дополнить ст. 5 УПК РФ п. 6.1 в следующей редакции: «Добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением — это добровольные действия подозреваемого, обвиняемого или иного лица, несущего по закону материальную ответственность за их действия, направленные на восстановление нарушенного имущественного или неимущественного положения потерпевшего, которые могут повлечь прекращение уголовного дела (уголовного преследования), а также отсутствие отрицательного социального последствия в виде наличия судимости».

Список источников

1. Иванов Д. А. Наложение ареста на имущество, как мера процессуального принуждения, применяемая в целях обеспечения возмещения имущественного и морального вреда, причиненного преступлением // Молодой ученый. 2016. № 25.1. С. 2–4.

2. Коваленко В. А. Теоретические и практические особенности рассмотрения института возмещения вреда путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 144–155.

3. Коробкин А. В., Бутенко Т. П. Понятие и правовая природа института возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2022. № 3А. С. 174–179.

4. Михайлов Д. О. Судебный штраф в уголовном праве России: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2021.

5. Насонова И. А., Ливенцева А. В. Роль института прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 140–145.

6. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // URL: https://www.vsrf.ru/files/27667/?ysclid=m2aszcx0og448076743

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России» // СПС «Гарант».

9. Смирнова Е. В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного

преступлением, в уголовном судопроизводстве России: дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2017.

10. Федоров М. Ф. Возмещение вреда, причиненного преступлением // Молодой ученый. 2022. № 18. С. 377–379.

References

1. Ivanov D. A. Seizure of property as a measure of procedural coercion used to ensure compensation for property and moral damage caused by a crime // Young Scientist. 2016. No. 25.1. P. 2–4.

2. Kovalenko V. A. Theoretical and practical features of considering the institution of compensation for harm by filing a civil claim in criminal proceedings // Actual problems of Russian law. 2021. No. 12. P. 144–155.

3. Korobkin A. V., Butenko T. P. The concept and legal nature of the institution of compensation for damage caused as a result of the commission of a crime // Issues of Russian and international law. 2022. No. 3A. P. 174–179.

4. Mikhailov D. O. Judicial fine in the criminal law of Russia: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2021.

5. Nasonova I. A., Liventseva A. V. The role of the institution of termination of a criminal case or criminal prosecution in connection with the imposition of a criminal law measure in the form of a court fine // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. P. 140–145.

6. Review of the practice of court consideration of petitions for seizure of property on the grounds provided for in Part 1 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // URL: https://www.vsrf.ru/files/27667/?ysclid=m2aszcx0og448076743

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011 No. 1 (as amended on October 28, 2021) «On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors» // LRS «ConsultantPlus».

8. Order No. 1040 of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 31, 2013 «Issues of assessing the activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // LRS «Garant».

9. Smirnova E. V. Legal regulation and issues of practice of compensation for harm caused by a crime in criminal proceedings in Russia: diss. ... candidate of legal sciences. Volgograd, 2017.

10. Fedorov M. F. Compensation for harm caused by a crime // Young scientist. 2022. No. 18. P. 377–379.

Библиографический список

1. Иванов Д. А. Назначение и производство на стадии возбуждения уголовного дела судебно-медицинской экспертизы в целях установления тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Сотрудничество в сфере экспертной деятельности: междунар. круглый стол: сб. науч. тр. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 88–93.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2013. 5 июля.

Bibliographic list

1. Ivanov D. A. Appointment and conduct of a forensic medical examination at the stage of initiation of a criminal case in order to establish the severity of the harm caused to the victim's health // Cooperation in the field of expert activity: international round table: collection of scientific papers. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2018. P. 88–93.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2013 No. 19 «On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and procedure for exemption from criminal liability» (with amendments and additions) // Rossiyskaya Gazeta. 2013. July 5.

Информация об авторе

Б. П. Зинов — соискатель факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

B. P. Zinov — Applicant of the Faculty of Scientific and Scientific-pedagogical Personnel Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 12.03.2026.
The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 12.03.2026.

Научная статья
УДК 343.98
EDN: https://elibrary.ru/sjvojp
NIION: 2022-0089-1/26-377
MOSURED: 77/27-031-2026-01-377

Информационные отметки на объектах, имеющих криминалистическое значение: классификация применяемых технологий и способов нанесения

Анатолий Викторович Иванов
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, iv_tol@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные со способами нанесения информационных отметок, имеющихся на промышленно-изготовленных изделиях, ставших объектами внимания сотрудников полиции при проведении ими следственных действий и производстве судебных экспертиз; даны основные понятия, касающиеся данного направления исследования; для единообразного использования в интересах органов внутренних дел предложена авторская классификация известных способов нанесения информационных отметок. Материал статьи является продолжением ранее проведенного исследования «Информационные отметки на объектах, имеющих криминалистическое значение: основные понятия и классификация видов», в соответствии с которым к информационным отметкам следует относить: маркировочные обозначения, оттиски клейм и некоторые элементы декора.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, информационная отметка, маркировочное обозначение, оттиск клейма, декор, технология, способ нанесения

Для цитирования: Иванов А. В. Информационные отметки на объектах, имеющих криминалистическое значение: классификация применяемых технологий и способов нанесения // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 51–64. EDN: SJVOJP.

Original article

Information markings on objects of forensic significance: classification of applied technologies and methods of application

Anatoly V. Ivanov
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, iv_tol@inbox.ru

Abstract. Discusses issues related to the methods of applying information marks on industrial-made products that have become the focus of police officers' attention during investigative actions and forensic examinations. The article provides basic concepts related to this area of research and proposes an author's classification of known methods of applying information marks for uniform use by law enforcement agencies. The article is a continuation of a previously conducted study, «Information Markings on Objects of Forensic Significance: Basic Concepts and Classification of Types», which suggests that information markings include labeling, stamp impressions, and certain decorative elements.

Keywords: forensics, forensic examination, information mark, marking designation, stamp impression, decor, technology, and application method

For citation: Ivanov A. V. Information markings on objects of forensic significance: classification of applied technologies and methods of application. Forensic science and research. 2026;(1):51–64. (In Russ.). EDN: SJVOJP.

В ходе проведения следственных действий и производства судебных экспертиз сотрудникам полиции часто приходится описывать на промышленных изделиях информационные отметки, наносимые в соответствии с технологическим процессом предприятия-изготовителя. В настоящем исследовании представлены результаты исследования способов нанесения информационных отметок, применяющихся в разных отраслях промышленности. В ходе исследования выявлены некоторые различия в терминологии, чаще всего касающиеся именования процесса нанесения информационных отметок в разных источниках. Результаты исследования нашли свое отражение в авторской классификации применяемых технологий и способов нанесения информационных отметок, опирающейся на технологические особенности и адаптированной для использования в криминалистических целях.

Механическая технология нанесения информационных отметок промышленных изделий преду-

© Иванов А. В., 2026

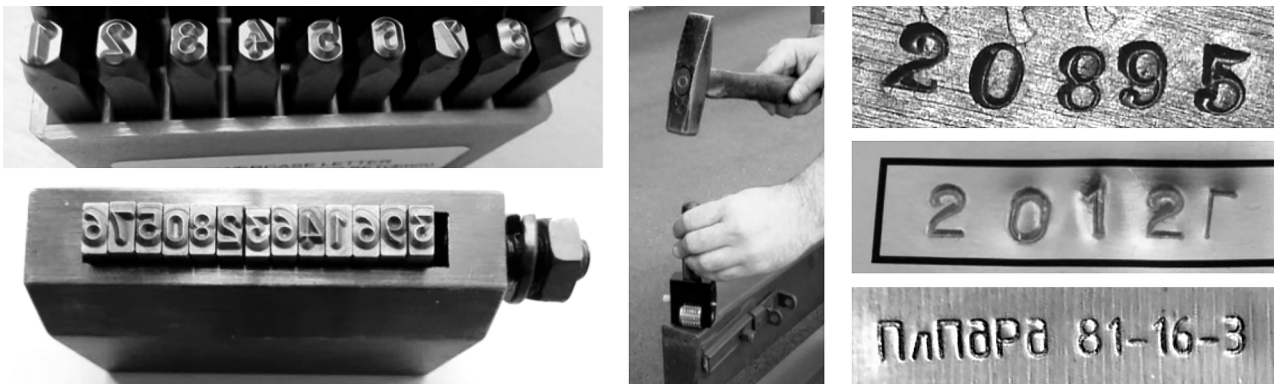

Рис. 1. Нанесение знаков маркировочного обозначения ударным способом: слева: набор знаков, обойма гидравлического пресса; в центре: процесс знаков ударным способом с использованием молотка и обоймы; справа, сверху вниз: рельефные знаки на стальной и алюминиевой поверхностях, нанесенные отдельными пуансонами и обоймой

сматривает воздействие маркиратора[1] или клейма непосредственно на материал (обычно на твердые поверхности из металла, полимеров и древесины). Рабочая часть маркиратора или клейма, фрезы и пр. оставляет на поверхности углубления, образуя при этом визуально различимый рельеф на поверхности. Воздействие маркиратора может быть контактным и бесконтактным.

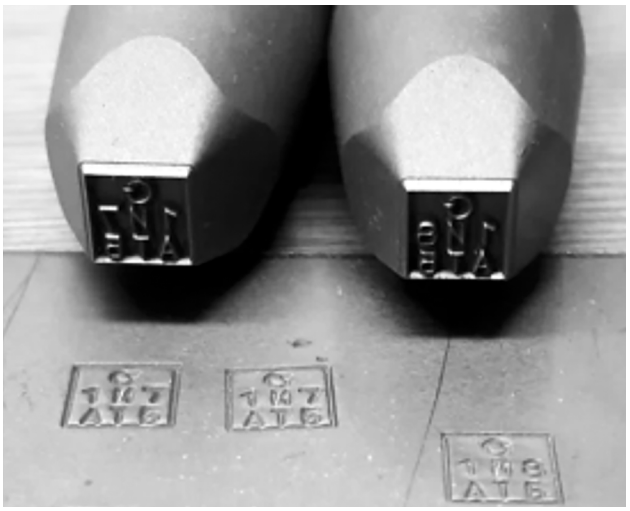

Рис. 2. Нанесение оттисков клейм ударным способом

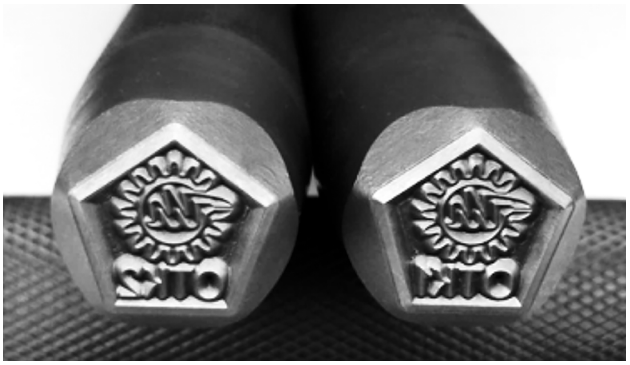

Рис. 3. Клейма отдела технического контроля (ОТК), содержащие логотип предприятия – изготовителя товара

Ударный способ — способ контактного нанесения маркировочных обозначений или оттисков клейм с использованием отдельных пуансонов[2] из твердосплавного металла, на конце которых имеется выступающий над поверхностью знак маркировки или клеймо в зеркальном получаемому оттиску отображению (рис. 1). Информационные отметки с использованием ударного способа наносят на изделия из материала, способного к остаточной деформации (древесина, пластик или металл), при этом рельефный знак, закрепленный на головке пуансона, за счет выступания над поверхностью, при контакте сминает более мягкий материал, образуя рельефные оттиски, глубина которых регулируется силой удара по верхней части пуансона.

Аналогичным образом, используя пуансоны с клеймами (так называемые ударные клейма), получают рельефные оттиски клейм (рис. 2). Некоторые пуансоны одновременно содержат на рабочей части и рельефные маркировочные обозначения и клейма (рис. 3).

Признаками ударного способа с использованием отдельных пуансонов являются наблюдаемые невооруженным глазом: небольшие отличия интенсивности смятия металла в противоположных частях знака; несоосность знаков относительно друг друга; разная глубина знаков в одном маркировочном обозначении или даже отсутствие части знака; наложение знаков друг на друга.

[1] Маркираторы бывают: ручные, настольные, встраиваемые, комбинированные, прочерчивающие.

[2] Пуансон — это монолитное изделие из легированного металла, которым воздействуют на заготовку с целью ее деформации.

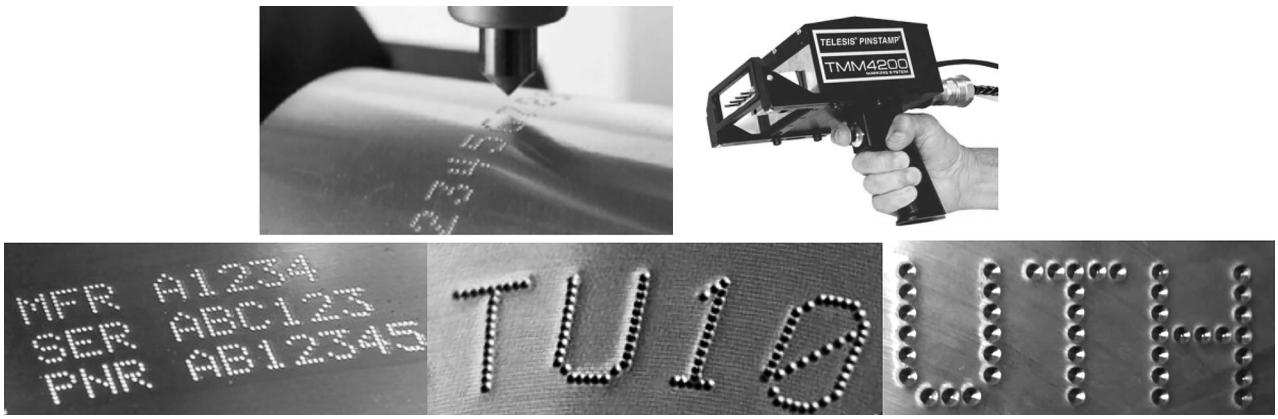

Рис. 4. Ударно-точечный способ: сверху — головка маркиратора в станке и ручной игольчатый пистолет; снизу — знаки маркировки

Признаками ударного способа с использованием обоймы, состоящей из закрепленных в рамке нескольких пуансонов, являются несоосность осевых линий информационной отметки и элементов изделия, небольшие отличия интенсивности смятия металла в противоположных частях информационной отметки. В настоящее время ударный способ обычно используют для нанесения маркировочных обозначений в местах, труднодоступных для автоматизированного маркиратора.

Ударно-точечный способ — способ контактного нанесения маркировочных обозначений на металлические изделия, при котором знаки маркировки образуются в результате ударного деформирующего воздействия на поверхность твердосплавных игл, расположенных соответствующим образом в головке автоматического маркиратора[3] (рис. 4).

Признаками данного способа является наличие знаков, которые состоят из отдельных рельефных углублений в форме точек с дном конической или полусферической формы, глубина которых зависит от настроек маркиратора.

Помимо автоматических, применяют также ручные маркираторы, такие как: виброкарандаш или игольчатый пистолет, которые дают возможность нанесения маркировок на тонкий металл. Ударно-точечный способ достаточно распространен, отличается высокой точностью, удобен для серийного нанесения даже очень мелких знаков на закругленные поверхности (при производстве инструментов, в автомобилестроении и др.).

Тиснение — способ контактного нанесения информационных отметок, при котором знаки маркировки выдавливают на поверхности материала с использованием пресса (рис. 5). Чаще всего способ тиснения используют для маркирования кожаных или

[3] Другое название — кернение точками.

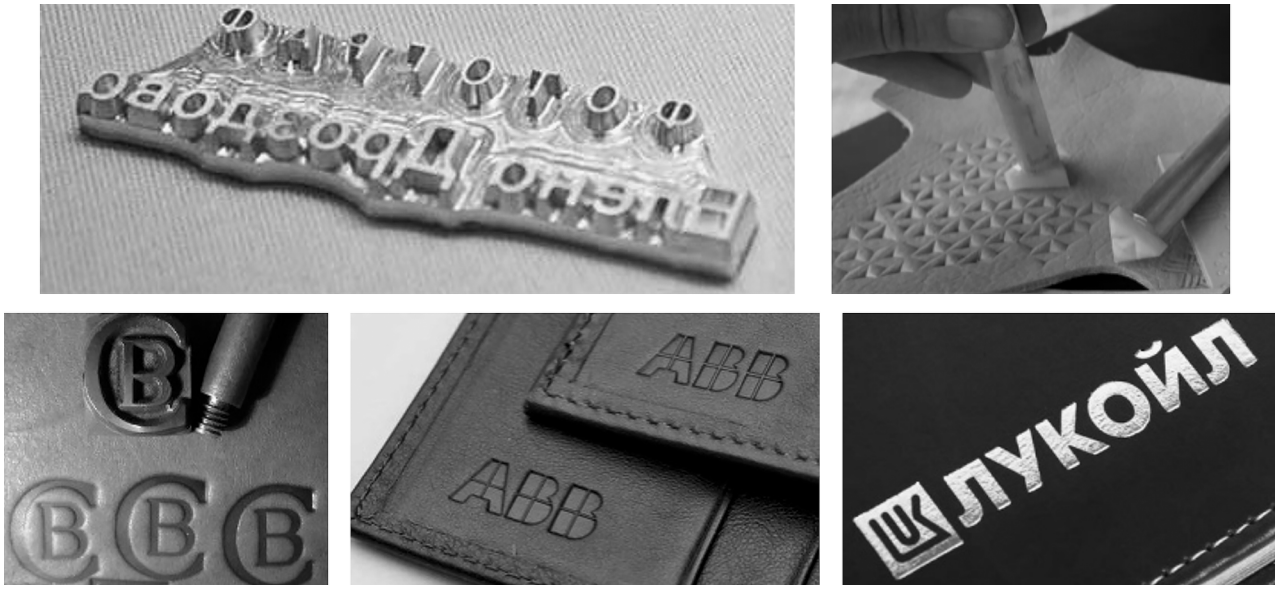

Рис. 5. Маркирование путем тиснения (внизу, слева направо: горячее, блинтовое и фольгой)

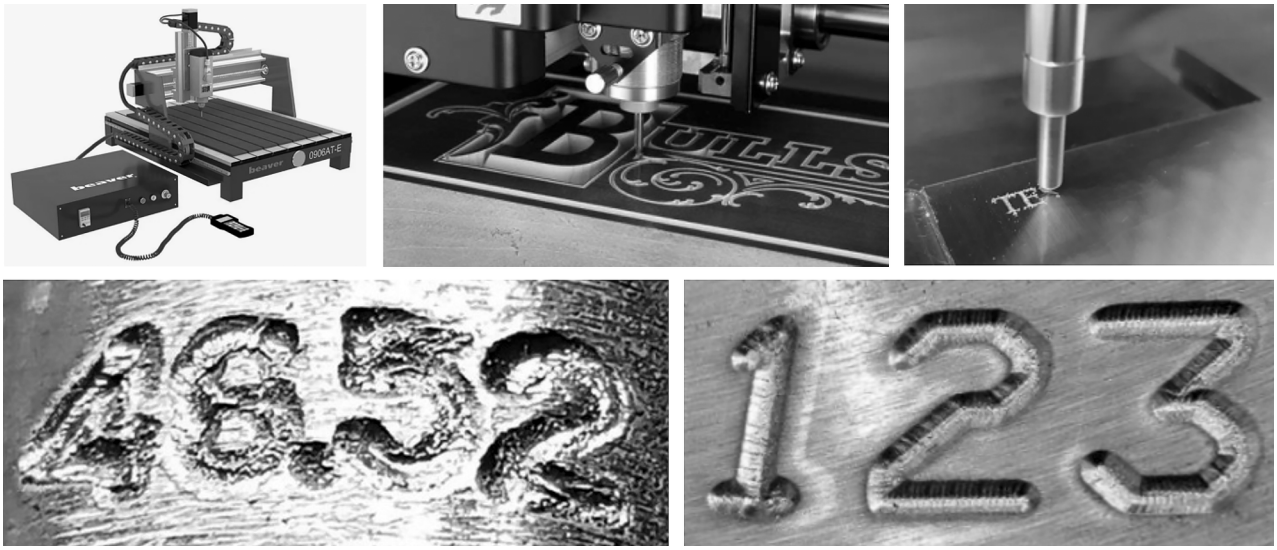

Рис. 6. Фрезерное гравирование

картонных изделий одним из видов: блинтовое (одностороннее), конгревное (двухстороннее), фольгой (сухое и мокрое), термическое (горячее и холодное).

Фрезерное гравирование[4] — способ контактного нанесения маркировочных обозначений или декора с использованием фрезерных станков с числовым программным управлением (ЧПУ) по заданной программе.

Вращающаяся фреза, обрабатывая поверхность заготовки по заранее определенному контуру, заданному в программе обработки, удаляет часть материала и создает углубления 0,1–0,8 мм (рис. 6). Рельеф дна углублений представляет собой неразличимые невооруженным глазом взаимно параллельные линейные уступы. Данный способ является оптимальным для серийной маркировки отдельных деталей, инструментов, оружия, промышленного оборудования.

Лазерное гравирование — способ бесконтактного маркирования, основанный на использовании в качестве источника энергии импульсного лазера высокой мощности, который локально оплавляет, окисляет или испаряет материал (рис. 7). Характерной особенностью знаков и линий декора является наличие более ровных граней по краям и менее выраженными уступами на дне углублений, по сравнению с фрезерным

[4] Гравировка — процесс нанесения на поверхность информационных отметок или декорирование ее орнаментом.

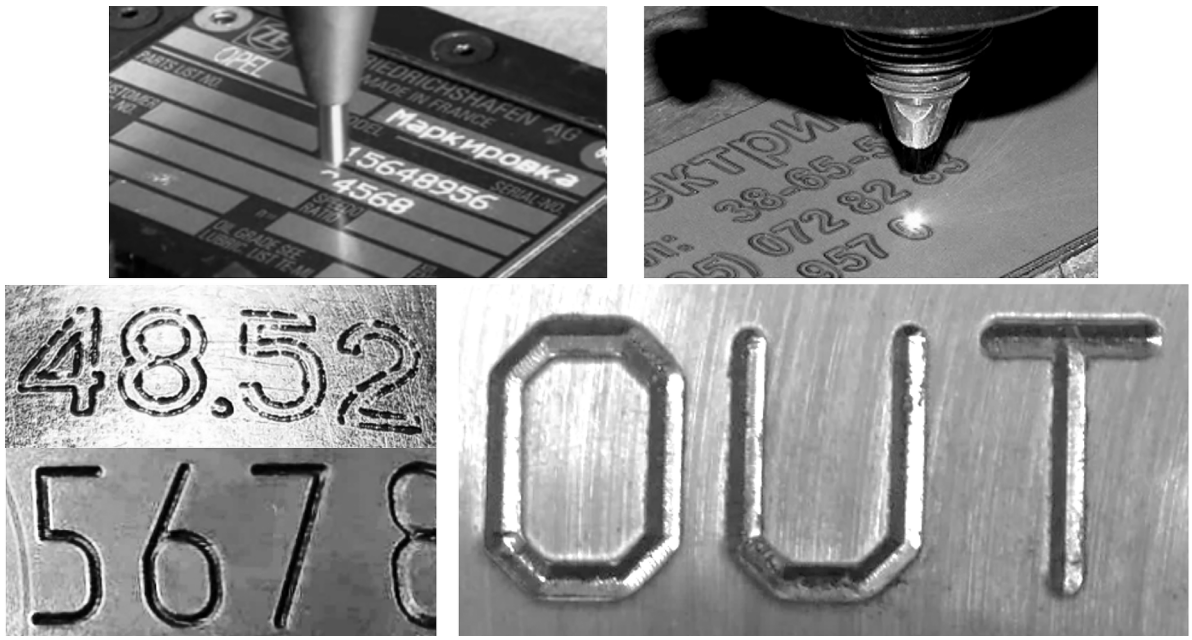

Рис. 7. Лазерное гравирование

Рис. 8. Маркирование литьем в кокиль

гравированием. Способ обычно используют на больших производствах, что обусловлено высокой стоимостью оборудования, повышенным энергопотреблением и вредностью для здоровья.

Литье в кокиль[5] — способ контактного нанесения информационных отметок, при котором изделие получают путем заливки расплавленного металла в заранее приготовленную постоянную литейную форму (рис. 8). После охлаждения в форме и отверждения металла на изделии образуются рельефные выступающие над поверхностью знаки. Способ обычно используют на больших производствах, что обусловлено вредностью для здоровья и наличием необходимого комплекса: необходимого оборудования и цеха для плавления металла.

Штампование — способ контактного нанесения информационных отметок, при котором участок, содержащий знаки маркировки в зеркальном отображении, является неотъемлемой частью формы, которой воздействуют на металлическую поверхность маркируемого изделия (рис. 9). Для нанесения информационных отметок чаще всего используют холодное листовое штампование, в процессе которого происхо-

[5] Кокиль — специальная разборная металлическая форма, которая заполняется расплавом под действием гравитационных сил.

Рис. 9. Маркирование штампованием (знаки вдавленные и выпуклые)

Рис. 10. Маркирование термоклеймением

Рис. 11. Маркирование накаткой

дит деформация металла без предварительного нагрева под давлением контактной части механического пресса. Для нанесения информационных отметок на массивные и трудно деформируемые объекты применяют способ горячего штампования, для чего металл предварительно нагревают до температуры ковки.

Термоклеймение — способ контактного нанесения информационных отметок, который предусматривает выжигание предварительно нагретыми отдельными латунными или стальными клеймами, помещенными в обойму (рис. 10).

Накатка — способ контактного нанесения информационных отметок, который применяют для нанесения знаков маркировки на металлические изделия, имеющие цилиндрические и сферические поверхности с использованием роллинг-машин, снабженных наборными рядами закрепленных в рамке пуансонов, содержащих зеркально отображенные знаки маркировки (рис. 11). К достоинствам можно отнести малошумность и высокую степень автоматизации процесса.

Физико-химические технологии нанесения информационных отметок основаны на протекании на поверхности металла электроэрозионного, химического или электрохимического процессов.

Электроискро́вый способ — способ бесконтактного маркирования и декорирования — основан на воздействии на поверхность металла, покрытой специальной тонкой пленкой с аппликацией, искры высокого тока, образующейся в электроискровом карандаше (рис. 12). Электроискровый способ маркирования обычно используют для маркирования инструментов, печатных плат, бирок, шильд, приборов. Для нанесения знаков маркировки обычно используют электроискровый карандаш, которым воздействуют на верхний слой металла. При воздействии искрой металл плавится на глубину 0,1–10 мкм, образовывая характерный темный след.

Химический способ — способ контактного нанесения информационных отметок обычно называют травлением. Способ основан на контролируемом видоизменении поверхностного слоя металла изделия под действием специально подбираемых химических соединений, основу которых составляют кислота или щелочь (рис. 13).

Рис. 12. Электроискровый способ маркирования

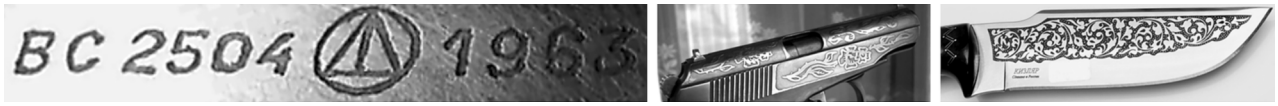

Рис. 13. Химический способ нанесения информационных отметок с помощью трафарета, слева направо: маркировочное обозначение и клеймо, декор, маркировочное обозначение и декор

Существует два способа травления: с использованием штампа или трафарета, который используют чаще всего. Трафарет обычно изготавливают прямо на предварительно зашлифованной поверхности изделия, нанося при этом жидкий засыхающий состав, стойкий к воздействию агрессивных химических веществ. Поверхность покрывают химическим составом и выдерживают некоторое время, необходимое для разъедания металла на поверхности, не покрытой трафаретом. По окончании травления поверхность промывают, очищают от продуктов травления и шлифуют. Рельеф полученных знаков, клейм и рисунков чувствуется на ощупь, края граней сглажены. Для придания изделию эстетичного вида после травления часто используют чернение поверхности. Полученные травлением информационные отметки и декор не подвержены выцветанию и загрязнению, устойчивы к износу.

Электрохимический способ — способ контактного нанесения информационных отметок, который заключается в том, что электрический ток, проходит через электролит (солевой раствор, побуждающий заряженные электроны двигаться быстрее) и в процессе травления по трафарету, который плотно прилегая к металлической поверхности, образует знаки на металле (рис. 14). Металлическая деталь выступает анодом, а рабочий инструмент катодом. При прохождении тока происходит анодное растворение металла в месте контакта и образуется углубление, глубина при этом регулируется величиной тока и временем процесса. При воздействии постоянного тока на нержавеющей стали можно получить белые знаки маркировки, переменного — черную. Данная технология позволяет обрабатывать не только твердые, но и хрупкие металлы с нанесением мелких элементов

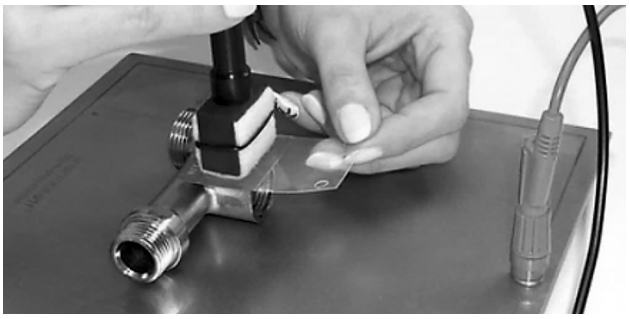

Рис. 14. Способ электрохимического нанесения информационных отметок

без термического воздействия. Вытравленные знаки не подвержены выцветанию и загрязнению, устойчивы к износу.

Печатная технология нанесения информационных отметок основана на принципе наслоения красящих веществ головкой печатающего устройства на поверхность изделия. Данные технологии используют как в полиграфии — отрасли промышленности, занимающейся крупнотиражным изготовлением книжно-журнальной, деловой, газетной, этикеточной, картографической, упаковочной, акцидентной и прочей печатной продукции, так и в мелком частном бизнесе. Не имея специальных знаний в области судебной технико-криминалистической экспертизы документов и специальной криминалистической техники (микроскоп, просмотровый детектор и др.) определить способ печати знаков маркировки или изображений достаточно затруднительно. По этой причине при описании рекомендуется использовать формулировку «маркировочное обозначение «ТЕКСТ» (или элемент декора) выполнено с использованием печатной технологии».

Металлофотографическая печать — способ нанесения маркировочных обозначений, при котором на специально подготовленный анодированный алюми-

Рис. 15. Металлофотографическая печать: слева — станок для экспонирования и автоматический ЗИП процессор для проявления и закрепления; справа — шильда с маркировочными обозначениями

Рис. 16. Термотрансферная печать, слева направо: принтер для маркирования готовых упаковок; принтер для изготовления самоклеящихся этикеток; рулоны самоклеящихся этикеток

ний наносят высококачественные изображения и текста, долговечные и устойчивые к износу, термическому воздействию и воздействию агрессивных сред (рис. 15). Данная технология разработана полвека назад американской компанией Horizons Incorporated и в целях маркирования позволяет наносить текст и изображения на информационные таблички, штрих-коды, приборные панели станков, циферблаты и шкалы, шильды для оборудования. Изображение экспонируется с использованием экспозиционного станка на алюминиевую пластину серебристого цвета толщиной 0,5 мм, в поры которой внедрены фоточувствительные соли серебра. После этого пластина в специальном автоматическом ЗИП процессоре обрабатывается проявителем и закрепителем, и погружается в бак для обработки анодированного слоя путем варки в кипящем растворе, содержащем никель. В процессе варки поры алюминия закрываются, и изображение будет составлять с металлом единое целое.

Термотрансферная печать — способ нанесения маркировочных обозначений, который проводят в два этапа: 1) знаки маркировки или элементы декора переносятся под давлением на термотрансферную красящую ленту (риббон) печатающей головкой с нагретыми термическими элементами; 2) термотрансферная лента нагревается и ее вещество расплавляется, при этом знаки маркировки или элементы декора закрепляются на поверхности изделия, после чего она остывает.

Такой способ обычно используют для непосредственного маркирования товаров путем нанесения на них сроков годности, номеров партий, штрих-кодов, а также для изготовления этикеток с изображениями (рис. 16).

Одним из видов термотрансферной печати является *сублимационная печать*, заключающаяся в беспленочном переносе высококачественных летучих чернил сразу на поверхность изделия. Чернила изначально находятся в твердом состоянии и при разогреве переходят в газообразное, после чего происходит их термическая возгонка.

Ультрафиолетовая печать — способ нанесения информационных отметок, позволяющий наносить ультрафиолетовым лазерным маркером сложные защитные элементы (рис. 17), содержащие графическую или текстовую информацию (номера, штрих-кодов,

Рис. 17. Ультрафиолетовая печать: слева — ультрафиолетовый (UV) лазерный маркер; справа — шильда с маркировочным обозначением

Рис. 18. Каплеструйная печать, слева направо: каплеструйный принтер для печати жидкими чернилами и принтер для печати термоплавкими чернилами; ручные струйные электромаркираторы

QR-кодов, логотипов, графики любой сложности) на поверхность разных материалов (металлы и древесина, пластмассы и стекло, камни и керамика, бумага, кожа и ткани).

Полученные знаки и изображения устойчивы к механическому, термическому, кислотному и щелочному воздействию. Данный способ экологически безопасен.

Каплеструйная печать — способ нанесения информационных отметок, заключающийся в нанесении знаков маркировки и элементов декора с помощью мельчайших капель жидких или твердоплавких чернил на поверхность (рис. 18).

Способ отличают доступное по цене и простое в использовании оборудование, которое чаще всего применяется для печати серийных номеров, кодов партии, сроков годности и пр. на изделиях из бумаги, картона, пластика и металла.

Шелкографская печать — способ нанесения информационных отметок, заключающийся в нанесении знаков маркировки или изображений через форму-трафарет из полиэфирной, нейлоновой или металлической сетки с высокой частотой расположения нитей, имеющих малую толщину (рис. 19). Форму-трафарет располагают над маркируемой поверхностью, и после этого через нее под большим давлением протискивают краску, удаляя излишки. При необходимости нанесения многокрасочных изображений, краска наносится послойно с выдержкой каждого слоя для высыхания. Данный способ маркирования

Рис. 19. Шелкографская печать, слева-направо: вручную и с использованием станка

используют для нанесения цветных логотипов, предупреждающих надписей и других маркировочных обозначений на поверхности разных типов, например, бумаги, картона, одежды и металлических деталей. Особенностями являются возможность применения на плоских и объемных поверхностях, высокая производительность и простота автоматизации, недорогое оборудование, ограниченная износостойкость и долговечность.

Тампонная печать — способ нанесения информационных отметок, заключающийся в прямом нанесении знаков маркировки или элементов декора на неплоские предметы с использованием силиконовых тампонов, краски с растворителями и клише, которое изготавливают из стали или фотополимеров (рис. 20). Он позволяет большими тиражами получать высокодетализированные цветные изображения, его используют практически во всех отраслях промышленности.

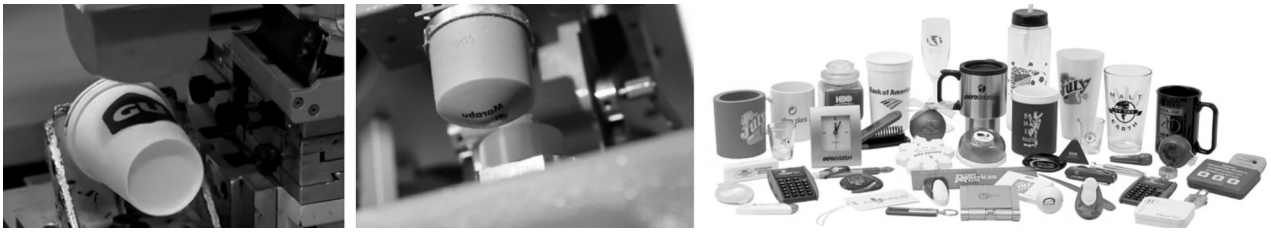

Рис. 20. Тампонная печать

Рис. 21. Офсетная печать

Рис. 22. Флексографическая печать

Офсетная печать — способ нанесения информационных отметок, заключающийся в переносе краски с печатной формы, содержащей знаки маркировки или декор, на запечатываемый материал через промежуточный офсетный цилиндр (рис. 21).

Офсетная печать используется для больших тиражей продукции и выполняется, как правило, на картонной или бумажной упаковке, при этом знаки маркировки и декор отличает высокое качество, а также при изготовлении визиток, листовок, календарей и пр. При данном способе невозможно персонифицировать данные и получить индивидуальную нумерацию на каждом изделии.

Флексографическая[6] *печать* — способ нанесения информационных отметок, заключающийся в прямом нанесении знаков маркировки или декора с эластичных форм ротационных печатных машин, на которые наносят быстросохнущие жидкие краски (рис. 22). Знаки маркировки после высыхания на поверхности напоминают полимерные эластичные пластинки. Данный способ часто используют для изготовления упаковочной продукции и этикеток, при этом невозможно персонифицировать данные и получить индивидуальную нумерацию на каждой этикетке.

Ризографическая печать — способ нанесения информационных отметок, заключающийся в получе-

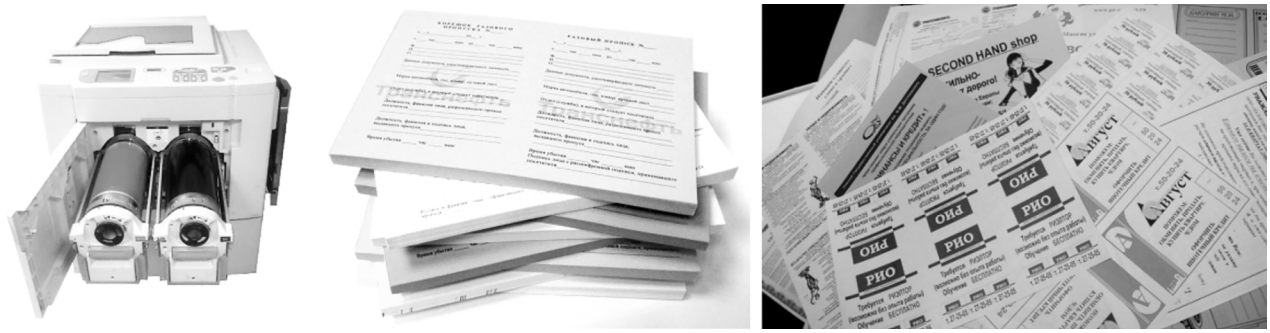

Рис. 23. Ризографический способ печати

нии знаков маркировки и изображений с использованием краски в тубах, которая через трафарет наносится на поверхность (рис. 23). Способ используют для создания копий с оригинал-макета путем тиражирования на ризографах — ротационных машинах трафаретной печати (цифровых печатных дупликаторах[7]). Данный способ часто применяют для нанесения текста, маркировочных обозначений, штрих- и QR-кодов или простых изображений на визитках, этикетках, календарях; формулярах, ведомостях, бланках; медицинских картах, справках, рецептах; гарантий-

[6] Флексографская, флексография, флексопечать.
[7] Еще одно название — оперативный цифровой принтер.

ных и технических талонах и пр. Основными преимуществами данного способа печати являются скорость, экономичность и экологичность процесса, быстрая подготовка ризографа к работе. К недостатку можно отнести использование за один прогон только одного цвета краски.

Электрофотографическая печать — способ нанесения информационных отметок, заключающийся в получении монохромных или цветных знаков маркировки, штрих- и QR-кодов, графических изображений на бумаге с использованием лазерных принтеров, ксероксов или многофункциональных устройств (рис. 24). Во время печати скрытое электростатическое изображение формируется на фотополупроводниковом слое селенового барабана, после чего на него наносится сухой порошок (тонер). Далее бумага получает отрицательный заряд и за счет этого тонер переносится на нее с поверхности фотобарабана на носитель, при этом он теряет свой электрический заряд. В конце происходит закрепление тонера на бумаге оплавлением, при этом частицы его спекаются также и между собой. Данный способ печати обычно используют в бытовых условиях или в условиях небольших частных предприятий.

Рис. 24. Электрофотографический способ печати, слева направо: лазерный принтер; многофункциональное устройство

Технология накрашивания основана на нанесении стойких к воздействию агрессивной среды лакокрасочных материалов на поверхность изделия.

Способы, связанные с накрашиванием, достаточно просты и к таковым относят: нанесение маркером вручную; нанесение штампом вручную; нанесение кистью, валиком или пульверизатором через трафарет.

Нанесение маркером вручную — способ маркирования, который используется повсеместно, например, для нанесения знаков в маркировки на металл, стекло, пластик, картон, резину и пленку (рис. 25).

Знаки маркировки представляют собой пометки, инвентарные или складские номера, облегчающие хозяйственную деятельность, которые чаще наносят перманентными маркерами, красящее вещество которых мгновенно высыхает. Образующиеся знаки маркировки яркие, не тускнеют со временем, достаточно хорошо различимы на поверхности и стойки к воздействию влаги и высокой или низкой температуры. Маркируют поверхности изделий также маркером-краской или маркером с водорастворимыми чернилами, хотя их стойкость значительно ниже.

Рис. 25. Нанесение маркером вручную

Рис. 26. Нанесение штампом вручную

Нанесение штампом вручную — способ маркирования, заключающийся в использовании специальной печатной формы, чья рабочая поверхность изготовлена из резины или полимера, которая после окрашивания красящим веществом прижимается к маркируемой поверхности (рис. 26).

Печатные формы могут быть цельными и наборными, представляют собой разнообразные устройства, которые состоят из: пластины (клише), поверхность которой содержит печатающие и пробельные элементы и оснастки (цилиндр, ручка или пластмассовый корпус с поворотным механизмом внутри).

Нанесение кистью, валиком или пульверизатором через трафарет — способ маркирования, заключающийся в использовании листа тонкого пластика толщиной до 1 мм, в котором вырезаны нужные знаки маркировки или стилизованные изображения (рис. 27–29). Лист плотно прикладывается к очищенной поверхности, краску наносят кистью, валиком или пульверизатором. Данный способ обычно используют для маркирования упаковки с грузами. Краски используют как обычные, так и специальные полимерные, которые после обработки УФ-излучением вступают в реакцию полимеризации и мгновенно затвердевают, прочно сцепившись с поверхностью материала.

Технология склеивания предусматривает несколько этапов: подготовка склеиваемых поверхностей: очистка и обезжиривание поверхности изделия (при необходимости), нанесения клея или снятие за-

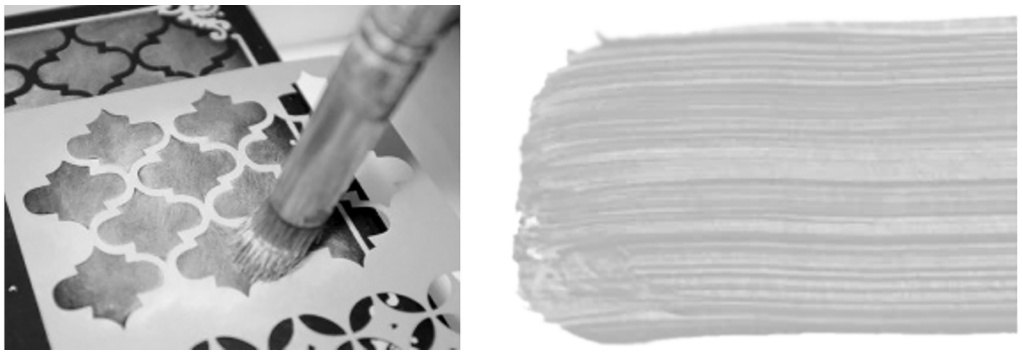

Рис. 27. Окрашивание кистью через трафарет и структура мазка

Рис. 28. Окрашивание валиком через трафарет и структура поверхности в месте окрашивания

Рис. 29. Окрашивание пульверизатором через трафарет и структура поверхности в месте окрашивания

щитной пленки с клеевой поверхности, прижатие к поверхности клеевой стороной и разглаживание.

Нанесение клея кистью вручную — способ маркирования, который в настоящее время применяется редко, его практически вытеснил способ с использованием самоклеящихся стикеров из бумаги или полимерных материалов.

Наклеивание стикера — способ маркирования нескольких видов:

♦ ручной — с использованием кисти и клея;

♦ полуавтоматический — с использованием этикет-пистолетов;

♦ автоматический — с использованием специального оборудования на конвейере.

Определить способ нанесения информационных отметок, нанесенных по механической, химической и физико-химической технологиям, а также технологиям склеивания и накрашивания, большого труда не составляет. Для этого необходимо иметь понятие о физических или химических процессах, знать классификацию способов нанесения информационных отметок и использовать лупу 4-кратного увеличения. Для определения способов нанесения с использованием печатной технологии информационных отметок необходимо использовать средства, превышающие 10-кратное увеличение.

Предложенная классификация не является исчерпывающей, по мере появления новых способов нанесения маркировочных обозначений может быть расширена.

В ходе описания способов нанесения информационных отметок в криминалистических целях предлагается использовать следующие формулировки.

1. В моторном отсеке, на правую боковую часть опоры правой пружины передней подвески кузова, ударно-точечным способом, с применением автоматического маркиратора, нанесен идентификационный номер транспортного средства следующего содержания: «XTA211000W0043900»;

2. На левой подушке ствола ружья расположены два отдельных рельефных оттиска, образованных клеймами: «Н» и «ГИС», которые нанесены ударным способом;

3. Клапан кожаного кошелька декорирован, нанесенными способом тиснения: вензелем в виде двух примыкающих друг к другу монограмм «М», «К», и стилизованным изображением короны над ними;

4. Коробка смартфона изготовлена из белого картона, на ее поверхности имеются следующие маркировочные обозначения:

♦ с обеих боковых сторон крышки коробки — нанесенная тиснением серебристая надпись «iPhone», с обеих торцевых сторон крышки коробки — логотип компании Apple, нанесенный аналогичным способом;

♦ на одной из торцевых сторон крышки коробки — белый стикер с набором цифр: «256», выполненных черным красящим веществом с использованием печатной технологии;

♦ на нижней части коробки — множественные надписи латиницей и иероглифичным письмом, а также пять штрих-кодов и один QR-код, выполненные черным красящим веществом с использованием печатной технологии. Здесь же сверху и снизу имеются две наклейки с маркировочными обозначениями: «iPhone 15 Pro» и др. и три упаковочных знака.

Лицевая сторона крышки коробки декорирована наклейкой в виде стилизованного изображения экрана смартфона iPhone в коричневых и темно-коричневых тонах.

5. Порядковый номер на бумажной бирке выполнен на печатающем устройстве электрофотографическим способом.

6. Надпись «срок годности» на упаковке выполнена с использованием печатающего устройства способом каплеструйной печати.

7. На боковой наружной поверхности оцинкованного ведра, стоящего за дверью в санузел, имеется двухрядная надпись, накрашенная вручную, черным перманентным маркером, читаемая как: «№ 22 Пищеблок».

8. На верхней крышке деревянного ящика, лежащей на полу, наблюдаются стилизованные изображения зонтика от дождя и фужера, нанесенные черным красящим веществом пульверизатором через трафарет. Ниже данных изображений имеется вручную наклеенная белая бумажная бирка, на поверхности которой путем накрашивания штампом, красящим веществом синего цвета, нанесены сведения о дате упаковки и отгрузки изделия.

9. На верхнюю сторону картонной коробки наклеен белый бумажный стикер с нанесенными по печатной технологии: штрих-кодом и набором цифр под ним: 7930063016058.

Таким образом, в алгоритме описания информационной отметки (маркировочного обозначения, оттиска клейма или некоторых видов декора) следует указывать следующие данные: наименование изделия; место расположения информационной отметки и ее содержание, а также, при наличии необходимых технических средств, вид использованной технологии и/или способ нанесения.

Библиографический список

1. ГОСТ 2.314-68 Межгосударственный стандарт в рамках единой системы конструкторской документации «Указания на чертежах о маркировании и клеймении изделий» // СПС «Техэксперт».

2. Нагайцев А. А. Исследование маркировочных обозначений легковых автомобилей зарубежного производства: учеб. пособие. М. : Экспертно-криминалистический центр, 1999.

3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка // URL: https://ushakovdictionary.ru

4. Филиппов В. В., Титоренко В. А., Комаров А. А. Современное отечественное ручное огнестрельное оружие военных образцов и патроны к нему: справочное пособие. М. : Экспертно-криминалистический центр, 1996.

Bibliographic list

1. GOST 2.314-68 Interstate standard within the framework of the unified system of design documentation «Indications in drawings on marking and branding of products» // LRS «Techexpert».

2. Nagaytsev A. A. Research of marking designations of passenger cars of foreign production: studies. the manual. M. : Expert Criminalistic Center, 1999.

3. Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of the Russian Language, edited by // URL: https://ushakovdictionary.ru

4. Filippov V. V., Titenko V. A., Komarov A. A. Modern domestic hand-held firearms of military models and ammunition for them: reference manual. M. : Expert Criminalistic Center, 1996.

Информация об авторе

А. В. Иванов — преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России.

Information about the author

A. V. Ivanov — Lecturer of the Department of Forensic Expertise of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.

Научная статья
УДК 34.3
EDN: https://elibrary.ru/skmrgn
NIION: 2022-0089-1/26-378
MOSURED: 77/27-031-2026-01-378

Криминологические и криминалистические аспекты производства допроса при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

Дмитрий Александрович Иванов[1], Василий Джонович Потапов[2], Дмитрий Олегович Туманов[3]
[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru
[2] Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия, potapov1961@yandex.ru
[3] Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия, foggy_do@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с криминологическими и криминалистическими особенностями подготовки и производства допроса свидетелей, допроса несовершеннолетнего, допроса вовлекателя.

При подготовке допросов указанных участников доказана целесообразность и необходимость всестороннего изучения личности данных свидетелей; получения информации об их взаимоотношениях с несовершеннолетним и вовлекателем; установления их роли в событиях, предшествовавших и сопровождавших вовлечение несовершеннолетнего; максимально тщательной проверки их показаний.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что допрос свидетелей, несовершеннолетнего и вовлекателя является наиболее эффективным средством познания обстоятельств события преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, обеспечивающим получение и проверку информации доказательственного и ориентирующего характера.

В заключении обоснована тактически грамотная последовательность допроса указанных лиц, исходя из особенностей личности несовершеннолетнего, его возраста, характера взаимоотношений с вовлекателем и степени его влияния на несовершеннолетнего, а также с учетом возможного оговора вовлекателя несовершеннолетним.

Ключевые слова: несовершеннолетний, вовлечение в преступление, вовлекатель, уголовно наказуемое деяние, предварительное расследование, следственные действия, допрос свидетеля, допрос несовершеннолетнего, допрос вовлекателя

Для цитирования: Иванов Д. А., Потапов В. Д., Туманов Д. О. Криминологические и криминалистические аспекты производства допроса при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 65–72. EDN: SKMRGN.

Original article

Criminological and criminalistic aspects of interrogation in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime

Dmitry A. Ivanov[1], Vasily Dz. Potapov[2], Dmitry O. Tumanov[3]
[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru
[2] Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia, potapov1961@yandex.ru
[3] Tver branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Tver, Russia, foggy_do@mail.ru

Abstract. The issues related to the criminological and criminalistic features of the preparation and conduct of witness interrogation, interrogation of a minor, and interrogation of an implicator are considered.

During the preparation of the interrogations of these participants, the expediency and necessity of a comprehensive study of the identity of these witnesses were proved; obtaining information about their relationship with the minor and the implicator; establishing their role in the events preceding and accompanying the involvement of the minor; and verifying their testimony as thoroughly as possible.

The results of the study indicate that the interrogation of witnesses, a minor and an implicator is the most effective means of knowing the circumstances of the crime event provided for in Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, ensuring the receipt and verification of evidentiary and orientation information.

In conclusion, the tactically competent sequence of interrogation of these persons is justified, based on the characteristics of the minor's personality, his age, the nature of the relationship with the implicator and the degree of his influence on the minor, as well as taking into account the possible reservation of the implicator to the minor.

Keywords: minor, involvement in a crime, implicator, criminal offense, preliminary investigation, investigative actions, interrogation of a witness, interrogation of a minor, interrogation of an implicator

For citation: Ivanov D. A., Potapov V. J., Tumanov D. O. Criminological and criminalistic aspects of interrogation in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime. Forensic science and research. 2026;(1):65–72. (In Russ.). EDN: SKMRGN.

© Иванов Д. А., Потапов В. Д., Туманов Д. О., 2026

Как показывают результаты изучения правоприменительной практики и анкетирования следователей, наиболее эффективными в доказательственном плане и, как следствие, наиболее распространенными следственными действиями, проводимыми в ходе расследования преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, являются следующие: допрос свидетелей (54,9 %), допрос несовершеннолетнего (87,4 %), допрос вовлекателя (91,3 %).

Так, допрос несовершеннолетнего и вовлекателя проводился в ходе производства по всем без исключения изученным уголовным делам. Значительно реже допрашиваются свидетели: потерпевший и очевидцы подготовки и (или) совершения и (или) сокрытия «основного» преступления; лица, совместно проживающие с несовершеннолетним (родители, члены семьи, близкие), соседи, педагоги, лица, вместе с ним обучающиеся или работающие; инспектор (инспекторы) комиссии по делам несовершеннолетних при администрации района, в котором проживает несовершеннолетний, председатель и члены комиссии по делам несовершеннолетних ОМВД (по месту жительства несовершеннолетнего), лечащий врач (врачи) — 76,4 % из изученных уголовных дел. Что касается очной ставки, то она производилась лишь в 12,7 % из числа изученных уголовных дел.

Полагаем, что указанные негативные обстоятельства свидетельствуют о недостаточно высоком профессионализме правоприменителей и, как следствие, поверхностном расследовании рассматриваемого преступления. Несмотря на имеющиеся в достаточном объеме в специальной литературе рекомендации по проведению допросов, их проведение до сих пор является проблемным для следователей. Так, на вопрос: «Производство каких следственных действий вызывает наибольшие сложности?» — 75,8 % респондентов отметили допрос подозреваемого (обвиняемого); 96,8 % — допрос несовершеннолетнего; 57,4 % — допрос родителей (родственников, близких) несовершеннолетнего; 12,4 % — допрос лица (лиц), в отношении которого совершено «основное» преступление (потерпевшего); 48,4 % — допрос свидетелей; лишь 7,2 % респондентов указали — иное. В этой связи акцентируем внимание именно на подготовке и проведении данных следственных действий.

Допрос свидетелей. Несмотря на несомненную важность допроса несовершеннолетнего и вовлекателя, целесообразно его предварить допросом свидетелей, из числа которых, в зависимости от известной им информации, можно выделить следующие группы:

♦ в первую группу входят очевидцы подготовки и (или) совершения и (или) сокрытия «основного» преступления, а также потерпевший от «основного» преступления. В ходе их допроса выясняется, по возможности, точное место и время совершения указанных противоправных действий; какие конкретно действия совершал каждый участник преступления, какими фразами они обменивались; кто давал указания (команды), какие конкретно, кому они были адресованы;

♦ вторую, самую многочисленную, группу составляют лица, совместно проживающие с несовершеннолетним (родители, члены семьи, близкие), соседи, педагоги, лица, вместе с ним обучающиеся или работающие. Допросом указанных свидетелей выясняются место и условия постоянного проживания несовершеннолетнего; в случае отсутствия места постоянного проживания, каковы причины его отсутствия, где и с кем проживал несовершеннолетний, в каких условиях; состав семьи, уровень ее благосостояния; взаимоотношения в семье, наличие (отсутствие) конфликтных отношений между членами семьи; занимались ли старшие родственники и близкие воспитанием несовершеннолетнего, кто конкретно, степень участия каждого из старших по возрасту членов семьи в воспитании несовершеннолетнего; наличие (отсутствие) агрессивного поведения членов семьи в отношении несовершеннолетнего; оказывалось ли на несовершеннолетнего отрицательное влияние старших по возрасту членов семьи (злоупотребление алкоголем, наркотиками, аморальное поведение); отношение несовершеннолетнего к учебе (работе), в том числе наличие (отсутствие) систематических пропусков учебных занятий (работы) без уважительной причины; уровень его успеваемости; наличие (отсутствие) желания трудоустроиться в случае отсутствия учебы и работы; круг общения несовершеннолетнего; наличие (отсутствие) проблем социализации, затруднений в общении с членами семьи и ровесниками, наличие (отсутствие) агрессивного отношения к окружающим; наличие (отсутствие) фактов употребления алкогольными напитками, психотропными, наркотическими средствами, токсическими веществами; наличие (отсутствие) фактов, подтверждающих постановку несовершеннолетнего на профилактический учет в школе, когда, по какой причине; наличие

(отсутствие) заболеваний, в том числе, хронических, каких именно; наличие (отсутствие) фактов постановки несовершеннолетнего на учет в наркологическом или психоневрологическом диспансере, если да, то когда был поставлен на учет, каков диагноз; проходил ли стационарное лечение, в каком медицинском учреждении, когда, каков диагноз;

♦ в третью группу свидетелей входят: инспектор (инспекторы) комиссии по делам несовершеннолетних при администрации района, в котором проживает несовершеннолетний, председатель и члены комиссии по делам несовершеннолетних ОМВД (по месту жительства несовершеннолетнего), при необходимости, лечащий врач (врачи). В ходе допроса данных свидетелей устанавливаются вопросы, связанные с наличием (отсутствием) фактов, подтверждающих постановку несовершеннолетнего на учет в подразделении по делам несовершеннолетних, в комиссии по делам несовершеннолетних, когда и в связи с чем несовершеннолетний поставлен на учет; наличие (отсутствие) фактов привлечения несовершеннолетнего к уголовной и (или) административной ответственности, за совершение каких преступлений, административных правонарушений, когда и какое наказание отбывал, полностью ли отбыл; не входит ли несовершеннолетний в состав молодежной группы с антиобщественной направленностью, если да, то место (места) их сбора, каковы связи группы, наличие (отсутствие) негативного влияния на несовершеннолетнего со стороны старших по возрасту членов группы; состояние здоровья и психики несовершеннолетнего, включая уровень его психического развития, наличия (отсутствия) отставания либо задержки психического развития;

♦ четвертую группу свидетелей составляют лица, входящие в круг общения несовершеннолетнего. В ходе их допроса выясняются вопросы, имеющие отношение к времяпрепровождению несовершеннолетнего в свободное от учебы (работы) время, его наклонностям и увлечениям; наличию (отсутствию) фактов употребления им алкоголя, наркотиков, токсических веществ, на какие средства приобретал их, с кем употреблял; насколько несовершеннолетний подвержен влиянию со стороны своего окружения, в том числе старших по возрасту лиц; входил ли вовлекатель в круг общения несовершеннолетнего; кто оказывал на него наибольшее влияние в силу своего авторитета, возраста, иных причин; каковы были взаимоотношения несовершеннолетнего и вовлекателя; не было ли фактов, когда вовлекатель угрожал несовершеннолетнему применить насилие или применял его к нему, если да, то, что послужило причиной такого поведения вовлекателя.

Как показывают результаты изучения правоприменительной практики, свидетели, входящие в четвертую группу, связаны личными отношениями, так как являются членами одной компании (группы), хорошо знающими друг друга; среди них могут быть лица, причастные как преступлению, предусмотренному ст. 150 УК РФ, так и событию «основного» преступления или обстоятельствам, способствовавшим совершению этих деяний. Указанные обстоятельства предопределяют высокую степень вероятности предоставления ими ложной информации о фактах, имеющих значение для расследования как рассматриваемого, так и «основного» преступления, нежелании компрометировать себя и, как следствие, стремление представить себя в выгодном свете. Изложенное предопределяет целесообразность: всестороннего изучения личности данных свидетелей; получения информации об их взаимоотношениях с несовершеннолетним и вовлекателем; установления их роли в событиях, предшествовавших и сопровождавших вовлечение несовершеннолетнего; максимально тщательной проверки их показаний.

Представляется, что выяснение указанной информации в ходе допроса свидетелей, ее изучение, сравнительный анализ и последующая оценка полученных результатов окажут несомненную помощь, во-первых, при прогнозировании возможной линии поведения несовершеннолетнего в ходе допроса; во-вторых, наличия (отсутствия) его готовности давать правдивые показания; в-третьих, выбора наиболее эффективных тактических приемов в случае возникновения конфликтной ситуации.

Допрос несовершеннолетнего традиционно сопряжен со значительными сложностями, достаточно подробно рассмотренными и проанализированными в многочисленных работах отечественных ученых [3, с. 17–22; 4, с. 195–215; 1, с. 2–4]. Их разрешение во многом зависит от качества подготовки к допросу.

В рамках подготовки к производству допроса несовершеннолетнего важно подробное изучение данных о его личности. В этих целях осуществляется сбор информации посредством истребования следующих документов:

♦ копия записи акта о рождении несовершеннолетнего. В этой связи отметим, что в случае отсутствия данного документа целесообразно назначение судебно-медицинской экспертизы с целью установления возраста несовершеннолетнего;

♦ справки, выписки из истории болезни, медицинская карта, амбулаторная карта, анамнез, амбулаторная история болезни, другие медицинские документы, подтверждающие (опровергающие) наличие (отсутствие) у несовершеннолетних хронических заболеваний;

♦ справки из психоневрологического и наркологического диспансера, психиатрической больницы, другие документы, подтверждающие (опровергающие) следующие факты: состоит ли несовершеннолетний на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансере, в связи с каким заболеванием или отклонениями; проходил ли несовершеннолетний лечение в психиатрической больнице, в связи с каким заболеванием, отклонениями;

♦ характеристики с места работы (учебы) несовершеннолетнего, а также его родителей, иных лиц, проживающих совместно с несовершеннолетним и занимающихся его воспитанием;

♦ справки ИЦ о наличии (отсутствии) судимости несовершеннолетнего и (или) привлечения его ранее к уголовной ответственности и результатах проведенного следствия;

♦ копия приговора (приговоров), вынесенного в отношении несовершеннолетнего;

♦ копия постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении несовершеннолетнего;

♦ справка подразделения по делам несовершеннолетних по месту жительства несовершеннолетнего, содержащая следующую информацию: что послужило основанием для постановки несовершеннолетнего на профилактический учет; результаты обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего; сведения о лицах, с которыми общается несовершеннолетний, характер их влияния на него; результаты проведения профилактической работы с несовершеннолетним.

Указанные документы позволят выявить особенности личности несовершеннолетнего, на которых было акцентировано в первой главе настоящего исследования. Именно эти особенности в сочетании с возрастом несовершеннолетнего (до 14 лет; 14–16 лет; 16–18 лет), а также степенью влияния на него вовлекателя (в силу его авторитета, родственных, дружеских и иных отношений) оказывают наиболее существенное влияние на занимаемую несовершеннолетним позицию в ходе предварительного расследования.

Исходя из этого, возможны следующие варианты поведения несовершеннолетнего:

1) активно сотрудничает со следствием, дает показания о фактах и способе (способах) его вовлечения в подготовку и (или) совершение и (или) сокрытие «основного» преступления, степени и длительности воздействия вовлекателя на него, о знании вовлекателем, что он является несовершеннолетним. При этом необходимо учитывать, что такое поведение несовершеннолетнего может быть искренним, в силу следующих обстоятельств: задержания при подготовке и (или) совершении и (или) сокрытии «основного» преступления; наличия свидетельских показаний; результатов осмотра места подготовки и (или) совершения и (или) сокрытия «основного» преступления;

2) может давать заведомо ложные показания относительно вышеуказанных обстоятельств в силу своей заинтересованности полностью или частично умалчивать, искажать либо толковать в свою пользу информацию о своем поведении в процессе вовлечения в подготовку и (или) совершение и (или) сокрытие «основного» преступления, например, с целью нивелирования своей ответственности за участие в «основном» преступлении, из страха осуждения его противоправного поведения перед членами семьи, близкими, ближайшим окружением.

Так, согласно показаниям двух несовершеннолетних, на момент совершения преступления Т. был осведомлен об их возрасте. Однако эта версия не проверялась в ходе предварительного расследования. Лишь в ходе судебного следствия эти показания суд признал ложными, данными с целью уменьшения несовершеннолетними своей ответственности за «основное» преступление, обвиняемыми за совершение которого они являлись, а также из чувства мести ввиду того, что Т. были даны изобличающие их показания, в связи с чем указанные лица неоднократно пытались оказать воздействие на Т. с целью изменения им своих показаний, что подтвердилось исследованным в судебном заседании заявлением Т. об указанных фактах.

Аналогичная ситуация складывается в случае, когда вовлекателем является родитель несовершеннолетнего или иное лицо (из числа родственников и

близких несовершеннолетнему), которое он вынужден изобличать в совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. В этом случае несовершеннолетний с большой долей вероятности может давать полностью или частично ложные показания относительно самого факта его вовлечения в подготовку и (или) совершение и (или) сокрытие «основного» преступления, способа (способах) вовлечения, периода и степени влияния на него вовлекателя.

Принимая во внимание указанные обстоятельства допросу несовершеннолетнего должна предшествовать тщательная подготовка (что отметили большинство респондентов в ходе проводимого анкетирования). Так, в ходе подготовки к допросу несовершеннолетнего следователями осуществлялось: изучение личности несовершеннолетнего и его личностных особенностей — 87,4 %; выяснение условий жизни несовершеннолетнего — 53,4 %; установление факта наличия (отсутствия) личных отношений между допрашиваемым и вовлекателем в период, предшествовавший совершению преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ — 89,6 %; получение консультации специалиста в области психологии и (или) психиатрии — 13,1 %; заблаговременное составление перечня подлежащих выяснению вопросов, а также выбор возможных способов и средств тактического воздействия на несовершеннолетнего в случае его уклонения от дачи правдивых показаний — 66,7 %; подготовка материалов, предметов, подлежащих предъявлению несовершеннолетнему в ходе допроса — 16,3 %; выбор наиболее целесообразного с тактической точки зрения места и времени допроса — 8,4 %; изучение объяснения несовершеннолетнего, данного им в ходе проверки сообщения о преступлении, а также изучение иных материалов уголовного дела — 19,7 %.

Отдельно акцентируем внимание на обстоятельствах, устанавливаемых в ходе допроса несовершеннолетнего. Что касается этих обстоятельств, то в своей совокупности они базируются на взаимоотношениях несовершеннолетнего с вовлекателем. При этом наибольшее значение имеют вопросы, касающиеся места, времени и длительности их знакомства (общения); конкретных действий, которые совершал вовлекатель по отношению к несовершеннолетнему (уговаривал, убеждал, обещал, требовал, грозил расправой, применял физическое насилие, предлагал спиртное, наркотики, токсические вещества, иное), что говорил, совершая те или иные действия, каким тоном (просительным, требовательным, иным), где, когда, как часто, в чьем присутствии; что послужило причиной согласия несовершеннолетнего принять участие в подготовке и (или) совершении и (или) сокрытия преступления, какого; какие конкретно действия должен был совершить несовершеннолетний; был ли известен вовлекателю возраст несовершеннолетнего, когда и каким образом он узнал об этом; если возраст несовершеннолетнего ему был неизвестен, то мог ли вовлекатель предполагать, какого возраста несовершеннолетний, если да, то, что могло послужить основанием для такого предположения.

В случае, когда показания несовершеннолетнего не согласуются с показаниями свидетелей (в силу их забывчивости или нежелания давать правдивые показания), необходимо решить вопрос о том, что целесообразнее — проведение дополнительного допроса конкретных свидетелей и несовершеннолетнего либо (с учетом возраста и личностной характеристики несовершеннолетнего) проведении очной ставки между ними.

Нельзя обойти вниманием вопрос применения видеозаписи при допросе несовершеннолетнего; согласно ч. 5 ст. 191 УПК РФ она обязательна. В этой связи полагаем целесообразным привести точку зрения С. Ю. Скобелина и С. Е. Кузнецова, которую мы поддерживаем. Согласно позиции авторов, в случае, когда несовершеннолетний (его законный представитель) возражает против видеозаписи, то в силу ее существенного значения для расследования, следователю целесообразно руководствоваться ч. 4 ст. 189 УПК РФ. Поэтому окончательное решение о применении видеозаписи (отказа от ее применения) в ходе допроса несовершеннолетнего принимает именно следователь [2, с. 22]. При этом анкетирование следователей показало, что только 56,9 % регулярно применяют видеозапись при допросе несовершеннолетнего; 23,7 % — эпизодически; 19,4 % совсем не применяют.

В качестве дополнительного обоснования применения видеозаписи укажем, что значение видеозаписи трудно переоценить по следующим основаниям: наличие возможности воспроизвести весь процесс допроса несовершеннолетнего в случае последующего изменения им показаний; удостоверения факта, что несовершеннолетнему не задавались наводящие вопросы, не оказывалось какое-либо давление со сто-

роны следователя, иных участников допроса (педагога, психолога); подтверждения (опровержения) наличия (отсутствия) невербальных реакций несовершеннолетнего при ответе на конкретные вопросы следователя. В случае подозрения, что несовершеннолетний дает полностью или частично ложные показания, видеозапись его допроса целесообразно направить на исследование экспертам, в частности при проведении психолого-вокалографической психолого-лингвистической, психолого-акмеологической экспертиз [5, с. 268].

Еще одним важным аспектом, который требуется учитывать следователю при подготовке к проведению допроса, выступает участие участия педагога при допросе несовершеннолетнего. Здесь, принимая во внимание вышеперечисленные особенности расследования преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, укажем, что целесообразнее привлекать в этом качестве педагогического работника не из того образовательного учреждения, в котором обучается несовершеннолетний. Помимо особенностей, связанных с субъектами рассматриваемого преступления, касающихся вопросов воспитания подростка, это объясняется также возможностью наличия между несовершеннолетним и педагогом неприязненных отношений, что может существенно осложнить установление психологического контакта с несовершеннолетним и свести к минимуму возможность получения от него правдивых показаний. К сожалению, следователи, как показало анкетирование, не учитывают отмеченные обстоятельства (73,9 % респондентов привлекали к производству допроса несовершеннолетнего педагогического работника из образовательного учреждения, в котором обучается несовершеннолетний и только 26,1 % — не из того образовательного учреждения, в котором обучается несовершеннолетний), что еще раз подчеркивает актуальность и потребность для практики настоящего диссертационного исследования.

В свою очередь психолога целесообразно привлекать из числа специалистов, имеющих необходимую квалификацию, опыт работы с несовершеннолетними из «группы риска» (так называемыми трудными подростками), а при необходимости, имеющих опыт работы с несовершеннолетними с нарушением развития, иными психическими отклонениями.

Допрос вовлекателя проводится после тщательного изучения не только показаний ранее допрошенных свидетелей и несовершеннолетнего, но также документов.

Как при подготовке к допросу несовершеннолетнего, так и вовлекателя изучению подлежат документы, которые позволят следователю получить информацию об особенностях личности вовлекателя и его правовом статусе (т. е. он является родителем, педагогическим работником, иным лицом):

♦ медицинские документы, подтверждающие (опровергающие) следующие факты: состоит ли вовлекатель на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансере, в связи с каким заболеванием или отклонениями; проходил ли он лечение в психиатрической больнице, в связи с каким заболеванием, отклонениями; наличие (отсутствие) у вовлекателя хронических заболеваний;

♦ характеристики с места работы (учебы) вовлекателя;

♦ справки ИЦ о наличии (отсутствии) судимости вовлекателя и (или) привлечения его ранее к уголовной ответственности и результатах проведенного следствия; копия постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении вовлектеля; копия приговора (приговоров), вынесенного в отношении вовлекателя.

Следует отметить, что сложность допроса заключается в том, что, с одной стороны, вовлекатели по большей части ссылаются на незнание возраста вовлеченного несовершеннолетнего и весьма поверхностное знакомство с ним либо отсутствие такового.

И это зачастую либо является правдой, либо не может быть опровергнуто собранными доказательствами. Так, в вышеприведенном примере в ходе судебного следствия не было установлено, что подсудимый Т. осознавал, что своими действиями вовлекает несовершеннолетних в совершение преступления; Т. сообщил, что ему не было достоверно известно о возрасте несовершеннолетних, из поведения которых, мест обучения и работы, а также возможности посещения ночных клубов, он предполагал о достижении ими совершеннолетнего возраста.

В случае же, когда возраст несовершеннолетнего и длительность его общения с вовлекателем очевидный факт (например, в силу родственных, длительных дружеских, соседских и иных отношений), вовлекатели настаивают на неприменении к несовершеннолетнему какого-либо воздействия психического или физического характера.

С другой стороны, нельзя исключать оговор вовлекателя несовершеннолетним в силу вышеуказанных обстоятельств (по причине заинтересованности полностью или частично искажать или истолковывать в свою пользу информацию о своем поведении в процессе общения с вовлекателем, из опасения осуждения его противоправного поведения членами семьи, близкими, лицами из ближайшего окружения).

Поэтому вовлекателю целесообразно задавать те же вопросы, что и несовершеннолетнему на предмет длительности и характера их взаимоотношений, а также наличия (отсутствия) знаний относительно возраста несовершеннолетнего. Относительно последнего обстоятельства, которое имеет одно из ключевых значений, целесообразно уточнить, сообщал ли кто-нибудь вовлекателю о возрасте несовершеннолетнего, в какую одежду он был одет, каким было поведение несовершеннолетнего, насколько это все соответствовало возрасту совершеннолетнего человека.

Как отмечалось выше, для повышения результативности допроса вовлекателя к рассматриваемому следственному действию необходимо готовиться. Это подтверждается и результатами анкетирования следователей. Так, в ходе подготовки к допросу вовлекателя респондентами осуществлялось: изучение личности вовлекателя — 87,4 %; изучение данных о психофизиологических признаках личности вовлекателя — 37,2 %; изучение, кем является вовлекатель по отношению к несовершеннолетнему — 97,3 %; установление факта наличия (отсутствия) личных отношений между несовершеннолетним и вовлекателем в период, предшествовавший совершению преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ — 92,7 %; составление письменного плана допроса, включающего перечень вопросов, подлежащих выяснению, а также выбор возможных способов и средств тактического воздействия на допрашиваемого в случае его уклонения от дачи правдивых показаний — 36,7 %; подготовка материалов, предметов, подлежащих предъявлению допрашиваемому в ходе допроса — 29,4 %; выбор наиболее целесообразного с тактической точки зрения места и времени допроса — 5,1 %; изучение объяснения вовлекателя, полученного в ходе проверки сообщения о преступлении, а также при наличии необходимости изучение иных материалов уголовного дела — 39,7 %.

В случае расхождения показаний вовлекателя и несовершеннолетнего либо существенных противоречий, для их устранения необходимо решить вопрос о целесообразности дополнительного допроса того и другого, в ходе которого, огласив имеющиеся показания в части противоречивых сведений, получить соответствующие пояснения.

Аналогичная ситуация складывается в случае выявления противоречий в показаниях вовлекателя и свидетелей.

Применительно к необходимости производства видеозаписи допроса вовлекателя укажем, основываясь на результатах изучения судебно-следственной практики, применение видеозаписи допроса вовлекателя целесообразно, во-первых, как мотивирующий на дачу признательных показаний фактор; во-вторых, в силу того, что посредством ее воспроизведения может быть осуществлена проверка соблюдения закона при его производстве и, как следствие, допустимости такого доказательств, как протокол допроса вовлекателя.

Подводя итог изложенному выше, заключим следующее.

1. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что допрос свидетелей, несовершеннолетнего и вовлекателя является наиболее эффективным средством познания обстоятельств события преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, обеспечивающим получение и проверку информации доказательственного и ориентирующего характера.

2. Авторами обоснована тактически грамотная последовательность допроса указанных лиц, исходя из особенностей личности несовершеннолетнего, его возраста, характера взаимоотношений с вовлекателем и степени его влияния на несовершеннолетнего, а также с учетом возможного оговора вовлекателя несовершеннолетним.

3. В зависимости от характера информации, которой обладают свидетели, а также от особенностей их взаимоотношений с вовлекателем и несовершеннолетним, автором выделены четыре группы свидетелей и сформулированы вопросы, подлежащие выяснению в ходе их допроса.

4. Наряду с формулировкой вопросов, ответы на которые необходимо получить при проведении допроса несовершеннолетнего и вовлекателя, автором обоснована необходимость тщательной подготовки к данному следственному действию, специфика этой подготовки, а также тактические особенности производства допроса вышеуказанных лиц.

Список источников

1. Марковичева Е. В. Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: изменение законодательства // Вопросы ювенальной юстиции. 2022. № 2.

2. Скобелин С. Ю., Кузнецов С. Е. Применение видеозаписи в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2015.

3. Соколов А. Б. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого по уголовным делам о кражах, совершаемых группами несовершеннолетних // Правоохранительные органы: теория и практика. 2009. № 2.

4. Трашкова С. М. Гарантии правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе: социальный и правовой аспекты // Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: моногр. Ульяновск, 2016.

5. Холопова Е. Н., Кравцова Г. К. Экспертные психолого-акмеологические технологии выявления признаков психологической достоверности показаний участников предварительного следствия по видеоматериалам оперативных мероприятий и следственных действий // Библиотека криминалиста. 2014. № 2.

References

1. Markovicheva E. V. Participation of a teacher and psychologist in the interrogation of minor victims and witnesses: changing legislation // Issues of juvenile justice. 2022. No. 2.

2. Skobelin S. Yu., Kuznetsov S. E. The use of video recording during the interrogation of a minor victim or witness. M. : Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2015.

3. Sokolov A. B. Interrogation of a minor suspect in criminal cases of thefts committed by groups of minors // Law enforcement agencies: theory and practice. 2009. No. 2.

4. Trashkova S. M. Guarantees of the legal status of minor suspects accused in criminal proceedings: social and legal aspects // Actual psychological, pedagogical, philosophical, economic and legal problems of modern Russian society: monograph. Ulyanovsk, 2016.

5. Kholopova E. N., Kravtsova G. K. Expert psychological and acmeological technologies for detecting signs of psychological reliability of the testimony of participants in the preliminary investigation based on video materials of operational measures and investigative actions // Criminalist Library. 2014. No. 2.

Информация об авторах

Д. А. Иванов — профессор кафедры прикладного правоведения и междисциплинарных связей Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор;

В. Дж. Потапов — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, доктор юридических наук, профессор;

Д. О. Туманов — преподаватель кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. A. Ivanov — Professor of the Department of Applied Law and Interdisciplinary Relations of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Legal Sciences, Professor;

V. Dz. Potapov — Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Doctor of Legal Sciences, Professor;

D. O. Tumanov — Lecturer of the Department of Organization and Disclosure and the investigation of crimes of the Tver branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.
The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья
УДК 343.98.06
EDN: https://elibrary.ru/pazzqp
NIION: 2022-0089-1/26-379
MOSURED: 77/27-031-2026-01-379

Общая конструкция и признаки боевой части клинка коротко-клинкового холодного оружия

Валентин Николаевич Качан
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kachan1965@inbox.ru

Аннотация. Обсуждаются важнейшие аспекты, связанные с описанием боевой части клинкового холодного оружия. Следует признать, что в отдельных случаях, имеют место при производстве экспертиз и исследований экспертизы холодного и метательного оружия ошибочные суждения, используемые для определения названия элементов боевых частей некоторых видов и типов клинкового холодного оружия. Известно, что некорректное установление признаков, в том числе и холодного оружия, непосредственно влияет на качество и весь ход проводимого исследования. В данном случае, речь идет об определении и описании деталей боевой части клинковых объектов, которые в соответствии с положениями ч. 1 ст. 5 ФЗ № 73 [1] должны соответствовать определенным требованиям. В частности, при исследовании клинкового холодного оружия все термины, применяющиеся в производстве экспертиз и исследований холодного и метательного оружия должны соответствовать действующей нормативно-правовой документации, одним из которых является Федеральный закон «Об оружии» № 150-ФЗ, отражающей систему понятий в области холодного оружия, а также нормативно-техническим документам, которые реализуют нормы данного закона.

Ключевые слова: холодное и метательное оружие, метательное оружие, боевой конец клинка, нормативно-правовая и нормативно-техническая документация

Для цитирования: Качан В. Н. Общая конструкция и признаки боевой части клинка коротко-клинкового холодного оружия // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 73–78. EDN: PAZZQP.

Original article

The general design and features of the warhead of a short-bladed bladed weapon

Valentin N. Kachan
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kachan1965@inbox.ru

Abstract. The most important aspects related to the description of the warhead of bladed bladed weapons are discussed. It should be recognized that in some cases, erroneous judgments occur during the production of examinations and studies of the examination of cold and throwing weapons, used to determine the names of the elements of combat units of certain types and types of bladed bladed weapons. It is known that incorrect identification of signs, including cold weapons, directly affects the quality and the entire course of the study. In this case, we are talking about the definition and description of the details of the warhead of bladed objects, which, in accordance with the provisions of Part 1 of Article 5 of Federal Law No. 73 [1], must meet certain requirements. In particular, in the study of bladed bladed weapons, all terms used in the production of examinations and studies of cold and throwing weapons must comply with the current regulatory and legal documentation, one of which is the Federal Law «On Weapons» No. 150-FZ, reflecting the system of concepts in the field of cold steel, as well as regulatory and technical documents that implement the norms of this law.

Keywords: cold and throwing weapons, throwing weapons, the combat end of the blade, regulatory and technical documentation

For citation: Kachan V. N. The general design and features of the warhead of a short-bladed bladed weapon. Forensic science and research. 2026;(1):73–78. (In Russ.). EDN: PAZZQP.

Приступая к рассмотрению обозначенной проблемы, отметим, что одним из основных нормативно-технических документов, который для наших изысканий представляет интерес, является ГОСТ Р 51 215-98 [3, с. 20]. Данный документ направлен на реализацию норм действующего Федерального закона «Об оружии» (далее — закон «Об оружии) [2; 3, с. 20] и в своих положениях призван предоставить определения всех общетехнических понятий, необходимых для понимания сущности признаков определенных видов и типов холодного оружия (в том числе и клинкового). Однако анализ его поло-

© Качан В. Н., 2026

Рис. 1. Боевой конец клинка коротко-клинкового холодного оружия, «НР» образца 1940 г. (вид со стороны левой голомени клинка)

жений показал, что существующим разновидностям боевой части клинка [3, с. 6] разработчиками обсуждаемого ГОСТа внимания уделено не было, что во многих случаях является поводом для неточностей их определения и в этой связи снижения качества определения групповой принадлежности исследуемых объектов.

Таким образом особый интерес для наших изысканий представляет такая часть клинка как боевой конец, который наглядно проиллюстрируем на примере ножа разведчика «НР» образца 1940 г. (рис. 1).

Следует обратить внимание на тот факт, что рассматриваемый нами ГОСТ в разделе № 6 «Части холодного оружия» и в частности в первых 16 пунктах дает общее представление о содержании терминов следующих составных частей клинкового оружия, характеризующих поражающие элементы данной категории холодного оружия (табл. 1).

Таблица 1

Термины и определения, формирующие понятия поражающих элементов клинкового холодного оружия

№	Термины	Определения
1	Боевая часть (холодного оружия)	Часть холодного оружия, непосредственно поражающая цель
2	Клинок	Протяженная металлическая боевая часть холодного оружия, с острием и одним или двумя лезвиями, являющиеся частью полосы
3	Центр удара (клинка)	Место на лезвии клинка, при нанесении рубящего удара, которым достигается наибольший поражающий эффект
4	Боевой конец клинка	Часть клинка от центра удара до острия
5	Пята (клинка)	Не затачиваемая часть клинка, расположенная между лезвием и рукоятью
6	Обух клинка	Не заточенный край однолезвийного клинка
7	Скос обуха	Часть обуха, наклоненная в сторону лезвия и образующая с ним острие клинка
8	Пила обуха	Ряд заточенных зубьев на обухе клинка
9	Голомень	Боковая сторона клинка, ограниченная лезвием и обухом или двумя лезвиями
10	Дол	Продольная выемка на голомени клинка
11	Елмань	Расширенная в сторону обуха конечная часть длинного однолезвийного клинка
12	Ребро (холодного оружия)	Сплошная линия выпуклого сопряжения двух поверхностей холодного оружия
13	Ребро жесткости (холодного оружия)	Ребро боевой части холодного оружия, существенно повышающее ее прочность на излом
14	Лезвие (холодного оружия)	Заточенный край боевой части холодного оружия. представляющий собой ребро с острым углом сопряжения поверхностей
15	Острие (холодного оружия)	Конец боевой части холодного оружия, стягивающийся в точку, короткое лезвие или грань размером до 3 мм
16	Полоса	Основа клинкового холодного оружия, состоящая из клинка и хвостовика

Подводя промежуточный итог проведенного синтеза рассматриваемого ГОСТа, следует признать, что о существующих типах форм боевых концов клинка, применяющихся для изготовления клинковых объектов, в настоящее время в нем ничего не сказано. Помимо этого, проведенный анализ научных работ, посвященных криминалистическим исследованиям клинкового холодного оружия, также указывает на то, что в них не только отсутствует классификация обсуждаемых нами частей холодного клинкового оружия, но и сам факт существования различных типов таких поражающих элементов, которые до настоящего времени остаются изученными не полностью и упоминаются лишь частично. Вместе с тем важно обратить внимание на тот факт, что все же некоторые ученые-криминалисты в своих работах, рассматривая классификацию холодного оружия в криминалистике, по непонятным причинам уделили внимание только одному типу коротко-клинкового холодного оружия, в рамках которого рассмотрели лишь малую часть основных вариантов форм боевых концов. При этом важно отметить тот факт, что несмотря на достаточно-подробное описание ножа, клинок которого изготовлен по типу «Боуи», автор В. М. Плескачевский в своей работе «Оружие в криминалистике» [4, с. 125–153] не приводит никаких схем, чертежей и рисунков ножа, клинок которого имеет конструкцию элементов данного типа. В этой связи следует признать, что несмотря на достаточно подробное описание одного из наиболее часто встречающихся в экспертной практике типов форм клинка такого как «Боуи» без его рисунка (схемы) конструкции, данную информацию для сравнительной части исследования производства экспертиз и исследований, холодного и метательного оружия, осуществляющихся, в том числе и экспертно-криминалистическими подразделениями (далее — ЭКП) МВД, использовать весьма проблематично. Следует признать, что другой тип устройства клинка и боевого конца, в частности «Танто», автор обсуждаемой работы, помимо описания, предлагает и его рисунок, что само по себе является весьма положительным фактором, так как в данном случае рисунок с его подробным описанием может быть использован ЭКП для применения в сравнительной части экспертного исследования. Однако иллюстрационный материал относительно наглядного представления о видах и конструкции форм клинка в обсуждаемой работе на этом заканчивается, в этой связи данный научный труд имеет весьма ограниченные возможности для применения в экспертной практике.

Напомним, что в начале формирования исследовательской части заключения в экспертизе холодного и метательного, в том числе и при исследовании клинкового холодного оружия, осуществляется выявление конструктивных признаков исследуемого объекта. Важно отметить, что от наиболее точного описания деталей частей холодного клинкового оружия зависит сравнительная часть исследования, которая является важнейшим действием, влияющим на правильное определение вида и типа клинкового холодного оружия.

Примечательно, что при производстве экспертиз и исследований холодного и метательного оружия, осуществляющихся ЭКП МВД, в которых производится наибольшее количество таких экспертиз и исследований, именно установление конкретного типа поражающего элемента клинкового холодного оружия в настоящее время вызывает затруднения. Так как, в том числе и в случае правильного либо ошибочного определения типа боевого конца холодного коротко-клинкового оружия, будет в дальнейшем зависеть весь ход проведенного исследования, который во многом может оказывать влияние на итоги и качество произведенной экспертизы. В этой связи все изложенное предопределило необходимость расширить познания конструкции боевых концов клинка, которые наиболее часто встречаются в экспертной практике ЭКП МВД.

Рассмотрим на основе план-схемы наиболее распространенные виды конструкции форм клинка, каждый из которых имеет свое сложившееся название (рис. 2).

В целях решения задачи по исключению двояких толкований, названий форм боевых частей клинка, рассмотрим на примерах шести выше представленных схем видов (наиболее распространенных частей клинка) такого коротко-клинкового холодного оружия как ножи и штык ножи.

В частности, рассматривая такой вид клинка как «Tanto» важно отметить, что он имеет несколько типов каждая из разновидностей имеет свои отличия передней боевой части клинка. Для нас в первую очередь представляет интерес профиль клинка, который разработал мастер боевых единоборств Линн Томпсон, так как именно данный вид конструкции клин-

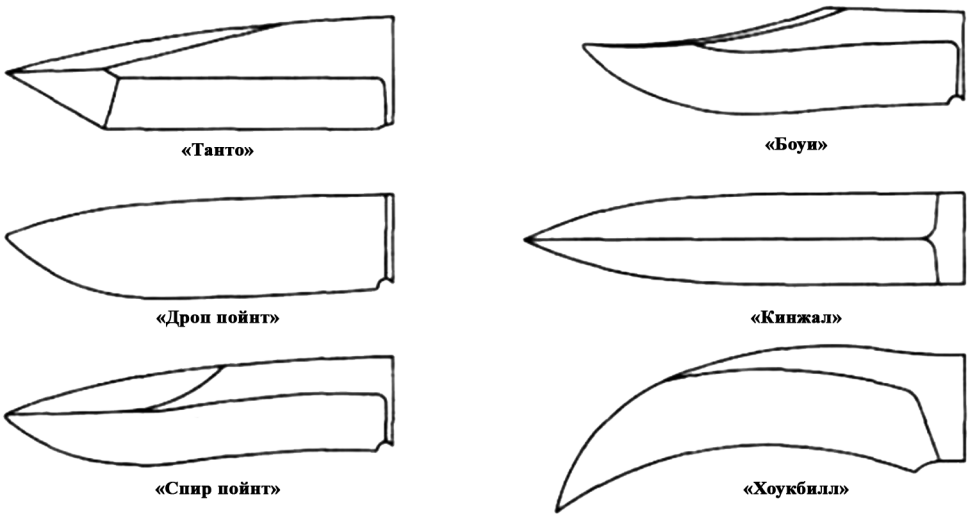

Рис. 2. Некоторые виды конструкции форм клинка

ка во многих случаях предполагает угол острия менее 70 град. В отличие от других типов рассматриваемый вариант такого боевого конца ножа имеет характерный (прямой и длинный) скос обуха и лезвия, которые сходясь, образуют острие клинка, расположенное выше осевой линии клинка при этом края, как скоса лезвия, так и обуха сходясь по прямым линиям, имеют одностороннюю заточку (огранку) в виде самостоятельного лезвия (рис. 3).

Известно, что острие и боевой конец при профиле конструкции клинка «Drop-Point» обладает хорошей проникающей способностью. Особенностью конструкции такого боевого конца клинка является практически прямой скос обуха с плавно сходящимся лезвием с двухсторонней заточкой, которые образуют острие, расположенное на средней линии клинка. Лезвие клинка и пята у некоторых экземпляров вогнутые. Помимо этого, вогнутый участок

Рис. 3. Форма боевой части клинка ножа «Tanto 80PGTK», изготовленного фирмой «Cold Steel G.I.» (вид со стороны левой голомени клинка)

обуха имеет фальшлезвие, как правило, с односторонней заточкой, а на голоменях клинка могут присутствовать ребра жесткости и дола. Примечательно, что именно такой тип клинка в числе некоторых других имеет широкое распространение среди производителей боевых ножей (рис. 4).

Профиль (Clip-Point) боевого конца клинка ножа принято связывать с полковником Джеймсом Боуи, который частично совпадает с предыдущим вариантом. Основным отличием является прямой обух, на котором могут располагаться зубья и менее длинная верхняя линия скоса обуха, которая может иметь односто-

Рис. 4. Форма «Drop-Point» боевого конца клинка ножа «Антитеррор» (вид со стороны левой голомени клинка)

Рис. 5. Форма «Clip-Point» боевого конца клинка штык-ножа «ШН-2» (вид со стороны левой голомени клинка)

роннее либо двухстороннее лезвие. Помимо этого, некоторые варианты боевых частей клинка могут иметь не только дол и ярко выраженные ребра жесткости, но и разницу в углах и ширине заточки лезвия (рис. 5).

Другой вариант боевого конца «Боуи» принято считать, что его изобрел полковник Джеймс Боуи. В классическом варианте у некоторых моделей ножей боевой конец клинка имеет характерный вогнутый скос обуха в некоторых случаях, как правило, с односторонним лезвием, который, плавно сходясь с лезвием, образует острие, как правило, расположенное несколько выше средней линии клинка. Среди широкого круга пользователей ножей на основании частичного сходства конструкции данного типа с некоторыми формами видов рыб данный тип боевого конца принято называть «Щучьим» (рис. 6).

Рис. 6. Форма «Боуи» боевого конца клинка ножа, изготовленного по типу охотничьих ножей (вид со стороны левой голомени клинка)

Тип профиля боевого конца клинка «Dagger blade или dagger point» имеет существенное различие с предыдущими вариантами боевых частей ножей, который среди пользователей на территории нашей страны принято называть «Кинжальным». Особенностью конструкции данного типа профиля является обоюдно острый клинок, боевой конец которого имеет равномерную симметрию заключающейся в равномерном схождении двух режущих кромок (лезвий) плавно сходясь, как правило, на средней линии

Рис. 7. Форма «Dagger blade или dagger point» боевого конца клинка кинжала (вид со стороны левой голомени клинка)

Рис. 8. Форма «Hawkbill Blade, Curved Blade (Керамбит)» боевого конца клинка ножа (вид со стороны левой голомени клинка)

клинка, образуя острие, расположенное на средней линии клинка. Клинок может иметь две пяты и один либо несколько дол (рис. 7).

Профиль клинка «Hawkbill Blade, Curved Blade (Керамбит)», имеющий некоторое сходство с таким сельскохозяйственным инструментом как серп или клюв птицы. Особенностью конструкции является тонкое острие, находящееся существенно ниже нижней линии клинка и режущую кромку на внутренней стороне серповидного лезвия, которая в некоторых случаях может составлять больше половины от размера ширины клинка (рис. 8).

Подводя итог рассмотренных выше шести наиболее известных форм клинка, необходимо отметить, что при производстве экспертиз и исследований холодного и метательного оружия в экспертно-криминалистических подразделениях как МВД, так и других ведомствах собранный материал позволит наиболее точно производить описания боевого конца клинковых исследуемых объектов.

Таким образом, проведенное изыскание дает наиболее полное представление о шести распространенных видах форм боевого конца ножей (коротко-клинкового) холодного оружия. Собранные сведения в будущем позволят повысить качество производства экспертиз и исследований экспертизы холодного и метательного оружия при установлении групповой принадлежности исследуемых объектов.

Список источников

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения». М., 1998.

4. Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике: понятие и классификация. М. : Спартак, 2001.

References

1. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 «On State Forensic Expertise in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

2. Federal Law «On Weapons» dated December 13, 1996 No. 150-FZ // LRS «ConsultantPlus».

3. GOST R 51215-98 «Cold steel. Terms and definitions». M., 1998.

4. Pleskachevsky V. M. Weapons in criminology: concept and classification. M. : Spartak, 2001.

Информация об авторе

А. В. Качан — старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Kachan — Senior Lecturer of the Department of Forensic Expertise of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 12.03.2026.

The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 12.03.2026.

Научная статья
УДК 343.983
EDN: https://elibrary.ru/ocigxo
NIION: 2022-0089-1/26-380
MOSURED: 77/27-031-2026-01-380

Компьютерная информация: понятие, содержание, форма

Андрей Васильевич Ким
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, kimandrey@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ различных методологических подходов к формулированию дефиниций «цифровая информация» и «компьютерная информация». Кроме того, исследованы научные позиции относительно соотношения указанных категорий с понятиями «цифровые следы» и «компьютерные следы», а также представлена систематизация соответствующих концептуальных подходов. В рамках данного исследования автором предложена классификация компьютерной информации и на основе проведенного анализа выдвинута научная гипотеза о возможности развития теории цифровых следов посредством рассмотрения их сквозь призму компьютерной информации, в частности — с учетом критерия репрезентативности цифровой информации для конечного пользователя в ее конечной компьютерной обработке.

Ключевые слова: компьютерная информация, цифровая информация, компьютерные следы, цифровые следы, компьютерная среда, цифровая среда, виртуальные следы, электронные следы

Для цитирования: Ким А. В. Компьютерная информация: понятие, содержание, форма // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 79–86. EDN: OCIGXO.

Original article

Computer information: concept, content, form

Andrey V. Kim
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia, kimandrey@mail.ru

Abstract. Provides an analysis of various methodological approaches to formulating the definitions of «digital information» and «computer information». Additionally, the study examines scholarly perspectives on the relationship between these categories and the concepts of «digital traces» and «computer traces», as well as presents a systematization of relevant conceptual approaches. Within the framework of this research, the author proposes a classification of computer information. Based on the conducted analysis, a scientific hypothesis is advanced regarding the potential development of the theory of digital traces through the lens of computer information — specifically, by taking into account the criterion of representativeness of digital information for the end user in its final computer processing.

Keywords: computer information, digital information, computer traces, digital traces, computer environment, digital environment, virtual traces, and electronic traces

For citation: Kim A. V. Computer information: concept, content, form. Forensic science and research. 2026;(1):79–86. (In Russ.). EDN: OCIGXO.

Современное общество переживает эпоху интенсивной цифровизации, которая кардинально трансформирует все сферы человеческой деятельности. Стремительное развитие информационных технологий, повсеместное распространение сетевых коммуникаций и переход к электронному документообороту обусловливают возрастающую роль компьютерной (цифровой) информации в различных правовых процессах. В контексте уголовного судопроизводства это явление приобретает особую значимость, поскольку цифровые данные все чаще выступают в качестве ключевого источника доказательственной базы.

В современной криминалистической практике должностные лица, уполномоченные осуществлять предварительное расследование, систематически сталкиваются с необходимостью оперирования категориальным аппаратом специализированной отрасли криминалистической науки, осуществляющей комплексное исследование компьютерных следов и информации, возникающих в процессе противоправной деятельности в информационно-телекоммуникационном пространстве. Все чаще приходится использовать такие специальные термины, как «электронный носитель информации», «компьютерная информация», «цифровая информация», «цифровые следы», а

© Ким А. В., 2026

также иные дефиниции, которые как регламентированы действующим законодательством, так и могут не иметь четкого определения.

В рамках современного уголовного судопроизводства компьютерная информация, извлекаемая из разнообразных электронных носителей, является практически неотъемлемым элементом расследования подавляющего большинства преступлений. К числу таких данных могут относиться сведения о переписке, извлекаемые из мобильных устройств, пользовательские файлы, базы данных, видеофайлы, полученные в результате исследования видеорегистраторов и др.

Указанные сведения получают как в ходе производства процессуальных действий, например, изъятие электронного носителя информации с последующим проведением его исследования, включающего осмотр (в том числе с участием специалиста) или назначение и производство судебных экспертиз (компьютерно-технических, видеотехнических и др.), так и в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» или направления официальных запросов лицом, осуществляющим предварительное расследование (следователем или дознавателем) в организации, эксплуатирующие различные информационные системы.

Поскольку компьютерная информация, полученная в рамках процессуальных и непроцессуальных мероприятий, систематически интегрируется в доказательственную базу уголовных дел и фигурирует в обвинительных заключениях, возникает объективная потребность в унификации терминологического аппарата и осмыслении ее природы.

Термин «компьютерная информация» представляет собой композитное понятие, образованное путем сочетания двух лексических единиц: «информация» и «компьютер». С лингвистической точки зрения данная номинация является словосочетанием атрибутивного типа, где главное слово — «информация» (существительное, обозначающее объект номинации), зависимое слово — «компьютерная» (согласованное определение, выраженное относительным прилагательным, производным от существительного «компьютер»).

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под «информацией» следует понимать «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

Значение понятия «компьютер» приводится в ГОСТ Р 71173-2024, в котором оно раскрывается следующим образом: «электронно-вычислительная машина; ЭВМ; компьютер: вычислительная машина, обрабатывающая данные с помощью программируемых вычислительных средств, основные функциональные устройства которой выполнены на электронных компонентах»[1].

В соответствии с приведенной дефиницией понятие «компьютер» (электронно-вычислительная машина) не ограничивается классическими формами стационарных персональных компьютеров, моноблоков и ноутбуков. Оно распространяется на широкий класс технических устройств, обладающих ключевыми признаками ЭВМ, а именно наличием программируемых вычислительных средств, реализацией основных функциональных узлов на электронных компонентах, способностью к обработке данных в цифровой форме. К числу таких устройств, помимо традиционных ПК, относятся мобильные телефоны (смартфоны), оснащенные процессорами, оперативной памятью и операционной системой, носимые вычислительные устройства (умные часы, фитнес-трекеры с микропроцессорами и программным обеспечением), телевизионные приемники с функциями смарт-ТВ, поддерживающие запуск приложений и обработку цифровых сигналов, игровые консоли, содержащие центральные и графические процессоры, оперативную память и исполняющие программный код, мультимедийные системы транспортных средств (бортовые компьютеры автомобилей), осуществляющие обработку данных от датчиков, навигационных модулей и пользовательских интерфейсов.

Таким образом, критерием отнесения устройства к категории «компьютер» выступает не его формфактор или сфера применения, а функционально-технологическая сущность — наличие программно-управляемой электронной вычислительной платформы, способной к приему, хранению, обработке и выдаче данных. Это позволяет трактовать понятие «компьютер» в расширительном, технологически

[1] ГОСТ Р 71173-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Персональные электронно-вычислительные машины. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 2 февраля 2024 г. № 187-ст).

нейтральном смысле, охватывая все многообразие современных цифровых устройств, соответствующих указанным признакам.

На основании семантического синтеза двух базовых терминологических единиц — «информация» и «компьютер» — может быть сформулировано научно обоснованное определение понятия «компьютерная информация» — это сведения (сообщения, данные) представленные в цифровой форме, которые обрабатываются при помощи электронно-вычислительного устройства (компьютера), использующего программируемые средства обработки информации.

Несмотря на многообразие доктринальных подходов к определению понятия «компьютерная информация», законодатель в рамках уголовного права формулирует собственную нормативно-правовую дефиницию, обладающую специфическими признаками и функциональным назначением.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, компьютерная информация определяется как «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Ряд исследователей понятие «компьютерная информация» приравнивают к термину «цифровая информация». Данный термин широко представлен в некоторых научных публикациях [1, с. 47; 2, с. 78].

Так В. Б. Вехов и С. В. Зуев отмечают: «Использование цифровых технологий влечет появление информации соответствующего свойства, которая содержательно представляет собою определенные сведения, выраженные в цифровой форме. Законодательно понятие «цифровая информация» не закреплено, но в отдельных законодательных актах содержится понятие «компьютерная информация». Цифровая информация — это данные, отображаемые в цифровой форме, пригодной для распознавания, обработки или хранения с помощью компьютерной или информационной системы, существующие в виде файлов, передач, журналов, метаданных или сетевых данных» [3, с. 82].

При этом С. В. Зуев полагает, что «компьютерная информация может рассматриваться как частный случай электронной информации» [4, с. 18].

В научных работах вместе с дефиницией «цифровая информация» используется понятие «электронная информация» [5, с. 40; 6, с. 34].

Употребление термина «электронная информация» представляется логически обоснованным в контексте дефиниций «информация», «электронное сообщение» и «электронный документ», закрепленных в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

При наблюдаемом многообразии терминологических единиц («цифровая», «электронная», «компьютерная») они, по существу, выступают синонимами, обладая схожей семантикой и смысловым наполнением.

С позиций теоретического анализа информационных процессов представляется обоснованным утверждение В. Б. Вехова и С. В. Зуева: «Понятие «цифровая информация» является родовым понятием по отношению к «компьютерной информации», поскольку описывает все многообразие форм, в которых может существовать и передаваться информация, используемая современными вычислительными, телекоммуникационными и иными техническими устройствами» [3, с. 77]. Данная позиция объясняется формой представления данных в компьютерных системах.

Основополагающий довод состоит в том, что компьютерная информация в своей базовой репрезентации всегда имеет дискретно-количественный характер и кодируется посредством битовой последовательности. При этом каждый бит как элементарная единица информации принимает одно из двух возможных значений — 0 или 1, что соответствует принципам двоичного (цифрового) кодирования.

С методологической точки зрения представляется обоснованным следующее суждение: понятие «цифровая информация» этимологически и семантически ассоциируется с представлением данных в цифровой форме. Однако при попытке практического осмысления данного термина возникает существенная теоретико-прикладная проблема — неоднозначность его границ в зависимости от контекста использования.

Так, формально такие данные, как номер телефона, номер банковского счета или почтовый индекс, будучи представленными в виде последовательности цифр на бумажном носителе, соответствуют буквальному толкованию термина «цифровая информация». Тем не менее в рамках технологического и правового дискурса подобное отождествление является некорректным, поскольку отсутствует ключевой признак цифровой информации — дискретное представление

в электронной среде и не задействован механизм автоматизированной обработки посредством вычислительных устройств, отсутствует машиночитаемая форма, обеспечивающая взаимодействие с информационными системами.

Таким образом, семантика термина «цифровая информация» демонстрирует контекстуальную зависимость. В узком (технико-технологическом) смысле — это данные, представленные в двоичном коде и обрабатываемые компьютерными устройствами, в широком (буквальном) толковании — любая информация, выраженная посредством цифровых символов, вне зависимости от носителя.

В отличие от этого, понятие «компьютерная информация» обладает более жесткой дефиницией, закрепленной в нормативно-правовых актах (в частности, в примечании 1 к ст. 272 УК РФ).

Следовательно, если «цифровая информация» требует контекстного уточнения для корректного применения, то «компьютерная информация» характеризуется нормативно зафиксированной определенностью, что существенно снижает риски семантической неоднозначности в правоприменительной практике.

Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» вводит новое оперативно-розыскное действие «получение компьютерной информации». Таким образом, законодатель также указывает, что правильно использовать термин «компьютерная информация».

Наряду с вышеуказанным термином отдельного внимания заслуживает дефиниция «цифровая среда» или «цифровое пространство». Данные понятия в той или иной форме рассматривались разными исследователями. В. О. Давыдов полагает, что «цифровое пространство, являющееся, по существу, искусственно созданной частью окружающей среды, следует определять как элемент информационного пространства, интегрирующий цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, совокупность цифровых инфраструктур, а также информационные ресурсы» [7, с. 92]. Как отмечают в своем исследовании Л. В. Иванова и Г. В. Пережогина «понятие «цифровое пространство» схоже с пониманием информационного пространства, которое содержится в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг. Согласно данному определению, информационное пространство характеризуется следующими чертами: данное пространство включает информационные ресурсы, средства взаимодействия субъектов информационной сферы, информационные системы, информационную инфраструктуру» [8, с. 158].

С научной точки зрения рассматриваемые позиции представляются логически обоснованными. Однако, по нашему мнению, цифровое пространство следует определять прежде всего, как сферу существования компьютерной информации — виртуальную среду, в которой функционируют цифровые данные вне зависимости от их семантического содержания и функциональной значимости.

При этом ключевым аспектом предлагаемой дефиниции является следующее положение: для квалификации среды в качестве цифровой не требуется обязательного наличия признаков взаимодействия или интеграции информационной системы с иными системами. Цифровое пространство может быть реализовано как автономная (локальная) программная среда, функционирующая в рамках отдельного вычислительного устройства.

В контексте предварительного расследования компьютерная информация демонстрирует многоплановость правового статуса, что обусловливает необходимость ее классификации по функциональному назначению. На основании анализа механизмов совершения преступлений в цифровой среде можно выделить три ключевые категории:

- информация как орудие преступления — активно задействованная субъектом в процессе реализации преступного умысла (например, вредоносные программы, скрипты, фишинговые шаблоны);
- информация как предмет преступления — составляющая непосредственную цель противоправного деяния (например, украденные базы данных, конфиденциальная информация, цифровые активы);
- информация как носитель следов преступления — содержащая криминалистически значимые сведения об обстоятельствах преступной деятельности (например, логи систем, метаданные файлов, сетевые журналы, видеозаписи).

Данная типология имеет существенное значение для правильной квалификации деяния, определения

предмета доказывания и формирования доказательной базы.

Если квалификация информации в качестве орудия или предмета преступления характеризуется достаточной определенностью, то отнесение ее к категории носителей следов преступления сопряжено с вариативностью в использовании в качестве доказательства.

С точки зрения уголовно-процессуального доказывания, компьютерная информация приобретает криминалистическую значимость лишь при соблюдении ряда условий: ее связь с предметом доказывания, законность получения и возможность верификации. Ключевыми категориями в данном контексте выступают: «цифровые, электронные, виртуальные и компьютерные следы».

Как отмечают в своем исследовании Е. Р. Россинская и И. А. Рядовский, «цифровизация сопровождается процессом замены традиционных аналоговых способов отображения криминалистически значимой информации в виде следов, фотоснимков, звукозаписей и видеозаписей и пр. электронными способами, что вызвало появление новых видов следов — цифровых следов» [9, с. 6]. Специфические следы противоправной деятельности возникают в цифровом пространстве и подлежат криминалистическому исследованию. Целью такого исследования является выявление и фиксация компьютерной информации (файлов, метаданных, логов и пр.), которая впоследствии может быть использована в качестве доказательства по уголовному делу.

Понятие «цифровые следы» семантически тождественно термину «компьютерные следы» при условии его трактовки по аналогии с категорией «компьютерная информация». При этом термин «компьютерные следы» обладает большей терминологической устойчивостью — не требует контекстных уточнений и сохраняет однозначность в различных употреблениях, что, на наш взгляд, обосновывает его корректность.

Теория криминалистики дает четкое определения такой дефиниции как «след»: «под следами в широком смысле понимаются любые изменения объективной действительности, вызванные совершенным преступлением. По природе различаются следы идеальные и материальные» [10, с. 198]. Возникает закономерный вопрос о классификации следов, формируемых в процессе функционирования компьютерных систем.

Если изучить определения, которые распространены в криминалистике, то можно увидеть, что «идеальные следы — это отображение события или его элементов в сознании человека, мысленный образ воспринятого» [11, с. 90], а «материальные следы образуются в результате отображения хода преступного деяния и его результатов на объектах материального мира» [11, с. 90]. Следовательно, «цифровые, компьютерные, электронные следы», которые образуются в результате взаимодействия с компьютерной системой могут считаться материальными следами.

В. Б. Вехов и А. Б. Смушкин полагают, что «цифровой след — это любая криминалистически значимая компьютерная информация, то есть сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (примечание 1 к ст. 272 УК РФ). Эти следы являются материальными невидимыми следами» [12, с. 391]. Схожее определение дает коллектив авторов А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин в монографии «Цифровые следы преступлений» [13, с 8]. Из анализа определения можно сделать вывод, что авторы приравнивают понятие «цифрового следа» к понятию «компьютерной информации» и наделяют его важным признаком криминалистической значимости.

Использование дефиниции «цифровые следы» соотноситься с представлением цифровой информации в компьютерной системе — бинарной последовательностью значений 0 и 1. Однако в контексте криминалистического анализа приоритетную значимость приобретает не низкоуровневое бинарное представление данных, а их семантически осмысленная интерпретация — т. е. результирующая компьютерная информация, представленная в форме, доступной для восприятия и анализа пользователем или специализированными программными средствами.

Таким образом, с позиций развития теоретической базы криминалистики представляется обоснованным предложение о концептуальном уточнении терминологии: переход от понятия «цифровые следы» к термину «компьютерные следы».

Данный терминологический сдвиг позволит акцентировать внимание на прикладном (пользовательском) уровне информации, а не на ее технической реализации, подчеркнуть криминалистическую релевантность именно содержательного аспекта данных, а не их бинарного кодирования, обеспечить термино-

логическую согласованность с устоявшимися понятиями «компьютерная информация», «компьютерные преступления».

Предлагаемая замена термина, на наш взгляд, способствует более точному отражению сущности исследуемых объектов, смещая фокус с низкоуровневого технического описания на высокоуровневую семантическую интерпретацию вышеуказанных следов.

В контексте исследования природы компьютерных следов особый интерес представляет вопрос о статусе сведений об идентифицирующих данных, получаемых при взаимодействии информационных систем и компьютерных устройств (IP-адресах, Imei, номерах телефонах и др). Анализ показывает, что данные сведения формируются в цифровой среде как результат пользовательской активности, их получение может осуществляться в том числе в рамках процессуальных действий (через запрос к провайдеру) и форма их фиксации (печатная) не изменяет их цифровую природу. Следовательно, такие сведения будут соответствовать определению компьютерного следа, поскольку сохраняют связь с цифровой средой происхождения, содержат криминалистически значимую информацию и могут быть верифицированы через первичные цифровые источники.

Анализ фундаментальных положений криминалистической науки демонстрирует, что процесс следообразования базируется на обязательном наличии двух объектов (следообразующего и следовоспринимающего), в результате взаимодействия которых происходит передача информации от следообразующего объекта к следовоспринимающему в виде материальных изменений с сохранением в следе характеристик следообразующего объекта. Следовательно, обнаруженные на следовоспринимающем предмете следы содержат информацию, позволяющую идентифицировать следообразующий объект и реконструировать механизм взаимодействия. При этом имеются существенные различия в следообразовании, на которые указывает Н. П. Майлис: при образовании «цифровых следов, форма и размеры объекта в традиционном понимании отсутствуют, можно зафиксировать лишь изменения на уровне электромагнитных взаимодействий цифрового сигнала, которые могут быть выявлены только с помощью технических средств, преобразующих электронно-цифровую модель объекта в вид, доступный для восприятия исследователя. При таком различии как в обнаружении, так и при фиксации цифровых следов требуется свой комплекс методов, приемов и технических средств, а также порядок их применения» [14, с. 98].

Если экстраполировать классические положения теории следообразования на цифровую среду, можно сделать вывод, что принцип причинно-следственной связи сохраняется и компьютерные следы являются результатом взаимодействия объектов, содержат идентификационные признаки объекта-источника, а форма существования следов трансформируется в информационную.

В связи с этим предлагается следующее определение: компьютерные следы — это криминалистически значимые информационные данные, образовавшиеся в процессе взаимодействия как минимум двух объектов, одним из которых является компьютерная техника в любой ее технологической форме, и содержащие идентифицирующие признаки объекта — источника следов.

При исследовании механизма образования таких следов В. Д. Никишин предлагает учитывать два принципиально различных типа взаимодействия субъекта с компьютерной системой: осознанное взаимодействие — субъект целенаправленно вступает в контакт с системой, осознавая последствия, и неосознанное взаимодействие — субъект не воспринимает факт контакта с системой, однако цифровые следы все равно формируются. В некоторых работах такие следы делятся на активные и пассивные [15, с. 132].

Во втором случае отсутствие осознания не влияет на процесс следообразования: система автоматически регистрирует данные о взаимодействии, сохраняя их в цифровом виде. Типичным примером является видеофиксация человека камерой наблюдения с последующей записью изображения на жесткий диск видеорегистратора без ведома и осознания этого субъектом.

В рамках исследования соотношения понятий «компьютерная информация» и «компьютерный след» выявлена существенная закономерность: компьютерный след всегда представляет собой результат взаимодействия объектов в цифровой среде, а компьютерная информация может не содержать следов преступления, существовать автономно от процесса следообразования и использоваться при этом в качестве доказательства. Характерный пример — специализированное программное обеспечение, функциональное назначение которого заключается

в преодолении механизмов аутентификации, обходе парольной защиты или несанкционированном доступе к информационным ресурсам. Такие объекты, несмотря на отсутствие признаков компьютерного (цифрового) следа, играют существенную роль в доказывании преступлений в сфере компьютерной информации.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ключевые выводы относительно роли компьютерной информации и компьютерных следов в современной криминалистике.

Во-первых, с научной точки зрения компьютерную информацию можно определить, как данные, неразрывно связанные с носителем — компьютером или иным вычислительным устройством. Под данным понятием подразумевается любая информация, сформированная, обработанная или сохраненная посредством компьютерной техники в процессе функционирования аппаратно-программного комплекса. Ключевыми характеристиками компьютерной информации при этом выступают ее техническая обусловленность — существование исключительно в цифровой форме на электронных носителя и генерируемость программным обеспечением — формирование данных в результате работы операционных систем, прикладных программ или встроенных алгоритмов. В аспекте предварительного расследования первостепенное значение имеет содержательный компонент компьютерной информации. При этом информация, не отнесенная к категории компьютерных следов, может обладать самостоятельной доказательственной ценностью, что подтверждается на примере программного обеспечения, предназначенного для обхода защитных механизмов.

Во-вторых, установлено смысловое равенство понятий «цифровые следы» и «компьютерные следы». Компьютерные следы, в свою очередь, представляют собой значимые для криминалистического анализа информационные объекты, которые отражают характер взаимодействия в цифровой среде различных субъектов, объектов и процессов. В отличие от компьютерной информации как таковой, которая может существовать автономно, компьютерные следы всегда являются результатом процесса воздействия одного элемента системы на другой, содержат информацию о таком взаимодействии и признаки следообразующего объекта, при этом формирование таких следов не зависит от осознанности взаимодействия субъекта с системой, что существенно расширяет возможности криминалистического исследования.

Таким образом, компьютерная информация и компьютерные следы представляют собой взаимосвязанные, но не тождественные категории криминалистической науки. Их корректное разграничение и унифицированная терминология имеют фундаментальное значение для совершенствования методик обнаружения и фиксации доказательств, повышения достоверности криминалистических экспертиз, формирования единообразной правоприменительной практики.

Дальнейшее развитие данного научного направления требует систематизации классификационных критериев компьютерных следов и разработки стандартизированных протоколов их исследования в условиях постоянно эволюционирующих цифровых технологий.

Список источников

1. Шутова А. А. Уголовно-правовое понятие цифровой информации, обращающейся в системе здравоохранения // Российский следователь. 2025. № 4. С. 45–49.

2. Хализов С. В. Виды преступлений в сфере цифровой информации // Современное право. 2024. № 7. С. 77–83.

3. Вехов В. Б., Зуева С. В. Цифровая криминалистика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.

4. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025.

5. Яковлева К. Ю. Контрольная сумма как элемент достоверности доказательства, содержащего электронную информацию, в уголовном процессе // Российский следователь. 2024. № 2. С. 39–43.

6. Яковлева К. Ю. Понятие «электронная информация» в уголовном процессе // Российский следователь. 2022. № 3. С. 33–36.

7. Давыдов В. О. Цифровое пространство как место совершения преступлений экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 1. С. 89–95.

8. Иванова Л. В., Пережогина Г. В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-

экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 155–171.

9. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: мат. междунар. науч.-практ. конф. (Алматы, 19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–9.

10. Бастрыкин А. И. Криминалистика: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025.

11. Агафонов В. В., Филиппов А. Г. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.

12. Вехов В. Б., Смушкин А. Б. Криминалистическое исследование цифровых отпечатков компьютерных устройств // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 390–397.

13. Багмет А. М., Бычков В. В., Скобелин С. Ю., Ильин Н. Н. Цифровые следы преступлений: моногр. М., 2020.

14. Майлис Н. П. Инновационные технологии, способствующие развитию цифровой трасологии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 97–99.

15. Никишин В. Д. Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде // Судебная экспертиза. 2020. № 1. С. 131–139.

References

1. Shutova A. A. Criminal law concept of digital information circulating in the healthcare system // Russian investigator. 2025. No. 4. P. 45–49.

2. Khalizov S. V. Types of crimes in the field of digital information // Modern law. 2024. No. 7. P. 77–83.

3. Vekhov V. B., Zueva S. V. Digital criminalistics: textbook for universities. 2nd ed., revised and additional. M. : Yurayt, 2025.

4. Zuev S. V. Electronic evidence in criminal proceedings: textbook for universities. M. : Yurayt, 2025.

5. Yakovleva K. Y. Checksum as an element of the reliability of evidence containing electronic information in criminal proceedings // Russian investigator. 2024. No. 2. P. 39–43.

6. Yakovleva K. Y. The concept of «electronic information» in criminal proceedings // Russian investigator. 2022. No. 3. P. 33–36.

7. Davydov V. O. Digital space as a place of extremist crimes // All-Russian Journal of Criminology. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 89–95.

8. Ivanova L. V., Perezhogina G. V. Digital space as a crime scene under global constraints // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2020. Vol. 6. No. 4 (24). P. 155–171.

9. Rossinskaya E. R., Ryadovsky I. A. The concept of digital traces in criminalistics // Aubakirov readings: proceedings of the international scientific and practical conference (Almaty, February 19, 2019). Almaty, 2019. P. 6–9.

10. Bastrykin A. I. Criminalistics: textbook for universities. M. : Yurayt, 2025.

11. Agafonov V. V., Filippov A. G. Criminalistics. Full course: textbook for universities. 6th ed., revised and additional. M. : Yurait, 2025.

12. Vekhov V. B., Smushkin A. B. Criminalistic investigation of digital fingerprints of computer devices // All-Russian Journal of Criminology. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 390–397.

13. Bagmet A. M., Bychkov V. V., Skobelin S. Y., Ilyin N. N. Digital traces of crimes: a monograph. M., 2020.

14. Mailis N. P. Innovative technologies contributing to the development of digital tracology // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 5. P. 97–99.

15. Nikishin V. D. Digital and speech traces in the aspect of ensuring information (ideological) security in the Internet environment // Forensic examination. 2020. No. 1. P. 131–139.

Информация об авторе

А. В. Ким — соискатель кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Information about the author

A. V. Kim — Applicant of the Criminology Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.

Научная статья
УДК 343.7
EDN: https://elibrary.ru/oqnsle
NIION: 2022-0089-1/26-381
MOSURED: 77/27-031-2026-01-381

Субъективные признаки незаконного привлечения денежных средств и (или) иного имущества

Сергей Витальевич Красюк
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, ksvlawyer@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ субъективных признаков преступного деяния в виде организации деятельности по незаконному привлечению денежных средств и (или) иного имущества граждан и (или) юридических лиц, за совершение которого установлена уголовная ответственность ст. 172.2 УК РФ. Дана правовая характеристика субъекта преступления. Анализируются правовые нормы, судебная практика и криминологические исследования, позволяющие выявить особенности субъективных признаков состава преступления. Особое внимание уделяется роли субъекта преступления, вине, мотиву, влияющих на квалификацию деяния. Проанализированы критерии умысла организатора финансовой пирамиды с целью детализации вины. Предложены рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, финансовая пирамида, субъект преступления, организатор финансовой пирамиды, направленность умысла, субъективная сторона преступления

Для цитирования: Красюк С. В. Субъективные признаки незаконного привлечения денежных средств и (или) иного имущества // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 87–93. EDN: OQNSLE.

Original article

Subjective signs of illegal attraction of funds and (or) other property

Sergey V. Krasyuk
Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, ksvlawyer@yandex.ru

Abstract. The analysis of the subjective signs of a criminal act in the form of organizing activities for the illegal attraction of funds and (or) other property of citizens and (or) legal entities, for which criminal liability is established under Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legal characteristic of the subject of the crime is given. Legal norms, judicial practice and criminological studies are analyzed, which make it possible to identify the features of subjective signs of a crime. Special attention is paid to the role of the subject of the crime, the guilt, the motive influencing the qualification of the act. The criteria of intent of the organizer of the financial pyramid are analyzed in order to detail the guilt. Recommendations for improving criminal legislation and law enforcement practice are proposed.

Keywords: organization of activities to attract funds and (or) other property, financial pyramid, the subject of the crime, the organizer of the financial pyramid, the direction of intent, the subjective side of the crime

For citation: Krasyuk S. V. Subjective signs of illegal attraction of funds and (or) other property. Forensic science and research. 2026;(1):87–93. (In Russ.). EDN: OQNSLE.

Проблематика незаконного привлечения денежных средств является одной из центральных в современной юридической науке. Незаконное привлечение денежных средств и (или) иного имущества является одним из распространенных и одновременно латентных видов экономических преступлений. Именно этот вид преступлений вызывает наибольшие затруднения в установлении субъективных признаков, учитывая многообразие форм проявления и скрытый характер деяний. Вопросы квалификации подобных преступлений приобретают особую значимость в свете современного развития финансовых цифровых технологий и появления новых схем, а также методов обхода законодательных ограничений.

Федеральным законом от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 172.2, которая установила ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества граждан и (или) юридических лиц в крупном либо особо

© Красюк С. В., 2026

крупном размере при отсутствии правомерной экономической деятельности, сопряженной с задействованием этих привлеченных ресурсов в сравнимых размерах [12]. Сообразуясь с примечанием к ст. 170.2 Уголовный кодекс Российской Федерации, крупным размером считается размер, превышающий 3 млн 500 тыс. руб., а особо крупным — превышающий 13 млн 500 тыс. руб.

Целеполаганием принятия данного закона было противодействие трудно доказуемому криминальному явлению по созданию и функционированию разного рода пирамидальных структур, нацеленных на неправомерное привлечение и использование денежных средств и другого капитала граждан и юридических лиц. Надо заметить, что в середине 90-х – начале 2000-х гг. это явление в России было широко распространенным, огромное количество граждан лишились своих денежных средств после обманного привлечения к участию в финансовых пирамидах, под обещание получения заоблачных дивидендов. В настоящее время масштаб у таких финансовых «проектов» также значительный, что свидетельствует о высокой общественной опасности. Так, Центральный Банк Российской Федерации выявил в первом полугодии 2024 г. 1723 субъекта с признаками финансовой пирамиды (в первом полугодии 2023 г. было выявлено 1139 подобных субъектов) [13].

Правоприменительная практика по ст. 172.2 УК РФ имеет следующие количественные показатели осужденных лиц: 2016 г. — 2; 2017 г. — 12; 2018 г. — 3; 2019 г. — 1; 2020 г. — 1; 2021 г. — 0; 2022 г. — 6; 2023 г. — 3; 2024 г. — 1 [14].

Во многом редкость применения ст. 172.2 объясняется тем, что организация финансовой пирамиды в правоприменительной практике обычно квалифицируется как покушение на мошенничество [15; 16], поскольку экономическая сущность этих проектов такова, что неминуемо приводит их к финансовому краху. Привлечение денежных средств граждан и (или) юридических лиц производится под обещание высокой прибыльности вложения этих средств, причем выплата дивидендов ранее привлеченным участникам осуществляется обычно за счет средств позднее привлеченных участников пирамиды при отсутствии реальной хозяйственной деятельности (либо ведении ее в размерах, несопоставимых с объемом привлекаемых средств или имущества). Несмотря на множество примеров краха подобных проектов, данный способ мошенничества является основным у организаторов пирамид.

Субъективные признаки состава рассматриваемого преступления включают в себя субъекта преступления, а также его психическое отношение к совершенному деянию. По действующему составу преступления субъектом является организатор финансовой пирамиды, по общему правилу это может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Однако ряд криминалистов акцентирует внимание на том, что, как правило, субъект ст. 172.2 УК РФ — специальный, осуществляющий предпринимательскую или иную деятельность [11, с. 299]. С точки зрения И. Г. Горловской, И. И. Гимадиевой в подавляющем большинстве случаев финансовая пирамида функционирует как юридическое лицо [1]. В таком юридическом лице могут быть один или несколько совладельцев (выгодоприобретателей), являющихся по факту специальными субъектами.

Действия такого субъекта нарушают обязательственное право (договоры займа, вклада), принципы добросовестности, влекут признание сделок ничтожными (ст. 169 ГК РФ), а также возникновение обязательств по возмещению убытков (ст. 15, 1064 ГК РФ). Гражданским правом такая деятельность прямо запрещена нормами законодательства, поскольку нарушает принципы добросовестности и справедливости, лежащие в основе гражданских правоотношений.

Как было указано ранее, субъект преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, — физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, т. е. к ответственности может быть привлечено любое физическое лицо, которое организовало деятельность финансовой пирамиды, независимо от его статуса (должностного положения, наличия регистрации юридического лица и т. д.) [3–10].

В качестве субъектов преступлений по указанной статье выступает широкий круг лиц, среди которых организаторы финансовых пирамид — ключевые фигуры, инициирующие создание структуры и привлекающие средства участников, обещая при этом высокие проценты финансовой прибыли, однако на самом деле созданная структура была построена исключительно на привлечении новых вкладчиков для выплаты старым участникам (первый основатель «схемы» Чарльз Понци) [17]; руководители компа-

ний или организаций, занимающихся продвижением инвестиционных проектов, рекламируя несуществующие высокодоходные инвестиции, направленные на обогащение организаторов путем привлечения новых членов; сотрудники, выполняющие поручения руководства организации, занимающиеся активным привлечением клиентов к участию в сомнительных инвестиционных проектах, используя свою должность и доверие клиентов; индивидуальные предприниматели и самозанятые граждане, осуществляющие подобные виды деятельности.

Субъекты выступают нарушителями обязательственных правоотношений, действуя как деликвенты, причиняющие вред имуществу граждан (участникам пирамиды) и нарушающие правила гражданского оборота. И здесь важно учитывать правовой статус лица, осуществлявшего деятельность.

Применительно к ситуации с организацией финансовой пирамиды, правообладание определяется не столько способностью обладать правами, сколько возможностью реально осуществлять соответствующую деятельность и отвечать за нее, в связи с чем ключевым аспектом становится дееспособность (ст. 21 ГК РФ) — способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Полная дееспособность наступает в полном объеме с достижением совершеннолетия (18 лет). До наступления совершеннолетия существуют ограничения в действиях, касающихся крупных сделок, распоряжения имуществом и иных значимых действий.

Преследуя цель хищения денежных средств, организатор изначально выстраивает деятельность по принципу финансовой пирамиды, как правило без осуществления хозяйственной деятельности. По мнению И. А. Клепицкого, лицо, имеющее конечную цель в виде личного обогащения, действуя с осторожностью, может организовать деятельность пирамиды в форме страховой компании, завлекающей клиентов заниженными тарифами (демпинг), что обеспечивает ему повышение уровня продаж страховых продуктов. Но впоследствии, получив денежные средства, организатор пирамиды назначает себе заработную плату, сопоставимую с уровнем заработной платы добросовестных страховых организаций, в результате чего большая часть средств перераспределяется в пользу организатора пирамиды [2, с. 535].

Часто пирамиды действуют через формально зарегистрированные юридические лица. С точки зрения гражданского права эти юридические лица обладают формальной правосубъектностью, однако их деятельность является незаконной и осуществляется с единственной целью — прикрыть преступную схему. В таком случае может быть применена норма о «снятии корпоративной вуали» — ст. 170 ГК РФ (мнимая и притворная сделки). Сделки такого лица могут быть признаны мнимыми, так как они не направлены на создание реальных правовых последствий, а служат для прикрытия пирамиды.

Таким образом, сам организатор как физическое лицо не лишается гражданской правоспособности и дееспособности в силу привлечения к уголовной ответственности по ст. 172.2 УК РФ. Основным гражданско-правовым последствием является применение реституции — обязанности организатора вернуть все полученные от потерпевших средства, что реализуется через гражданский иск в уголовном процессе. Другими словами, уголовно-правовые средства (ст. 172.2 УК РФ) наказывают за сам факт организации пирамиды, а гражданско-правовые средства (ст. 167, 169 ГК РФ) предоставляют механизм для восстановления имущественного положения обманутых вкладчиков, исходя из того, что формальная правосубъектность организатора не защищает его от последствий недействительности совершенных им противоправных сделок.

Описанная схема показывает, как финансовая пирамида может использовать легальные формы (страховая компания) и формально правовые механизмы (заработная плата) для хищения денежных средств. Ключевой признак — изначальная ориентация на перераспределение средств в пользу организатора, а не на предоставление реальных услуг. Для правовой квалификации важно доказывать умысел на хищение через совокупность действий, а не только формальные признаки.

Учитывая вышеизложенное, в интересах дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, диспозиция ст. 172.2 УК РФ нуждается в большей вариативности и точности посредством введения квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков не только по размеру привлекаемых ресурсов, но и по субъекту преступления. Примерный базовый набор дифференцирующих признаков субъекта преступления в

диспозиции ст. 172.2 УК РФ может выглядеть следующим образом:

♦ ч. 1 может предусматривать ответственность за незаконное привлечение и использование денежных средств и (или) иного имущества в крупном размере, при отсутствии признаков хищения, совершенное физическим лицом, действующим самостоятельно, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя и не являющимся представителем юридического лица;

♦ ч. 2 — за те же действия, совершенные индивидуальным предпринимателем или представителем юридического лица;

♦ ч. 3 — за то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору либо в особо крупном размере;

♦ ч. 4 — за то же деяние в особо крупном размере, совершенное организованной группой.

Для установления правомерности использования привлекаемых вкладов участников пирамиды и определения вины злоумышленника необходимо определить признаки субъективной стороны преступления. Умышленная вина в виде прямого умысла как проявление психического отношения организатора финансовой пирамиды к своему деянию является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ. Выявление формы вины злоумышленника имеет практическое значение при необходимости разграничения смежных составов преступления.

Существенной проблемой является верный анализ субъективной стороны преступления ввиду того, что объективная сторона преступлений по ст. 159 и 172.2 УК РФ во многом схожа. Диспозиция ст. 172.2 УК РФ предполагает, что организатор пирамиды изначально выстраивает свою деятельность с целью введения в заблуждения вкладчиков, выплатой дивидендов за счет последующих привлеченных денежных средств, ввиду чего обычно не осуществляет реальной хозяйственной деятельности с целью получения дохода. Учитывая это, правоприменителю следует уделять пристальное внимание субъективной стороне данного преступления с точки зрения разграничения ст. 172.2 УК РФ и ст. 159 УК РФ [18]. При совершении преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, у организатора финансовой пирамиды наличие прямого умысла и корыстной цели не вызывает сомнений, но реализуются они посредством осознания осуществления преступной деятельности, осуществляемой в несколько основных этапов.

Первый этап включает в себя подготовительные мероприятия (разработка стратегии, аренда офисных помещений, найм и обучение персонала, реклама и пр.). Второй этап представляет собой непосредственно организации осуществление деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества граждан и (или) юридических лиц, а также по выплате дивидендов ранее привлеченным участникам пирамиды за счет позднее привлекаемых. Третий этап настает, когда количество вновь привлекаемых «вкладчиков» начинает уменьшаться, что не позволяет продолжать выплату дивидендов ранее привлеченным участникам пирамиды. Тогда выплаты дивидендов прекращаются, а аккумулированные денежные средства либо имущество присваиваются (похищаются).

Следует отметить, что, в отличие от мошеннического присвоения привлеченных ресурсов, наказуемость которого установлена ст. 159 УК РФ, регламентированное ст. 172.2 УК РФ преступление может быть признано оконченным уже на том этапе деятельности, когда реальный имущественный вред устроителями финансовой пирамиды еще не причинен. Таким образом, корыстный мотив может не являться обязательным признаком, достаточно установления у них прямого умысла на создание и деятельность пирамидальной структуры и корыстной цели.

Прямой умысел означает, что лицо осознает, что осуществляет организацию деятельности по привлечению денежных средств и другого капитала вкладчиков с выплатой дивидендов за счет неправомерного перераспределения вкладов участников, не осуществляя при этом, как правило, законной экономической деятельности. Это основной критерий разграничения преступлений, предусмотренных ст. 172.2 УК РФ и ст. 159 УК РФ. Направленность умысла данного преступления также имеет значение для правильного разграничения смежных составов преступлений в правоприменительной практике. Так, в рекомендациях по правильной квалификации мошеннических действий организаторов финансовых пирамид Верховный Суд Российской Федерации в п. 12 постановления Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 указал, что направленность умысла виновного лица является основным критерием правильного разграничения смежных составов преступлений в право-

применительной практике. Если умысел лица изначально был направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения вкладов граждан и (или) юридических лиц для целей законной хозяйственной деятельности, которую лицо фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества по ч. 1–7 ст. 159 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 172.2 либо ст. 200.3 УК РФ не требует [19].

Опираясь на разъяснения вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, можно сделать вывод о различии содержания признаков субъективной стороны преступлений по ст. 172.2 и ст. 159 УК РФ. Хотя оба вида преступлений совершаются с прямым умыслом, однако направленность умысла различна. При мошенничестве умысел злоумышленника изначально направлен на присвоение привлекаемых посредством пирамиды ресурсов. При деянии по ст. 172.2 УК РФ умысел злоумышленника направлен на максимально длительное неправомерное перераспределение привлекаемых денежных средств и другого капитала между участниками пирамиды и извлечение за счет данных действий прибыли и для себя тоже, а последующее присвоение аккумулированных денежных средств либо иного имущества может неявно предполагаться в качестве отдаленной цели.

Таким образом, для правильной квалификации этих смежных преступлений необходимо установить, охватывалось ли присвоение чужого имущества умыслом виновных лиц до начала преступления, т. е. до того, как денежные средства и другой капитал были переданы участниками пирамиды. Сравнительный анализ субъективных признаков данных статей указывает на то, что состав преступления по ст. 172.2 УК РФ отображает правовые характеристики самостоятельного преступления, которое не являет собой частный случай преступления, состав которого охарактеризован ст. 159 УК РФ, т. е. норма ст. 172.2 УК РФ не является специальной по отношению к норме ст. 159 УК РФ.

В завершении исследования можно сделать следующие выводы относительно субъективных преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ.

1. Субъект преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, — физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, т. е. к ответственности может быть привлечено любое физическое лицо, которое организовало деятельность финансовой пирамиды, независимо от его статуса (должностного положения, наличия регистрации юридического лица и т. д.).

2. При установлении умысла виновных лиц на хищение (присвоение) денежных средств либо иного имущества «вкладчиков» ключевым критерием разграничения смежных составов преступлений по ст. 159 УК РФ и ст. 172.2 УК РФ, в соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является направленность умысла виновных лиц.

3. В правоприменительной практике при квалификации деяний организаторов незаконного привлечения денежных средств и (или) иного имущества весьма часто возникают трудности с определением субъекта преступления. Возможным решением этой проблемы могло бы послужить внесение необходимых изменений и уточнений в диспозицию ст. 172.2 УК РФ посредством квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков не только по размеру привлекаемых ресурсов, но и по субъекту преступления.

4. В настоящее время не сложилась единообразная правоприменительная практика по ст. 172.2 УК РФ, поскольку подчас аналогичные деяния организаторов пирамид квалифицируются по разным статьям УК РФ. Возможным решением этой проблемы могли бы послужить дополнительные разъяснения Верховным Судом РФ по практике применения ст. 172.2 УК РФ, которые обеспечили бы единообразие в практическом правоприменении рассматриваемой статьи.

Полагаем, что необходимо дополнить п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснением в следующей редакции:

«Признаками, указывающими на хищение чужого имущества путем обмана и (или) злоупотребления доверием, исключающими уголовную ответственность по ст. 172.2 и 200.3, следует считать:

♦ сокрытие факта незаконного осуществления или осуществления в несопоставимых объемах деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества;

♦ предоставление ложной информации об осуществлении законной деятельности, которая таковой не является;

♦ неиспользование виновным лицом привлеченных денежных средств по назначению».

Список источников

1. Горловская И. Г., Гимадиева И. И. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2011. № 3. С. 166–171.

2. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: моногр. М. : Проспект, 2021.

3. Осокин Р. Б., Ковригин В. С. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 118–123.

4. Осокин Р. Б. К вопросу о целесообразности применения конфискации имущества при назначении наказания за мошенничество (российский и таджикский опыт) // Вестник экономической безопасности. 2025. № 3. С. 104–108.

5. Осокин Р. Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.

6. Осокин Р. Б. Психологические особенности личности мошенников // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сб. науч. тр. II междунар. конф. (Москва, 6–7 июня 2018 г.). М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 600–602.

7. Осокин Р. Б., Файзуллаев Х. Х. Уголовно-психологический портрет субъекта мошенничества // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2025. № 1 (65). С. 97–104.

8. Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения // Государство и право. 2012. № 7. С. 49–58.

9. Осокин Р. Б. Уголовно-правовой анализ способов мошенничества по УК ФРГ // Юриспруденция. 2002. № 2. С. 71–76.

10. Осокин Р. Б., Чирков Е. В. Уголовно-правовой инструментарий в системе валютного регулирования и контроля Российской Федерации: развитие на перепутье // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 120–125.

11. Рарог А. И. Постатейный комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2018.

12. Федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Парламентская газета. 2016. 1–7 апр.

13. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2024_1/

14. Судебная статистика РФ // URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17

15. Апелляционное постановление № 10-7656/2025 от 8 апреля 2025 г. по делу № 3/6-0991/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/mDBwMtk7GsoK/

16. Приговор № 1-43/2025 от 16 апреля 2025 г. по делу № 1-125/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/bawkfwwGnBYS/

17. Пирамидостроитель номер один // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6877583

18. Прокурор разъясняет. Ответственность за организацию «финансовых пирамид» // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=25468489

19. Постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

References

1. Gorlovskaya I. G., Gimadieva I. I. Financial pyramids: concept, signs, problems // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. 2011. No. 3. P. 166–171.

2. Klepitsky I. A. New economic criminal law: monograph. M. : Prospekt, 2021.

3. Osokin R. B., Kovrigin V. S. On the issue of improving criminal legislation on liability for embezzlement or embezzlement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. P. 118–123.

4. Osokin R. B. On the question of the expediency of using confiscation of property when punishing fraud (Russian and Tajik experience) // Bulletin of Economic Security. 2025. No. 3. P. 104–108.

5. Osokin R. B. On the intellectual and psychological qualities of the subject of fraudulent attacks // International Journal of Psychology and Pedagogy in professional activity. 2017. No. 3. P. 49–50.

6. Osokin R. B. Psychological characteristics of the personality of fraudsters // Professional education of law enforcement officers. Pedagogy and psychology of professional activity: current state and prospects: collection of scientific papers of the II International Conference (Moscow, June 6–7, 2018). M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2018. P. 600–602.

7. Osokin R. B., Fayzullaev H. H. Criminal psychological portrait of a fraud subject // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2025. No. 1 (65). P. 97–104.

8. Osokin R. B., Kursaev A. V. Criminal and legal assessment of the abduction, destruction or damage of property from the bodies of the deceased or their burial sites // State and law. 2012. No. 7. P. 49–58.

9. Osokin R. B. Criminal law analysis of fraud methods under the Criminal Code of the Federal Republic of Germany // Jurisprudence. 2002. No. 2. P. 71–76.

10. Osokin R. B., Chirkov E. V. Criminal law tools in the system of currency regulation and control of the Russian Federation: development at a crossroads // Bulletin of Economic Security. 2017. No. 4. P. 120–125.

11. Rarog A. I. Article-by-article commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. M., 2018.

12. Federal Law No. 78-FZ dated March 30, 2016 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Parliamentary Gazette. 2016. April 1–7.

13. Countering illegal activities in the financial market // URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2024_1/

14. Judicial statistics of the Russian Federation // URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17

15. Appeal Resolution No. 10-7656/2025 of April 8, 2025 in case No. 3/6-0991/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/mDBwMtk7GsoK/

16. Verdict No. 1-43/2025 of April 16, 2025 in case No. 1-125/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/bawkfwwGnBYS/

17. Pyramid Builder number one // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6877583

18. The Prosecutor explains. Responsibility for the organization of «financial pyramids» // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=25468489

19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 2.

Информация об авторе

С. В. Красюк — аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Information about the author

S. V. Krasyuk — Postgraduate student of the Department of Criminal Law Disciplines of Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 05.03.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/hoyaqz
NIION: 2022-0089-1/26-382
MOSURED: 77/27-031-2026-01-382

Основные теоретические положения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице

Ле Суан Хоанг
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, xuanhoangk53a2@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные теоретические положения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице: понятие, предмет, задачи, объекты и субъекты. Отмечается, что в экспертной практике Социалистической Республики Вьетнам краткие записи, выполненные на вьетнамской латинице, рассматриваются как особый объект почерковедческого исследования. Особенности такого объекта обусловливают ряд методических трудностей, связанных с ограниченным объемом графического материала, сложностями в выявлении и оценке общих и частных признаков почерка. Доля объема исследований указанного объекта превышает одну трети от общего числа судебно-почерковедческих экспертиз в СРВ и демонстрирует тенденцию к росту в 2020–2024 гг., что указывает на высокую практическую значимость данного направления. Обосновывается, что теоретические положения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, остаются недостаточно разработанными. Высказывается мнение, что их формирование, ввиду узкопрофильного характера этой области знаний, должно опираться на дедуктивный принцип — от общего к частному, т. е. развиваться в русле общих положений криминалистики, судебной экспертологии и судебного почерковедения. В этой связи аргументируется целесообразность разработки теоретического базиса в этой области на основе интеграции научных понятий указанных наук с учетом специфики исследуемого объекта.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, краткие записи, вьетнамская латиница, понятие, предмет, задачи, объекты и субъекты исследования

Для цитирования: Ле Суан Хоанг. Основные теоретические положения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 94–99. EDN: HOYAQZ.

Original article

The main theoretical provisions of the forensic handwriting examination of short notes written in the Vietnamese Latin alphabet

Le Xuan Hoang
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, xuanhoangk53a2@gmail.com

Abstract. The main theoretical provisions of the forensic handwriting examination of short notes written in the Vietnamese Latin alphabet are considered: concept, subject, tasks, objects and subjects. It is noted that in the expert practice of the Socialist Republic of Vietnam, short notes written in the Vietnamese Latin alphabet are considered as a special object of handwriting research. The features of such an object cause a number of methodological difficulties associated with the limited amount of graphic material, difficulties in identifying and evaluating general and particular handwriting features. The share of the research volume of this facility exceeds one-third of the total number of forensic handwriting examinations in the Socialist Republic of Vietnam and demonstrates an upward trend in 2020–2024, which indicates the high practical importance of this area. It is proved that the theoretical provisions of the forensic handwriting examination of short notes written in the Vietnamese Latin alphabet remain insufficiently developed. The opinion is expressed that their formation, due to the narrow — profile nature of this field of knowledge, should be based on the deductive principle - from the general to the particular, that is, to develop in line with the general provisions of criminology, forensic expertise and judicial handwriting. In this regard, the expediency of developing a theoretical basis in this field based on the integration of scientific concepts of these sciences, taking into account the specifics of the object under study, is argued.

Keywords: forensic handwriting examination, brief notes, Vietnamese Latin alphabet, concept, subject, tasks, objects and subjects of research

For citation: Le Xuan Hoang. The main theoretical provisions of the forensic handwriting examination of short notes written in the Vietnamese Latin alphabet. Forensic science and research. 2026;(1):94–99. (In Russ.). EDN: HOYAQZ.

В Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) борьба с экономическими преступлениям, контрабандой и коррупцией, а также их предупреждение являются одной из важнейших задач, поставленных Коммунистической партией и правительством перед правоохранительными органами в целях обеспечения

© Ле Суан Хоанг, 2026

политической стабильности и устойчивого развития страны. Для ее эффективного решения наряду с традиционными оперативно-розыскными средствами требуется использование специальных знаний в области криминалистики и судебной экспертологии. Особое значение в данном контексте приобретает судебно-почерковедческая экспертиза, к проведению которой правоохранительные органы регулярно обращаются при расследовании указанных категорий преступлений для установления, уточнения и объективной оценки обстоятельств уголовного дела.

Анализ экспертной практики в СРВ показывает, что уровень производства судебно-почерковедческой экспертизы в стране остается неизменно высоким. Согласно статическим данным Экспертно-криминалистического института Министерства общественной безопасности, за период с 2020 по 2024 г. было проведено 82 113 экспертиз данного вида в отношении разных категорий рукописей — текстов, кратких записей, подписей. Значимую часть среди них составляют экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, удельный вес которых составляет 31,78 %[1]. При этом прослеживается устойчивая тенденция к ежегодному росту их числа.

Несмотря на очевидную практическую значимость данного направления, его теоретическая основа, определяющая содержание экспертной практики, пока остается недостаточно разработанной. Ограниченность научно-практического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы создает ситуацию, при которой эффективность решения задач, связанных с исследованием указанного объекта, не достигает необходимого уровня.

Представляется, что дальнейшее развитие и совершенствование методических, а также организационно-тактических положений, направленных на повышение эффективности рассматриваемого вида экспертизы, возможно лишь при условии формирования его базовых положений. Это предполагает уточнение и систематизацию его основных теоретических положений, включая понятие, предмет, задачи, объекты и субъекты экспертного исследования.

Таким образом, неразработанность основных теоретических положений судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, которые служат основой для последующей разработки методических и организационно-тактических рекомендаций, предопределяет необходимость их развития. Следует отметить, что данный вид экспертизы относится к числу разновидностей судебно-почерковедческой экспертизы в целом, носит частный характер по отношению к последней. Формирование ее основных теоретических положений должно базироваться на общих положениях криминалистики, судебной экспертологии и судебного почерковедения, т. е. строиться по дедуктивному принципу от общего к частному.

Анализ различных трактовок понятия «судебно-почерковедческой экспертизы», изложенных в вьетнамских специальных учебных пособиях, позволяет сделать вывод, что оно определяется через два компонента: содержание и цель. Содержание сводится к применению специальных знаний в области судебного почерковедения, а также соответствующих технических средств и методик, направленных на изучение, сравнение и оценку почерков в представленных на исследование документах. Цель заключается в формулировании экспертного заключения, имеющего значение для раскрытия и расследования преступлений [1, с. 23; 2, с. 33; 3, с. 75].

В то же время, в российской научной традиции судебно-почерковедческая экспертиза рассматривается как деятельность по исследованию и даче экспертом-почерковедом заключения в соответствии с национальным законодательством на основе специальных судебно-почерковедческих знаний в целях установления фактов (фактических обстоятельств), имеющих доказательственное значение в судопроизводстве [4, с. 82]. Данный подход, на наш взгляд, отличается большей точностью и теоретической обоснованностью по сравнению с определениями, встречающимися у ряда вьетнамских исследователей. Эта позиция подтверждается следующими аспектами.

Во-первых, любой вид судебной экспертизы представляет собой совокупность конкретных действий эксперта, включающую проведение исследования и составление заключения, основанных на специальных знаниях, в данном случае — в области судебного почерковедения, признанных научным сообществом и апробированных практикой.

Во-вторых, назначение и производство экспертизы являются процессуальным действием уголов-

[1] Báo cáo tổng kết của Viện Khoa học kỹ thuật hình sự Bộ Công an giai đoạn năm 2020–2024 (Отчеты экспертно-криминалистического института Министерства Общественной Безопасности СРВ за период 2020–2024 гг.).

ного судопроизводства, а ее результаты обладают статусом самостоятельного доказательства, что требует строгого соблюдения правовых норм, закрепленных в УПК и иных законах о судебной экспертизе.

В-третьих, в соответствии с законодательством о судебной экспертизе РФ и СРВ целью проведения экспертизы является получение ответов на вопросы, поставленные перед экспертом органом или лицом, ведущим производство по делу, т. е. установление фактических данных (обстоятельств), имеющих доказательственное и ориентирующее значение.

С учетом изложенного и принимая во внимание специфику исследуемого объекта, предлагаем следующее определение.

Судебно-почерковедческая экспертиза кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице — это исследование рукописей соответствующего вида (краткие записи) и состава (вьетнамская латиница), а также дача заключения эксперта-почерковеда в соответствии с национальным законодательством о судебной экспертизе на основе специальных знаний в области судебного почерковедения.

Предмет — цель судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, имеет специфику по отношению к предмету судебно-почерковедческой экспертизы в целом. Его определение должно формироваться с учетом характера решаемых задач, формулировок поставленных вопросов, особенностей объекта экспертного исследования и условий конкретной экспертной ситуации.

Согласно «Словарю основных терминов судебно-почерковедческой экспертизы», используемому в российской практике, предметом данной экспертизы является «решение задач судебно-почерковедческой экспертизы» [5, с. 17]. При этом результаты решения этих задач выражаются в установлении фактов (фактических обстоятельств), относительно которых перед экспертом поставлены соответствующие вопросы инициатором экспертизы. Однако в таком подходе цель исследования рукописей по признакам письма теряет четкую определенность и фактически отождествляется с сами процессом проведения экспертизы, что вызывает научную дискуссию.

Мы разделяем точку зрения Т. В. Аверьяновой о том, что предмет экспертного исследования заключается не в самих фактах, а в их установлении [6, с. 76–77]. Вместе с тем представляется, что в сфере правоохранительной деятельности данные факты неизбежно коррелируют с противоправным событием и обладают не только доказательственным значением, но и ориентирующим потенциалом.

Таким образом, предмет судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, образует установление фактов, имеющих доказательственное и ориентирующее значение в уголовном судопроизводстве.

Вопросы, связанные с определением понятия и классификацией задач судебно-почерковедческой экспертизы в СРВ остаются дискуссионными, что негативно отражается на понимании задач экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице. В этой связи целесообразно опираться на научные достижения РФ в области общих теоретических положений судебного почерковедения для совершенствования соответствующей теории. На основе дедуктивного принципа — от общего к частному — сформулированы следующие положения в области фундаментального базиса данного направления.

1. Задачей судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, является решение с использованием методического потенциала судебного почерковедения вопросов, поставленных эксперту органом или лицом, назначившим судебно-почерковедческую экспертизу кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице.

2. Судебно-почерковедческая экспертиза кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, характеризуется большим разнообразием задач. Главным критерием их разграничения является степень общности по целям и условиям. Основные цели позволяют выделить два класса задач судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице — идентификационные и диагностические.

Идентификационные задачи судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, занимают центральное место и направлены, с одной стороны, на установление личности исполнителя записи вьетнамско-латинского состава, а другой — на определение факта совпадения или различия совокупности неповторимых признаков почерка в нескольких кратких записях вьетнамско-латинского состава (или их отдельных фрагментах), что позволяет установить их принадлежность одному или разным лицам.

Диагностические задачи в рамках судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, ориентированы на извлечение информации о субъективных и объективных обстоятельствах, оказавших влияние на процесс их выполнения. Внутри данного класса традиционно выделяются три подкласса:

♦ собственно-диагностические задачи — направлены на выявление обстоятельств, указывающих на необычное внутреннее состояние исполнителя в процессе исполнения кратких записей вьетнамско-латинского состава, включая психофизиологические и патологические отклонения, а также факт намеренного искажения почерка;

♦ классификационно-диагностические задачи — решаются в целях установления групповой принадлежности исполнителя кратких записей вьетнамско-латинского состава к определенной категории по социально-демографическим, психологическим и иным характеристикам. К таким относятся пол, возраст, профессия, уровень образования, национальность, характер, тип темперамента, сходство почерков различных лиц и др.;

♦ ситуационно-диагностические задачи — нацелены на определение внешних условий выполнения кратких записей вьетнамского состава, например: в движущемся транспорте, в неудобной позе (сидя на корточках, лежа, стоя на коленях и т. д.), с использованием нетрадиционного пишущего прибора (маркера, фломастера и т. д.), в условиях недостаточной освещенности или при ограничении зрительного контроля.

Кроме того, решение этих классов экспертных задач осуществляется в конкретных условия их реализации. В зависимости от этих условий задачи судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, классифицируются по следующим основаниям:

♦ по подклассу исследования — единичная, групповая идентификация или диагностика. Единичная идентификация или диагностика проводится в условиях, когда в распоряжении эксперта находится единичная исследуемая краткая запись вьетнамско-латинского состава и сравнительные материалы, относящиеся к одному конкретному лицу, предлагаемому исполнителю. Групповая идентификация или диагностика реализуется тогда, когда эксперту представлены либо множество исследуемых кратких записей и сравнительные образцы одного конкретного лица, либо исследуемая краткая запись и множество сравнительных образцов почерка (образцы двух и более конкретных лиц), либо множество исследуемых кратких записей и множество сравнительных образцов почерка;

♦ по виду краткой записи вьетнамско-латинского состава по целевой принадлежности — удостоверительные, вокативно-коммуникативные, административно-распорядительные, информативно-организационные, финансово-хозяйственные, научно-исследовательские, профессиональные, агитационные, записи противоправного и угрожающего характера, записи речевого этикета и записи общего характера. В зависимости от того, какой вид исследуемой краткой(их) записи(ей) представлен на исследование, решение идентификационных и диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, предполагает исследование ее особенностей в рамках соответствующей функциональной разновидности;

♦ по объему краткой записи вьетнамско-латинского состава — большой, средний, малый;

♦ по условиям выполнения краткой записи вьетнамско-латинского состава — обычные, необычные.

Анализ вьетнамских и российских специальных научно-практических работ позволяет выявить единый подход к пониманию объектов судебно-почерковедческой экспертизы, разграничение которых осуществляется в широком и узком смысле. В соответствии с данным подходом, под объектами судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, следует понимать:

♦ в широком смысле — материалы уголовного дела (или иного судебного разбирательства), в том числе сведения, полученные по запросу эксперта;

♦ в узком смысле — непосредственно краткие записи, выполненные на вьетнамской латинице, а также свойства почерка, проявляющиеся в этих записях.

Следует отметить, что представление о краткой записи, выполненной на вьетнамской латинице, особенно в ее содержательном аспекте, до настоящего времени не получило должного научного осмысления. Отсутствие четкой дефиниции понятия «краткая запись, выполненная на вьетнамской латинице» затрудняет распознание данного вида объектов в рамках судебно-почерковедческой экспертизы и может привести к некорректному выбору частной методики

при решении экспертных задач. В то же время в РФ сформировался единый подход к определению содержательной стороны краткой записи. В связи с этим целесообразно формирование данного понятия с опорой на российский теоретико-методологический опыт при обязательном учете особенностей вьетнамской латиницы.

Вьетнамская латиница обладает рядом существенных особенностей, связанных с построением слов, слоговой организацией и спецификой конструкции письменных знаков, отличающихся от других систем письменности, включая русскую скоропись. Вместе с тем непосредственное значение для определения категории «краткая запись, выполненная на вьетнамской латинице» имеют лишь две характеристики.

Во-первых, вьетнамский язык различает простые и сложные слова [7, с. 15]. Простое слово представляет собой односложную лексическую единицу с самостоятельным значением и фиксируется слитным написанием графем (bố — «отец», mẹ — «мать», học — «учиться»). Сложное слово включает два и более слога, каждый из которых может иметь собственное значение, но в орфографии пишутся раздельно — через пробелы (cha mẹ — «родители», chăm chỉ — «трудолюбивый», nghiên cứu — «исследовать», что принципиально отличает вьетнамскую латиницу от русской скорописи, где сложные слова фиксируются слитно (например: железнодорожный, самолетостроение и др.).

Во-вторых, для вьетнамской латиницы характерно количественное ограничение длины простого слова: максимальная длина простого слова не превышает семи буквы («nghiêng» — наклоняться) [8].

На основании изложенного, предлагаем следующее определение краткой записи, выполненной на вьетнамской латинице — особый вид рукописи, содержательная сторона которой может быть выражена в форме буквенных (не более четырех простых либо двух сложных слов) или буквенно-цифровых (не более четырех простых либо двух сложных слов и пяти цифр) графических обозначений вьетнамско-латинского состава.

Следует отметить, что с практической точки зрения судебно-почерковедческая экспертиза кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, относится к числу разновидностей судебно-экспертной деятельности, осуществление которой неизбежно связано с прохождением ключевых стадий: назначения, организации, обеспечения и непосредственного производства экспертизы. Каждая стадия из указанных стадий выполняется субъектом, чьи полномочия строго регламентированы национальным законодательством о судебной экспертизе. В этой связи целесообразно выделить субъектов реализации данных процессов.

Субъекты судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице — это компетентные органы и лица, осуществляющие в соответствии с национальным законодательством полномочия по назначению, организации, обеспечению, производству судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице.

По уголовным делам субъектами назначения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, выступают компетентные органы и лица, в производстве которых находится дело. В РФ к ним относятся следователь, дознаватель и суд, в СРВ — следственный орган, руководитель и заместители руководителя следственного органа, народный суд, председатель и заместители председателя народного суда.

К субъектам организации и обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, относятся компетентные лица (руководитель и заместители руководителя, руководитель структурного подразделения), уполномоченные на основе национального законодательства осуществлять функции по организации и обеспечению производства экспертизы данного вида.

Субъект производства судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице — лицо (эксперт-почерковед), обладающее специальными знаниями, умениями и практическими навыками в области судебного почерковедения, осуществляющее исследование представленных объектов (кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице) по поручению руководителя судебно-экспертного учреждения.

Подводя итог, можно заключить, что сформулированные выше частные теоретические положения судебно-почерковедческой экспертизы кратких записей, выполненных на вьетнамской латинице, вносят вклад в развитие теории судебного почерковедения в СРВ и служат основой для дальнейшего совершен-

ствования методических и организационно-тактических основ данного направления, направленных на повышение эффективности правоохранительной деятельности в наших дружественных странах.

Список источников

1. Phạm Xuân Thuỷ, Hà Thị Ngọc Liên. Giám định tài liệu: giáo trình. Hà Nội: NXB. CAND, 2007. (Фам Суан Тхуи, Ха Тхи Нгок Льен. Криминалистическое исследование документов: учебник. Ханой : Издательство Народной полиции, 2007).

2. Hoàng Trọng Lực. Hoạt động giám định chữ viết, chữ ký theo chức năng của lực lượng kỹ thuật hình sự Công an nhân dân: Luận án tiến sĩ luật học. Hà Nội, 2013. (Хоанг Чонг Лык. Криминалистическое исследование почерка и подписей в соответствии с функциями экспертно-криминалистических подразделений Народной полиции: дисс. ... канд. юрид. наук. Ханой, 2013).

3. Ngô Sĩ Hiền. Nghiệp vụ giám định kỹ thuật hình sự, tập 5: Giám định tài liệu; Viện Khoa học hình sự Bộ Công an. Hà Nội: NXB. CAND, 2018. (Нго Ши Хьен. Профессиональная деятельность в области криминалистической экспертизы. Т. 5: криминалистическая экспертиза документов. Ханой : Издательство Народной полиции, 2018).

4. Орлова В. Ф. и др. Словарь основных терминов судебно-почерковедческой экспертизы. М., 2003.

5. Рубцова И. И., Сысоева Л. А., Коршиков А. П. и др. Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз: справочное пособие. М. : Экспертно-криминологический центр МВД России, 2008.

6. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2009.

7. Ngữ Văn lớp 6 tập 1: Sách giáo khoa / Nguyễn Minh Thuyết, Độc Ngọc Thống, Lê Huy Bắc và những người khác; Thành Phố Chí Minh : Nhà xuất bản Đại học sư phạm Thành phố Hồ Chí Minh, 2021. (Нгуен Минь Туэт, Дык Нгок Тхонг, Ле Хюи Бак и др. Литература для 6 класса: учебник. Т. 1. Хошимин : Издательство Педагогического университета г. Хошимин, 2021).

8. Đinh Điền, Đỗ Đức Hào, “Chữ Quốc ngữ hiện nay qua các con số thống kê”, hội thảo Chữ Quốc ngữ, 10/2015, Phú Yên. (Динь Дьен, До Дык Хао. Современный вьетнамский латинский алфавит в статистических показателях: науч. конф. «Вьетнамская латиница» (Фу Йен, октябрь 2015 г.). Фу Йен, 2015.

References

1. Pham Xuan Thui, Ha Thi Ngoc Lien. Forensic examination of documents: textbook. Hanoi : People's Police Publishing House, 2007.

2. Hoang Chong Luk. Forensic examination of handwriting and signatures in accordance with the functions of the forensic units of the People's Police: diss. ... candidate of legal sciences. Hanoi, 2013.

3. Ngo Shi Hyen. Professional activity in the field of forensic examination. Vol. 5: forensic examination of documents. Hanoi : People's Police Publishing House, 2018.

4. Orlova V. F. et al. Dictionary of basic terms of forensic handwriting examination. M., 2003.

5. Rubtsova I. I., Sysoeva L. A., Korshikov A. P. et al. Dictionary of basic terms of handwriting and author expertise: a reference guide. M. : Expert Criminological Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

6. Averyanova T. V. Forensic examination. General theory course. M. : Norma, 2009.

7. Nguyen Minh Thuet, Duc Ngoc Thong, Le Huy Bak and others. Literature for the 6th grade: textbook. Vol. 1. Ho Chi Minh City : Ho Chi Minh City Pedagogical University Press, 2021.

8. Dinh Dien, Do Duc Hao. Modern Vietnamese Latin alphabet in statistical indicators: scientific conference «Vietnamese Latin Alphabet» (Fu Yen, October 2015). Fu Yen, 2015.

Информация об авторе

Ле Суан Хоанг — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Le Xuan Hoang — Adjunct of the Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 27.01.2026.

Научная статья
УДК 343.5
EDN: https://elibrary.ru/hnksww
NIION: 2022-0089-1/26-383
MOSURED: 77/27-031-2026-01-383

Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность в условиях цифровой среды

Елена Владимировна Михайлова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kis-01@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий. Несмотря на распространенность подобных действий, статистика лиц, осужденных по ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» остается крайне низкой, что указывает на латентность подобных преступлений, сложности в их выявлении и расследовании. Растущий масштаб вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность обуславливает необходимость выработки системных мер противодействия (законодательных, образовательных, профилактических), направленных на формирование безопасной и благоприятной цифровой среды для молодежи.

Ключевые слова: несовершеннолетние, информационно-коммуникационные технологии, вовлечение в преступную деятельность, профилактика преступлений, цифровая безопасность детей

Для цитирования: Михайлова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность в условиях цифровой среды // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 100–105. EDN: HNKSWW.

Original article

Involvement of minors in criminal activities in a digital environment

Elena V. Mikhailova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kis-01@mail.ru

Abstract. The problem of involving minors in criminal activity through information and communication technologies is considered. Despite the prevalence of such actions, the statistics of persons convicted under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation «Involvement of a minor in the commission of a crime» remains extremely low, which indicates the latency of such crimes, difficulties in their detection and investigation. The growing scale of the involvement of minors in criminal activities necessitates the development of systemic counteraction measures (legislative, educational, preventive) aimed at creating a safe and favorable digital environment for young people.

Keywords: minors, information and communication technologies, involvement in criminal activity, crime prevention, digital safety of children

For citation: Mikhailova E. V. Involvement of minors in criminal activities in a digital environment. Forensic science and research. 2026;(1):100–105. (In Russ.). EDN: HNKSWW.

Законодательство Российской Федерации устанавливает особый правовой статус для несовершеннолетних, гарантируя им высокую степень защиты. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [1], государство признает детство важнейшим этапом формирования личности, что предопределяет необходимость ограждения детей от любых негативных воздействий. Данная задача закреплена в качестве одного из ключевых направлений государственной политики. Однако на практике возникает разрыв между высокой правовой защищенностью несовершеннолетних и их растущей уязвимостью в киберпространстве. Особую актуальность приобретает проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений: возможности информационно-коммуникационных технологий активно используются злоумышленниками для криминальной эксплуатации подростков, например, в мошеннических операциях, незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ.

© Михайлова Е. В., 2026

Злоумышленники выстраивают схемы вербовки, умело манипулируя типичными для подросткового возраста потребностями — в самостоятельности, самоутверждении и возможности быстро получить деньги. Анонимность и дистанционный характер коммуникации усложняют выявление и профилактику таких преступлений.

Об актуальности проблемы вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность свидетельствуют и изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), в части дополнения ч. 2 ст. 150 УК РФ квалифицирующим признаком «либо использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)», дополнения ч. 3 ст. 150 УК РФ квалифицирующими признаками «в отношении двух и более несовершеннолетних» и «в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста», а также усиления уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений [2].

Несмотря на актуальность и повсеместную распространенность явления, официальная статистика привлечения к ответственности по ст. 150 УК РФ остается крайне низкой: 2020 г. — 266 человек, 2021 г. — 271 человек, 2022 г. — 243 человека, 2023 г. — 224 человека, 2024 г. — 177 человек [3]. В первом полугодии 2025 г. по ст. 150 УК РФ осуждено всего 83 человека. Кроме того, анализ статистических данных позволяет выявить существенный разрыв между числом взрослых, совершивших преступления совместно с несовершеннолетними, и количеством лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ. Так, в 2024 г. было осуждено 2772 взрослых за преступления, совершенные в группе с несовершеннолетними, в то время как по ст. 150 УК РФ было осуждено лишь 177 человек [4].

В условиях складывающейся общественно-политической ситуации злоумышленники вовлекают несовершеннолетних и в более опасные формы преступного поведения — террористическую деятельность. Все чаще фиксируются случаи задержания молодых людей, причастных к поджогам железнодорожного оборудования, служебных автомобилей сотрудников правоохранительных органов, объектов критической инфраструктуры. Так, в 2023 г. количество несовершеннолетних, осужденных по ст. 205 УК РФ, составило 16 человек, в 2024 г. — 25 человек, в первом полугодии 2025 г. — 19 человек [5].

В июле 2025 г. 17-летнему первокурснику одного из вузов Республики Башкирия предъявлено обвинение в государственной измене и приготовлении к диверсии (ч. 1 ст. 281, ст. 275 УК РФ). По версии следствия в период с сентября 2024 г. по февраль 2025 г. несовершеннолетний через интернет-мессенджер был вовлечен в преступную деятельность неустановленным лицом за денежное вознаграждение, размер которого варьировался от одной до 65 тыс. руб., собирал сведения о стратегически важных объектах топливно-энергетического комплекса, автомобилях, припаркованных около интересующих куратора организаций, учреждениях и жилых домах, расположенных в Уфе, Рязани и Казани. Собранная информация предназначалась для передачи украинской стороне с целью совершения диверсионных актов [6].

Как показывает практика, расследование данных преступлений, особенно если они совершены в информационно-коммуникационном пространстве, сопряжено с определенными сложностями на всех этапах: от выявления и раскрытия до доказывания в суде. Подростки часто не осознают, что стали жертвами криминальной вербовки, не сообщают об этом из-за угроз со стороны организаторов преступления, боятся быть привлеченными к уголовной ответственности. Вовлечение в преступную деятельность осуществляется в закрытых чатах мессенджеров, игровых платформ, обсуждения ведутся на условном языке («работа», «задание», «чек»). При этом участники преступной схемы часто находятся в разных странах, что требует сложных процедур международного правового взаимодействия. Необходимость проведения цифровых экспертиз (извлечение данных из устройств, анализ метаданных, восстановление удаленной переписки), сложность установления объективной стороны преступления (несовершеннолетний совершил преступлений в результате вовлечения его в преступную деятельность взрослым лицом), психолого-возрастные особенности несовершеннолетних и их взаимоотношения с вовлекателем (подростки могут давать путаные, изменяющиеся показания из-за страха, давления, чувства стыда или, наоборот, лояльности к вовлекателю) — все это приводит к некачественному производству следственных действий, отказу в возбуждении уголовного дела, либо к его прекращению.

Растущий масштаб вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность обусловливает

необходимость выработки системных мер противодействия (законодательных, образовательных, профилактических), направленных на формирование безопасной и благоприятной цифровой среды для молодежи.

Рассматривая меры законодательного характера, отметим, что в Российской Федерации разработано значительное количество нормативных правовых актов, обеспечивающих безопасность детей в сети Интернет. Так, Стратегией комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358, к одной из основных угроз безопасности детей отнесено деструктивное сети Интернет [7]. Основной задачей в сфере формирования безопасной информационной среды для детей стратегия называет профилактику, раннее выявление и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий в отношении детей или при участии детей. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» устанавливает правовые основы защиты детей от информации, которая может негативно повлиять на их физическое, психическое, духовное и нравственное развитие [8]. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 года» направлено на формирование у детей цифровой грамотности и иммунитета к негативному контенту, а также создание безопасной и развивающей информационной среды [9]. Концепция делает упор не на изоляцию, а на создание позитивного контента, воспитание навыков критического мышления и медиаграмотности у детей.

Также законодатель идет по пути ужесточения ответственности за противоправное поведение, что проявляется в двух ключевых направлениях: во-первых, в криминализации ранее ненаказуемых видов деятельности, создающих инфраструктуру для преступлений, а во-вторых, в расширении оснований для привлечения к уголовной ответственности посредников и рядовых участников криминальных схем. Проанализируем законодательную новеллу, так называемый «Закон о дропперах», посредниках в различных нелегальных схемах, связанных с финансовыми операциями.

В последнее время проблема дропперства достигла огромных масштабов: злоумышленники массово предлагают «легкий заработок» за аренду электронных средств платежа или осуществление денежных переводов, целенаправленно вовлекая людей, в основном подростков, в преступные схемы. Как правило, дропперов (дропов) используют для легализации доходов, полученных преступным путем. Действовавшая редакция ст. 187 УК РФ («Неправомерный оборот платежных средств») в этом случае работала неэффективно. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» дополнил ст. 187 УК РФ, предусмотрев ответственность для тех, кто за денежное вознаграждение передают свои банковские карты для криминальной деятельности либо сами совершают незаконные операции из корыстной заинтересованности по указанию другого лица [10]. Ужесточая ответственность за «дропперство», законодатель устраняет один из самых доступных для подростков криминальных «заработков», повышая риски и снижая привлекательность подобных предложений.

Для защиты детей от неправомерных действий злоумышленников также принят Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут открывать банковские счета только с письменного разрешения родителей, усыновителей или попечителей [11]. Также у банков появилась обязанность уведомлять родителей или законных представителей несовершеннолетних клиентов в возрасте от 14 до 18 лет обо всех операциях по счету ребенка. Родительский доступ к информации позволит контролировать движение средств и оперативно выявлять подозрительные операции (например, крупные денежные переводы).

Переходя к образовательным мерам профилактики, отметим, что в соответствии с Концепцией информационной безопасности детей в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р [9], образовательным организациям не-

обходимо проанализировать содержание образовательных программ, сформировать и интегрировать в образовательный процесс уроки информационной безопасности и цифровой грамотности детей, а также на постоянной основе проводить просветительские мероприятия, направленные на формирование медиабезопасности. Во исполнение положений Концепции, считаем целесообразным введение в школьную программу учебной дисциплины «Медиабезопасность», начиная с первого класса. Цель проведения уроков — обеспечение информационной безопасности учеников посредством привития им навыков безопасного, ответственного поведения в информационно-телекоммуникационной среде. Учебная дисциплина должна быть обеспечена актуальным методическим сопровождением, включающим интерактивные формы работы с обучающимися. Важным условием эффективности проводимых уроков является компетентность педагогического состава, а также возможное участие профильных специалистов (правоохранительные органы, специалисты по кибербезопасности, психологи). Важно, чтобы у школьников появилась возможность получить ответы на интересующие их вопросы от специалистов.

Одной из мер по обеспечению информационной безопасности школьников от угроз информационного воздействия является проведение внеклассных мероприятий с родителями (законными представителями), активная позиция которых необходима для защиты детей от опасностей в Интернете. Важно понимать, что никакие технические средства защиты, программные фильтры, не способны гарантированно заблокировать весь опасный контент и не заменят родительской вовлеченности в цифровую жизнь ребенка. Ключевая задача родителей — разъяснение правил пользования Интернетом, определение разрешенных и запрещенных ресурсов, предупреждение об угрозах. Необходимо быть в курсе, с кем контактирует ребенок в киберпространстве, регулярно проверять список контактов детей, чтобы убедиться, что они лично знают всех, с кем они общаются. Родители первыми могут заметить тревожные изменения: резкие перепады настроения, скрытность, появление новых «друзей» в сети, необычные траты, неожиданные покупки, нервозность при уведомлениях на телефоне. В целом, основная задача родителей — установление доверительных отношений с ребенком, формирование внутренней установки делиться с родителями сомнениями и страхами.

Основная роль в профилактике вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений принадлежит инспекторам по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Безусловно, киберпространство усложняет эту работу, требуя от сотрудников не только традиционных педагогических и психологических навыков, но и новых компетенций: цифровых (понимание архитектуры Интернета, работы социальных сетей, мессенджеров, игровых платформ, знание основных способов сохранения цифровых следов), оперативных (проведение мониторинга цифрового пространства, выявление индикаторов криминальных сообществ, скрытых каналов вербовки); профилактических (проведение тренингов, мастер-классов, лекций для детей, родителей и педагогов, оказание индивидуальной консультативной помощи); организационных (умение выстраивать эффективное межведомственное взаимодействие иными субъектами профилактики); аналитических (умение выявлять и анализировать новые схемы вовлечения детей в противоправную деятельность, предлагать системные меры противодействия). Учитывая значительный объем нагрузки сотрудников ПДН, считаем целесообразным введения должности инспектора по профилактике информационной безопасности несовершеннолетних органов внутренних дел [12].

Значительный профилактический потенциал имеет деятельность Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации [13], официальный телеграм-канал которого является эффективной платформой для оперативного информирования граждан, в том числе детей и их родителей, об актуальных киберугрозах и способах защиты от них. «Вестник Киберполиции России» — пример адаптации правоохранительных органов к вызовам цифровой эпохи, где информирование становится одним из основных средств профилактики.

Отметим и работу российских общественных организаций («Лига безопасного интернета», региональная общественная организация «Пика», «Кибердружины» и др.), призванных оказывать помощь в противодействии преступлениям, совершаемыми с использованием информационно-коммуникацион-

ных технологий. Многие организации сотрудничают или сами оказывают поддержку пострадавшим, в том числе от шантажа, угроз в киберпространстве (например, онлайн-сервис «Твоя территория.онлайн», предоставляющий психологическую помощь подросткам).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность с использованием информационно-коммуникационных технологий представляет собой комплексный вызов, требующий адекватного системного ответа. Современная цифровая среда, характеризующаяся анонимностью, трансграничностью и манипулятивным потенциалом, создала условия для появления высокоадаптивных и опасных схем криминальной вербовки подростков. Как показывает статистика, классические правоохранительные механизмы, даже при ужесточении уголовной ответственности, не решают проблему. В этих условиях профилактика становится не дополнительной, а основной и стратегической мерой противодействия. Ее эффективность возможна только на основе объединения усилий государства, системы образования, правоохранительных органов и, что важнее всего, семьи.

Список источников

1. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 29 декабря 2025 г. № 569-ФЗ) // URL: https://base.garant.ru/179146/

2. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/411232417/

3. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за период с 2020 по 2025 гг. // URL: https://cdep.ru/

4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 г. // URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/

5. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и о числе лиц, осужденных за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних за период с 2023 по 2025 гг. // URL: https://cdep.ru/

6. В Уфе подростка обвинили в госизмене и подготовке диверсии // URL: https://rg.ru/2025/07/31/reg-pfo/v-ufe-podrostok-obviniaetsia-v-izmene-rodine-i-podgotovke-diversii.html

7. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/

8. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // URL: https://base.garant.ru/12181695/

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 года» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406740607/?ysclid=mkv2f27ikf672730874

10. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/412211096/?ysclid=mkv2gtyzb2974308791

11. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/412211268/?ysclid=mkv33htjgk307753380

12. Хаметдинова Г. Ф. Полномочия инспектора подразделения по делам несовершеннолетних в сфере обеспечения безопасности детей в информационном пространстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 65–70.

13. Приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/406374891/?ysclid=mkv31o92a1812253761

References

1. Federal Law No. 124-FZ of July 24, 1998 «On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation» (as amended on December 29, 2025, No. 569-FZ) // URL: https://base.garant.ru/179146/

2. Federal Law No. 514-FZ of December 28, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» // URL: https://base.garant.ru/411232417/

3. Report on the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases were issued for the period from 2020 to 2025 // URL: https://cdep.ru/

4. The state of crime in the Russian Federation in January–December 2024 // URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/

5. Report on convicts who committed crimes as minors and on the number of persons convicted of crimes against minors for the period from 2023 to 2025 // URL: https://cdep.ru/

6. In Ufa, a teenager was accused of treason and preparation of sabotage // URL: https://rg.ru/2025/07/31/reg-pfo/v-ufe-podrostok-obviniaetsia-v-izmene-rodine-i-podgotovke-diversii.html

7. Decree of the President of the Russian Federation dated May 17, 2023 No. 358 «On the Strategy of Comprehensive Child Safety in the Russian Federation for the period up to 2030» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/

8. Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2010 No. 436-FZ «On the protection of children from information harmful to their health and development» // URL: https://base.garant.ru/12181695/

9. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 28, 2023 No. 1105-r «On Approval of the Concept of Information Security of Children in the Russian Federation and Invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation dated December 2, 2015» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406740607/?ysclid=mkv2f27ikf672730874

10. Federal Law No. 176-FZ of June 24, 2025 «On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL: https://base.garant.ru/412211096/?ysclid=mkv2gtyzb2974308791

11. Federal Law No. 178-FZ of June 24, 2025 «On Amendments to Part One and Article 846 of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation» // URL: https://base.garant.ru/412211268/?ysclid=mkv33htjgk307753380

12. Khametdinova G. F. The powers of the inspector of the juvenile affairs unit in the field of child safety in the information space // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (40). P. 65–70.

13. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 1110 dated December 29, 2022 «On Approval of the Regulations on the Department for Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // URL: https://base.garant.ru/406374891/?ysclid=mkv31o92a1812253761

Информация об авторе

Е. В. Михайлова — заместитель начальника кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Mikhailova — Deputy Head of the Criminology Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 26.02.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 26.02.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/gzarsf
NIION: 2022-0089-1/26-384
MOSURED: 77/27-031-2026-01-384

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, принципы и современные реалии

Екатерина Федоровна Мышко
Государственный университет управления, Москва, Россия, ekaterinafedorovna.m@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ понятия и современных реалий международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: международное сотрудничество, международная безопасность, уголовное судопроизводство, правовое регулирование, экстрадиция

Для цитирования: Мышко Е. Ф. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, принципы и современные реалии // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 106–112. EDN: GZARSF.

Original article

International cooperation in the field of criminal justice: the concept, principles and modern realities

Ekaterina F. Myshko
State University of Management, Moscow, Russia, ekaterinafedorovna.m@yandex.ru

Abstract. The analysis of the concept and modern realities of international cooperation in the field of criminal justice is carried out.

Keywords: international cooperation, international security, criminal proceedings, legal regulation, extradition

For citation: Myshko E. F. International cooperation in the field of criminal justice: the concept, principles and modern realities. Forensic science and research. 2026;(1):106–112. (In Russ.). EDN: GZARSF.

Международное взаимодействие в области уголовного судопроизводства выступает одним из ключевых векторов совместных усилий государств по противодействию преступности. Это явление можно определить как систему скоординированных действий государств и международных организаций, призванную преодолеть ограничения, налагаемые рамками внутренней юрисдикции в уголовно-процессуальной сфере. Основу его содержания формирует взаимное оказание правовой поддержки, деятельность по обнаружению, задержанию, экстрадиции подозреваемых и обвиняемых, а также процедуры сбора и передачи доказательственной информации через государственные границы. В эпоху глобализации, которая открыла широкие возможности для перемещения незаконных капиталов, деятельности террористических группировок, кибератак и всех форм трафика, подобное взаимодействие утратило характер второстепенной опции и стало обязательным условием обеспечения безопасности в мировом масштабе. В борьбе с преступностью международное сотрудничество представляется относительно молодым направлением развития уголовно-процессуального законодательства и доктрины.

С точки зрения исторического развития, сотрудничество государств в сфере уголовного судопроизводства является достаточно новым направлением для процессуального права и юридической науки. По мнению Н. Е. Колмакова, теоретическое осмысление данного института впервые проявилось в научных трудах по уголовному процессу уже в последние десятилетия XIX столетия, однако его практическое воплощение началось существенно позднее — с момента создания и начала работы Международного военного трибунала в Нюрнберге [1].

Понятие «международное взаимодействие по уголовно-процессуальным вопросам» впервые получило официальное закрепление в российском зако-

© Мышко Е. Ф., 2026

нодательстве как название самостоятельного разд. V Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Непосредственное законодательное определение данного понятия в тексте закона не содержится; правовой акт устанавливает ключевые формы такого взаимодействия. К их числу отнесены: оказание правовой помощи на основании направляемых запросов (ст. 453–457 УПК РФ); производство по уголовному делу (ст. 458–459 УПК РФ); экстрадиция лица для привлечения к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение (ст. 460–468 УПК РФ); перевод осужденного для отбывания назначенного наказания (ст. 469–472 УПК РФ).

Следует констатировать, что в настоящее время не существует ни одного международного договора Российской Федерации, в наименовании которого непосредственно присутствовал бы термин «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». Также отсутствует и национальный нормативный правовой акт, который бы давал легальное определение этой категории. В уголовно-процессуальной доктрине данная проблема также остается недостаточно разработанной. Основная причина этого кроется в отсутствии консенсуса среди ученых-процессуалистов относительно сущности и содержания международного взаимодействия по уголовным делам.

Ранняя трактовка этой категории в уголовно-процессуальной сфере была дана А. Г. Волеводзом. Согласно его позиции, это действия, осуществляемые органами дознания, следователем, прокурором и судом в соответствии с нормами УПК. Данная деятельность проводится во взаимодействии с компетентными структурами и представителями иностранных государств, а также с международными организациями. Ее задачи включают получение и предоставление содействия в ходе досудебного производства, а также выполнение других необходимых действий для обеспечения законного и обоснованного решения по уголовному делу [2, с. 65].

По мнению Н. Н. Мазаевой, взаимодействие государств в сфере уголовного правосудия представляет собой обязательную составляющую их совместных усилий по борьбе с преступностью. Такое взаимодействие, реализуемое в рамках установленной уголовно-процессуальной процедуры, состоит в совместной работе судов, прокурорских работников, следственных и дознавательных структур с уполномоченными органами и должностными лицами иностранных государств, а также с международными организациями. Его основной задачей является решение целей, определенных для уголовного судопроизводства. Правовой фундамент этой деятельности образуют международные договоры, принцип взаимности и положения внутреннего уголовно-процессуального законодательства [3, с. 65].

Согласно мнению Ю. Г. Перепелкиной, международное взаимодействие в ходе расследования правонарушений определяется как согласованная деятельность специально уполномоченных национальных органов (прокуратуры, следствия, дознания и суда) с компетентными структурами других стран. Данная деятельность нацелена на содействие правоохранительным органам в рамках досудебного производства [4, с. 185].

Таким образом, отсутствие единого легального определения международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве не является пробелом в строгом смысле слова, а отражает саму динамичную и многогранную природу этого явления. Как показывает анализ научных позиций, ученые акцентируют различные его аспекты: одни видят в нем формализованный процесс исполнения запросов, другие — широкую систему взаимодействия правоприменительных органов, третьи — элемент более общего понятия правовой помощи. Это многообразие подходов не противоречиво, а взаимодополняемо, создавая объемную картину сотрудничества, которое может варьироваться от простых процессуальных действий до совместных оперативно-розыскных мероприятий и создания наднациональных следственных органов.

Необходимо подчеркнуть, что нормативная база для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства характеризуется существенным разнообразием. В ее состав входят как двусторонние и многосторонние межправительственные договоры, так и комплекс международно-правовых актов, получивших повсеместное одобрение со стороны государств мирового сообщества. По справедливому замечанию К. К. Клевцова, такое взаимодействие имеет особую природу, что обязательно принимается во внимание при толковании условий международных соглашений относительно норм внутреннего права. Неточности или ошибки в переводе определенных правовых положений и терминов отрицательно ска-

зываются не только на качестве сведений, полученных в порядке оказания правовой помощи, но также способны привести к искажению процесса расследования по отдельному уголовному делу [5, с. 119]. В. В. Милинчук отмечает, что именно в международных соглашениях заключена суть ключевых правовых механизмов, требуемых для координации взаимодействия при оказании правовой помощи по уголовным делам. Данные механизмы базируются на общепризнанных мировых стандартах защиты прав человека и соблюдении принципа государственного суверенитета [6, с. 9].

В рамках дальнейшего исследования следует подчеркнуть, что взаимодействие стран в области уголовного правосудия опирается на специфическую систему основополагающих начал. Эти общепризнанные нормы международного права носят императивный характер и составляют его фундамент, получая повсеместное одобрение мирового сообщества. К числу таких руководящих положений международного судопроизводства причисляют общепризнанные принципы, отраженные как в УПК РФ, так и в Уставе Организации Объединенных Наций, а также в Декларации о принципах международного права.

Взаимодействие между государствами в данной сфере необходимо строить, в частности, на следующих основах:

♦ недопустимости вмешательства во внутреннюю компетенцию государства;

♦ суверенного равенства стран;

♦ добросовестного выполнения обязательств, взятых на себя по международному праву;

♦ разрешения возникающих споров исключительно мирными средствами.

Отметим, что в УПК РФ (гл. 2) предусмотрена система принципов уголовного судопроизводства. Объединенные в эту систему принципы распространяют свое действие на всю процессуальную деятельность, этапы производства по уголовному делу, на процессуальные институты и т. д. Эти положения должны быть основополагающими для деятельности уполномоченных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства в рамках международного сотрудничества.

Принципы уголовного судопроизводства:

♦ законность производства уголовного дела;

♦ разумный срок судопроизводства;

♦ осуществление правосудия органами суда;

♦ неприкосновенность личности;

♦ уважение чести и достоинства человека;

♦ охрана прав, свобод гражданина в судопроизводстве;

♦ презумпция невиновности;

♦ неприкосновенность жилища;

♦ тайна переговоров, переписки, телеграфных, почтовых и иных сообщений;

♦ состязательность сторон;

♦ свобода оценки доказательств;

♦ обеспечение задержанному и обвиняемому права на защиту;

♦ язык производства;

♦ право на обжалование процессуальных действий.

Предложенный комплекс принципов призван организовать деятельность, полностью соответствующую международным и правовым нормам, гарантирующим соблюдение прав и свобод личности.

Правовое содействие в области межгосударственных связей является устоявшимся институтом, объединяющим организационные и правовые инструменты, которые регламентируются как международными договорами, так и национальным законодательством. Этот институт формирует базис для сотрудничества государств в процессе выполнения судебных поручений и иных процедур правового характера. Основываясь на положениях международных соглашений и нормах внутреннего права стран, данный механизм реализует ключевые начала международно-правового регулирования. Он обеспечивает результативность судебного разбирательства в делах, осложненных иностранным элементом, и способствует защите интересов физических и юридических лиц за пределами их государства. Отлаженное функционирование системы такого содействия повышает степень правовой предсказуемости для участников международного общения. В частности, государства, являющиеся сторонами договора о правовой помощи по уголовным делам, принимают на себя обязательства по предоставлению по запросу всей необходимой следствию информации, а также по направлению материалов судопроизводства в полном объеме.

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется усилением процессов глобализации и транснационализации во всех областях общественной жизни. В числе ключевых и наиболее острых вызовов нынешнего столетия находится рост

масштабов и усложнение структуры международной преступности, чья деятельность все чаще выходит за пределы национальных границ. Преступные акты нередко осуществляются на территории одной страны гражданами или резидентами других государств. Широкое распространение получила и практика, когда лица, стремясь избежать уголовного преследования по законам своей страны, находят укрытие за рубежом. С целью обеспечения неотвратимости правосудия и законного наказания виновных мировым сообществом был создан правовой механизм экстрадиции.

Под экстрадицией понимается основанная на международном договоре, принципе взаимности, нормах национального законодательства или соображениях международной вежливости передача лица, обвиняемого в совершении преступления или уже осужденного за него, государством, на территории которого данное лицо находится, другому государству. Целью такой передачи является осуществление уголовного преследования в соответствии с правом запрашивающей стороны либо нормами международного уголовного права, а также исполнение вынесенного судом запрашивающего государства приговора [7].

В Российской Федерации процесс выдачи регулируется как внутренними нормами, так и международными обязательствами. Так, согласно ст. 61 Конституции Российской Федерации [8], российские граждане не могут быть высланы за границу или переданы другому государству. Иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне страны и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству — при условии наличия соответствующего международного договора.

Отметим, что в международных отношениях существует два основных типа регулирующих экстрадицию документов: многосторонние и двусторонние соглашения. Многосторонние соглашения охватывают широкий круг государств. В качестве примера можно привести Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. [9], которая закрепляет общие правила и процедуры выдачи между странами-участницами. В числе других документов — Европейская конвенция о выдаче [10], Минская конвенция о правовой помощи [11], Римский статут Международного уголовного суда [12].

Двусторонние договоры регулируют взаимодействие двух стран. Россия заключила двусторонние договоры о правовой помощи по уголовным делам или непосредственно об экстрадиции со множеством государств, среди них Китай, Ирак, Иран, Монголия, Индия, Япония, США, ОАЭ, Финляндия и др.

Но весомое количество государств отказывают Российской Федерации в выдаче преступников. Причины кроются как во внутреннем законодательстве этих государств, т. е. государства могут не признавать совершенные деяния за преступления, так и в неучастии государств в международных многосторонних и двусторонних соглашений и договоров о выдаче и о взаимной помощи по уголовным делам.

Следует констатировать, что сегодня технологии информационно-коммуникационного характера стали обязательной составляющей деятельности как правоохранительных и судебных институтов, так и криминальных структур. Инновационные технические разработки нашли свое применение в рамках таких процессуальных действий, как, в частности, проведение допроса, опознания или очной ставки с использованием видеоконференции; мониторинг сетевого трафика в онлайн-режиме; получение информации с электронных носителей; контроль содержания передаваемых данных; а также выемка и изучение цифровой информации. Эти инструменты в настоящее время стали повседневной практикой в ходе расследования и судебного разбирательства по уголовным делам, особенно в контексте межгосударственного взаимодействия в сфере уголовного процесса. Появление цифровых способов обмена сведениями позволило правоохранительным и судебным органам разных государств оперативно взаимодействовать в онлайн-формате, обмениваясь критически важными данными о лицах, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях, а также материалами, подтверждающими их виновность или невиновность. Как отмечает А. А. Васяев, глобальные базы данных, дополняющие национальные системы учета преступности, существенно облегчили процедуры по розыску и задержанию подозреваемых (обвиняемых) в международном масштабе. Помимо этого, использование цифровых решений создает возможности не только для осуществления совместных следственных мероприятий и координации трансграничных операций в реальном времени, но и для организации коллективного расследования уголовных дел [13, с. 381]. Передача

доказательств по уголовным делам все больше опирается на цифровые средства коммуникации, такие как системы Интерпола и Европола. Это существенно повышает эффективность взаимодействия полицейских служб различных стран. Перспективы международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере теперь напрямую связаны с тем, насколько успешно правоохранительные структуры будут внедрять современные технологии. Крайне важна готовность каждого государства участвовать в формировании единых стандартов противодействия преступности с применением цифровых решений. Можно прогнозировать, что цифровизация будет углубляться, а ее потенциал в сфере обработки и обмена информацией станет неуклонно возрастать.

В заключение отметим, что отсутствие единого международного договора или национального правового акта, прямо оперирующего категорией «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», является не просто юридическим пробелом, а закономерным отражением глубокой концептуальной неопределенности в самой научной среде. Существующий правовой массив — множество разноотраслевых соглашений о правовой помощи, экстрадиции, передаче осужденных и иных форм взаимодействия — развивался и применялся на практике без опоры на единую, общепризнанную доктринальную основу.

Сложившаяся ситуация, когда процессуальная теория отстает от динамичной практики международного взаимодействия правоохранительных органов и судов, создает ряд системных проблем. Это и трудности в унификации терминологии, и противоречия в толковании процедур, и, в конечном счете, возможные препятствия для эффективного и оперативного реагирования на транснациональную преступность. Разнообразие научных подходов, с одной стороны, обогащает дискуссию, но с другой — консервирует фрагментарность правового регулирования.

Следовательно, настоятельная необходимость комплексного осмысления данного института назрела в полной мере. Дальнейшие перспективы видятся в последовательном движении по двум взаимосвязанным направлениям. Во-первых, требуется интенсивная доктринальная работа по выработке консенсусного, многоуровневого определения международного сотрудничества, которое органично включило бы в себя все существующие формы взаимодействия — от следственных действий до исполнения приговоров. Во-вторых, такая теоретическая проработка должна стать основой для возможной будущей кодификации или, как минимум, для систематизации соответствующих норм в национальном законодательстве.

Основа международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, опирающаяся на общепризнанные нормы и национальные системы процессуальных гарантий, создает необходимый каркас для взаимодействия государств. Принципы невмешательства, суверенного равенства и уважения прав человека задают вектор, а детализированные процессуальные стандарты, такие как презумпция невиновности, состязательность и право на защиту, обеспечивают содержательное наполнение этого взаимодействия. Именно в строгом следовании этим основам видится залог легитимности и эффективности любых совместных действий, будь то оказание правовой помощи или сложный институт экстрадиции.

Институты правовой помощи и экстрадиции выступают практическими инструментами претворения данных принципов в жизнь, позволяя преодолевать барьеры государственных границ в интересах правосудия. Однако их функционирование сталкивается с объективными трудностями, включая различия в национальных правовых системах, политические разногласия и отсутствие универсальных договорных обязательств. Отказы в выдаче, обусловленные подобными факторами, подчеркивают, что правовая база сотрудничества остается фрагментированной и требует постоянного дипломатического и нормотворческого совершенствования.

В этой связи цифровая трансформация открывает новые горизонты для эффективного сотрудничества. Информационно-коммуникационные технологии уже сегодня кардинально меняют методы совместных расследований, позволяя оперативно обмениваться доказательствами, проводить следственные действия на расстоянии и координировать действия в реальном времени. Такие инструменты, как видеоконференцсвязь и защищенные каналы передачи данных, не только ускоряют процедуры, но и в определенной степени нивелируют значение географических границ для правосудия.

Перспектива развития международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, таким образом, видится в синтезе устойчивых принципов, адаптации классических правовых институтов к

вызовам глобализации преступности и активном внедрении цифровых решений. Ключевым условием успеха станет способность международного сообщества вырабатывать универсальные подходы, укреплять доверие и выстраивать единое правовое пространство, в котором технологический прогресс служит не преступникам, а защите прав и законных интересов граждан в любом уголке мира.

Список источников

1. Колмаков Н. Е. Международное сотрудничество и судебная помощь в международном уголовном правосудии: понятие, принципы, режимы // Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 135–138.

2. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

3. Мазаева Н. Н. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в стадии предварительного расследования: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

4. Перепелкина Ю. Г. Проблемы международного сотрудничества при расследовании преступлений // Теоретические и прикладные проблемы предварительного следствия и дознания: сб. труд. науч.-практ. конф. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2009. С. 185–186.

5. Клевцов К. К. Толкование норм о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4 (38). С. 116–120.

6. Милинчук В. В. Институт Взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. М. : Юрлитинформ, 2001.

7. Бриллиантов А. В. Международное уголовное право: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. 2020. № 144 (8198).

9. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 г.) (с изм. от 8 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13 декабря 1957 г.) (с изм. от 20 сентября 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.) (ред. от 28 марта 1997 г.) (вступила в силу 19 мая 1994 г., для Российской Федерации 10 декабря 1994 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Римский статут Международного уголовного суда [рус., англ.] (вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...») (принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Васяев А. А. Перспективы международного сотрудничества по уголовным делам с учетом развития цифровых технологий // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 1А. С. 379–388.

References

1. Kolmakov N. E. International cooperation and judicial assistance in international criminal justice: concept, principles, regimes // Agrarian and land law. 2023. No. 8 (224). P. 135–138.

2. Volevodz A. G. Legal foundations of new directions of international cooperation in the field of criminal procedure: diss. ... doctor of legal sciences. M., 2002.

3. Mazaeva N. N. International cooperation in the field of criminal justice of the Russian Federation at the stage of preliminary investigation: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2004.

4. Perepelkina Yu. G. Problems of international cooperation in the investigation of crimes // Theoretical and applied problems of preliminary investigation and inquiry: proceedings of the scientific and practical conference. Saratov : Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. P. 185–186.

5. Klevtsov K. K. Interpretation of norms on international cooperation in the field of criminal justice // Investigation of crimes: problems and solutions. 2022. No. 4 (38). P. 116–120.

6. Milinchuk V. V. Institute of Mutual Legal Assistance in Criminal Matters. Current practice and development prospects. M. : Yurlitinform, 2001.

7. Brilliantov A. V. International criminal law: textbook for universities. M. : Yurait, 2020.

8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with the latest amendments and additions) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 144 (8198).

9. The European Convention on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters (concluded in Strasbourg on April 20, 1959) (as amended dated November 8, 2001) // LRS «ConsultantPlus».

10. European Convention on Extradition (concluded in Paris on December 13, 1957) (as amended dated September 20, 2012) // LRS «ConsultantPlus».

11. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (concluded in Minsk on January 22, 1993) (as amended on March 28, 1997) (entered into force on May 19, 1994, for the Russian Federation on December 10, 1994) // LRS «ConsultantPlus».

12. The Rome Statute of the International Criminal Court [rus., eng.] (together with the «Handbook for Ratification and Implementation ...») (adopted in Rome on July 17, 1998 by the Diplomatic Conference of Plenipotentiaries under the auspices of the United Nations on the Establishment of an International Criminal Court) // LRS «ConsultantPlus».

13. Vasyaev A. A. Prospects of international cooperation in criminal matters, taking into account the development of digital technologies // Issues of Russian and international law. 2025. Vol. 15. No. 1A. P. 379–388.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (edited on December 29, 2025) (with amendments and additions that entered into force on March 1, 2026) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

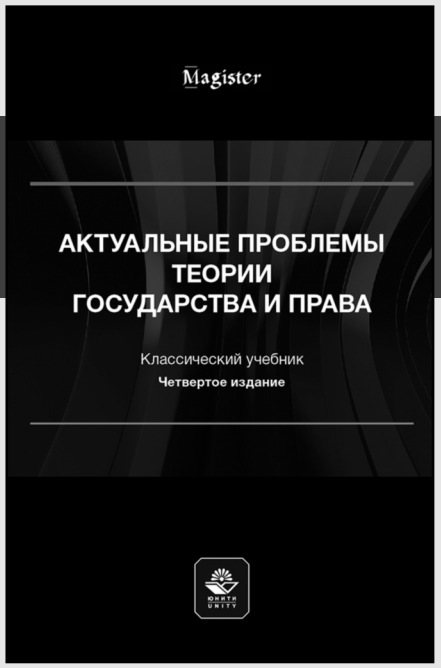
Е. Ф. Мышко — преподаватель кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления.

Information about the author

E. F. Myshko — Lecturer of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the State University of Management.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 11.03.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 11.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учеб.пособие. 4-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова;
под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья
УДК 343.982.3
EDN: https://elibrary.ru/fzyeww
NIION: 2022-0089-1/26-385
MOSURED: 77/27-031-2026-01-385

Профилактика экспертных ошибок в технико-криминалистической экспертизе документов при диагностическом исследовании реквизитов

Дина Ивановна Пакалина
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, dina_pakalina@mail.ru

Аннотация. Представлены возможные причины возникновения экспертных ошибок при диагностическом исследовании реквизитов в технико-криминалистической экспертизе документов и даны рекомендации по их предотвращению.

Ключевые слова: технико-криминалистическая экспертиза документов, диагностические исследования реквизитов, оценка признаков, экспертные ошибки, профилактика ошибок

Для цитирования: Пакалина Д. И. Профилактика экспертных ошибок в технико-криминалистической экспертизе документов при диагностическом исследовании реквизитов // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 113–116. EDN: FZYEWW.

Original article

Prevention of expert errors in the technical and forensic examination of documents during the diagnostic examination of banking details

Dina I. Pakalina
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, dina_pakalina@mail.ru

Abstract. The possible causes of expert errors in the diagnostic examination of the details in the technical and forensic examination of documents are presented and recommendations for their prevention are given.

Keywords: technical and forensic examination of documents, diagnostic studies of details, assessment of signs, expert errors, error prevention

For citation: Pakalina D. I. Prevention of expert errors in the technical and forensic examination of documents during the diagnostic examination of banking details. Forensic science and research. 2026;(1):113–116. (In Russ.). EDN: FZYEWW.

Технико-криминалистическая экспертиза документов позволяет решать широкий круг диагностических и идентификационных задач. При решении любой задачи, эксперт проводит исследование различными методами и после этого оценивает весь комплекс выявленных признаков, на основании которых и формирует свой вывод. Оценка результатов исследования зависит от уровня профессиональной подготовки эксперта и его экспертного стажа. Формирование вывода происходит на основании внутреннего убеждения эксперта, «которое является субъективным результатом его психологической деятельности при производстве экспертизы» [1, с. 225]. В случае недостаточной профессиональной компетентности эксперта могут быть допущены деятельностные (операционные) ошибки [1, с. 244], связанные с тем, что эксперт провел неполное исследование, не выявил весь комплекс диагностических или идентификационных признаков, неправильно оценил результаты исследования. Рассмотрим некоторые типичные ситуации, которые могут явиться причиной появления экспертных ошибок при проведении диагностических исследований реквизитов в технико-криминалистической экспертизе документов.

Первой и наиболее распространенной задачей диагностического исследования является установление способа изготовления бланка документа или документа целиком. Все способы получения документов и их бланков делятся на две большие группы: полиграфические и репрографические способы. Основное их различие состоит в том, что в полиграфическом производстве всегда присутствует печатная форма, как основной источник получаемого изображения. В зависимости от строения печатной формы различают четыре основных вида печати: высокая, плоская, глубокая и трафаретная. В репрографических способах печатная форма отсутствует, а изображение получается за счет какого-либо физико-химического процесса. К репрографическим способам получения изображений относят электрофотографию,

© Пакалина Д. И., 2026

термографию и струйную печать. Каждому виду печати присущи свои диагностические признаки, позволяющие отличить его от других. В случае если структура полученного изображения является штриховой, как в высокой, плоской офсетной и глубокой металлографии, то выявить признаки этих способов не составляет труда. Наиболее характерными признаками для прямой высокой печати являются деформация бумаги в местах красочных изображений в виде вдавленности на лицевой стороне и красочный бортик по краям штрихов. В глубокой металлографии деформация бумаги в местах красочных изображений будет, наоборот, в виде выпуклости на лицевой стороне и ей будет присущ толстый красочный слой. Эти два признака металлографии в совокупности позволяют их обнаружить тактильно, т. е. пальцами почувствовать выступающий рельеф изображения. Изображения, полученные способом плоской офсетной печати, характеризуются полной безрельефностью изображения и нечеткостью краев штрихов, отсутствием красочного бортика по краю штрихов и равномерным распределение красящего вещества. Определение данных видов печати не вызывает у экспертов сложностей и, как следствие, ошибок.

Одной из разновидностью высокой печати является типоофсетная печать, где контакта самой печатной формы с бумагой не происходит, изображение сначала формируется на промежуточном цилиндре, а затем уже красящее вещество передается на бумагу, формируя там оттиск. Признаки типоофсетной печати при этом будут иметь часть признаков, схожих с признаками плоской офсетной печати (отсутствие деформации бумаги и малая толщина красочного слоя), часть признаков останется от прямой высокой печати (наличие непропечатанных участков и четкость, но неровность краев), а существенный диагностический признак высокой печати «наличие красочного бортика» изменит свое проявление и будет являться слабовыраженным. Слабая выраженность бортика будет проявляться в том, что он будет виден не по всем краям штрихов и быть при этом не яркоокрашенным. Чтобы не допустить ошибку и отличить типоофсетную печать от плоской офсетной печати, эксперт не должен ограничиваться микроскопическим исследованием штрихов одного участка изображения, а должен внимательно изучить большее количество штрихов изображения, чтобы убедиться, что красочный бортик нигде не отобразился.

Изображения, получаемые с формы трафаретной и глубокой ракельной печати, будут характеризоваться одинаковыми диагностическими признаками: наличием сетчатой структуры штрихов, пилообразностью краев и толстым красочным слоем. Чтобы не ошибиться в виде печати, необходимо оценить проявление «пилы» по краям штрихов. Пилообразный край штрихов в глубокой ракельной печати будет характеризоваться выступами треугольной формы, которые отображают углы от ромбовидных печатающих элементов формы. Пилообразный край штрихов в трафаретной печати будет характеризоваться выступами прямоугольной формы, которые отображают фрагменты квадратной (прямоугольной) формы печатающих элементов формы. Кроме того, в трафаретной печати распределение красящего вещества в штрихах будет равномерным в отличие от глубокой ракельной печати, где края штрихов могут иметь более тонкий слой красящего вещества.

Все штрихи изображений, получаемые репрографическими способами, будут иметь дискретную структуру, т. е. состоящую из большого количества более мелких частиц. В электрофотографических копировально-множительных устройствах такими частицами будут являться крупинки порошка (тонера), в струйной печати — капли чернил, в термографии — легкоплавкое вещество, по форме повторяющее форму микронагревательного элемента. Из всех указанных способов репрографии наибольшую сложность в диагностировании вызывает струйная печать, особенно монохромная. При формировании монохромного изображения все отдельные элементы внутри штриха могут сливаться и давать картину сплошного штриха, т. е. дискретность будет не видна. В этом случае необходимо провести тщательное исследование краев штрихов, так как в струйной печати они будут неровные и характеризоваться небольшими дуговыми или полуовальными выступами от круглых частиц (капель) красящего вещества. В случае получения изображений цветной струйной печатью возможно их спутать с цветными изображениями, полученными с четырех растрированных печатных форм плоской офсетной печати. Дело в том, что и в полиграфии, и в репрографии для получения цветных изображений используется субтрактивный синтез цвета, что дает одинаковое изображение, полученное красящим веществами голубого, желтого, пурпурного и черного цветов. Растрированные полиграфические печатные формы также создают дискретное (растровое) изображение. Чтобы избежать ошибочного суждения о виде печати, необходимо тщательно проанализировать расположение частиц

красящего вещества, их размер и способность красящего вещества к копированию различными растворителями. В струйной печати отдельные элементы одного цвета расположены хаотично, их размер одинаковый, а красящее вещество может быть неустойчивым к воде или щелочи. В плоской офсетной печати в случае использования регулярного растра отдельные элементы одного цвета расположены упорядоченно, их размер меняется, а красящее вещество устойчиво к различным растворителям. При получении цветного изображения способом плоской офсетной печати с использованием нерегулярного растра признаки будут наиболее близки к цветной струйной печати: отдельные элементы одного цвета расположены хаотично, их размер одинаковый. Отличительным признаком этих двух видов печати будет являться свойство красящего вещества: типографские краски наиболее устойчивы к внешнему воздействию светом и растворителями.

Еще одной задачей диагностического исследования документов может являться установление вида пишущего прибора и материала письма, которым выполнены рукописные реквизиты. Наиболее часто записи и подписи выполняются ручками, которые в зависимости от строения пишущего узла бывают перьевые, шариковые и капиллярные [2, с. 205]. Сложность установления вида пишущего прибора заключается в том, что все три вида ручек в качестве красящего вещества могут использовать чернила на водной основе, которые в штрихах оставляют аналогичные признаки: относительно равномерное распределение красящего вещества по поверхности листа, наличие расплывов красящего вещества по краям штрихов, проникновение красящего вещества в толщу бумаги и его копируемость водой. Таким образом, вывод о виде пишущего прибора должен быть сделан только на основании признаков от пишущего узла ручки. Предполагается, что металлический перьевой узел может оставлять в штрихах след давления или бороздки от половинок пишущего кончика пера, металлический шариковый узел — след давления в виде бороздки с пологими краями, а мягкий пишущий узел капиллярной ручки вообще не деформирует бумагу. Однако, опытным путем было установлено, что при выполнении записей на твердой подложке при небольшом нажиме, обусловленном особенностью письма конкретного лица, следы давления от пишущего прибора перьевой или шариковой ручки могут отсутствовать. В этом случае вывод о виде пишущего прибора только на внутренней убежденности эксперта может быть ошибочным, так как он не подкреплен признаками, которые обнаружены и могут быть проиллюстрированы для восприятия другими участниками уголовного процесса. В данной ситуации вывод следует делать только в отношении материала письма — чернил на водной основе. В отношении вида ручки следует вывод давать в форме «не представилось возможным», обосновывая его как раз тем, что признаки от пишущего узла не отобразились или отсутствуют. Только в случае наличия следа давления капиллярную ручку можно сразу исключить, а в случае отображения особой формы вдавленного следа — сделать уже вывод о конкретном узле.

Диагностической задачей технико-криминалистической экспертизы документов является также установление последовательности выполнения пересекающихся штрихов. Наилучшие результаты исследования достигаются в случае, если один из реквизитов выполнен электрофотографическим способом. Особенность тонера, как красящего вещества в электрофотографии, заключается в том, что он при попадании на бумагу лежит на ее поверхности плотным слоем в спекшемся состоянии, не смешиваясь с красящими веществами других реквизитов. Установление последовательности выполнения штрихов тонера со штрихами других красящих веществ возможно микроскопическим методом, влажным копированием и методом механического удаления (соскабливания) частиц тонера. Общим недостатком микроскопического метода, дающего ложную картину, является то, визуально более темные штрихи всегда кажутся лежащими поверх более светлых [2, с. 261]. Данное обстоятельство необходимо учитывать и не брать во внимание при исследовании участков пересечения реквизитов. Опытным путем было установлено, что в случае, если оттиск удостоверительной печатной формы был нанесен после реквизита, выполненного электрофотографическим способом, то на поверхности тонера в месте расположения штемпельной краски может появиться дополнительный маслянистый с желтым отливом блеск [2, с. 276]. Поэтому, если эксперт обнаружит наличие такого специфического блеска на поверхности тонера, то он может утверждать, что сначала выполнены штрихи печатного реквизита (текста, линии строки), а затем нанесен оттиск удостоверительной печатной формы. Однако, отсутствие такого блеска не говорит о том, что оттиск печати или штампа был нанесен первым. Дело в том, что проявление блеска на поверхности тонера зависит не только от последо-

вательности выполнения реквизитов, но и от особенностей штемпельной краски. В процессе экспериментов было установлено, что не все штемпельные краски при нанесении ими реквизита поверх тонера способны давать дополнительный маслянистый блеск. Эксперт при производстве экспертизы должен учитывать этот фактор и в случае отсутствия блеска при микроскопическом исследовании давать вывод в форме «не представилось возможным» в отношении последовательности выполнения реквизитов. В случае, если нанесение реквизита поверх штрихов электрофотографического тонера происходит практически сразу, возможно «схватывание» теплым тонером другого материала письма. Данное обстоятельство может повлиять на результаты проведения метода влажного копирования, когда штрих, лежащий сверху, будет копироваться не полностью в виде непрерывной линии, а с перерывами или более бледной окраски. В этом случае имеет смысл провести данный метод исследования повторно, увеличив время контакта копирующего материала с участком пересечения. На результаты влажного копирования и метода механического удаления (соскабливания) частиц тонера может также повлиять структура штрихов печатного электрофотографического реквизита. Если нанесение данного реквизита происходило в экономном режиме работы печатающего устройства или при заканчивающемся красящем веществе в картридже, то слой тонера в изображении может быть неплотный, «рыхлый» и не перекрывать полностью штрихи красящего вещества, лежащего под ним реквизита, а также не препятствовать проникновению к бумаге красящего вещества, лежащего сверху него. В первом случае при влажном копировании красящее вещество реквизита будет копироваться на влажный сорбент, чего не бывает в случае плотной структуры тонера. Во втором случае при проведении метода соскабливания частиц тонера могут быть обнаружены штрихи красящего вещества реквизита, лежащего сверху, чего не бывает при плотной структуре тонера.

Имеется еще одна особенность, которую надо учитывать при исследовании пересекающихся штрихов реквизитов: жидкие красящие вещества (чернила на водной основе, штемпельная краска) способны по краям затекать под штрихи тонера, даже находясь сверху. Поэтому при механическом удалении тонера, они тоже могут быть обнаружены под ним. При проведении методов влажного копирования и соскабливания всегда важно оценивать прерывистость или непрерывность штриха на всей его протяженности, учитывая возможные ситуации, связанные с нанесением штрихов. Вывод о последовательности выполнения пересекающихся штрихов следует делать только на основании результатов, полученных при использовании нескольких методов исследования. В результате применения различных методов должны быть получены одинаковые результаты, а в случае их расхождения — должна быть указана причина их появления.

Приведенные примеры решения диагностических задач при исследовании реквизитов документов показывают, насколько важным является полное и всестороннее исследование реквизитов документов. Только исследование объекта с применением нескольких методов, анализ всего комплекса выявленных признаков с учетом возможных ситуаций появления «ложных картин», позволит сделать эксперту правильный вывод, соответствующий действительности.

Список источников

1. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М., 2002.

2. Технико-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. А. А. Проткина. М., 2017.

References

1. Zinin A. M., Mailis N. P. Forensic examination: textbook. M., 2002.

2. Technical and criminalistic examination of documents: textbook / edited by A. A. Protkin. M., 2017.

Информация об авторе

Д. И. Пакалина — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

D. I. Pakalina — Senior lecturer of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 27.01.2026.
The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 27.01.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/ervser
NIION: 2022-0089-1/26-386
MOSURED: 77/27-031-2026-01-386

Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной ст. 156 УК РФ

Анна Александровна Семочкина[1], София Евгеньевна Чистякова[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва Россия, aniutaart@mail.ru

Аннотация. Проводится комплексный анализ проблемных аспектов квалификации преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»). Исследуются системные трудности правоприменительной практики, возникающие при разграничении уголовно наказуемого деяния от административного правонарушения, а также от гражданско-правовых деликтов. Особое внимание уделяется неопределенности оценочных критериев «ненадлежащего исполнения» обязанностей и жестокого обращения, что приводит к субъективизму и противоречивости судебных решений. Рассматриваются проблемы установления причинно-следственной связи между бездействием (или действием) субъекта и наступившими для ребенка последствиями, учитывая комплексность процесса воспитания. На основе выявленных пробелов и коллизий предлагаются конкретные направления совершенствования диспозиции и санкции исследуемой нормы. Формулируются предложения по легальной конкретизации состава преступления для обеспечения единообразия судебной практики и эффективной защиты прав несовершеннолетних от преступных посягательств в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: ненадлежащее исполнение по воспитанию несовершеннолетнего, жестокое обращение с несовершеннолетним, квалификация преступлений, защита прав детей, родительские обязанности, педагогический работник, оценочные понятия, совершенствование уголовного закона

Для цитирования: Семочкина А. А., Чистякова С. Е. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной ст. 156 УК РФ // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 117–121. EDN: ERVSER.

Original article

Problems of qualification of failure to fulfill the duties of raising a minor and the direction of improvement of the norm provided for in art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation

Anna A. Semochkina[1], Sofia E. Chistyakova[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, aniutaart@mail.ru

Abstract. A comprehensive analysis of the problematic aspects of the qualification of a crime under art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation («Failure to fulfill the duties of raising a minor»). It examines the systemic difficulties of law enforcement practice that arise when distinguishing a criminal offense from an administrative offense, as well as from civil torts. Particular attention is paid to the uncertainty of the evaluation criteria for «improper performance» of duties and ill-treatment, which leads to subjectivity and inconsistency of court decisions. The problems of establishing a causal relationship between the inaction (or action) of the subject and the consequences that have occurred for the child are considered, given the complexity of the upbringing process. Based on the identified gaps and conflicts, specific areas for improving the disposition and sanctions of the rule under study are proposed. Proposals are being formulated for the legal concretization of the corpus delicti to ensure uniformity of judicial practice and effective protection of the rights of minors from criminal encroachments in the family and domestic sphere.

Keywords: malicious performance of the upbringing of a minor, cruel treatment of a minor, qualification of crimes, protection of children's rights, parental duties, pedagogical worker, estimated concepts, improvement of criminal law

For citation: Semochkina A. A., Chistyakova S. E. Problems of qualification of failure to fulfill the duties of raising a minor and the direction of improvement of the norm provided for in art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation. Forensic science and research. 2026;(1):117–121. (In Russ.). EDN: ERVSER.

Ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а также педагогом или другим работником образовательной, воспитательной, медицинской либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обраще-

© Семочкина А. А., Чистякова С. Е., 2026

нием. Данная норма является ключевым инструментом защиты детей от пренебрежения и насилия в семье и учреждениях. Однако правоприменительная практика выявляет ряд существенных проблем в квалификации данного преступления, что снижает эффективность нормы и требует ее совершенствования.

Особую сложность представляют разграничение данного состава преступления с иными преступлениями, а также оценка субъективной стороны деяния. С учетом значимости защиты прав и интересов несовершеннолетних законодательная норма требует дальнейшего совершенствования с целью устранения пробелов и исключения противоречий в правоприменительной практике.

Для изучения аспектов рассматриваемой темы необходимо провести анализ состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ [1]. Основным объектом данного преступления является нормальное развитие и благополучие ребенка. Состав данного преступления включает два ключевых признака: отсутствие или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию ребенка, а также жестокое обращение с ним. Последний фактор является определяющим признаком преступления, установленного данной статьей, и одновременно отличает его от административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ [2]. Административная ответственность наступает при ненадлежащем выполнении родителями или другими законными представителями обязанностей по обеспечению ребенка питанием, воспитанием, образованием, а также по защите его прав и интересов.

Судебные решения нередко демонстрируют разрозненные подходы к оценке действий или бездействия лиц, осуществляющих воспитание. Например, отсутствие регулярного контроля за учебной деятельностью ребенка может трактоваться как признак ненадлежащего исполнения, что вызывает споры в профессиональном сообществе. Помимо вышеуказанного сложность вызывает разграничение субъективной стороны состава преступления. Умысел или неосторожность, с которыми действует субъект, зачастую трудно доказуемы. Это связано как с отсутствием четких критериев оценки намерений родителей или воспитателей, так и с ограниченностью доказательной базы в подобных делах. Преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, выражается в действии или бездействии, т. е. в ненадлежащем исполнении или неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, возложенных на лицо законом, подзаконными, в том числе ведомственными, нормативными правовыми актами, а в организациях — и правилами внутреннего распорядка, соединенном с жестоким обращением.

Важно отметить, что помимо ст. 156 УК РФ ряд других статей указанного нормативного правового акта включают в себя понятие «жестокое обращение». Оно может использоваться как для обозначения самого преступного акта, так и его способов осуществления [3]. Например, в ст. 110 УК РФ, касающейся доведения до самоубийства, а также в ст. 156 УК РФ, данный термин описывает метод осуществления преступления. В то же время, в ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными) и 356 УК РФ (применение запрещенных методов ведения войны) этот признак отражает сущность преступления. В юридической практике правильная квалификация таких преступлений во многом зависит от точного понимания термина «жестокое обращение», поскольку в разных статьях уголовного закона оно должно восприниматься одинаково. Однако отсутствие законодательного определения этого термина затрудняет его правовую интерпретацию и может приводить к различным трактовкам.

В теории уголовного права существует множество точек зрения на определение данного понятия. Так, по мнению А. Н. Игнатова, жестокое обращение может проявляться в различных формах, включая лишение ребенка пищи, длительное ограничение его свободы, постоянное унижение достоинства, физическое насилие и иные аналогичные действия [4]. Кроме того, законодательство предусматривает ответственность за бездействие, если лицо имело возможность и обязано было выполнить определенные обязанности, но не сделало этого. В некоторых работах высказывается мнение о необходимости исключения из УК РФ ст. 156. Так, Д. А. Шестаков полагает, что ответственность за насилие уже предусмотрена общими нормами уголовного права, и нет нужды создавать отдельную статью для защиты детей [5].

Одним из ключевых вопросов является определение круга лиц, на которых распространяется действие ст. 156 УК РФ. Закон устанавливает ответственность для родителей и тех, кто официально несет обязанности по воспитанию. Согласно УК РФ, к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное этой статьей, могут быть привлечены:

- родители, усыновители, приемные родители, опекуны и попечители;

♦ лица, обязанные заниматься воспитанием несовершеннолетнего в рамках своих профессиональных обязанностей.

В рамках рассмотрения ст. 156 УК РФ необходимо привести пример из судебной практики. Так, 13 марта 2025 г. в школе № 123 учитель, применив на уроке физическую силу к ученику 8 класса, нанес ему ссадины и причинил боль, после чего отвел подростка к директору. К счастью, здоровью подростка не был причинен вред, опасный для жизни. Случай был зафиксирован на видео, которое позже появилось в Интернете. Это вызвало широкий общественный резонанс и стало основанием для проведения проверки и возбуждения уголовного дела в отношении учителя по обвинению в неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Суд приговорил педагога к 1,5 годам исправительных работ, а также обязал выплатить ученику 120 тыс. руб. морального ущерба [6]. Также необходимо отметить, что на практике возникают ситуации, когда близкие родственники, не имеющие формального статуса опекуна, также совершают действия, наносящие вред ребенку, но остаются вне рамок уголовной ответственности.

В 2020 г. суд признал мать несовершеннолетнего ребенка виновной в умышленном причинении легкого вреда здоровью своей малолетней дочери и в ненадлежащем исполнении родительских обязанностей, соединенном с жестоким обращением. В процессе кормления дочери, которая отказалась от еды, мать, действуя умышленно и осознавая свое физическое превосходство, неоднократно наносила ребенку удары ладонью по лицу и голове. В результате этих ударов ребенок несколько раз падал со стула, ударяясь головой о пол и край стола. Потерпевшей был причинен легкий вред здоровью, выразившийся в сотрясении головного мозга и множественных гематомах на лице, что вызвало кратковременное расстройство здоровья на срок до 21 дня. Также были зафиксированы иные телесные повреждения, не повлекшие вреда здоровью. Ребенок был госпитализирован. Те же действия были квалифицированы как грубое нарушение родительских обязанностей, поскольку мать, обязанная заботиться о развитии и безопасности ребенка, применила к беспомощной малолетней дочери жестокие методы, причинив ей физическую боль, телесные повреждения и нравственные страдания. Суд признал мать виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, 156 УК РФ и назначил наказание:

♦ по ч. 1 ст. 115 УК РФ штраф в размере 20 000 (двадцать тысяч) руб.;

♦ по ст. 156 УК РФ штраф в размере 40 000 (сорок тысяч) руб. [7].

Правоприменительная практика демонстрирует, что отсутствие детализированных критериев «ненадлежащего воспитания» приводит к широкому усмотрению следственных и судебных органов. Это создает предпосылки для различных ошибок, которые включают смешение составов преступлений. Проблемы разграничения ст. 156 УК РФ с иными составами, например, «Истязанием», предусмотренным ст. 117 УК РФ, приводят к правовым коллизиям. Одни и те же действия могут трактоваться как самостоятельное преступление или как часть комплекса противоправных деяний. Если речь идет о единичном случае причинения вреда здоровью, оскорбления или иных подобных действиях, то уголовная ответственность может наступить только за иное, конкретно совершенное преступление, например, систематические побои либо длительное лишение питья, пищи и сна, удушение, вырывание волос, связывание конечностей и т. д. — п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Судебная практика показывает, что жестокое обращение часто выражается в систематическом лишении ребенка жизненно необходимых условий — пищи, тепла, воды. Кроме того, единичные случаи физического воздействия со стороны родителей, педагогов и других лиц, обязанных воспитывать ребенка, не всегда квалифицируются по ст. 156 УК РФ. Для признания преступления требуется установить систематичность подобных действий, что предполагает наличие двух и более зафиксированных фактов причинения вреда ребенку [8].

Так, например, 15 января 2026 г. в Новосибирском областном суде началось закрытое слушание по делу отца шестерых детей, обвиняемого в многолетних издевательствах. В отношении мужчины возбуждено уголовное дело по ст. 156, 127, п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Дети содержались запертыми в комнате, дверь которой была заблокирована металлической балкой. У них имелись лишь ведро для туалета и хлеб. На телах обнаружены ссадины, синяки и ушибы. Как показал один из сыновей, отец бил их металлическими лопатами. Следователи также установили факты нанесения порезов ножом с последующим зашиванием без обезболивания, избиений, наказаний стоянием на горохе. Экспертиза признала обвиняемого вменяемым. Дети получили психологические травмы и отставание в развитии [9].

В большинстве случаев неисполнение обязанностей по воспитанию фиксируется на основании показаний свидетелей, что делает процесс доказывания субъективным. Отсутствие объективных методик оценки состояния воспитания несовершеннолетнего затрудняет квалификацию. Законодатель не предлагает четких критериев, позволяющих разграничивать ненадлежащее воспитание и временные трудности, возникающие у родителей в силу объективных обстоятельств (болезни, тяжелое материальное положение).

В направлении совершенствования нормы ст. 156 УК РФ видится несколько потенциальных путей. Первая и фундаментальная проблема лежит в области установления состава преступления. Диспозиция ст. 156 УК РФ сформулирована казуистично, связывая уголовную ответственность с неисполнением обязанностей по воспитанию, «соединенным с жестоким обращением». Возникает правовая неопределенность: что в конкретном случае следует считать жестоким обращением, а что — допустимыми мерами педагогического воздействия? Законодатель не дает четкого определения жестокости, отсылая правоприменителя к разъяснениям Пленума Верховного Суда. На практике это приводит к субъективной оценке и существенному разнообразию в подходах судов. Действия, которые один суд расценит как систематическое психологическое давление, другой может посчитать строгостью воспитания. Первоочередным является необходимость легального закрепления понятия «жестокое обращение» в примечании к статье или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ с указанием примерного, но не исчерпывающего перечня его форм (физическое, психическое, сексуальное насилие, пренебрежение основными потребностями). Это снизит субъективизм оценки. Также необходимо уточнение понятийного аппарата. Законодатель должен более детально регламентировать содержание «ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию». Введение конкретных критериев, основанных на стандартах педагогики и психологии, позволит минимизировать произвольность трактовки. Обратить внимание на расширение круга субъектов ответственности. Необходимо пересмотреть формулировки статьи с целью включения в их число субъектов, которые попадают под ее действие, включая не только официальных опекунов, но и тех, кто, не имея формального статуса, оказывают значимое влияние на воспитательный процесс. Создать механизм объективного контроля. Введение независимых экспертных оценок, основанных на разработанных показателях развития ребенка, позволит более обоснованно квалифицировать действия родителей или воспитателей. Необходимо четкое разграничение административной и уголовной ответственности. Уточнение критериев, отделяющих ненадлежащее воспитание, влекущее административную ответственность, от действий, образующих состав уголовного преступления, минимизирует правовые коллизии.

Целесообразно рассмотреть дифференциацию уголовной ответственности в рамках статьи, введя квалифицирующие признаки, усиливающие наказание за жестокое обращение, повлекшее, например, тяжкие психологические последствия, хроническое заболевание несовершеннолетнего или его попадание в социально опасное положение. Одновременно стоит закрепить в примечании возможность освобождения от уголовной ответственности при условии добровольного обращения виновного за помощью к органам опеки или социальным службам, активных действий по исправлению ситуации и отсутствии отягчающих обстоятельств, что будет стимулировать раскрытие латентных случаев семейного неблагополучия.

Важным направлением является межведомственное взаимодействие. Квалификация по ст. 156 УК должна быть тесно увязана с профилактической работой органов опеки, комиссий по делам несовершеннолетних, социальных служб. Информация от этих структур должна оперативно и в установленном порядке поступать в правоохранительные органы. Необходимо также развивать систему специальной подготовки следователей и дознавателей для работы с несовершеннолетними потерпевшими, повсеместно внедрять практику обязательного психологического обследования ребенка при наличии малейших подозрений на жестокое обращение.

Подводя итог, отметим, что уголовно-правовая охрана несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны лиц, обязанных заботиться об их воспитании, представляет собой одну из серьезных проблем социальной политики государства. Ст. 156 УК РФ, устанавливающая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это деяние соединено с жестоким обращением, призвана быть эффективным инструментом защиты наиболее уязвимой категории граждан. Однако правоприменительная практика выявляет целый комплекс проблем квалификационного характера, снижающих действенность данной нормы и требующих осмысления для определения путей ее совершенствования.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 9 января 2026 г.). СПС «КонсультантПлюс».

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации ст. 156 // URL: https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-20/st-156-uk-rf

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева, Ю. И. Скуратова. М., 1996.

5. Шестаков Д. А. Внутрисемейные насильственные преступления: уголовно-правовой аспект // Правоведение. 2001. № 2.

6. Суд признал законным приговор экс-учителю физики за применение силы к ученику // URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20251110/311319725.html

7. Состояние преступности в России // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 //

8. Приговор Мирового судьи судебного участка № 168 района Северное Тушино г. Москвы // URL: https://mos-sud.ru/168/cases/docs/content/e6dca351-0f25-48a6-a939-b8d187776096

9. В Новосибирске отца шестерых детей начали судить за жестокое обращении с ними // URL: https://www.nsktv.ru/news/crime/v_novosibirske_ottsa_shesterykh_detey_nachali_sudit_za_zhestokoe_obrashchenii_s_nimi

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on December 29, 2025) (as amended and supplemented, intro. effective from January 20, 2026). // LRS «ConsultantPlus».

2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on December 29, 2025) (with amendments and additions, intro. effective from January 9, 2026) // LRS «ConsultantPlus».

3. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation, art. 156 // URL: https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-20/st-156-uk-rf

4. Comments on the Criminal Code of the Russian Federation / edited by V. M. Lebedev, Yu. I. Skuratov. M., 1996.

5. Shestakov D. A. Intra-family violent crimes: criminal and legal aspect // Law studies. 2001. No. 2.

6. The court upheld the sentence of an ex-physics teacher for using force against a student // URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20251110/311319725.html

7. The state of crime in Russia // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762

8. The verdict of the Justice of the Peace of judicial district No. 168 of the Severnoye Tushino district of Moscow // URL: https://mos-sud.ru/168/cases/docs/content/e6dca351-0f25-48a6-a939-b8d187776096

9. In Novosibirsk, the father of six children began to be tried for ill-treatment of them // URL: https://www.nsktv.ru/news/crime/v_novosibirske_ottsa_shesterykh_detey_nachali_sudit_za_zhestokoe_obrashchenii_s_nimi

Информация об авторах

А. А. Семочкина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

С. Е. Чистякова — курсант международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. A. Semochkina — Associate Professor of the Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. E. Chistyakova — Cadet of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 03.03.3026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 03.03.2026.

Научная статья
УДК 343.346.2
EDN: https://elibrary.ru/dksnha
NIION: 2022-0089-1/26-387
MOSURED: 77/27-031-2026-01-387

Институт уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в современном российском законодательстве: понятие, основания формирования и содержание

Анастасия Евгеньевна Соболь
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, sobol-prok@mail.ru

Аннотация. Исследуются теоретико-правовые основы институционализации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Проведен сравнительный анализ различных подходов к формированию общего института права и уголовно-правового института, в частности, выявлены ключевые признаки института уголовной ответственности в указанной сфере (совокупность норм права, а не единичное предписание; однородность регулируемых общественных отношений; объективность; (формализованность) и самостоятельность; функциональную взаимосвязь; метод правового регулирования). На основе системного анализа данных признаков в заключении сформулировано авторское понятие института уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Ключевые слова: институт уголовного права, система уголовно-правовых норм, системность правового регулирования, уголовная ответственность, нарушение правил дорожного движения, эксплуатация транспортных средств, Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации

Для цитирования: Соболь А. Е. Институт уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в современном российском законодательстве: понятие, основания формирования и содержание // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 122–127. EDN: DKSNHA.

Original article

The institute of criminal liability for violations of traffic rules and vehicle operation in modern Russian legislation: concept, grounds for formation, and content

Anastasia E. Sobol
Kuban State University, Krasnodar, Russia, sobol-prok@mail.ru

Abstract. The theoretical and legal foundations for the institutionalization of criminal law provisions providing for liability for violations of traffic regulations and the operation of vehicles. A comparative analysis of various approaches to the formation of a general institution of law and a criminal law institution is conducted. In particular, the key features of the institution of criminal liability in this area are identified (a set of legal norms, rather than a single regulation; homogeneity of regulated social relations; objectivity; (formalization) and independence; functional interrelationship; method of legal regulation). Based on a systemic analysis of these features, the author's concept of the institution of criminal liability for violations of traffic regulations and the operation of vehicles is formulated in the conclusion.

Keywords: institute of criminal law, system of criminal law norms, systematic nature of legal regulation, criminal liability, violation of traffic rules, operation of vehicles, Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Sobol A. E. The institute of criminal liability for violations of traffic rules and vehicle operation in modern Russian legislation: concept, grounds for formation, and content. Forensic science and research. 2026;(1):122–127. (In Russ.). EDN: DKSNHA.

В последние годы в науке уголовного права наблюдается устойчивый интерес к изучению проблематики институционализации правовых норм [2; 5; 16]. Все чаще предметом научного анализа становится не отдельная статья уголовного закона, устанавливающая ответственность за совершение того или иного преступления, а устойчивая, внутренне связанная совокупность нормативных предписаний, обладающих единством объекта правовой охраны, специфическими признаками и относительно об-

© Соболь А. Е., 2026

особленным правовым режимом. Такой подход обусловлен объективной необходимостью системного осмысления структуры Особенной части уголовного законодательства, в рамках которой формируются устойчивые правовые институты.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит целый ряд однородных по содержанию и структуре норм, регулирующих ответственность за определенные виды преступных деяний. Эти нормы представляют собой не просто совокупность отдельных составов преступлений, но и могут образовывать относительно самостоятельные институты уголовного права. Одним из примеров такой институционализации выступает система норм, устанавливающих уголовную ответственность за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (далее — нарушение ПДД и ЭТС). К идее ее формирования, надо отметить, в уголовно-правовой науке подходы складываются разные. Так, одни авторы действительно видят в этом отношении сложившуюся систему. Например, по мнению Д. В. Собина, в систему указанных нарушений входят деяния, предусмотренные ст. 264 и 264.1 УК РФ, которым автор отводит немаловажную роль в недопущении негативных последствий от транспортных преступных деяний [17].

По мнению М. В. Афанасьева, ответственность за нарушение ПДД и ЭТС предусмотрена прежде всего ст. 264 УК РФ. Многократно вносимые изменения в нее не привели к существенному сокращению дорожно-транспортной преступности, в связи с чем в 2014 г. была введена ст. 264.1 УК РФ, определившая ответственность для лиц, которые управляют транспортным средством в состоянии опьянения, будучи ранее привлеченными к соответствующей административной ответственности [3, с. 3–4; 14]. Таким образом, указанный автор в систему рассматриваемых преступлений относит деяния, предусмотренные ст. 264 и 264.1 УК РФ. Однако факт того, что его исследование строится на изучении ответственности лиц, которые находятся в состоянии опьянения и в этом состоянии совершают транспортные преступления, существенно сужает рамки системы преступлений, связанных с нарушением ПДД и ЭТС.

В рамках второго подхода следует констатировать, что в большинстве своем ученые-криминалисты системы рассматриваемых преступлений не видят. Так, Д. Ю. Краев считает, что в гл. 27 УК РФ самым распространенным является преступление в виде нарушения ПДД и ЭТС (ст. 264 УК РФ). Его, по утверждению автора, следует отграничивать от основных смежных составов (ст. 263, 2641, 268, 350 УК РФ) [9, с. 5, 32–40].

О том, что ответственность за рассматриваемую группу преступлений предусмотрена лишь одной статьей — 264 УК РФ, утверждают и другие исследователи [4, с. 14–15; 12; 18, с. 4]. К примеру, Д. В. Иванькович, при анализе криминологической характеристики и предупреждения нарушения ПДД и ЭТС, в своей работе проводит сравнительный анализ лишь ст. 264 УК РФ и ее нормы-аналога — ст. 317 УК Республики Беларусь [7].

Как представляется, представители второго подхода, при отнесении к преступлениям в сфере нарушения ПДД и ЭТС только деяний, предусмотренных ст. 264 УК РФ, руководствуются узким подходом, соответствующим буквальному толкованию названия данной статьи. Вместе с тем, в реальности, ответственность за преступления в сфере нарушения ПДД и ЭТС — это целый комплекс взаимосвязанных между собой норм, регламентированных в гл. 27 УК РФ. В него, по-нашему мнению, должны входить:

- нарушение ПДД и ЭТС (ст. 264 УК РФ);
- управление ТС в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ);
- нарушение ПДД лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления ТС (ст. 264.2 УК РФ);
- управление ТС лицом, лишенным права управления ТС и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.3 УК РФ).

Эти нормы характеризуются устойчивостью, внутренней логикой построения (есть основная статья — 264 УК РФ и специальные — 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ по отношению к основной), направленностью на охрану однородной группы общественных отношений — безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В связи с изложенным представляется возможным выдвинуть гипотезу о наличии в уголовном законодательстве Российской Федерации устойчивой группы взаимосвязанных норм, устанавливающих ответственность за преступления, совершаемые в сфере нарушения ПДД и ЭТС, что позволяет рассматривать их не просто как совокупность отдельных

уголовно-правовых предписаний, а как потенциально оформляющийся институт уголовного права.

Однако, очевидно, подобное заявление требует научного анализа и обоснования. Необходимо установить, в какой мере рассматриваемая совокупность норм соответствует признакам уголовно-правового института, выявить основания их системной взаимосвязи и обособленности в рамках структуры Особенной части УК РФ.

Так, в соответствии с правилами русского языка слово «институт» означает совокупность норм права в какой-нибудь области общественных отношений [20]. Данная дефиниция, хотя и не является юридико-технической, тем не менее отражает основополагающий смысл понятия «институт» как структурного элемента системы права. В уголовно-правовом контексте эта совокупность норм должна быть направлена на регулирование однородной категории общественно опасных деяний и охрану конкретного сегмента общественных отношений.

Если исходить из такого общего определения, то представляется вполне обоснованным предположить, что уголовная ответственность за нарушения ПДД и ЭТС оформляется в виде именно такого института, ведь она выражается совокупностью норм (ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ) в одной и той же сфере — сфере дорожного движения, а регламентация этих норм направлена на охрану единого объекта — общественные отношения в сфере реализации безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Таким образом, уже само «языковое» значение слова «институт» позволяет рассматривать совокупность уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за нарушения ПДД и ЭТС, как потенциальную основу для формирования отдельного уголовно-правового института. Вместе с тем, лингвистический подход требует дополнения более глубоким юридическим анализом признаков правового института.

Так, по мнению Н. И. Матузова и А. В. Малько, под институтом права следует понимать сравнительно небольшую, устойчивую группу правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений [11, с. 351].

Формулируя авторское понятие правового института, Е. А. Кримимова под таковым предлагает понимать обособленный комплекс правовых предписаний, регулирующий однородный вид или сторону общественных отношений (с помощью особенных способов и приемов). При этом к его признакам, отдельно, автор относит:

1) объективно складывающееся правовое образование;

2) относительную самостоятельность в регламентации выделившихся (обособившихся) видовых общественных отношений внутри конкретной отрасли права;

3) устойчивость;

4) специфику метода правового регулирования [8, с. 14–15].

О том, что правовой институт — это совокупность норм права, составляющих часть отрасли права, регулирующей вид или определенную сторону однородных общественных отношений, говорят В. В. Лазарев и С. В. Липень [10, с. 250]. Данное понимание института отражает устоявшееся представление о нем как об относительно самостоятельном, внутренне упорядоченном фрагменте правовой материи, логически объединяющем совокупность правовых норм, направленных на обеспечение системного регулирования определенного круга общественных отношений.

В науке уголовного права понятие института формулируется предельно схожим образом. К примеру, по мнению В. Д. Филимонова, институт уголовного права — это совокупность уголовно-правовых норм, связанных между собой функциональной взаимозависимостью и направленных на регулирование однородных общественных отношений [19, с. 439]. При этом, как представляется, функциональная взаимозависимость уголовно-правовых норм в составе института указывает не просто на наличие общих объектов охраны или единых задач, но и на сложившуюся структуру, позволяющую институту играть самостоятельную роль в системе уголовно-правового регулирования.

Дополняя данное понятие, Р. Г. Асланян справедливо утверждает, что, во-первых, в институт Особенной части уголовного права не может входить только одно нормативное предписание, так как оно в одиночном своем проявлении не способно обеспечить полное, беспробельное и цельное регулирование некой разновидности общественных отношений и во-вторых, юридическая конструкция уголовно-правовой охраны должна рассматриваться в качестве кон-

цептуального основания для формирования и систематизации институтов уголовного права. Именно объект охраны и характер посягательств на него определяют границы объединения нормативных предписаний в самостоятельные институты. Такой подход обеспечивает не только логическое обособление норм, но и придает институту системность, выражающуюся в полноте правового регулирования и адекватности уголовно-правового реагирования на реальные криминальные угрозы, существующие в обществе [1, с. 139–140].

М. С. Жук, изучая объект, как критерий построения системы институтов Особенной части уголовного права, формулирует собственное понятие института указанной части. В основу этого он положил признание главы УК РФ преимущественной формой внешнего выражения уголовно-правового института. Итак, автор под институтом Особенной части уголовного права понимает совокупность предписаний об ответственности за преступные деяния, которые имеют единый родовой объект и располагаются в рамках одной главы уголовного закона [6, с. 88]. Думается, что такой подход позволяет сочетать формальные и содержательные критерии при выделении уголовно-правовых институтов, а также способствует более точной юридической квалификации преступлений в рамках одной институциональной конструкции.

На основании анализа вышеизложенного можно выделить основные признаки, которые могут быть присущи институту Особенной части уголовного права. Эти признаки вытекают из различных подходов к определению как общетеоретического правового института, так и института уголовного права, в частности. Выявление указанных признаков позволит выявить возможность относимости уголовной ответственности за нарушения ПДД и ЭТС к уголовно-правовому институту.

Первым признаком является *совокупность норм права, а не единичное предписание.* Институт обязательно включает не одно, а несколько нормативных предписаний, направленных на охрану определенного вида общественных отношений. Одно предписание не способно обеспечить цельное правовое регулирование. Следует отметить, что ответственность за нарушения ПДД и ЭТС как раз-таки представлена такой совокупностью (ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ).

Вторым признаком можно назвать *однородность регулируемых общественных отношений.* Он означает, что нормы права, входящие в институт, должны быть направлены на регулирование однородной группы общественных отношений, объединенных единым объектом уголовно-правовой охраны. Отметим, что преступлениям в сфере нарушения ПДД и ЭТС присущ единый объект — общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и (или) эксплуатации транспорта.

Третьим признаком является *объективность (формализованность) и самостоятельность.* Институт — это объективно сложившееся правовое образование, обладающее относительной самостоятельностью внутри отрасли уголовного права. Так, положения ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ объективно образованы в рамках гл. 27 УК РФ, имеющей родовую, по отношению к ним, природу «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», в этой связи признать полную самостоятельность таких норм невозможно, в связи с чем уместнее говорить о статусе их относительной самостоятельности.

К четвертому признаку можно отнести *функциональную взаимосвязь.* Так, ст. 264 УК РФ является нормой-донором, т. е. основной нормой, от которой выделяются специальные нормы — ст. 264.1–264.3 УК РФ. Эта система норм дополняет друг друга, создавая целостную модель уголовно-правового реагирования.

Пятым признаком является единый *метод правового регулирования.* В рассматриваемой сфере используется единый метод правового регулирования, характерный для уголовного права — императивный, охранительный, с установлением конкретных наказаний за совершение преступлений.

Таким образом, уголовно-правовая ответственность за нарушения ПДД и ЭТС, представленная в виде комплекса взаимосвязанных норм (ст. 264–264.3 УК РФ), вполне соответствует признакам института Особенной части уголовного права как в содержательном, так и в структурно-функциональном аспектах [13; 15].

На основании выделенных признаков, в заключение представляется необходимым сформулировать авторское понятие института уголовной ответственности за нарушения ПДД и ЭТС. Под таковым следует понимать *относительно самостоятельную,*

обособленную в гл. 27 УК РФ совокупность функционально-взаимосвязанных уголовно-правовых норм, направленных на регулирование однородных общественных отношений, связанных с охраной нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, и обеспечивающих системное уголовно-правовое реагирование соответствующих посягательств, используя единый метод правового регулирования.

Список источников

1. Асланян Р. Г. Структура института Особенной части уголовного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 136–141.

2. Асланян Р. Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дисс. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023.

3. Афанасьев М. В. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицом, находящимся в состоянии опьянения: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2018.

4. Божко И. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовое регулирование и предупреждение: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011.

5. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013.

6. Жук М. С. Объект преступления как критерий построения системы институтов Особенной части уголовного права // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 87–89.

7. Иванькович Д. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: криминологическая характеристика и предупреждение в Российской Федерации и Республике Беларусь: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2025.

8. Киримова Е. А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 1998.

9. Краев Д. Ю. Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: лекция для ФППК. СПб., 2019.

10. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2001.

11. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2004.

12. Неверов В. И. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

13. Осокин Р. Б., Ендольцева А. В. Организационно-правовые проблемы деятельности по размещению в сети «Интернет» текстов судебных актов // Образование и право. 2017. № 11. С. 174–180.

14. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. К вопросу о повышении интенсивности криминализации деяния, сопряженного с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 121–124.

15. Осокин Р. Б., Иванов Д. А. Деятельность следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, при определении формы окончания предварительного следствия // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 176–183.

16. Осокин Р. Б., Мутасова М. А. Реализация принципа справедливости с учетом нормы об обратной силе уголовного закона // Юридический мир. 2020. № 1. С. 46–49.

17. Собин Д. В. Противодействие нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264, 264.1 УК РФ): проблемы построения составов преступлений, пенализации и предупреждения: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.

18. Федорченко М. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

19. Филимонов В. Д. Правовой институт — основное звено в системе уголовного права // Системность в уголовном праве: мат. II Российского конгресса уголовного права (Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г.). М., 2007. С. 437–442.

20. Толковый словарь Ожегова // URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9970

References

1. Aslanyan R. G. The structure of the Institute of Special part of criminal law // North Caucasian Law Bulletin. 2022. No. 1. P. 136–141.

2. Aslanyan R. G. Theoretical foundations of the construction of a special part of Russian criminal law: diss. ... doctor of legal sciences. Krasnodar, 2023.

3. Afanasyev M. V. Criminal liability for violation of traffic rules and operation of vehicles by a person in a state of intoxication: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 2018.

4. Bozhko I. V. Violation of traffic rules and vehicle operation: criminal law regulation and prevention: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Rostov n/A., 2011.

5. Zhuk M. S. Institutes of Russian criminal law: concept, system and prospects of development: diss. ... doctor of legal sciences. Krasnodar, 2013.

6. Zhuk M. S. The object of crime as a criterion for building a system of institutions of a special part of criminal law // Society and law. 2010. № 5 (32). P. 87–89.

7. Ivankovich D. V. Violation of traffic rules and vehicle operation: criminological characteristics and prevention in the Russian Federation and the Republic of Belarus: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 2025.

8. Kirimova E. A. Law Institute: theoretical and legal research: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 1998.

9. Kraev D. Y. Qualification of violations of traffic rules and operation of vehicles: lecture for the FPPPC. SPb., 2019.

10. Lazarev V. V., Lipen S. V. Theory of the state and law. M., 2001.

11. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law: textbook. M., 2004.

12. Neverov V. I. Violation of traffic rules and operation of vehicles: criminal law and criminological research: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2007.

13. Osokin R. B., Endoltseva A.V. Organizational and legal problems of posting judicial acts on the Internet // Education and Law. 2017. No. 11. P. 174–180.

14. Osokin R. B., Kokorev V. G. On the issue of increasing the intensity of criminalization of an act involving a violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment (art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. P. 121–124.

15. Osokin R. B., Ivanov D. A. The investigator's activity to ensure compensation for damage caused by a crime when determining the form of termination of the preliminary investigation // Actual issues of the preliminary investigation: theory and practice: collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. M., 2019. P. 176–183.

16. Osokin R. B., Mutasova M. A. Implementation of the principle justice, taking into account the rule on the retroactive force of the criminal law // Legal World. 2020. No. 1. P. 46–49.

17. Sobin D. V. Countering violations of traffic rules and vehicle operation (Articles 264, 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of constructing corpus delicti, penalization and prevention: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2019.

18. Fedorchenko M. V. Violation of traffic rules and vehicle operation: criminal law and criminological aspects: abstract. diss. ... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2004.

19. Filimonov V. D. The legal Institute is the main link in the criminal law system. // Consistency in criminal law: mat. II Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 31 – June 1, 2007). M., 2007. P. 437–442.

20. Explanatory Dictionary of Ozhegov // URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9970

Информация об авторе

А. Е. Соболь — соискатель кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Information about the author

A. E. Sobol — Applicant of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 04.03.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 04.03.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/csusiz
NIION: 2022-0089-1/26-388
MOSURED: 77/27-031-2026-01-388

Влияние идей профессора Н. П. Майлис на развитие интеграционного направления в дактилоскопии и дерматоглифике

Ольга Александровна Соколова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sokolova-o-a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена известному советскому и российскому ученому, заслуженному юристу Российской Федерации, заслуженному деятелю науки, доктору юридических наук, профессору Н. П. Майлис, являющейся ведущим ученым-трасологом, основателем собственной научной школы, воспитавшей не один десяток учеников-последователей.

На основе идей юбиляра и известного ученого подробно рассматривается составная часть трасологии — дактилоскопия, выделенная в настоящее время в самостоятельное научное направление. Однако недостаточно востребованным продолжает оставаться другое научное направление, параллельно с дактилоскопией изучающее папиллярные узоры или гребни, — дерматоглифика. Проведенный анализ новаторских идей профессора Надежды Павловны Майлис, содержащихся в ее многочисленных научных трудах, дал возможность определить их влияние на развитие интеграционного направления, позволяющего объединить научные достижения в области дактилоскопии и дерматоглифики в целях решения криминалистических и судебно-медицинских задач для нужд правоприменительной практики.

Ключевые слова: профессор Н. П. Майлис, новаторские идеи, интеграционное направление, папиллярные узоры, гребневый счет (гребни), дактилоскопия, экспертная дерматоглифика, папилляроскопия, прогнозирование, искусственный интеллект (ИИ)

Для цитирования: Соколова О. А. Влияние идей профессора Н. П. Майлис на развитие интеграционного направления в дактилоскопии и дерматоглифике // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 128–135. EDN: CSUSIZ.

Original article

The influence of the ideas of professor N. P. Mailis on the development of the integration trend in fingerprinting and dermatoglyphics

Olga A. Sokolova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sokolova-o-a@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the famous Soviet and Russian scientist, honored lawyer of the Russian Federation, honored scientist, doctor of legal sciences, professor N. P. Mailis, who is a leading traceologist and founder of her own scientific school, which has educated more than a dozen students and followers.

Based on the ideas of the hero of the day and the famous scientist, the integral part of tracology, fingerprinting, which is currently isolated into an independent scientific field, is being considered in detail. However, another scientific field that studies papillary patterns or ridges in parallel with fingerprinting, dermatoglyphics, continues to be in insufficient demand. The analysis of the innovative ideas of Professor Nadezhda Pavlovna Mailis, contained in her numerous scientific works, made it possible to determine their impact on the development of an integration direction that allows combining scientific achievements in the field of fingerprinting and dermatoglyphics in order to solve forensic and forensic problems for the needs of law enforcement practice.

Keywords: professor N. P. Mailis, innovative ideas, integration direction, papillary patterns, comb counting (combs), fingerprinting, expert dermatoglyphics, papillaroscopy, forecasting, artificial intelligence (AI)

For citation: Sokolova O. A. The influence of the ideas of professor N. P. Mailis on the development of the integration trend in fingerprinting and dermatoglyphics. Forensic science and research. 2026;(1):128–135. (In Russ.). EDN: CSUSIZ.

Введение. Исходя из тематики данной работы, представляется целесообразным рассмотреть указанные направления дифференцированно, чтобы затем на основе анализа научных работ Н. П. Майлис прогнозировать возможности развития интеграционного направления, позволяющего объединить научные достижения в области дактилоскопии и дерматоглифики. При анализе научных трудов юбиляра по исследуемой проблематике остановимся только на ее публикациях, изданных за последнюю четверть века.

© Соколова О. А., 2026

Так, в 2000 г. в учебно-методическом пособии для экспертов «Судебно-трасологическая экспертиза» профессор Н. П. Майлис отмечает, что «в ряде областей знаний начался интенсивный процесс интеграции, взаимосвязи и взаимопроникновения научных теорий». Данное утверждение, в первую очередь, относилось к теории криминалистической трасологии, методологические функции которой имеют «общенаучный характер и «руководящую роль в процессе интеграции в области судебных экспертиз» [1, с. 11]. В развитие упомянутой идеи в 2005 г. Н. П. Майлис в курсе лекций «Концептуальные и методические основы судебной трасологии», видя потенциал ее роста, подчеркивает, что «в судебной экспертизе, благодаря использованию общих подходов и методов трасологии, достигнут такой уровень, при котором процесс интеграции научных знаний, находящихся на стыке двух и более наук, невозможен без образования *самостоятельных теорий»* (выд. авт.). И далее отмечается, что в ряде областей знаний наблюдается общая тенденция интенсивного процесса «интеграции, взаимосвязи и взаимопроникновения научных теорий, систематизации знаний для разработки их единой и целостной системы», выделяя, помимо активной роли методологических функций теории трасологии, ее общенаучный характер и «руководящую роль в процессе интеграции в других науках, смежных отраслях знаний, в других родах (видах) судебной экспертизы» [2, с. 22].

Развивая основные положения теории трасологии и судебно-трасологической экспертизы, Н. П. Майлис обращает внимание на значение ее составной части — дактилоскопии. Так, в учебнике «Судебная трасология», вышедшем в 2003 г., ею было предложено определение дактилоскопии, как *раздела трасологии* (выд. авт.), «изучающего строение и свойства кожных узоров человека с целью использования их отображений для отождествления человека, его регистрации и розыска преступника» [3, с. 75].

В последующих работах юбиляра «Моя профессия — судебный эксперт», изданной в 2006 г. [4, с. 96] и учебнике «Дактилоскопия», вышедшем в 2008 г. [5, с. 4], помимо ранее предложенного определения дактилоскопии, большое внимание уделено новому направлению в криминалистике — дерматоглифике и ее структуре. Была предложена авторская дефиниция криминалистической дерматоглифики, как «направление *дактилоскопии* (выд. авт.), которая ставит перед собой задачу определения характеристик личности преступников и подозреваемых лиц в совершении преступлений по папиллярным узорам» [5, с. 4, с. 20–25]. Однако ею отмечалось, что данным направлением занимаются исключительно медики, исследовавшие гребневые (папиллярные) линии для установления пола, возраста человека и его этнической принадлежности. По утверждению Н. П. Майлис, некоторые дерматоглифические задачи решались в дактилоскопии давно и проводились в рамках совершенствования знаний последней. Однако они сравнительно недавно актуализировалось и стали связываться с дерматоглификой, включая и соотношение указанных двух направлений, решаемых ими задач и их возможностей [6]. В этом плане, по ее мнению, определенную роль сыграли некоторые теоретические исследования ряда ученых, в частности Н. Н. Богданова, В. В. Яровенко, Л. Г. Эджубова, В. Е. Корноухова, В. А. Ивашкова и др. [7, с. 27].

Исходя из того факта, что и дактилоскопия, и дерматоглифика изучают строение и свойства кожных узоров человека для решения своих специфических задач, а также тезиса Н. П. Майлис, озвученного нами выше, возникает необходимость систематизации этих знаний для получения объективного представления об их природе, объеме и перспективах сближения.

Материалы и методы. Методология заключается в обобщении опыта применения дактилоскопического и дерматоглифического методов исследования и их использования в экспертной практике и включает следующие этапы: анализ, синтез, методы межотраслевых научных исследований, формально-юридический метод, а также контент-анализ публикаций профессора Н. П. Майлис по использованию специальных знаний, научных работ других ученых, исследующих указанные научные направления, системный подход к оценке получаемых результатов.

Результаты и обсуждение. Известно, что дактилоскопическое направление, существующее более 100 лет, благодаря своим неоспоримым достижениям, позволяет успешно решать задачи борьбы с преступностью. В настоящее время оно является наиболее разработанным как в научном, так и методическом плане. Более того, по предложению С. С. Самищенко дактилоскопия выделена в самостоятельную отрасль из «материнской» науки — трасологии, а система современной дактилоскопии им была представлена сле-

дующими разделами: основами дактилоскопии, дактилоскопической техникой и технологией, дактилоскопической диагностикой, дактилоскопической идентификацией, дактилоскопической регистрацией и дактилоскопической экспертизой [8, с. 305–306].

Нами ранее, исходя из предложенной Н. П. Майлис дифференциации в трасологии, структура дактилоскопии была представлена аналогично двумя разделами, включающими теоретическую (научную) и практическую составляющие [9, с. 5]. Говоря о теоретической составляющей дактилоскопии, следует отметить, что в этом направлении актуальным остается совершенствование: стандарта ее идентификации [10]; количественных и качественных характеристик дактилоскопической формулы, установленных на больших массивах дактилоскопических карт [11]. Что касается практического направления в дактилоскопии, то в нем активные исследования ведутся Ю. А. Донцовой, А. В. Ивашковой, Т. М. Рыжовой [12], А. В. Козловым [13] и другими исследователями. Так как подробное рассмотрение указанных направлений не является целью нашего исследования, перейдем к проблематике нашей статьи.

И если научные достижения дактилоскопии и ее практической составляющей, в частности, дактилоскопической экспертизы и исследований, принимаются учеными и практиками однозначно положительно, то достижения дерматоглифики вызывает спорные, порой отрицательные и резко негативные отзывы [14, с. 86–87], влияющие на внедрение ее результатов в правоприменительную практику и ставящие определенные преграды на пути ученых-исследователей. Отметим, что для данного этапа развития дерматоглифического направления, как мы полагаем, эмпирического, необходим не только сбор дактилоскопических карт и их исследование [15, с. 7], но и систематизация и обобщение имеющейся специальной литературы по этой проблематике. Изложенная позиция основана на постулатах другого видного ученого в области криминалистики и судебной экспертизы профессора Т. В. Аверьяновой, предложившей характеристику процессу научного познания и законов развития общей теории судебной экспертизы и их роли в совершенствовании экспертной практики. Так, именно «проникновение и сущность предметов порождает новый способ их изучения — теоретический» [16, с. 227, с. 119–154]. Подчеркнем, что, несомненно, развитие любой научной идеи может быть обеспечено непосредственно опытным путем, опирающемся на эксперимент, но первоначально следует предложить идею, выдвинуть гипотезу, которая будет проверяться экспериментально.

И еще небольшая ремарка авторам указанной выше работы — представляется, что, прежде чем обвинять другого автора в научной некорректности, следовало бы изучить и проанализировать полученные результаты автора в иных опубликованных работах. Конечно, в авторских публикациях не целесообразно ссылаться на собственные работы, но в данном случае очевидно, что оппонентам следовало бы ознакомиться хотя бы с указанными ниже работами [17; 18]. Исходя из постулатов профессиональной этики следует, что до формирования и публичного вынесения своего суждения о значимости работ другого автора, для формирования своего субъективного мнения, было бы правильным ознакомиться с прочими авторскими публикациями в этом направлении. В любом случае остается только поблагодарить уважаемых ученых: В. В. Яровенко, Н. Н. Китаева и Р. Г. Ардашева за проявленный интерес к одной из работ автора.

Переходя к рассмотрению упомянутого выше научного направления, значение которого отражено в многочисленных работах ученых, — дерматоглифики — следует отметить, что оно развивалась самостоятельно, параллельно с дактилоскопией. Как известно, в отличие от дактилоскопии, оперативно внедрившейся в практическую деятельность раскрытия и расследования преступлений, дерматоглифика первоначально развивалась как антропологическая дисциплина, в рамках которой устанавливались некоторые свойства человека по кожному рельефу его внутренних поверхностей ладоней рук и подошв стоп босых ног, образованному чередованием папиллярных гребней (валиков) и бороздок гребешковой кожи.

Как нам представляется, прорывом в популяризации дерматоглифических знаний явилась работа А. П. Божченко, В. Л. Попова, Г. И. Заславского «Дерматоглифика при идентификации личности», изданная в 2008 г., в которой наряду с общими положениями криминалистической идентификации по чертам внешности, главное внимание уделено именно медико-биологической характеристике гребешковой кожи; основным направлениям дерматоглифических исследований в медицине; определению свойств личности на основе анализа дерматоглифических

признаков пальцев рук и некоторым другим направлениям [19]. В наших ранних работах мы неоднократно ссылались на результаты их дерматоглифических исследований, которые представляют интерес не только для практических экспертов-дактилоскопистов, но и для развития теоретического направления дактилоскопии путем их экстраполяции. Несомненно, что в развитие тематики нашей статьи и последующих работах мы будем возвращаться к указанному научному труду, подготовленному ведущими специалистами в области дерматоглифики. Отрадно, что последние также стали активно изучать работы дактилоскопистов, что подтверждает естественный процесс интеграции дактилоскопии и дерматоглифики.

Так, с положительной стороны следует отметить, что в настоящее время ученые, занимающиеся дерматоглифическими исследованиями, все чаще обращаются к методам дактилоскопии, изучают результаты данных исследований и предпринимают попытки для использования дактилоскопических методов совместно с дерматоглифическими в целях идентификации личности. В этом плане интерес представляют ряд работ, представленных в разделе «Вопросы судебно-медицинской антропологии и идентификации личности», опубликованных по материалам всероссийской научно-практической конференции, проведенной 31 марта 2023 г. в г. Санкт-Петербурге «Становление, развитие и современное состояние военной судебной медицины (к 80-летию образования)».

В частности, прежде всего, следует выделить работу авторского коллектива в составе: А. П. Божченко, А. А. Гомова, Е. В. Капустина, Д. К. Тамберга и В. В. Якушева. Рассматривая значение дактилоскопии и дерматоглифики в решении криминалистических и судебно-медицинских экспертных задач, они отмечают, что именно большие теоретические возможности и *низкая результативность дактилоскопического метода* (выд. авт.) стало импульсом для развития «альтернативного» исследовательского подхода — *экспертной дерматоглифики* (выд. авт.), в связи с чем авторы цитируемой работы предлагают оптимальное сочетание и взаимное дополнение этих двух методов, минимальную достаточность при последовательном их применении по принципу «от простого к сложному», а также оперативность в работе с дактилоскопической информацией [20, с. 143]. Не вызывает сомнения, что данная позиция свидетельствует об естественном, плавно протекающем интеграционном процессе, направленном на объединение дактилоскопии и дерматоглифики для решения общих криминалистических и судебно-медицинских экспертных задач.

В подтверждение высказанного тезиса свидетельствуют и ряд других работ, которые из-за ограниченного объема статьи, мы представим конспективно. Так, полученные результаты исследований, представленные в публикациях А. А. Гомова, М. Т. Исмаилова, С. А. Моисеенко, И. А. Толмачева и К. В. Теплова, свидетельствуют о возможности установления расовых и других диагностических особенностей мужчин европеоидной и монголоидной расы по их папиллярным узорам на пальцах рук и ладонях [21], а также установления биологического возраста трупа в случае его непригодности для визуального опознания по папиллярным узорам ладоней рук [22] и по отпечаткам гребешковой кожи подошвенной поверхности его стоп [23].

В продолжение рассматриваемого направления интерес представляет монография «Воры в законе» глазами следователя и эксперта», подготовленная авторским коллективом в составе: А. П. Божченко, Р. Г. Ардашева и Н. Н. Китаева. Анонсируя ее значение, подчеркнем, что на первый взгляд заглавие указанного труда ассоциирует с названием криминального детектива, однако ознакомление с его содержательной частью свидетельствует, что в нем представлен симбиоз различных научных направлений, разносторонне изучающих личность преступника, а именно: криминалистическое, дерматоглифическое, психологическое, криминологическое и др.

Так, в криминологическую характеристику изучаемых «воров в законе», условно разделенных авторским коллективом на три группы: грузинской и русской национальности, а также представителей народов Северного Кавказа и Закавказья негрузинской национальности, помимо их общей характеристики, которые будут рассмотрены ниже, были включены и изучены дактилоскопические (дерматоглифические) признаки. Отметим, что в указанной группе ими рассмотрены: этническая принадлежность, место и дата рождения, возраст на момент совершения первого преступления и при «коронации» («короновации»), виды преступлений и количество судимостей, продолжительность криминальной и физической жизни,

категория (род) и причина смерти, а также их приметы и воровские клички. Содержащаяся информация, несомненно, представляет оперативный интерес в целом, однако, в соответствии с тематикой данной работы, целесообразно несколько подробнее остановиться на анализе дактилоскопических (дерматоглифических) признаков указанных категорий «воров в законе».

Характеризуя перечисленные группы «воров в законе» для описания их дактилоскопических (дерматоглифических) признаков, авторы монографии акцентировали внимание на полученных результатах исследования, включающих: типы и виды папиллярных узоров, используемых для составления дополнительной дактилоскопической формулы, так называемые «пальцевые приметы»; а также сравнительный анализ дактилоскопических (дерматоглифических) признаков и дерматоглифических маркеров типов поведенческих реакций исследуемых лиц.

Отметим, что выборка лиц, представленных в данном исследовании, не столь велика и составляет всего 65 человек, что не позволяет признать высокую достоверность полученных выводов. Однако, как утверждают авторы этой работы, «по результатам дерматоглифического анализа возможно вероятностное (с вероятностью около 0,90) суждение о групповой принадлежности обследуемого лица. При этом в отношении проверяемых лиц результаты диагностики должны рассматриваться не как медицинский диагноз или юридический вердикт, а лишь как основание для более полного и всестороннего (комплексного криминологического) изучения личности. В случаях же проверки большого количества лиц на предмет возможного занятия кем-то из них высшего положения в преступной иерархии — в качестве одного из инструментов скрининга и ранжирования, создания тем самым предпосылок для адресного и целенаправленного изучения проверяемых лиц и в конечном счете скорейшего изобличения преступника» [24, с. 89].

Несмотря на незначительное количество изученных дактилоскопических карт «воров в законе», думается, что содержащаяся информация по дактилоскопическим (дерматоглифическим) признакам является уникальной, представляет интерес для научного сообщества и нуждается в детальном изучении.

Считаем целесообразным поддержать точку зрения авторов представленной монографии, что ими была предпринята попытка создания обобщенного, *типового портрета* (выд. авт.) «вора в законе» (его типологизация). Подчеркнем, что примененные методы и полученные результаты заслуживают внимания, как и аналогичные исследования, направленные на получение новых данных в указанном направлении, поскольку они могут составить основу последующих исследований подобного рода.

В рассматриваем векторе следует выделить практическое направление, представленное в работах А. В. Власова, позволяющее устанавливать некоторые характеристики его обладателя по следам пальцев рук. Ключевая идея его исследований заключается в том, что при наличии определенных особенностей комбинаций папиллярных узоров двух следов пальцев рук, обнаруженных на месте происшествия, возможно установить особенности телосложения человека, их оставившего, его рост, цвет глаз и волос, структуру последних и др. Полученные результаты представлены в разработанной автором методике составления так называемого «папиллярного портрета преступника» (ППП), которые предлагаются для использования в раскрытии и расследовании преступлений [25].

И здесь возникает ряд закономерных вопросов. Прежде всего об отнесении данного направления к одной или разным областям знаний: дактилоскопии или дерматоглифики? Кто из сотрудников правоохранительных органов будет создавать так называемого «папиллярного портрета преступника» по двум обнаруженным следам пальцев рук: специалисты (дактилоскописты) или приглашенные специалисты в области дерматоглифических знаний (дерматоглифисты)? И, пожалуй, главные вопросы для уголовного судопроизводства: в рамках какого следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия следует оформлять результаты создания «папиллярного портрета преступника» (ППП) и будут ли они отнесены к доказательствам в соответствии с требованиями норм УПК РФ?

В любом случае, разработка упомянутого направления свидетельствует о целесообразности объединения всех имеющихся результатов исследования в области дактилоскопии и дерматоглифики, тактических подходов к их получению в единое интеграционное направление, с названием которого в настоящее время также возникли затруднения.

Поскольку ранее мы подробно освящали данную проблему, кратко озвучим ее основное содержание. В 2002 г. Н. Н. Богдановым и Л. Г. Эджубовым было

предложено его название — папилляроскопия — как нового научного интегрального научного направления, изучающего общие признаки объектов исследования как в дактилоскопии, так и в дерматоглифике — папиллярные линии и их микропризнаки.

Справедливости ради напомним, что данный термин папилляроскопия, предложенный Г. Л. Грановским в 1961 г., применялся при изучении папиллярных узоров (установление папилляроскопической информации) в целях идентификации личности, а в 2009 г. В. В. Пономарев использовал его для описания поро- и эджеоскопических признаков при их изучении, преобразовав его в «микропапилляроскопию» [26]. Объем данной работы не позволяет подробно остановиться на проблеме унификации терминологии в рассмотренных направлениях, как и на других нерешенных вопросах, включая возможности использования дерматоглифических маркеров типов поведенческих реакций изучаемого человека, применения современных технологий, в частности, технологии искусственного интеллекта (ИИ).

Надеемся представить результаты освещения этих проблем и некоторых других, нерассмотренных в данной статье, в наших последующих работах.

Выводы. Таким образом, как следует из содержательной части данной работы, по рассмотренным направлениям остаются нерешенные проблемы, требующие их реализации как в теоретическом плане, так и в практическом направлении. Прогнозируя дальнейшее поступательное развитие этих двух направлений, представляется, что дактилоскопия и дерматоглифика на основе новаторских идей юбиляра будут творчески объединять их научные достижения на основе естественно протекающего процесса интеграции. Выражая искреннюю благодарность нашему мудрому учителю — Надежде Павловне Майлис, надеемся, что полученные результаты представляют интерес не только для сотрудников правоохранительных органов, но и для молодых ученых и их дальнейших научных исследований.

Список источников

1. Майлис Н. П. Судебно-трасологическая экспертиза: учеб.-метод. пособие для экспертов. М. : Триада-Х, 2000.

2. Майлис Н. П. Концептуальные и методические основы судебной трасологии: курс лекций. М. : Московский университет МВД России, 2005.

3. Майлис Н. П. Судебная трасология: учебник для студентов юридических вузов. М., 2003.

4. Майлис Н. П. Моя профессия — судебный эксперт. М. : Щит-М, 2006.

5. Майлис Н. П. Дактилоскопия: учебник. М. : Московский университет МВД России, 2008.

6. Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика) / под ред. Л. Г. Эджубова и Н. Н. Богданова. М., 2002.

7. Майлис Н. П. Основы дактилоскопии: курс лекций. М., 2016.

8. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия: основы и тенденции развития: курс лекций. М. : Московский психолого-социальный институт, 2004.

9. Майлис Н. П. Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

10. Пономарев В. В., Соколова О. А. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: учебник. М. : Юрайт, 2025.

11. Самищенко А. С. Научные основы дактилоскопии и их дальнейшее развитие: сб. мат. 55-х криминалистических чтений. В 2 ч. Ч. 2. «Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы» (памяти профессора Н. И. Порубова). М. : Академия управления МВД России, 2014. С. 211–216.

12. Донцова Ю. А., Ивашкова А. В., Рыжова Т. М. и др. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: учеб. пособие. М., 2010.

13. Козлов А. В. Некоторые аспекты экспертной профилактики при исследовании следов рук, подвергшихся фальсификации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 167–171.

14. Дяблова Ю. Л., Куршев Д. С. Возможность использования дерматоглифики в криминалистическом изучении личности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. С. 81–89.

15. Яровенко В. В., Китаев Н. Н., Ардашев Р. Г. Дактилоскопическое и дерматоглифическое исследование папиллярных узоров серийных убийц: моногр. Улан-Удэ, 2020.

16. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М. : Норма, 2008.

17. Макаревская Ю. Э., Соколова О. А., Пехова У. И. К постановке вопроса о соотношении психо-

логических свойств личности и типов папиллярных узоров: сб. мат. юбилейной конф. «От источников к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете» (Москва, 29 сентября – 1 октября 2015 г.). Т. 5. М., 2015. С. 214–216.

18. Соколова О. А. Установление некоторых психологических характеристик человека по его папиллярным узорам: сб. тезисов участников всерос. конф. по юридической психологии с междунар. участием (Коченовские чтения). М., 2012. С. 186–188.

19. Божченко А. П., Попов В. Л., Заславский Г. И. Дерматоглифика при идентификации личности. СПб., 2008.

20. Божченко А. П., Гомов А. А., Капустин Е. В., Тамберг Д. К., Якушев В. В. Значение дактилоскопии и дерматоглифики в решении криминалистических и судебно-медицинских экспертных задач: мат. всерос. науч.-практ. конф. «Становление, развитие и современное состояние военной судебной медицины» (к 80-летию образования) (Санкт-Петербург, 31 марта 2023 г.). СПб. : ЛЕМА, 2023. С. 139–143.

21. Гомов А. А., Исмаилов М. Т. Расоводиагностические особенности папиллярных узоров пальцев рук и ладоней мужчин европеоидной и монголоидной расы: мат. всерос. науч.-практ. конф. «Становление, развитие и современное состояние военной судебной медицины» (к 80-летию образования) (Санкт-Петербург, 31 марта 2023 г.). СПб. : ЛЕМА, 2023. С. 151–154.

22. Моисеенко С. А., Толмачев И. А. Методика установления биологического возраста непригодного для визуального опознания трупа по папиллярным узорам ладоней: мат. всерос. науч.-практ. конф. «Становление, развитие и современное состояние военной судебной медицины» (к 80-летию образования) (Санкт-Петербург, 31 марта 2023 г.). СПб. : ЛЕМА, 2023. С. 155–158.

23. Теплов К. В. Методика установления биологического возраста непригодного для визуального опознания трупа по отпечаткам гребешковой кожи подошвенной поверхности стоп: мат. всерос. науч.-практ. конф. «Становление, развитие и современное состояние военной судебной медицины» (к 80-летию образования) (Санкт-Петербург, 31 марта 2023 г.). СПб. : ЛЕМА, 2023. С. 159–162.

24. Божченко А. П., Ардашева Р. Г., Китаев Н. Н. «Воры в законе» глазами следователя и эксперта: моногр. Иркутск, 2025.

25. Власов А. В. Папиллярные узоры человека, оставшиеся на месте совершения преступления — «предательски» отражают особенности телосложения своего обладателя: мат. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 23–24 сентября 2021 г.). Уфа, 2021. С. 30–32.

26. Пономарев В. В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: микропапилляроскопия: учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020.

References

1. Mailis N. P. Forensic tracological examination: an educational and methodological guide for experts. M. : Triada-X, 2000.

2. Mailis N. P. Conceptual and methodological foundations of forensic tracology: course of lectures. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005.

3. Mailis N. P. Judicial tracology: textbook for law students. M., 2003.

4. Mailis N. P. My profession is a forensic expert. M. : Shield-M, 2006.

5. Mailis N. P. Fingerprinting: textbook. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

6. Papillary patterns: identification and determination of personality characteristics (fingerprinting and dermatoglyphics) / edited by L. G. Ejubov and N. N. Bogdanov. M., 2002.

7. Mailis N. P. Fundamentals of fingerprinting: course of lectures. M., 2016.

8. Samishchenko S. S. Modern fingerprinting: fundamentals and development trends: course of lectures. M. : Moscow Psychological and Social Institute, 2004.

9. Mailis N. P. Introduction to forensic examination: textbook. 2nd ed., revised and add. M. : UNITY-DANA, 2011.

10. Ponomarev V. V., Sokolova O. A. Fingerprinting and fingerprint examination: textbook. M. : Yurayt, 2025.

11. Samishchenko A. S. Scientific foundations of fingerprinting and their further development: collection of materials from 55 forensic readings. In 2 p. Part 2. «Interrogation: procedural and criminalistic problems» (in memory of Professor N. I. Porubov). M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. P. 211–216.

12. Dontsova Yu. A., Ivashkova A.V., Ryzhova T. M. and others. Modern methods and means of de-

tecting, removing and examining handprints: textbook. M., 2010.

13. Kozlov A. V. Some aspects of expert prevention in the study of handprints that have been falsified // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 2. P. 167–171.

14. Dyablova Yu. L., Kurshev D. S. The possibility of using dermatoglyphics in the forensic study of personality // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. No. 2. P. 81–89.

15. Yarovenko V. V., Kitaev N. N., Ardashev R. G. Fingerprint and dermatoglyphic examination of papillary patterns of serial killers: monograph. Ulan-Ude, 2020.

16. Averyanova T. V. Forensic examination: a course of general theory. M. : Norma, 2008.

17. Makarevskaya Yu. E., Sokolova O. A., Pekhova U. I. On the question of the relationship between psychological personality traits and types of papillary patterns: collection of materials from the jubilee conference «From sources to the present. 130 years of the organization of the Psychological Society of the Moscow University» (Moscow, September 29–October 1, 2015). Vol. 5. M., 2015. P. 214–216.

18. Sokolova O. A. The establishment of some psychological characteristics of a person by his papillary patterns: collection of abstracts of participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with international with participation (Kochenov readings). M., 2012. P. 186–188.

19. Bozhchenko A. P., Popov V. L., Zaslavsky G. I. Dermatoglyphics in identity identification. St. Petersburg, 2008.

20. Bozhchenko A. P., Gomov A. A., Kapustin E. V., Tamberg D. K., Yakushev V. V. The importance of fingerprinting and dermatoglyphics in solving forensic and forensic expert tasks: materials of the All-Russian scientific and practical conference «Formation, development and current state of military forensic medicine» (on the 80th anniversary of the formation) (St. Petersburg, March 31, 2023). St. Petersburg : LEMA, 2023. P. 139–143.

21. Gomov A. A., Ismailov M. T. Racial diagnostic features of papillary patterns of fingers and palms of Caucasian and Mongoloid men: materials of the All-Russian scientific and practical conference «Formation, development and current state of military forensic medicine» (on the 80th anniversary of the formation) (St. Petersburg, March 31, 2023). St. Petersburg : LEMA, 2023. P. 151–154.

22. Moiseenko S. A., Tolmachev I. A. Methodology for determining the biological age of a corpse unsuitable for visual identification by papillary patterns of palms: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Formation, development and current state of military forensic medicine» (on the 80th anniversary of the formation) (St. Petersburg, March 31, 2023). St. Petersburg : LEMA, 2023. P. 155–158.

23. Teplov K. V. Methodology for determining the biological age of a corpse unsuitable for visual identification by the impressions of the scallop skin of the plantar surface of the feet: materials of the All-Russian scientific and practical conference «Formation, development and current state of military forensic medicine» (on the 80th anniversary of the formation) (St. Petersburg, March 31, 2023). St. Petersburg : LEMA, 2023. P. 159–162.

24. Bozhchenko A. P., Ardasheva R. G., Kitaev N. N. «Thieves in law» through the eyes of an investigator and an expert: monograph. Irkutsk, 2025.

25. Vlasov A. V. Papillary patterns of a person left at the crime scene «treacherously» reflect the features of their owner's physique: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Ufa, September 23–24, 2021). Ufa, 2021. P. 30–32.

26. Ponomarev V. V. Fingerprinting and fingerprint examination: micropapillaroscopy: textbook for universities. M. : Yurayt, 2020.

Информация об авторе

О. А. Соколова — профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Sokolova — Professor of the Department of Expert Criminalistic Activity of the educational and scientific complex of forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 27.01.2026.

Научная статья
УДК 343.364
EDN: https://elibrary.ru/bgwhyl
NIION: 2022-0089-1/26-389
MOSURED: 77/27-031-2026-01-389

К вопросу правового регулирования механизма противодействия травли и ненависти в цифровом пространстве

Александр Владимирович Токолов
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, altok40@mail.ru

Аннотация. Актуализируется проблемный вопрос противодействия кибербуллингу и иным различным проявлениям травли и ненависти в телекоммуникационной сети Интернет в условиях активной цифровой трансформации общественных отношений. Приводится аналогия явной опасности рассматриваемых социальных явлений, стремительная масштабируемость, необычность выявления в сети Интернет, а также трансграничность и анонимность, сложность выявления. Исследуются нормативные правовые акты и законодательство Российской Федерации, обращается внимание на нестыковки и правовые пробелы в действующем правовом регулировании. Уделяется пристальное внимание созданию комплекса превентивных мероприятий на различных уровнях правоохранительной деятельности и внедрению новых инструментов в правоприменительную практику. На основе анализа международного опыта и современных технологических вызовов, включая использование нейронных сетей в противоправных целях, предлагаются меры по усилению международного сотрудничества. Также предлагаются шаги по совершенствованию уголовного законодательства в борьбе с киберпреступностью. Обращается внимание на необходимость защиты прав всех добросовестных пользователей и на усиления информационной безопасности при создание единой цифровой среды.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, травля, агрессия, интернет-преступления, социальные сети, жертва, анонимность, трансграничность, латентность, подросток, профилактика, киберпреступность, информационная безопасность

Для цитирования: Токолов А. В. К вопросу правового регулирования механизма противодействия травли и ненависти в цифровом пространстве // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 136–142. EDN: BGWHYL.

Original article

On the issue of legal regulation of the mechanism for countering harassment and hatred in the digital space

Alexander V. Tokolov
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, altok40@mail.ru

Abstract. The problematic issue of countering cyberbullying and other various manifestations of harassment and hatred in the Internet telecommunications network is being updated in the context of an active digital transformation of public relations. The analogy of the obvious danger of the social phenomena under consideration, rapid scalability, unusual detection on the Internet, as well as cross-border and anonymity, and the difficulty of detection is given. Regulatory legal acts and legislation of the Russian Federation are examined, attention is drawn to inconsistencies and legal gaps in the current legal regulation. Close attention is being paid to the creation of a set of preventive measures at various levels of law enforcement and the introduction of new tools into law enforcement practice. Based on the analysis of international experience and modern technological challenges, including the use of neural networks for illegal purposes, measures are proposed to strengthen international cooperation. Steps are also proposed to improve criminal legislation in the fight against cybercrime. Attention is drawn to the need to protect the rights of all bona fide users and to strengthen information security while creating a unified digital environment.

Keywords: bullying, cyberbullying, harassment, aggression, Internet crimes, social networks, victim, anonymity, cross-border, latency, teenager, prevention, cybercrime, information security

For citation: Tokolov A. V. On the issue of legal regulation of the mechanism for countering harassment and hatred in the digital space. Forensic science and research. 2026;(1):136–142. (In Russ.). EDN: BGWHYL.

Прогрессивное человечество на современном этапе имеет тесные грани соприкосновения с информационными системами, технологиями и интернетом в различных сферах жизни и областях профессиональной деятельности. Благодаря информационно-телекоммуникационным сетям в мире появилась возможность общаться с друзьями и близкими людьми, которые находятся от нас на огромном расстоянии не только по телефонным линиям, но и с помощью видео предающего оборудования. Интернет предоставляет нам уникальную возможность не только обмениваться информацией, но и осуществлять деятель-

© Токолов А. В., 2026

ность, направленную на обучение, а также сбор, обработку и трансформацию информации. Несмотря на огромное количество приведенных преимуществ и удобств, хотелось бы обратить внимание на такие недостатки, как противоправные действия, связанные с информационно-телекоммуникационной сетью Интернет. Это, в первую очередь, действия, связанные с травлей, разжиганием ненависти и экстремизмом в сети Интернет. Эти проявления, на первый взгляд кажущиеся не очень опасными, могут коснуться каждого из нас. В первую очередь от этих социальных вызовов страдают малолетние дети и подростки. Именно они сталкиваются с кибербуллингом чаще чем взрослые, и это деструктивное воздействие может оказать негативное влияние на еще неокрепшее детское психическое здоровье. Правонарушители, используя элемент анонимности, могут чувствовать себя абсолютно безнаказанно. Трудности в решении данной проблемы волнуют рядовых граждан и общественность не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

На современном этапе развития социум неразрывно связан с цифровыми технологиями, которые пронизывают все сферы жизнедеятельности и профессиональные области [1, с. 45–67.]. Глобальные информационно-телекоммуникационные сети, выступив в роли инструмента преодоления пространственных барьеров для общения и совместной деятельности, одновременно породили новую среду для совершения противоправных деяний [2]. К наиболее острым социально-правовым вызовам цифровой эпохи относятся кибербуллинг (цифровая травля) и распространение деструктивного контента, разжигающего ненависть и вражду. Особую уязвимость перед данными угрозами демонстрируют несовершеннолетние пользователи, чья психика наиболее восприимчива к деструктивному воздействию [3]. Анонимность, присущая онлайн-пространству, зачастую создает у злоумышленников ощущение безнаказанности, что усугубляет проблему. В связи с этим комплексный анализ отечественных правовых механизмов противодействия данным явлениям и изучение релевантного зарубежного опыта представляются крайне востребованными.

Прежде чем анализировать правовые нормы, необходимо на первом этапе определить объект регулирования. Кибербуллинг или цифровая травля представляет собой умышленные, повторяющиеся агрессивные действия, совершаемые индивидуально или группой лиц с использованием цифровых технологий, таких как социальные сети, мессенджеры, форумы, игровые платформы и направленные на нанесение вреда, запугивание или социальную изоляцию жертвы. Его формы на сегодняшний день имеют многообразные виды. И первое явление это — харассмент, который выражается в постоянных оскорбительных сообщениях и угрозах; второе явление это — доксинг, т. е. публикация личной, конфиденциальной информации, такой как домашние или электронные адреса, номера телефонов или данные банковских карт без согласия человека и третье явление — это клевета, т. е. распространение заведомо ложной информации о человеке. Смежным, но юридически отличным понятием является разжигание ненависти. Под ним понимаются публичные высказывания, призывы или действия, направленные на возбуждение вражды, ненависти или унижение достоинства человека, либо группы лиц по определенным признакам, таким как пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии или принадлежность к какой-либо социальной группе. Важно отметить, что в российском законодательстве отсутствует единое определение «кибербуллинга». Это создает значительные сложности применения существующих законов в практике.

Правовой анализ требует четкого определения объекта регулирования. В доктрине кибербуллинг (цифровая травля) понимается как умышленные, систематические агрессивные действия, совершаемые в цифровой среде с целью причинения вреда, психологического давления или социальной изоляции жертвы [4]. Данный феномен имеет полиморфную природу и включает, в частности:

1) харассмент — продолжительную целенаправленную рассылку оскорбительных сообщений и угроз;

2) доксинг — несанкционированное размещение в публичном пространстве персональных или конфиденциальных данных (адресов, номеров телефонов, финансовой информации);

3) клевету (распространение порочащих сведений) — распространение заведомо ложной информации, подрывающей репутацию и достоинство лица.

Смежной, но самостоятельной правовой категорией выступает разжигание ненависти (хейтспич) — публичные действия или высказывания, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по определенным признакам (раса, национальность, религия и т. д.) [5]. Отсутствие в российском законо-

дательстве легального определения кибербуллинга фрагментирует правоприменительную практику, вынуждая квалифицировать отдельные эпизоды по различным, зачастую не полностью соответствующим составам.

В Российском законодательстве нет единого комплексного закона, прямо посвященного кибербуллингу, но при этом есть ряд норм в различных отраслях права, которые могут быть использованы для защиты прав потерпевших. Гражданско-правовая защита основывается, прежде всего, на ст. 152 Гражданского кодекса РФ. Для жертвы клеветы или оскорбительных высказываний этот закон позволяет требовать в судебном порядке опровержения сведений. Однако процесс доказывания размеров этого вреда тяжелый, так как в случае травли может быть сложным и субъективным. Судебные разбирательства могут длиться месяцами, в то время как травля наносит вред человеку ежедневно. В случае харассмента можно использовать ст. 5.61 КоАП РФ, она действует на уровне административной ответственности, ключевой нормой является наложение штрафа за оскорбление. Эта статья применима и к публичным оскорблениям в сети Интернет. Однако размеры штрафов невелики и едва ли могут служить сдерживающим фактором для злоумышленника, а процедура привлечения к ответственности требует установления и идентификации лица, что в условиях анонимности и массовости социальных сетей представляет собой отдельную сложную задачу для правоохранительных органов. В случае доксинга вступает в действие Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», который запрещает распространение персональных данных без согласия субъекта. Однако на практике привлечь к ответственности за единичный случай разглашения номера телефона или адреса проживания крайне затруднительно, если это не повлекло тяжких последствий.

Российское законодательство не содержит единого акта, посвященного кибербуллингу, формируя мозаичный режим защиты через нормы различных отраслей права [6].

Гражданско-правовая защита. Ключевым инструментом является ст. 152 ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации, позволяющая требовать опровержения порочащих сведений и компенсации морального вреда. Однако доказывание размера нематериального ущерба от систематической травли носит субъективный характер, а продолжительность судебных процессов нивелирует оперативность защиты [7].

Административная ответственность. За оскорбление (как форму харассмента) предусмотрена ответственность по ст. 5.61 КоАП РФ. Несмотря на формальную применимость к публичным оскорблениям в сети, незначительные размеры штрафов не обладают достаточной превентивной силой. Главным же препятствием остается сложность идентификации анонимного нарушителя в условиях архитектуры социальных сетей [8].

Защита персональных данных. Доксинг теоретически попадает под действие Федерального закона «О персональных данных» (152-ФЗ). Однако правоприменительная практика показывает, что привлечь к ответственности за разовое распространение, например, номера телефона без наступления серьезных последствий, крайне проблематично [9, ст. 7].

Наиболее серьезные случаи кибербуллинга подпадают под действие уголовного закона, который предоставляет самые строгие меры воздействия. Ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ про клевету, т. е. распространение ложной информации, которая порочит честь и достоинство другого лица. Важно подчеркнуть, что простые оскорбления или агрессивные высказывания, не содержащие ложных фактов, под эту статью не подпадают. Резонансные случаи в России влияют на развитие законодательства через принятие федеральных законов, подзаконных актов и судебные решения, связанные с безопасностью несовершеннолетних. В частности, в 2017 г. была введена ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение в совершение противоправных действий». Данная статья была добавлена в Уголовный кодекс во многом как реакция государства на феномен «Синего кита». Эта статья помогает наказывать злоумышленников, склоняющих и вовлекающих несовершеннолетних в совершение действий, которые могут быть опасны для жизни. Государство пытается минимизировать такие явления, как суицидальные группы и деструктивные игры, направленные на детей. В самых трагических случаях, когда травля или шантаж в сети приводят к гибели человека, в действие вступает ст. 110 УК РФ о доведении до самоубийства. Ключевой и наиболее сложной задачей для следствия и суда является найти доказательство, которое объясняет связь между действиями злоумышленника в сети и принятым потерпевшим решением уйти из жизни, так как на человека всегда влияет комплекс факторов. Основным же пра-

вовым инструментом для борьбы непосредственно с разжиганием ненависти является ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Она предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека по указанным в законе признакам, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, включая интернет. В последние года данная статья активно используется для поиска баланса между необходимостью борьбы с ненавистью и защитой принципа свободы слова.

За наиболее общественно опасные проявления кибербуллинга предусмотрена уголовная ответственность:

1) клевета (ст. 128.1 УК РФ). Охватывает распространение заведомо ложных, порочащих сведений, но не распространяется на оскорбительные высказывания, не содержащие конкретной лживой информации [10, ст. 128.1];

2) доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Применяется в трагических случаях, когда травля или шантаж становятся причиной суицида. Ключевая сложность — установление прямой причинно-следственной связи между действиями виновного в сети и решением потерпевшего, на которое влияет множество факторов [11];

3) вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий (ст. 151.2 УК РФ). Введена в 2017 г. как реакция на феномен деструктивных игр типа «Синего кита» и направлена на криминализацию склонения детей к действиям, опасным для жизни;

4) возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ). Выступает основным инструментом противодействия хейтспичу. Активное применение данной нормы в последние годы порождает дискуссию о поиске баланса между защитой общества от вражды и охраной свободы слова [12].

Мировой опыт борьбы с кибербуллингом разнообразен. Европейские страны, такие как Швеция, Норвегия и Финляндия ввели образовательную модель обучения. Дети с ранних лет учатся цифровой грамотности, эмпатии, разрешению конфликтов и правилам безопасного поведения в сети. Представители учебных заведений обязаны принимать незамедлительные меры при выявлении любых случаев буллинга, в том числе и кибербуллинга. Юридические меры ответственности в этой модели используются как крайняя, а не первоочередная мера. В противоположность этому примеру, в 2017 г. Германия ввела закон об улучшении правоприменения в социальных сетях и возложении жесткой ответственности на владельцев крупных платформ, таких как Facebook, Twitter и YouTube. Этот нормативный правовой акт обязывает их создавать прозрачные и доступные механизмы для подачи пользователями жалоб на «явно противоправный контент» (к которому относится клевета, угрозы, разжигание ненависти и т. д.) и удалять его в течение 24 часов с момента получения жалобы. За неисполнение или ненадлежащее исполнение этих обязанностей компаниям грозят многомиллионные штрафы. В большинстве штатов США есть законы, направленные против кибербуллинга, но часто они встроены в школьное законодательство, возлагая ответственность за профилактику и пресечение на образовательные учреждения. При этом Первая поправка к Конституции США, гарантирующая свободу слова, создает очень высокий барьер для криминализации кибербуллинга. Для его квалификации, как правонарушения высказывания должны подпадать под определенные исключения, такие как «призывы к неминуемому незаконному действию» или прямые и конкретные угрозы расправы. Это делает американский подход весьма сложным в использовании.

Мировая практика предлагает различные модели противодействия кибербуллингу.

1. Скандинавская превентивно-образовательная модель (Швеция, Норвегия, Финляндия). Делает акцент на системном обучении цифровой грамотности, эмпатии и медиации конфликтов с раннего школьного возраста. На учебные заведения возложена обязанность оперативно реагировать на случаи травли. Юридические санкции применяются субсидиарно [13].

2. Германская модель регулирования платформ. Закон NetzDG (2017) возлагает на операторов крупных социальных сетей прямую обязанность создавать эффективные механизмы рассмотрения жалоб пользователей на противоправный контент (клевету, угрозы, разжигание ненависти) и удалять его в строго установленные сроки (24 часа для очевидно незаконного). Несоблюдение грозит значительными штрафами [14].

3. Американская модель. Регулирование децентрализовано и зачастую вписано в законодательство о школьной безопасности, перекладывая основную нагрузку на образовательные учреждения. Высокий конституционный порог защиты свободы слова (Первая поправка) крайне ограничивает криминализацию вы-

сказываний, допуская ее лишь для прямых угроз или призывов к немедленному незаконному действию [15].

Ярким примером, который показал пробелы в правовом регулировании для российского законодательства, является такое социальное проявление, как «Синий кит». «Синий кит» — это суицидальная игра, которая распространялась через социальные сети в период с 2015–2016 гг. Это была не просто спонтанная травля, а выстроенная и продуманная система психологического манипулирования сознанием, в которой так называемые кураторы поэтапно, через серию заданий, подводили подростков к единственному финалу в этой игре — самоубийству. Проведя правовой анализ, можно выявить несколько критических проблем. Во-первых, на момент его появления в Уголовном кодексе РФ отсутствовала статья, которая бы прямо и однозначно криминализировала «склонение к самоубийству через выполнение заданий в сети». Имевшаяся на тот момент ст. 110 о доведении до самоубийства, которая упоминалась ранее, требовала доказательств систематического унижения человеческого достоинства или жестокого обращения, что в условиях анонимного общения в мессенджерах и социальных сетях было крайне сложно установить и юридически корректно квалифицировать. Во-вторых, возникли серьезные сложности правоприменения. Кураторы действовали через фейковые аккаунты, что делало их идентификацию крайне затруднительной задачей. Доказательная база была не очень хорошая, так как необходимо было не просто предъявить переписку, а доказать, что именно действия куратора, а не личные проблемы, депрессия или иные обстоятельства, стали прямой причиной решения несовершеннолетнего совершить суицид. Переписка, где куратор не отдает прямую команду «убить себя», а с помощью длительного общения подводит жертву к этому решению, с точки зрения классического состава преступления выглядела недостаточно убедительной. Правовой реакцией государства стало оперативное ужесточение законодательства. В 2017 г. в Уголовный кодекс была введена ст. 110.2 УК РФ. Эта статья была нацелена именно на действия, подобные «Синему киту». Параллельно были усилены административные механизмы блокировки: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) получила широкие полномочия по оперативному внесению в реестр запрещенной информации не только страниц с прямой инструкцией о способах суицида, но и групп, пропагандирующих суицидальный образ жизни. В этом случае, такое вызывающее общественно-опасное явление для всего нашего гражданского общества как «Синий кит», представляющий собой настораживающий социально-психологический феномен, выступил в роли мощного катализатора, который подстегнул законодателя направить все свои усилия в сторону появившейся проблемы и закрыть пробел в уголовном законодательстве.

Феномен «Синего кита» (2015–2016 гг.) — организованной системы онлайн-манипулирования подростками, ведущей к суициду, — наглядно выявил системные пробелы в правовом регулировании [16]:

1) пробел в криминализации. Ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства») требовала доказательств систематического унизительного обращения, что плохо соотносилось с методичным психологическим воздействием через анонимные переписки;

2) проблемы доказывания. Сложность идентификации кураторов, работавших через фейковые аккаунты, и установления однозначной причинной связи между их действиями и решением жертвы, на которое влияли иные личностные обстоятельства.

Ответом государства стало оперативное совершенствование законодательства: введение ст. 110.2 УК РФ («Склонение к совершению самоубийства»), напрямую нацеленной на подобные действия, и расширение полномочий Роскомнадзора по блокировке деструктивного контента. Таким образом, данный социально-психологический феномен выступил катализатором, ускорившим закрытие критического пробела в уголовном законе.

Подводя итог хотелось бы отметить, что в Российской Федерации осуществляются активные попытки, направленные на создание нормативного регулирования в борьбе с кибербуллингом. Кроме того, после такого социального проявления как «Синий кит» законы стали намного строже, но, к сожалению, пока что отсутствует комплексный подход для решения данной проблемы. Следует регулярно проводить информирование детей и подростков о порядке действий в той или иной ситуации. Проводить с ними обучающие семинары и трейнинги во избежание опасных ситуаций. Но несмотря на эти рекомендации ни один из этих советов не является универсальным решением. Таким образом, безопасность в Интернете — это не только задача государства, но и родителей, учителей, школ и общества в целом. Только использование системного решения не только на

правовом, но и на социологическом уровне способно позволить нам сократить цифровую агрессию и создать в мире более безопасное интернет-пространство для всех добросовестных пользователей.

Список источников

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

2. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Психология цифровой компетентности и безопасность в Интернете // Национальный психологический журнал. 2016. № 1 (21). С. 3–14.

3. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М. : Акрополь, 2010.

4. Hinduja S., Patchin J. W. Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyberbullying. 2nd ed. CA : Sage Publications, 2015.

5. Recommendation CM/Rec(2022)16 of the Committee of Ministers to member States on combating hate speech // URL: https://rm.coe.int/0900001680a6c32f

6. Аверин А. В. Правовые проблемы противодействия кибербуллингу в России // Законодательство и экономика. 2020. № 8. С. 23–35.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / под ред. Н. Г. Салищевой. М., 2022.

9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

11. Борзенков Г. Н. Ответственность за доведение до самоубийства: проблемы квалификации // Уголовное право. 2019. № 3. С. 12–18.

12. Малько А. В., Сунцова Е. А. Свобода слова VS разжигание ненависти: поиск баланса в российской правовой системе // Государство и право. 2021. № 5. С. 78–85.

13. Olweus D., Limber S. P. Some problems with cyberbullying research // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 139–143.

14. Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG) — Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken. Berlin, 2017.

15. Cyberbullying Laws Across America // URL: https://cyberbullying.org/bullying-laws

16. Ростовцева Н. В., Харитонова Ю. А. «Синий кит» как социально-правовой феномен: причины, последствия, меры противодействия // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 232–240.

References

1. Castells M. The Information Age: Economics, Society and Culture. M., 2000. P. 45–67.

2. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Psychology of digital competence and Internet security // National Psychological Journal 2016. No. 1 (21). P. 3–14

3. Voiskunsky A. E. Psychology and the Internet. M. : Akropolis, 2010.

4. Hinduja S., Patchin J. W. Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyberbullying. 2nd ed. CA : Sage Publications, 2015.

5. Recommendation CM/Rec(2022)16 of the Committee of Ministers to member States on combating hate speech // URL: https://rm.coe.int/0900001680a6c32f

6. Averin A. V. Legal problems of countering cyberbullying in Russia // Legislation and Economics. 2020. No. 8. P. 23–35.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 24, 2005 No. 3 «On judicial practice in cases of protection of the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities» // LRS «ConsultantPlus».

8. Commentary to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (article-by-article) / edited by N. G. Salishcheva. M., 2022.

9. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 «On personal data» // LRS «ConsultantPlus».

10. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // LRS «ConsultantPlus».

11. Borzenkov G. N. Responsibility for driving to suicide: qualification problems // Criminal Law. 2019. No. 3. P. 12–18.

12. Malko A. V., Suntsova E. A. Freedom of speech VS incitement to hatred: the search for balance in the Russian legal system // State and Law. 2021. No. 5. P. 78–85.

13. Olweus D., Limber S. P. Some problems with cyberbullying research // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 139–143.

14. Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG) — Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken. Berlin, 2017.

15. Cyberbullying Laws across America // URL: https://cyberbullying.org/bullying-laws

16. Rostovtseva N. V., Kharitonova Yu. A. «Blue whale» as a socio-legal phenomenon: causes, consequences, counteraction measures // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 2. P. 232–240.

Библиографический список

1. Пушкарев В. В., Константинов А. В. Информационное право: терминологический словарь. М., 2025.

2. Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97.

3. Проблемы обеспечения безопасности детей и подростков в сети Интернет: сб. мат. межвед. науч.-практ. круглого стола. Воронеж, 2022.

4. Соловьев В. С. Роль социальных сетей Интернета в детерминационном комплексе современной преступности // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна: мат. XXVIII междунар. криминологической конф. СПб., 2015. С. 153–157.

5. Volevodz A., Kleshchina E., Nuikin S. et al. Digital transformation of criminal justice: case of Russia // Revista do Curso de Direito do Unifor. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 176–186.

6. Бутенко А. К. Правовые проблемы защиты несовершеннолетних от кибербуллинга // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-2. С. 224–225.

7. Токолов А. В., Трушина И. О. Актуальные проблемы противодействия преступлениям, связанным с распространением экстремистских материалов и вовлечением в социальноопасную деятельность в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 211–215.

8. Шайдуллин Р. Р. По вопросу внедрения цифровых технологий в судопроизводство России // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 1 (25). С. 222–231.

9. Стащенко С. П., Токолов А. В. Анализ кибербуллинга в России: пути привлечения к ответственности // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 154–157.

Bibliographic list

1. Pushkarev V. V., Konstantinov A. V. Information law: a terminological dictionary. M., 2025.

2. Bochkareva E. V., Strenin D. A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 91–97.

3. Problems of ensuring the safety of children and adolescents on the Internet: collection of materials from the interdepartmental scientific and practical round table. Voronezh, 2022.

4. Solovyov V. S. The role of Internet social networks in the determinative complex of modern crime // Crime and social control in postmodern society: proceedings of the XXVIII International criminological conference. St. Petersburg, 2015. P. 153–157.

5. Volevodz A., Kleshchina E., Nuikin S. et al. Digital transformation of criminal justice: case of Russia // Revista do Curso de Direito do Unifor. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 176–186.

6. Butenko A. K. Legal problems of protection of minors from cyberbullying // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2023. No. 23-2. P. 224–225.

7. Tokolov A. V., Trushina I. O. Actual problems of countering crimes related to the dissemination of extremist materials and involvement in socially dangerous activities in the Internet information and telecommunications network // Criminological Journal. 2024. No. 2. P. 211–215.

8. Shaidullin R. R. On the issue of introducing digital technologies into the Russian judicial system // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. 2025. No. 1 (25). P. 222–231.

9. Stashchenko S. P., Tokolov A. V. Analysis of cyberbullying in Russia: ways to bring to justice // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 3. P. 154–157.

Информация об авторе

А. В. Токолов — доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Tokolov — Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 10.02.2026.

Научная статья
УДК 343.98
EDN: https://elibrary.ru/aqjmas
NIION: 2022-0089-1/26-390
MOSURED: 77/27-031-2026-01-390

Ответственность судебного эксперта при использовании технологий искусственного интеллекта

Наталия Михайловна Туркова
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Москва, Россия, nmt280700@yandex.ru

Аннотация. Использование технологий искусственного интеллекта при решении интеллектуальных задач получает все более широкое распространение в различных областях. В судебно-экспертной деятельности актуальным направлением является использование искусственных нейронных сетей. Поскольку функционирование нейросетевых моделей не исключает вероятности формирования ошибочных и неточных результатов, принципиально важно определить границы ответственности эксперта в случае некорректной работы нейронной сети при ее использовании в процессе экспертного исследования.

Целью работы является определение степени ответственности эксперта при использовании им в процессе экспертного исследования нейросетевых технологий.

Определено, что сама идея о привлечении искусственного интеллекта к юридической ответственности не совсем корректна. Более логичным подходом будет признание субъектами ответственности за ошибочные результаты, допущенные системами искусственного интеллекта, пользователей или разработчиков этих систем. Применительно к судебно-экспертной деятельности сделан вывод о том, что процесс применения нейросетевых технологий и полученные результаты должны быть полностью подконтрольны судебному эксперту. Эксперт должен самостоятельно критически оценивать выводы нейронной сети, не полагаясь всецело на работу алгоритма, чтобы избежать экспертных ошибок и формулирования необоснованных и необъективных выводов.

Ответственность за результаты экспертного исследования, в том числе полученные с использованием нейронной сети, должна возлагаться на эксперта. Нейронные сети, применяемые при производстве судебных экспертиз, должны быть специально разработаны для этих целей, в связи с чем необходимо ввести национальный стандарт, содержащий требования к разработке нейросетевых моделей. Ответственность за создание некачественных моделей должна возлагаться на разработчика нейронной сети. Степень ответственности эксперта при применении нейронных сетей будет ограничена соблюдением теоретических и научно-методических положений при производстве экспертизы, не затрагивая область разработки и апробации нейросетевых моделей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросетевые технологии, судебная экспертиза, эксперт, юридическая ответственность, разработка нейронных сетей

Для цитирования: Туркова Н. М. Ответственность судебного эксперта при использовании технологий искусственного интеллекта // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 143–149. EDN: AQJMAS.

Original article

The responsibility of a forensic expert when using artificial intelligence technologies

Nataliya M. Turkova
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia, nmt280700@yandex.ru

Abstract. The use of artificial intelligence technologies in solving intellectual tasks is becoming more widespread in various fields. The use of artificial neural networks is an important area of expertise in forensic science. Since the functioning of neural network models does not exclude the possibility of erroneous and inaccurate results, it is crucial to determine the limits of an expert's responsibility in the event of incorrect operation of the neural network when it is used in the process of expert research.

The purpose of the work is to determine the degree of responsibility of an expert when using neural network technologies in the process of expert research.

It is determined that the very idea of bringing artificial intelligence to legal responsibility is not entirely correct. A more logical approach would be for subjects to acknowledge responsibility for erroneous results made by artificial intelligence systems, users, or developers of these systems. With regard to forensic expertise, it is concluded that the process of applying neural network technologies and the results obtained should be fully under the control of a forensic expert. The expert must independently critically evaluate the conclusions of the neural network, without relying entirely on the algorithm, in order to avoid expert errors and the formulation of unreasonable and biased conclusions.

© Туркова Н. М., 2026

Responsibility for the results of expert research, including those obtained using a neural network, should be assigned to the expert. Neural networks used in the production of forensic examinations should be specially designed for these purposes, and therefore it is necessary to introduce a national standard containing requirements for the development of neural network models. Responsibility for creating low-quality models should be assigned to the neural network developer. The degree of responsibility of an expert in the application of neural networks will be limited by compliance with theoretical and scientific-methodological provisions in the examination, without affecting the field of development and testing of neural network models.

Keywords: artificial intelligence, neural network technologies, forensic examination, expert, legal responsibility, development of neural networks

For citation: Turkova N. M. The responsibility of a forensic expert when using artificial intelligence technologies. Forensic science and research. 2026;(1):143–149. (In Russ.). EDN: AQJMAS.

Введение. На протяжении нескольких десятилетий идея создания «умных машин», способных имитировать интеллектуальную деятельность человека при решении поставленных задач, является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых. Активному развитию этой идеи способствовало появление феномена искусственного интеллекта, определяемого как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [17].

Отличительной особенностью технологий искусственного интеллекта является отсутствие заранее прописанного алгоритма, программирующего определенные действия системы при решении поставленных задач. Системы искусственного интеллекта обучаются решению нужных задач на аналогичных примерах, что стало возможным благодаря развитию методов машинного обучения — раздела искусственного интеллекта, позволяющего не программировать интеллектуальные системы, а обучать их на основе анализа представленных данных. Как отмечает Д. В. Бахтеев, в процессе обучения системы искусственного интеллекта накапливают опыт, позволяющий обрабатывать огромные массивы неструктурированных данных [1, с. 317].

Одним из наиболее распространенных алгоритмов машинного обучения являются искусственные нейронные сети, сфера применения которых расширяется с каждый годом. В судебно-экспертной деятельности уже имеется ряд научных работ, посвященных возможностям использования нейросетевых технологий в различных родах судебных экспертиз [2; 3; 4]. Применение нейронных сетей при решении задач судебной экспертизы позволит упростить некоторые этапы работы, связанные с обработкой больших объемов данных и поиском скрытых взаимосвязей и закономерностей в данных. Положительные результаты могут быть получены при использовании нейронных сетей в решении задач распознавания образов и выявления мельчайших деталей на изображении.

Вместе с тем, поскольку даже в функционировании тщательно обученной и протестированной нейронной сети не исключается вероятность ошибок и неточностей, важно определить степень ответственности эксперта в случае некорректной работы алгоритма.

Цель работы. Целью работы является определение степени ответственности эксперта при использовании им в процессе экспертного исследования нейросетевых технологий, в том числе в случае использования нейронных сетей, изначально функционирующих некорректно в результате ошибок, допущенных в процессе их разработки.

Материал. Термин «юридическая ответственность» имеет различные трактовки в правовой доктрине. Согласно одному из подходов, юридическую ответственность определяют как «предусмотренную правовыми нормами обязанность субъекта права претерпевать неблагоприятные для него последствия правонарушения, или, иными словами, — юридическая ответственность есть необходимость для лица подвергнуться мерам государственного принуждения за совершенное правонарушение» [5, с. 243]. Среди основных целей юридической ответственности выделяют защиту правопорядка, воспитание граждан в духе уважения закона, общую и частную превенцию, т. е. предупреждение совершения правонарушений со стороны других людей и новых правонарушений со стороны данного лица [6, с. 407].

Вопрос о возможности наделения искусственного интеллекта правосубъектностью и, как следствие, способностью выступать субъектом юридической ответственности, уже на протяжении нескольких лет обсуждается в научных кругах. Возникновение данной проблемы обусловлено наличием у систем искусственного интеллекта ряда характеристик (автономность, самоорганизация, способность к обучению и

самообучению и др.), которые в сочетании могут привести к совершению указанными системами действий, не предусмотренных производителем или программистом изначально [7, с. 128].

Однозначной позиции по вопросу правосубъектности искусственного интеллекта в правовой доктрине на сегодняшний день не сложилось. Существуют как сторонники, так и противники признания искусственного интеллекта субъектом права. Так, Г. П. Ивлиев и М. А. Егорова полагают наиболее рациональной концепцию правосубъектности искусственного интеллекта по типу юридического лица либо «электронного лица», а в вопросах юридической ответственности субъектами таковой признавать пользователей, владельцев или производителей систем искусственного интеллекта, а не технологические объекты [8, с. 44]. По мнению П. М. Морхата, «правосубъектность юнита искусственного интеллекта должна быть своего рода «плавающей» в зависимости от типа юнита искусственного интеллекта, от его изначальной экспектативной или текущей реальной функционально-целевой нагрузки» [9, с. 341].

Мнения ученых в области криминалистики и судебной экспертизы по вопросу правосубъектности систем искусственного интеллекта в целом сводятся к одной позиции — искусственный интеллект может быть признан объектом, инструментом криминалистической и экспертной деятельности, но никак не самостоятельным субъектом этой деятельности. По мнению Д. В. Бахтеева, «говорить о самостоятельной ответственности данных систем явно преждевременно, ее должны нести оператор и разработчик в объеме, зависящем от специфики конкретной ситуации причинения вреда» [10, с. 20]. Применительно к экспертному исследованию А. И. Хмыз однозначно подчеркивает, что при использовании искусственного интеллекта должен сохраняться принцип персональной ответственности эксперта за результаты проведенного исследования [11, с. 289]. Аналогичной позиции придерживаются А. В. Кокин и Ю. Д. Денисов, которые отмечают, что при использовании технологий искусственного интеллекта ответственность за процесс их применения, а также за правильность и обоснованность получаемых результатов должна возлагаться на эксперта-оператора [12, с. 35].

При производстве судебных экспертиз субъектом ответственности за полноту и качество проведенного исследования, полученные результаты и сформулированные выводы является непосредственный исполнитель — судебный эксперт. Как подчеркивает Ф. Г. Аминев, судебный эксперт должен понимать, что его заключение верифицируемо, и поэтому всегда самостоятельно критически его оценивать [13, с. 31].

Возможность привлечения эксперта к юридической (уголовной) ответственности за результаты проведенного исследования предусмотрена ст. 307 УК РФ (дача экспертом заведомо ложного заключения). Как подчеркнул Пленум Верховного Суда РФ в п. 23 постановления от 28 июня 2022 г. № 20 [18], содержанием данного преступления могут быть как умышленные действия (неправильное отражение экспертом в заключении результатов проведенного исследования), так и бездействие (эксперт в ответах на поставленные ему вопросы не сообщил о существенных для дела обстоятельствах, о которых ему известно или которые были установлены им в ходе исследования). Однако важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о заведомо ложном заключении, когда эксперт осознает неверность своих рассуждений и действий, что отличает данное преступление от экспертной ошибки, являющейся результатом добросовестного заблуждения эксперта [14, с. 323]; т. е. для данного преступления характерна умышленная форма вины [15, с. 448].

Обсуждение. На основании изложенного представляется, что сама идея о привлечении искусственного интеллекта к ответственности за результаты его функционирования не совсем корректна. Как верно отмечает П. М. Морхат, системы искусственного интеллекта не могут действительно и в полной мере осознавать последствия своих вредных действий, что естественным образом влечет за собой отсутствие субъективной стороны преступления, а значит и состава преступления [7, с. 136]. Привлечение искусственного интеллекта к юридической ответственности не имеет никакого смысла, поскольку в данном случае невозможно реализовать ее основные цели, связанные с исправлением правонарушителя и обеспечением соблюдения закона в дальнейшем.

При производстве экспертного исследования технологии искусственного интеллекта, в частности, искусственные нейронные сети, могут использоваться в качестве инструмента реализации экспертных методов или автоматизации экспертных методик и поэтому процесс их применения должен быть полностью подконтролен эксперту. Принимая решение о

применении нейронной сети, эксперт должен самостоятельно критически оценивать полученные результаты, не полагаясь всецело на работу алгоритма, чтобы избежать экспертных ошибок и формулирования необоснованных и необъективных выводов.

Таким образом, ответственность за результаты, полученные с использованием нейронной сети в процессе производства экспертизы, должна возлагаться на эксперта. Однако как быть в том случае, если была допущена ошибка в процессе разработки нейронной сети, в результате чего готовый алгоритм функционировал некорректно? Ведь эксперт не обладает специальными знаниями в области программирования и машинного обучения. Он использует уже готовую нейронную сеть, предполагая, что она функционирует правильно. В свете изложенного интересна позиция П. М. Морхата, который отмечает, что «возрастающее использование юнитов искусственного интеллекта переносит ответственность за их безопасное функционирование с оператора на разработчика, со всеми вытекающими из этого нравственно-этическими и юридическими последствиями» [7, с. 129]. По мнению автора, предотвращение негативных последствий функционирования систем искусственного интеллекта возможно обеспечить путем законодательного регулирования действий разработчиков и операторов этих систем, а также разработки соответствующих нормативно-технических и компьютерно-программных стандартов [7, с. 167].

Нейронные сети, применяемые при производстве судебных экспертиз, должны быть специально разработаны для этих целей. В противном случае, результаты, полученные с использованием нейронных сетей разных производителей, будут отличаться, и порой, как показывает практика, существенно [16, с. 74]. Данное обстоятельство вполне закономерно породит сомнения в объективности проведенного исследования. Таким образом, целесообразно разрабатывать унифицированные нейронные сети, специально предназначенные для использования при производстве судебных экспертиз. Это позволит учитывать специфику объектов исследования при формировании данных для обучения нейронных сетей, а также корректировать процесс обучения в зависимости от направленности задач экспертизы конкретного рода (вида).

Для реализации данного предложения необходимо создание единого органа (либо отдела в структуре органа), который будет заниматься разработкой и внедрением в экспертную практику технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей. В своей деятельности такой орган (отдел) будет руководствоваться нормативными правовыми актами и нормативно-техническими документами, что подразумевает определенный уровень ответственности при осуществлении этой деятельности и наличие санкций за нарушения нормативных положений. Таким образом, будет обеспечена возможность привлечения к ответственности разработчиков за создание некачественных моделей.

В качестве нормативно-технического регулирования полагаем, что необходимо разработать и утвердить национальный стандарт, содержащий требования к разработке нейросетевых моделей, используемых при производстве судебных экспертиз. Наименование и структура такого стандарта могут быть представлены следующим образом.

ГОСТ Р «Искусственные нейронные сети в судебной экспертизе. Разработка нейронных сетей. Общие требования».

1. Введение.

2. Область применения.

3. Термины и определения.

4. Структура процесса разработки нейронных сетей.

4.1. Формирование набора обучающих данных (датасетов). Требования к данным.

4.2. Правила обучения нейронной сети.

4.3. Тестирование нейронной сети.

5. Требования к готовому продукту (разработанной нейронной сети).

Как можно заметить, в предложенной структуре стандарта обязательным этапом разработки нейронной сети должно быть тщательное тестирование обученной модели с целью установления адекватности ее работы, выявления ошибок и неточностей функционирования. В целом, соответствие готовой модели требованиям указанного стандарта будет являться определенной гарантией качества нейронной сети, используемой в процессе экспертного исследования. Это позволит ограничить степень ответственности эксперта соблюдением теоретических и научно-методических положений при производстве экспертизы, не затрагивая область разработки и апробации нейросетевых моделей. Важно, чтобы после установки программного (программно-аппаратного) комплекса на основе нейронной сети в конкрет-

ном судебно-экспертном учреждении осуществлялось его предварительное тестирование перед непосредственной эксплуатацией. В случае выявления ошибок функционирования нейронной сети уже в процессе производства экспертизы, необходимо прекратить эксплуатацию такого программного (программно-аппаратного) комплекса и обратиться к разработчикам с целью проверки правильности параметров работы нейросетевой модели.

Выводы. Резюмируя изложенное, необходимо еще раз подчеркнуть, что субъектом ответственности за результаты проведенного исследования является судебный эксперт. Данное положение должно оставаться неизменным и в случае применения в процессе производства судебной экспертизы технологий искусственного интеллекта (в частности, нейронных сетей). Для предотвращения экспертных ошибок и необоснованных выводов важно перед непосредственной эксплуатацией нейронной сети провести тестирование программного (программно-аппаратного) комплекса. С целью обеспечения единообразного подхода к созданию нейронных сетей необходимо разработать и утвердить национальный стандарт, содержащий требования к разработке нейросетевых моделей, используемых при производстве судебных экспертиз. Соответствие готовой нейронной сети требованиям указанного стандарта будет являться определенной гарантией ее качества при использовании в процессе экспертного исследования. Для реализации данного предложения необходимо создание единого органа (либо отдела в структуре органа), который будет заниматься разработкой и внедрением в экспертную практику технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей. В таком случае будет обеспечена возможность привлечения к ответственности разработчиков за создание некачественных моделей, поскольку деятельность указанного органа (отдела) будет регламентироваться нормативными правовыми актами и нормативно-техническими документами, нарушение которых предполагает применение определенных санкций.

Реализация перечисленных предложений позволит ограничить степень ответственности эксперта при применении нейронных сетей соблюдением теоретических и научно-методических положений при производстве экспертизы, не затрагивая область разработки и апробации нейросетевых моделей.

Список источников

1. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дисс. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022.

2. Акишин Д. Г., Банников А. М., Газизов В. А. Перспективы развития программно-аппаратных средств при производстве портретных экспертиз // Энциклопедия судебной экспертизы. 2018. № 4 (19). С. 21–33.

3. Порываева П. С. Возможности интеграции нейросетевых технологий в алгоритм решения узконаправленных трасологических задач // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. 2024. № 4 (69). С. 144–150.

4. Мищук В. А. Применение механизма внимания искусственных нейронных сетей для решения идентификационных задач судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 4. С. 130–136.

5. Смоленский М. Б. Теория государства и права: учебник. М. : Инфра-М, 2023.

6. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024.

7. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: моногр. М. : Буки Веди, 2017.

8. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 32–46.

9. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2018.

10. Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. Т. 77. № 4. С. 9–23.

11. Хмыз А. И. Экспертная ситуация и искусственный интеллект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 286–290.

12. Кокин А. В., Денисов Ю. Д. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 2. С. 30–37.

13. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016.

14. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997.

15. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И. В. Дворянскова. М. : Инфра-М, 2025.

16. Попов В. Л. Проблемы и перспективы использования нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз в транспортной сфере // Транспортное право и безопасность. 2020. № 3 (35). С. 65–75.

17. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Bakhteev D. V. Conceptual foundations of the theory of criminalistic thinking and the use of artificial intelligence systems in crime investigation: diss. ... doctor of legal sciences. Yekaterinburg, 2022.

2. Akishin D. G., Bannikov A. M., Gazizov V. A. Prospects for the development of software and hardware in the production of portrait examinations // Encyclopedia of forensic examination. 2018. No. 4 (19). P. 21–33.

3. Poryvaeva P. S. The possibilities of integrating neural network technologies into the algorithm for solving narrowly focused tracological tasks // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov. 2024. No. 4 (69). P. 144–150.

4. Mishchuk V. A. Application of the attention mechanism of artificial neural networks to solve identification problems of forensic handwriting examination // Forensic examination and research. 2024. No. 4. P. 130–136.

5. Smolensky M. B. Theory of the state and law: textbook. M. : Infra-M, 2023.

6. Morozova L. A. Theory of the state and law: textbook. 6th ed., revised and supplemented. M. : Norma, 2024.

7. Morkhat P. M. Artificial intelligence: a legal view: monograph. M. : Buki Vedi, 2017.

8. Ivliev G. P., Egorova M. A. Legal problems of the legal status of artificial intelligence and products created by artificial intelligence systems // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 6. P. 32–46.

9. Morkhat P. M. The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: diss. ... doctor of legal sciences. M., 2018.

10. Bakhteev D. V. The legal status of artificial intelligence systems and models of differentiation of legal liability for harm caused by them // Lex russica. 2024. Vol. 77. No. 4. P. 9–23.

11. Khmyz A. I. Expert situation and artificial intelligence // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 286–290.

12. Kokin A. V., Denisov Yu. D. Artificial intelligence in criminalistics and forensic examination: issues of legal personality and algorithmic bias // Theory and practice of forensic examination. 2023. Vol. 18. No. 2. P. 30–37.

13. Aminev F. G. Forensic expertise in the Russian Federation: current problems and ways to solve them: abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. Rostov n/D., 2016.

14. Belkin R. S. The course of criminalistics. In 3 vol. Vol. 2. Private criminalistic theories. M. : Jurist, 1997.

15. Criminal law. Special part: textbook / edited by I. V. Dvoryanskov. M. : Infra-M, 2025.

16. Popov V. L. Problems and prospects of using neural network technologies in the production of forensic examinations in the transport sector // Transport law and security. 2020. No. 3 (35). P. 65–75.

17. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 (as amended on February 15, 2024) «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.

18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022 No. 20 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes against justice» // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Вакуленко С. А., Жихарева А. А. Практический курс по нейронным сетям: учеб. пособие. СПб., 2018.

2. Дьяконова О. Г. К вопросу о понятии технологий искусственного интеллекта // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 52–63.

3. Моисеева Т. Ф. Актуальные вопросы автоматизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 130–133.

4. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (116). С. 21–33.

5. Чеснокова Е. В., Усов А. И., Омельянюк Г. Г. и др. Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 3. С. 60–77.

Bibliographic list

1. Vakulenko S. A., Zhikhareva A. A. A practical course on neural networks: textbook. St. Petersburg, 2018.

2. Dyakonova O. G. On the concept of artificial intelligence technologies // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2024. No. 3. P. 52–63.

3. Moiseeva T. F. Actual issues of automation of forensic expertise // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 5. P. 130–133.

4. Rossinskaya E. R. Neural networks in forensic expertise and expert practice: problems and prospects // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2024. No. 3 (116). P. 21–33.

5. Chesnokova E. V., Usov A. I., Omelianyuk G. G. and others. Artificial intelligence in forensic science // Theory and practice of forensic examination. 2023. Vol. 18. No. 3. P. 60–77.

Информация об авторе

Н. М. Туркова — соискатель кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Information about the author

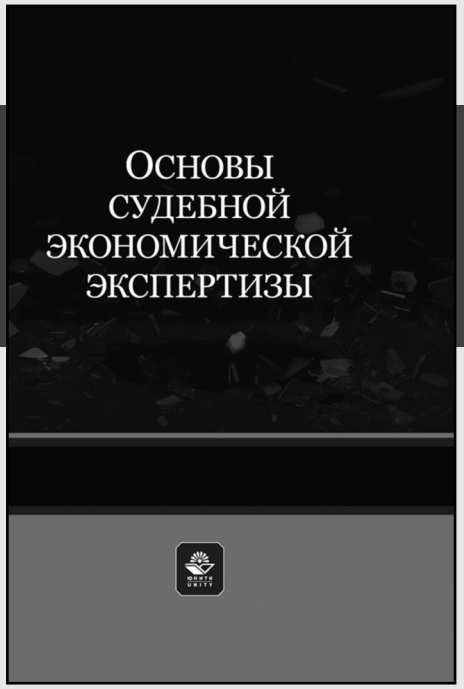
N. M. Turkova — Applicant of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 27.01.2026.

ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Учебное пособие
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ
«Профессиональный учебник»
Г. Я. Остаев, Б. Н. Хосиев,
Н. Д. Эриашвили

Исследованы направления развития теории и методики судебной экономической экспертизы. В пособие включены также тестовые вопросы и задачи ситуационного характера.

Для магистров, аспирантов, преподавателей экономических специальностей, а также аудиторов, экспертов, экономистов, бухгалтеров и финансовых менеджеров организаций.

Научная статья
УДК 343.9
EDN: https://elibrary.ru/auwkzd
NIION: 2022-0089-1/26-391
MOSURED: 77/27-031-2026-01-391

Понятие информационного объекта в судебной компьютерной экспертизе и его значение для расследования преступлений

Павел Андреевич Фаниев
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, pfaniev@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ существующих подходов к определению информационного объекта. Изучена возможность использования существующих понятий в контексте судебной компьютерной экспертизы. Предложено собственное определение информационного объекта, пригодного для использования при проведении судебной компьютерной экспертизы.

Ключевые слова: информационный объект, судебная компьютерная экспертиза, цифровой след, информация, данные
Для цитирования: Фаниев П. А. Понятие информационного объекта в судебной компьютерной экспертизе и его значение для расследования преступлений // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 150–153. EDN: AUWKZD.

Original article

The concept of an information object in computer forensics and its significance for the investigation of crimes

Pavel A. Faniev
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, pfaniev@yandex.ru

Abstract. The analysis of existing approaches to the definition of an information object is carried out. The possibility of using existing concepts in the context of forensic computer examination is studied. A proprietary definition of an information object suitable for use in conducting a forensic computer examination is proposed.

Keywords: information object, forensic computer examination, digital footprint, information, data
For citation: Faniev P. A. The concept of an information object in computer forensics and its significance for the investigation of crimes. Forensic science and research. 2026;(1):150–153. (In Russ.). EDN: AUWKZD.

В современном цифровом мире имеет большое значение возможность анализа и изучения различных информационных объектов и связанных с ними метаданных в контексте расследования преступлений.

Глубокое понимание механизмов работы с информационными объектами и анализа метаданных объединяет в себе как технические, так и юридические аспекты, что делает его неотъемлемой частью экспертно-криминалистической деятельности.

Сегодня, в целях ускорения процесса расследования и повышения его качества, перед правоохранительными органами ставятся задачи, связанные не только с совершенствованием программно-аппаратных средств для сбора и анализа информационных объектов и метаданных, но и подразумевающие постоянное совершенствование законодательства в данной области научного знания, в целях обеспечения возможности их полноценного использования в качестве доказательств при осуществлении уголовного судопроизводства.

Учитывая современные тенденции развития компьютерных технологий и значительный рост преступлений, совершенных с использованием этим технологий, одним из наиболее распространенных и востребованных способов сбора доказательственной информации в цифровой среде является назначение и проведение судебной компьютерной экспертизы.

Основная задача судебной компьютерной информации в системе МВД России — поиск компьютерной информации по заданным критериям. Для решения этой задачи исследуются не только физические устройства, но и различные программные комплексы, информационные системы, различные информационные объекты и метаданные, как относящиеся к исследуемым объектам, так и существующие независимо от них в цифровой среде.

Анализ постановлений о назначении судебных компьютерных экспертиз показал, что подавляющее большинство вопросов, которые ставились на экспертное разрешение, заключались в поиске информа-

© Фаниев П. А., 2026

ции на устройстве в зависимости от ее категориальной принадлежности (аудио, видео, графические файлы и др.). Кроме того, такой значимый информационный ресурс как метаданные, содержащие значительное количество криминалистически значимой информации, практически не находят отражения в формулируемых вопросах. Подобный подход значительно увеличивает сроки проведения экспертиз и не позволяет в полной мере получить действительно значимые для расследования сведения.

Следует отметить, что несмотря на преимущественную однотипность вопросов, выносимых на экспертное разрешение, объект исследования компьютерной экспертизы гораздо шире. Все объекты исследования, функционирующие в цифровой среде, можно объединить одним термином — информационные объекты.

Изучение нормативных источников показало отсутствие единообразного понимание информационного объекта. В частности, в ГОСТ Р 43.0.10-2017 информационный объект — «информационная сущность, имеющая различимые свойства, создаваемая в результате умственной деятельности» [1]. В свою очередь, ГОСТ Р 43.0.17-2019 предлагает более широкую формулировку, определяя его как «информационная сущность, имеющая различимые свойства» [2].

Аналогичная ситуация наблюдается и в научных работах. Например, в классической информатике информационный объект представлен как «совокупность логически связанной информации» [3]. В тоже время, М. Ю. Михеев и Т. В. Жашков в своих работах понимают под информационным объектом как «описание некоторой сущности (реального объекта, явления, процесса, события) в виде совокупности логически связанных реквизитов (информационных элементов)», так и «обобщающее понятие, описывающее различные виды объектов: простых — звук, изображение, текст, число и комплексных структурированных — элемент, база данных, таблица, гипертекст, гипермедиа, причем информационные объекты могут описываться непосредственно или в виде алгоритма их порождения» [4]. А. А. Майоров считает, что информационный объект является обобщающим понятием, включающим в себя множество различных элементов. Он утверждает, что «нельзя дать однозначное определение информационному объекту. Он, как система или множество, всегда должен определяться исходя из конкретной ситуации и области применения» [5].

Представленные подходы концептуально значимы и применимы в тех предметных областях, в рамках которых они были сформулированы. Однако, они не могут быть применимы в контексте судебной компьютерной экспертизы по ряду причин.

Во-первых, они недостаточно описывают предмет исследования как криминалистическую категорию: эксперту требуется не только обозначить «сущность» данных, но и раскрыть их происхождение, целостность, связи и свойства, релевантные доказательственной оценке.

Во-вторых, указанные определения конфликтуют с природой машинных данных и артефактов. Например, В ГОСТ Р 43.0.10-2017 фигурирует признак «создаваемая в результате умственной деятельности». Для судебной компьютерной экспертизы такой подход не применим, поскольку существенная часть объектов исследования генерируется автоматически (логи, журналы событий, телеметрия, кэш, системные метаданные) и/или формируется как побочный продукт работы программ/ОС, в результате чего может не иметь прямого «умственного» авторства.

В-третьих, указанные определения затрагивают свойства информационного объекта лишь в обобщенном виде. Для судебной компьютерной экспертизы имеют значение конкретные, технически извлекаемые атрибуты, без которых объект не будет иметь доказательственную ценность. К ним можно отнести метаданные, сетевые метки, журналы событий, хэш-суммы и иные атрибуты, позволяющие установить, как происхождение информационного объекта, так и его связь с другими информационными объектами.

С учетом проведенного анализа, можно предложить собственное определение информационного объекта, наиболее на наш взгляд применимое для использования в контексте судебной компьютерной экспертизы. Так, под информационным объектом предлагается понимать логически целостную и идентифицируемую совокупность компьютерной информации, выступающую источником сведений, имеющих доказательственное значение, и подлежащую исследованию в единстве контента, метаданных и контекста.

Под контентом в рамках предложенного определения следует понимать непосредственно воспринимаемую (содержательную) часть компьютерной информации, которая сама по себе может нести сведения, интересующие следствие и суд для установления обстоятельств по делу. К контенту относятся любые

формы представления смысла и данных, доступные восприятию человека либо интерпретируемые специализированными средствами: текстовые сообщения и документы, изображения и видеозаписи, аудиофайлы, табличные и иные данные, программный код, конфигурационные файлы, элементы пользовательского интерфейса (например, содержимое веб-страниц или чатов), а также результаты вычислений, сформированные программами. При этом контент рассматривается не изолированно как «файл» или «сообщение», а как часть логически целостной и идентифицируемой совокупности. Под контекстом понимается совокупность условий, связей и признаков, характеризующих положение информационного объекта в цифровой среде, его происхождение и функциональную роль в системе, а также его взаимосвязи с другими информационными объектами, событиями и субъектами. Контекст включает признаки размещения и «встраивания» объекта, например: путь и атрибуты расположения в файловой системе, идентификаторы и адреса в сетевой среде (URL, домены, IP-адреса, адреса электронной почты, идентификаторы аккаунтов и устройств); принадлежность к конкретной информационной системе или приложению (мессенджер, почтовый клиент, браузер, облачный сервис); источник происхождения (создание пользователем, импорт, загрузка из сети, получение по каналу связи, автоматическая генерация). Существенной частью контекста являются логические и функциональные связи объекта. К ним относятся вложения и ассоциации (письмо-вложение, сообщение-файл, запись-медиа), гиперссылки, ярлыки и короткие ссылки, отношения «родительский-дочерний» (архив-файлы внутри, контейнер-объекты), а также ссылки в журналах событий и иных системных артефактах. Важность подобных связей заключается в том, что позволяют реконструировать среду формирования и использования объекта и объяснить его значение в цепочке действий.

Метаданные представляют собой машиночитаемые сведения о свойствах, структуре и жизненном цикле информационного объекта, которые возникают при его создании, хранении, обработке, передаче и использовании в программной и аппаратной среде. К метаданным относятся временные метки (создание, изменение, доступ, отправка/получение, публикация), идентификаторы (уникальные ID сообщений, файлов, транзакций, записей баз данных), сведения об авторстве и принадлежности (учетные записи, SID, UID/GID), параметры формирования и обработки (кодеки и разрешение медиа, параметры компиляции/сборки, версии форматов, признаки редактирования), данные о программной среде (версия ОС, приложения, библиотеки, клиент/серверные параметры), а также служебные атрибуты хранения (размер, структура, права доступа, ссылки на блоки/страницы данных, индексы и т. п.). Важно, что метаданные в цифровой среде могут существовать как в явном виде (заголовки файлов, поля записей базы данных), так и в восстановимой форме — в виде следов в журналах событий, кэше, фрагментах файловой системы, системных реестрах и иных артефактах. Поэтому включение метаданных в определение подчеркивает, что эксперт исследует не только «то, что видно», но и то, что подтверждает идентичность, происхождение и динамику объекта.

Таким образом, связь трех компонентов — контента, метаданных и контекста — образует методологически важное единство, обеспечивающее применимость понятия «информационный объект» для судебной компьютерной экспертизы. Контент отвечает на вопрос «что именно содержит объект», метаданные — «какими свойствами он обладает и каков его жизненный цикл», контекст — «где, в какой среде и в каких связях он существует и используется». На наш взгляд, только совместное рассмотрение этих элементов позволяет выделить объект как логически целостную и идентифицируемую совокупность компьютерной информации, придать ему однозначные границы, установить его происхождение и роль в событиях, а также обосновать выводы о его доказательственном значении.

Кроме того, в предложенном определении прямо указывается, что информационный объект выступает «источником сведений, имеющих доказательственное значение». Подобное уточнение встраивает понятие в процессуальный контекст, отличая его от абстрактных академических или технических определений. Также, обязательная «логически целостная» и «идентифицируемая совокупность» определяют, что объект может быть однозначно выделен, поименован и повторно найден, а также представляет собой законченную единицу, а не случайный набор байтов. Эти свойства являются предпосылкой для его допустимости в качестве доказательства.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что предложенный подход к определению информационного

объекта позволяет устранить ключевые методологические недостатки, присущие существующим понятиям информационного объекта и сформировать категорию, ориентированную именно на задачи судебной компьютерной экспертизы. В отличие от абстрактных формулировок, фиксирующих лишь факт существования «информационной сущности», рассматриваемое определение задает криминалистически значимые признаки объекта, а именно возможность его логического обособления, идентификации и исследования в рамках единой структуры «контент — метаданные — контекст».

Список источников

1. ГОСТ Р 43.0.10-2017 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Информационные объекты, объектно-ориентированное проектирование в создании технической информации» // СПС «Гарант».

2. ГОСТ Р 43.0.17-2019 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Деятельность интегрально-лингвосематизированная информационная техническая» // СПС «Гарант».

3. Информационные объекты различных видов // URL: https://sites.google.com/site/iktkptc/lekcii/podhody-k-ponatiu-i-izmereniu-informacii

4. Михеев М. Ю., Жашкова Т. В. Синтез обобщенной информационной модели нейросетевой идентификации распределенных информационных объектов // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2009. Т. 1. С. 442–444.

5. Майоров А. А. Информационные объекты в информационном пространстве // Образовательные ресурсы и технологии. 2015. № 1 (9). С. 66–73.

References

1. GOST R 43.0.10-2017 «Information support of equipment and operator activities. Information objects, object-oriented design in the creation of technical information» // LRS «Garant».

2. GOST R 43.0.17-2019 «Information support of equipment and operator activities. Integrated linguosematized information technology activities» // LRS «Garant».

3. Information objects of various types // URL: https://sites.google.com/site/iktkptc/lekcii/podhody-k-ponatiu-i-izmereniu-informacii

4. Mikheev M. Yu., Zhashkova T. V. Synthesis of a generalized information model of neural network identification of distributed information objects // Proceedings of the International symposium «Reliability and Quality». 2009. Vol. 1. P. 442–444.

5. Mayorov A. A. Information objects in the information space // Educational resources and technologies. 2015. No. 1 (9). C. 66–73.

Библиографический список

1. Севостьянова С. О. Некоторые проблемы квалификации и уголовно-правовой оценки фальсификации доказательств, совершенной экспертом // Закон и право. 2021. № 9. С. 133–136.

2. Севостьянова С. О. Обеспечение информационной прослеживаемости работы с вещественным доказательством как средство противодействия преступлениям, совершенным лицами, привлекавшимися в качестве судебных экспертов // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2 (109). С. 185–190.

Bibliographic list

1. Sevostyanova S. O. Some problems of qualification and criminal law assessment of falsification of evidence committed by an expert // Law and legislation. 2021. No. 9. P. 133–136.

2. Sevostyanova S. O. Ensuring information traceability of work with physical evidence as a means of countering crimes committed by persons involved as judicial experts // Lawyer-Jurist. 2024. No. 2 (109). P. 185–190.

Информация об авторе

П. А. Фаниев — преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России.

Information about the author

P. A. Faniev — Lecturer of the Department of Forensic Expertise of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 343.9
EDN: https://elibrary.ru/yxchlj
NIION: 2022-0089-1/26-392
MOSURED: 77/27-031-2026-01-392

К вопросу об особенностях освоения учебной дисциплины «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» иностранными слушателями

Анастасия Николаевна Фролова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, stasya.zharova@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности освоения иностранными слушателями учебной дисциплины «Почерковедение и почерковедческая экспертиза». Указываются факторы, негативно влияющие на качество обучения. Описаны современные цифровые инструменты, использование которых в рамках проведения занятий и самостоятельной подготовки будет способствовать повышению заинтересованности обучающихся в освоении дисциплины.

Ключевые слова: почерковедение, почерковедческая экспертиза, иностранные слушатели, цифровые инструменты
Для цитирования: Фролова А. Н. К вопросу об особенностях освоения учебной дисциплины «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» иностранными слушателями // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 154–157. EDN: YXCHLJ.

Original article

On the issue of the peculiarities of mastering the academic discipline «Handwriting and handwriting expertise» by foreign students

Anastasia N. Frolova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, stasya.zharova@inbox.ru

Abstract. The features of mastering the academic discipline «Handwriting and handwriting expertise» by foreign students are considered. The factors that negatively affect the quality of education are indicated. Modern digital tools are described, the use of which in the framework of classes and independent training will help to increase the interest of students in mastering the discipline.

Keywords: handwriting, handwriting expertise, foreign students, digital tools
For citation: Frolova A. N. On the issue of the peculiarities of mastering the academic discipline «Handwriting and handwriting expertise» by foreign students. Forensic science and research. 2026;(1):154–157. (In Russ.). EDN: YXCHLJ.

В стенах Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, помимо граждан Российской Федерации, обучаются слушатели иностранных государств. Это представители дальнего (Республика Никарагуа, Республика Эль-Сальвадор, Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, Южно-Африканская Республика и др.) и ближнего зарубежья (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан и др.).

Иностранные слушатели, в рамках обучения по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, осваивают учебную дисциплину «Почерковедение и почерковедческая экспертиза», что способствует приобретению обучающимися закрепленных Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 31 августа 2020 г. № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» компетенций [1].

Индикаторами этих компетенций выступают соответствующие знания, умения и навыки, окончательное закрепление которых проходит при прохождении иностранными слушателями преддипломной практики.

Важно отметить, что только слушатель, успешно освоивший дисциплину, сможет качественно проводить судебно-почерковедческие исследования, кото-

© Фролова А. Н., 2026

рые являются весьма востребованными на современном этапе развития судебной экспертизы в целом. Причем потребность в проведении подобных исследований сохраняется не только в нашей стране, но и в других государствах.

На освоение учебной дисциплины «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» согласно рабочей программе выделяется 350 часов, в том числе: 30 — лекции, 12 — семинары, 204 — контрольные работы, 104 — практические, 15 — формы контроля. На самостоятельную работу отводится 175 часов.

В рамках обучения иностранные слушатели сталкиваются как со стандартными трудностями, свойственными обычным студентам во время обучения, так и дополнительными — связанными с языковом барьером, ведомственной принадлежностью вуза и попаданием в иную социально-культурную среду.

Несмотря на то, что слушатели к моменту начала освоения дисциплины находятся на 3-м году обучения, у части из них имеется языковой барьер, негативно влияющий на процесс и результаты прохождения дисциплины.

«Иностранный слушатель вуза системы МВД России получает неязыковую юридическую специальность. Он должен владеть русским языком как иностранным, т. е. языком, на котором ведется преподавание всех дисциплин, в том числе профильных, в той степени, чтобы понимать и воспроизводить любой научный текст по своей специальности» [2, с. 66].

Преодоление этого барьера возможно за счет усиления контроля успеваемости в рамках освоения учебной дисциплины «Русский язык». Еще одним решением данной проблемы является постепенная актуализации части теоретического материала (например, лекционного) по дисциплине на языках обучаемых.

В процессе преподавания дисциплины «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» наиболее целесообразным видится использование практико-ориентированного подхода. Объясняется это тем, что после окончания университета слушатели будут выполнять, наряду с другими криминалистическими экспертизами, почерковедческую.

Для реализации указанного подхода слушателям во время прохождения дисциплины на занятиях преподаватели готовят задания, которые максимально приближены к условиям практики. Например, проводятся экспертизы без заранее определенного вывода. Предлагается увеличение количества таких заданий для иностранных слушателей, что, по мнению автора, положительно повлияет на овладение иностранными слушателями предусмотренными федеральным государственным образовательным стандартом специальными компетенциями.

Кроме того, в настоящее время уровень развития информационных технологий диктует нам необходимость их использования в процессе обучения.

В рамках обучения иностранными слушателями по указанной специальности это реализуется, в первую очередь, за счет того, что весь необходимый методический материал для освоения дисциплины размещен в электронной информационной образовательной среде «Апекс-Вуз», он является основой для работы слушателей на занятиях и подготовки к ним. Постоянный доступ к методическому материалу в указанной программе, безусловно, положительно отражается в итоге на качестве обучения слушателей.

Кроме того, после завершения дисциплины, с использованием системы дистанционного обучения Moodle, слушатели проходят тестирование, целью которого является оценка уровня остаточных знаний. Для этого преподавательским составом кафедры разрабатываются специальные тестовые задания с различными уровнями сложностями и формами предоставления ответов.

Наряду с этим, использование возможностей современных информационных технологий может проходить через использование специальных программ в рамках занятия. К ним могут быть отнесены следующие программы или информационные инструменты:

♦ генераторы кроссвордов (например, «Фабрика кроссвордов» — позволяет быстро генерировать кроссворды по заданному набору слов);

♦ игровые инструменты (например, «LearningApps» — программа, содержащая в себе разные виды упражнений, при этом имеется возможность использовать готовые и создавать новые, работа с программой возможна без регистрации);

♦ карты мышления или интеллектуальные карты (предназначены для предоставления информации в виде схем, карт, т. е. в удобной для человеческого восприятия форме);

♦ облака слов (например, «WordArt» — инструмент позволяет расположить список слов по теме внутри какой-либо фигуры, например, облака).

Информационные инструменты призваны мотивировать обучающихся, помогают визуализировать

Рис. 1. Демонстрация примера задания для слушателей в программе «LearningApps»

информацию, способствуют ее анализу, а также облегчают взаимодействие между обучающимися, что способствует повышению результативности, а значит — качеству.

Демонстрация докладов слушателями, подготовленных вне учебных занятий, в аудитории с использованием интерактивной доски также является полезным инструментом, который позволяет повысить интерес обучающихся к обсуждаемой теме, в том числе за счет формы представления освещаемого материала.

Помимо этого, в рамках проведения занятий возможно использование сервисов для создания викторин, тестов и опросов, которые в игровой соревновательной форме могут эффективно использоваться в дидактических целях. Слушатели могут

Рис. 2. Демонстрация примера выполненного задания для слушателей в программе «LearningApps»

отвечать на созданные преподавателем тесты с компьютеров, ноутбуков, смартфонов, планшетов, т. е. с любого устройства с доступом в Интернет. При этом результаты могут автоматически фиксироваться по желанию преподавателя. Примером такого сервиса является российский продукт Learnis.ru, он отличается интуитивно понятным интерфейсом, наличием возможности использовать разные виды контента (терминологическая игра «Объясни мне», интеллектуальная игра «Твоя викторина», квест «Выберись из комнаты» и др.), отсутствием необходимости регистрации для обучающихся, возможностью просмотра статистики и результатов в журнале сервиса.

Использование указанных инструментов в рамках обучения будет способствовать повышению интереса обучающихся.

Еще одним весомым инструментом повышения уровня подготовки иностранных слушателей в рамках освоения учебной дисциплины «Почерковедение и почерковедческая экспертиза» является усиление контроля над качеством проведения самостоятельной подготовки слушателями. Как уже было отмечено выше, на самостоятельную работу в рамках дисциплины отводится 175 часов, при должном использовании этого времени, уровень знаний обучающихся повысится.

Список источников

1. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 31 августа 2020 г. № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» // СПС «Гарант».

2. Ковшикова Е. В. Специфика обучения иностранных слушателей вуза системы МВД России языку специальности «Судебная экспертиза» // Педагогика. 2024. № 1. С. 65–69.

References

1. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 31, 2020 No. 1136 «On approval of the Federal State educational standard of higher education — specialty 40.05.03 Forensic examination» // LRS «Garant».

2. Kovshikova E. V. The specifics of teaching foreign students of the university of the Ministry of Internal Affairs of Russia the language of the specialty «Forensic examination» // Pedagogy. 2024. No. 1. P. 65–69.

Информация об авторе

А. Н. Фролова — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. N. Frolova — Senior Lecturer of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 29.01.2026.

Научная статья
УДК 343.982.48
EDN: https://elibrary.ru/yugicx
NIION: 2022-0089-1/26-393
MOSURED: 77/27-031-2026-01-393

Применение информационных технологий при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов

Ольга Александровна Четвергова[1], Виктория Александровна Коглина[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] ol.bondarencko2011@yandex.ru
[2] viktoriakoglina@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены возможности применения методов цифровой обработки изображений с применением пакета прикладных программ «MATLAB» и 3D-микроскопии при установлении последовательности выполнения пересекающихся реквизитов документов. На основе проведенных экспериментальных исследований установлено, что применение современных микроскопов, позволяющих получить трехмерное изображение участка пересечения штрихов («Leica DVM6A») эффективно лишь в ситуации, когда один из пересекающихся реквизитов выполнен пишущим прибором, имеющим шариковый (шариковая, гелевая, роллерная ручка) или перьевой пишущий узел (перьевая ручка), оказывающий давление на бумагу и, как следствие, оставляющий рельеф, а также в отношении печатных реквизитов, нанесенных тонером. В отношении пересекающихся реквизитов, выполненных жидкими красящими веществами, их возможности ограничены из-за взаимного проникновения и перемешивания его частиц.

Сформулирован алгоритм работы эксперта при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов методом 3D-микроскопии, а также порядок использования пакета прикладных программ «MATLAB» для решения задачи установления последовательности нанесения пересекающихся штрихов реквизитов документов.

Ключевые слова: последовательность штрихов, относительная давность, судебная экспертиза, судебный эксперт, информационные технологии, технико-криминалистическая экспертиза документов, 3D-микроскопия

Для цитирования: Четвергова О. А., Коглина В. А. Применение информационных технологий при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 158–164. EDN: YUGICX.

Original article

The use of information technology in determining the relative prescription of the execution of the details of documents

Olga A. Chetvergova[1], Victoria A. Koglina[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] ol.bondarencko2011@yandex.ru
[2] viktoriakoglina@yandex.ru

Abstract. The possibilities of using digital image processing methods using the MATLAB application software package and 3D microscopy in determining the sequence of execution of overlapping document details are considered. Based on the conducted experimental studies, it has been established that the use of modern microscopes that allow obtaining a three-dimensional image of the stroke intersection area («Leica DVM6A») is effective only in a situation where one of the intersecting props is made by a writing device having a ballpoint (ballpoint, gel, roller pen) or a fountain pen writing unit (fountain pen) exerting pressure on paper and, as a result, leaving a relief, as well as in relation to printed details applied with toner. With respect to intersecting props made with liquid coloring agents, their possibilities are limited due to the mutual penetration and mixing of its particles.

The algorithm of the expert's work in determining the relative prescription of the execution of document details by 3D microscopy is formulated, as well as the procedure for using the MATLAB application software package to solve the problem of establishing the sequence of applying intersecting strokes of document details.

Keywords: stroke sequence, relative prescription, forensic examination, forensic expert, information technology, technical and forensic examination of documents, 3D microscopy

For citation: Chetvergova O. A., Koglina V. A. The use of information technology in determining the relative prescription of the execution of the details of documents. Forensic science and research. 2026;(1):158–164. (In Russ.). EDN: YUGICX.

© Четвергова О. А., Коглина В. А., 2026

Одной из диагностических задач технико-криминалистической экспертизы документов является установление последовательности выполнения реквизитов документов. Многие авторы указывают на относительную сложность этой экспертизы, это обусловлено влиянием ряда различных факторов на результаты исследования участков пересечения штрихов [4]. К ним относятся: компонентный состав красящих веществ, которыми нанесены реквизиты документа, и их взаимодействие с подложкой, их агрегатное состояние, свойства подложки, конструкция пишущего узла, время, прошедшее между нанесением штрихов реквизитов, внешние условия среды и т. д. [1]. Данные обстоятельства обуславливают необходимость при производстве каждого исследования тщательного изучения свойств материалов документов, в соответствии с которыми будет выбрана тактика исследования участков их пересечения, включающая в себя как выбор методов, так и определенной последовательности их применения, что приведет к успешному решению задачи, поставленной перед экспертом.

Анализ экспертной практики показывает, что оценка результатов применения методов исследования при производстве данных экспертиз базируется, как правило, на традиционных подходах и не учитывает возможности использования достижений научно-технического прогресса. На сегодняшний день экспертами применяются в основном микроскопические методы, механическое удаление тонера, а также метод влажного копирования, при этом в ряде случаев они не обеспечивают в полной мере эффективное решение поставленных задач. Необходимо отметить, что возможности применения существующих методик исследования реквизитов документов весьма ограничены. Это объясняется совершенствованием компонентного состава красящих веществ шариковых, капиллярных и перьевых ручек, штемпельной краски, чернил для струйных принтеров и т. д., использованием при их изготовлении новых композиций красителей, пигментов, смол, растворителей, а также иных добавок, ранее не встречавшихся в экспертной практике [3, с. 89]. Указанные обстоятельства значительно усложняют процесс экспертного исследования, так как требуют постоянного подтверждения достоверности существующих методов в целях предупреждения экспертных ошибок.

Таким образом, актуальность проведенного исследования обусловлена прежде всего необходимостью на современном этапе использовать технологии, связанные с 3D-сканированием, компьютерным моделированием, при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов [2, с. 43]. Методы 3D-микроскопии, а также цифровой обработки изображения позволяют судебным экспертам исследовать документ, не оказывая разрушающего воздействия на объекты, при этом значительно расширяют потенциал успешного решения задач по установлению последовательности реквизитов документов.

Возможности установления относительной давности выполнения реквизитов документов рассматривались в работах таких ученых и криминалистов, как Р. С. Белкин, А. А. Гусев, В. Б. Данилович, М. В. Жижина, В. П. Лютов, М. В. Торопова и др. В научных работах указанных авторов рассмотрены теоретические и прикладные основы как технико-криминалистической экспертизы документов в целом, так и исследований, связанных с установлением давности выполнения документов и отдельных реквизитов [7]. На сегодняшний день методы, которые могут применяться экспертами, основаны на информационных технологиях, представляющих собой совокупность методов и средств, которые эксперт может использовать на основе специальных знаний в целях решения задач, поставленных перед ним [6, с. 152]. К таким технологиям, которые значительно совершенствуют судебно-экспертную деятельность, в том числе при решении задач, связанных с относительной давностью выполнения реквизитов документов, стоит отнести метод 3D-микроскопии и методы цифровой обработки изображений.

Целью исследования является установление возможностей и ограничений использования современных информационных технологий, в частности метода 3D-микроскопии и методов цифровой обработки изображения, для установления относительной давности выполнения реквизитов документов с помощью пакета прикладных программ «MATLAB».

Следует отметить, что микроскопический метод является наиболее распространенным и не разрушающим методом определения последовательности выполнения реквизитов документов. Однако, использование традиционных стереоскопических микроскопов не позволяет достоверно судить о взаимном расположении пересекающихся штрихов.

В целях установления современных возможностей определения относительной давности выполнения реквизитов документов нами было проведено экспериментальное исследование по применению микро-

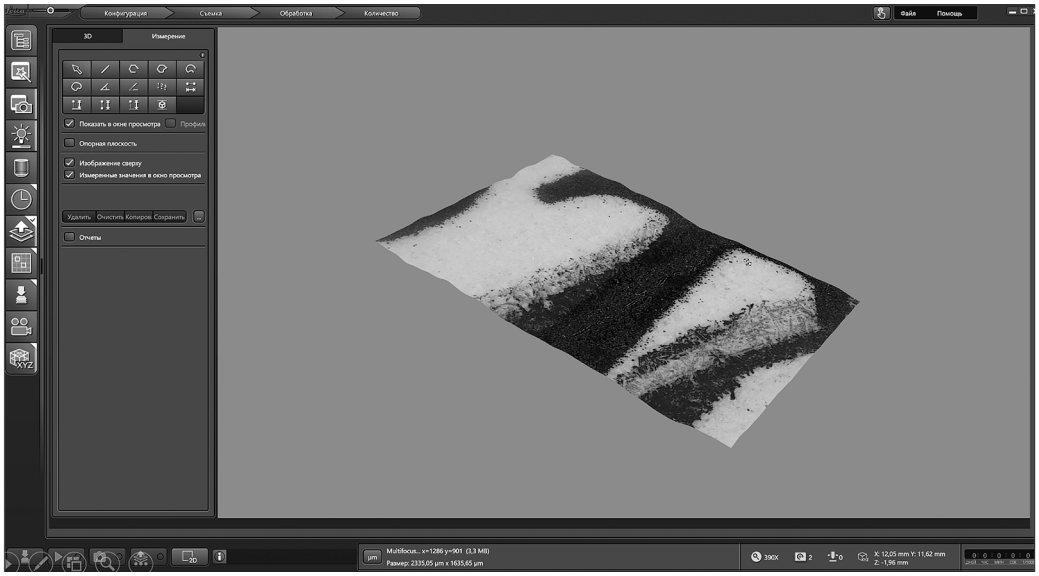

Рис. 1. Интерфейс программного обеспечения «Leica DVM6A»

скопического метода с использованием цифрового микроскопа «Leica DVM6A» для создания 3D-моделей участков пересечения рукописных записей, нанесенных шариковой, гелевой, роллерной, перьевой, капиллярной ручками, оттисков печатей с текстом, нанесенных с использованием электрофотографических и струйных печатающих устройств. Наиболее информативные результаты представлены ниже.

При исследовании участков пересечения текста, нанесенного с использованием электрофотографических печатающих устройств и рукописных записей, выполненных различными пишущими приборами, успешность установления последовательности нанесения реквизитов составила 100 %, поскольку используемый в этих устройствах тонер имеет рельефность, что позволяет создавать 3D-модели участков пересечения информативными и однозначными (рис. 2).

Однако, при исследовании участков пересечения печатного текста, выполненного способом струйной печати, и рукописных записей, выполненных различными пишущими приборами, эксперту следует внимательно анализировать получаемые результаты, поскольку чернила струйной печати проникают в бумагу и могут взаимно перемешиваться с красящим веществом рукописных записей или оттисков удостоверительных печатных форм, что накладывает некоторые ограничения на использование данного метода. В то же время, при экспериментальном исследовании в отношении некоторых сочетаний пересекающихся реквизитов, все же удалось установить последовательность их нанесения. Например, при исследовании участка пересечения печатного текста, выполненного способом струйной печати, и рукописной записи, выполненной роллерной ручкой, с использованием цифрового микроскопа «Leica DVM6A», несмотря на то, что чернила струйной печати и чернила на водной основе роллерной ручки могут взаимно проникать друг в друга на участках пересечения мы получили достоверный результат. Основными признаками, позволяющими диагностировать факт нанесения рукопис-

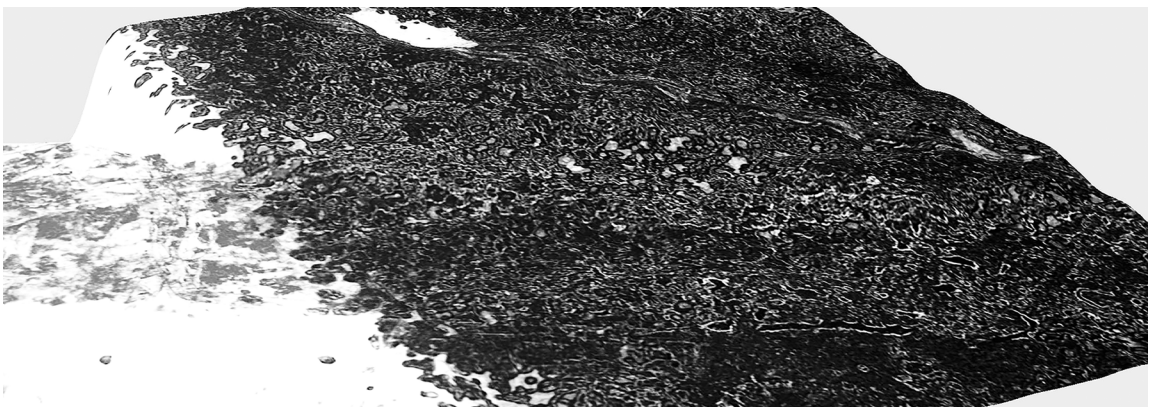

Рис. 2. 3D-модель участка пересечения рукописной записи, выполненной пастой шариковой ручкой и печатного текста, выполненного способом электрофотографии. Рукописная запись расположена поверх печатного текста

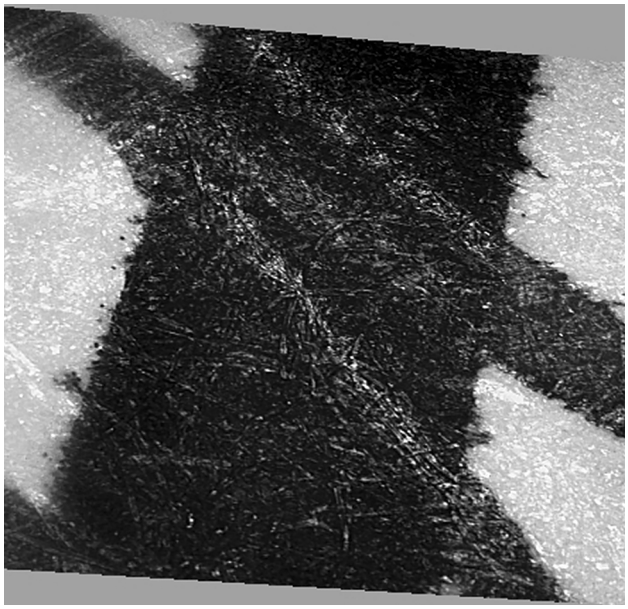

Рис. 3. 3D-изображение участка пересечения рукописных штрихов, выполненных роллерной ручкой, с печатным текстом, нанесенным способом струйной печати. Рукописная запись расположена поверх печатного текста

Рис. 4. 3D-модель участка пересечения рукописной записи, выполненной роллерной ручкой, с печатным текстом, выполненным способом струйной печати. Печатный текст расположен поверх рукописной записи

ной записи сверху относительно печатного текста, является наличие специфического блеска и следа давления пишущего узла прибора (рис. 3). При расположении печатного текста поверх рукописной записи, отсутствует блеск и наплывы красящего вещества роллерной ручки (рис. 4).

На основе проведенного исследования разработан алгоритм работы эксперта при установлении относительной давности выполнения реквизитов документов методом 3D-микроскопии:

♦ изучение морфологических признаков материалов письма, которыми выполнены исследуемые реквизиты документов, а также их физико-химических свойств, обуславливающих их способность к копированию, а также к люминесценции в УФ-, ИК- и видимой зоне спектра света, в целях правильного определения вида используемого пишущего прибора;

♦ нанесение экспериментальных пересечений материалами письма-аналогами в двух известных вариантах их нанесения в целях выяснения их правильной визуализации в используемом техническом приборе;

♦ применение методов технико-криминалистического исследования от не разрушаемых к разру-

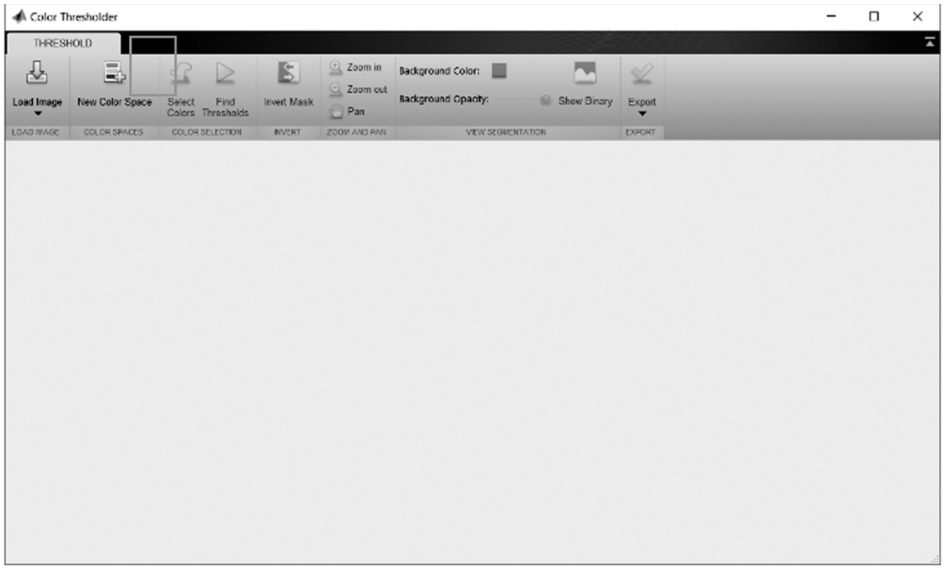

Рис. 5. Интерфейс программы «Color Threshold», показывающий возможность выбора цветовых пространств

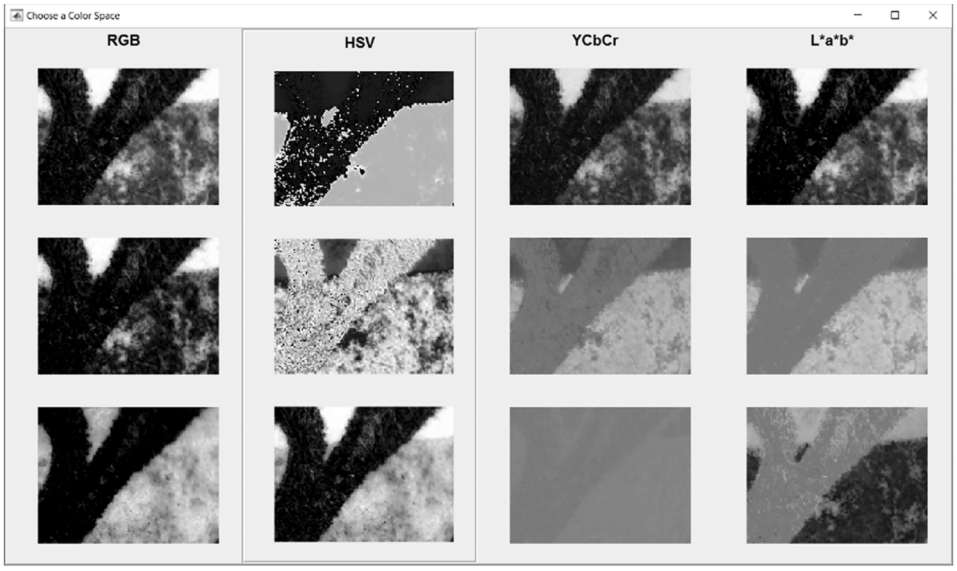

Рис. 6. Окно программы «Color Thresholder», показывающее возможность выбора цветовых пространств

шаемым на экспериментальных участках пересечения и исследуемых, последующее их сравнение, формирование выводов.

На следующем этапе эксперимента нами была изучена возможность установления последовательности нанесения пересекающихся штрихов с использованием метода цифровой обработки изображений с применением пакета прикладных программ «MATLAB». Суть данного метода заключается в использовании трехмерного цветового пространства, для точного измерения и сравнения всех воспринимаемых цветов L*a*b. В данном способе предлагается использовать встроенный пакет «Color Thresholder», что позволяет пользователям в интерактивном режиме выбирать или изменять пиксели изображений. При этом при установлении последовательности штрихов данная программа позволяет успешно решать задачи, в том числе в отношении реквизитов, которые выполнены материалами письма, имеющими сходные свойства и агрегатное состояние. Алгоритм работы с применением пакета прикладных программ «MATLAB» следующий.

1. Загружаем исследуемое изображение в «Color Threshold» (рис. 5).

2. Выбираем нужное цветовое пространство (L*a*b) (рис. 6).

3. Изменяем параметры изображения в выбранном цветовом пространстве (рис. 7).

4. Вывод результата на экран (рис. 8).

На рис. 6–8 приведен пример нанесения штрихов, нанесенных гелевой ручкой черного цвета Bezlingo, поверх которой нанесен оттиск печати штемпельной

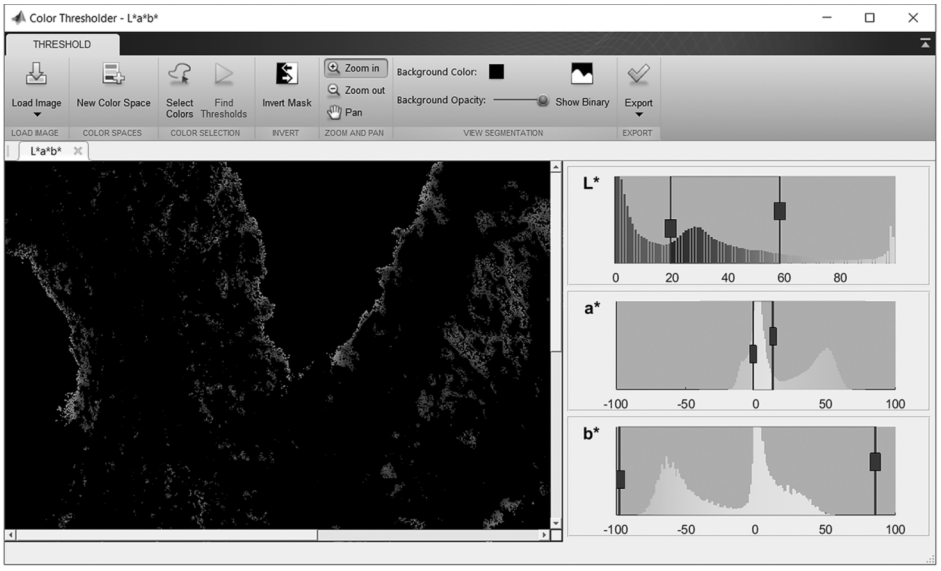

Рис. 7. Окно программы «Color Thresholder», показывающее возможность выбора параметров

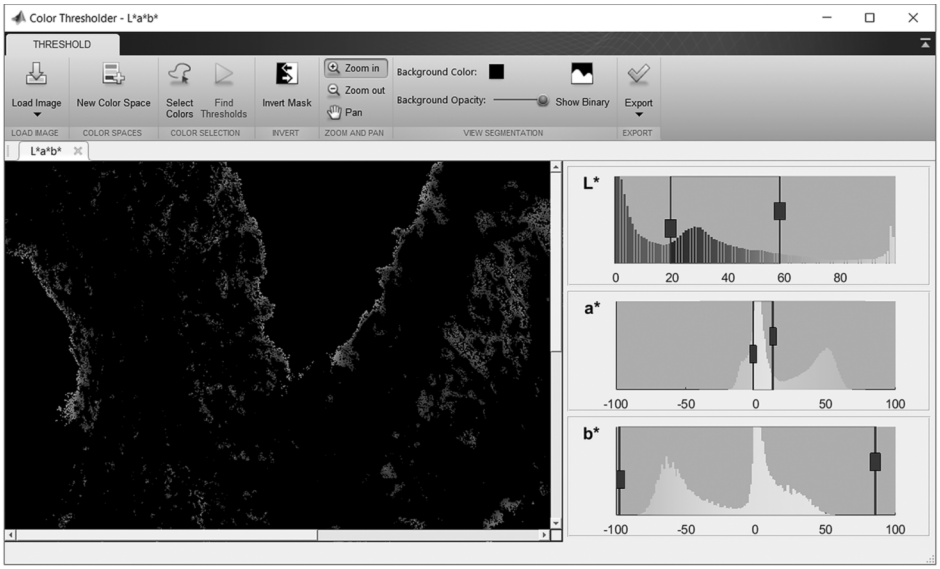

Рис. 8. Окно программы «Color Thresholder», показывающее результат

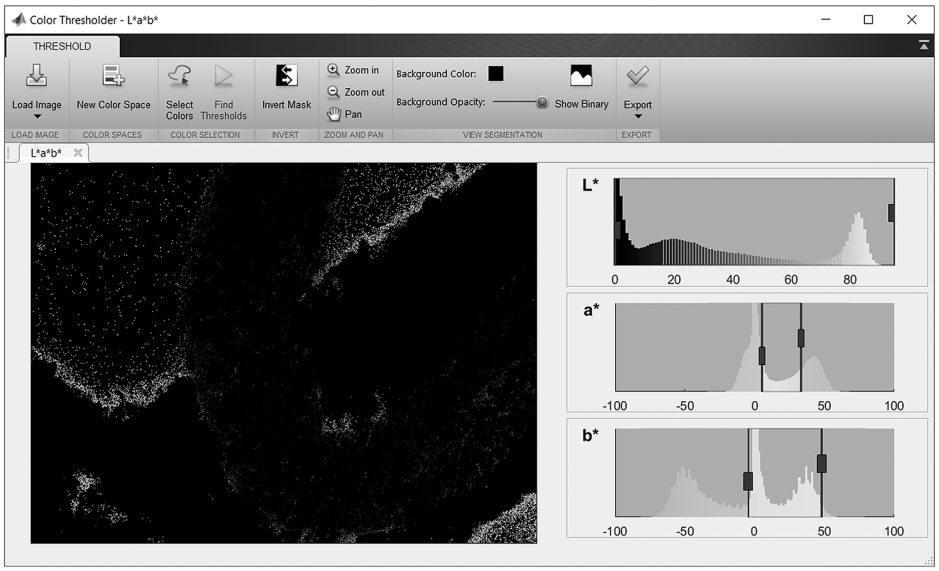

Рис. 9. Окно программы «Color Thresholder», показывающее результат для обратной последовательности

краской Trodat. При нанесении пересекающихся реквизитов в обратной последовательности наблюдается прерывистость штрихов штемпельной краски, что позволяет судить о том, что штемпельная краска была нанесена позднее (рис. 8–9).

Таким образом, применение современных микроскопов, позволяющих получить 3D-изображение объектов исследования, а также современных инструментов цифровой обработки изображения с использованием пакета прикладных программ «MATLAB», позволяет в ряде случаев, описанных в настоящей работе, устанавливать последовательность нанесения пересекающихся реквизитов документов. Однако, данные методы имеют свои ограничения, в частности не смотря на наглядность, достоверность и информативность 3D-изображений пересекающихся штрихов, в том случае, если отсутствует рельефность у реквизитов документов, более достоверную картину будет формировать 2D-иллюстрация, а также применение таких разрушающих методов, как влажное копирование и адсорбционно-люминесцентный анализ [5].

Список источников

1. Баринова О. А. Криминалистические исследования реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015.

2. Горбулинская И. Н., Барбачакова Ю. Ю., Шавленко Е. В. О возможностях применения методов 3D-моделирования в ходе производства крими-

налистических экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 42–45.

3. Данилович В. Б. Анализ причин, мешающих решению задачи по установлению хронологической последовательности нанесения пересекающихся штрихов реквизитов документов // Судебная экспертиза. 2013. № 1 (33). С. 89–97.

4. Жижина М. В., Данилович В. Б. Методическое обеспечение проведения экспертного исследования в целях установления давности выполнения реквизитов документов: проблемы экспертной и судебной практики // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 49–56.

5. Короткова А. С., Лютов В. П. Оценка частной методики установления последовательности нанесения реквизитов // Энциклопедия судебной экспертизы. 2014. № 1 (3).

6. Несмиянова И. О. Информационные технологии: этапы развития, понятие и классификация // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 149–155.

7. Торопова М. В. Современные аспекты установления относительной давности выполнения реквизитов документов // Фотография. Изображение. Документ. 2011. № 2. С. 63–65.

References

1. Barinova O. A. Criminalistic studies of document details applied by modern writing materials: theoretical and applied aspects: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. Volgograd, 2015.

2. Gorbulinskaya I. N., Barbachakova Yu. Y., Shavlenko E. V. On the possibilities of using 3D modeling methods during the production of forensic examinations // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 1. P. 42–45.

3. Danilovich V. B. Analysis of the reasons hindering the solution of the problem of establishing the chronological sequence of applying intersecting strokes of document details // Forensic examination. 2013. No. 1 (33). P. 89–97.

4. Zhizhina M. V., Danilovich V. B. Methodological support for conducting expert research in order to establish the limitation period for fulfilling the details of documents: problems of expert and judicial practice // Theory and practice of forensic examination. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 49–56.

5. Korotkova A. S., Lyutov V. P. Evaluation of a particular methodology for establishing the sequence of applying props // Encyclopedia of forensic examination. 2014. No. 1 (3).

6. Nesmiyanova I. O. Information technologies: stages of development, concept and classification // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. No. 1. P. 149–155.

7. Toropova M. V. Modern aspects of establishing the relative prescription of the execution of document details // Photography. Image. Document. 2011. No. 2. P. 63–65.

Информация об авторах

О. А. Четвергова — доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Коглина — старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. A. Chetvergova — Associate Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Koglina — Senior Lecturer of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 27.01.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 27.01.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/yzeqyq
NIION: 2022-0089-1/26-394
MOSURED: 77/27-031-2026-01-394

Формы систематизации криминалистически значимой информации, составляющей содержание криминальных и следственных ситуаций при расследовании транснациональных преступлений

Шарифходжа Исломходжаевич Шарифходжаев
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, sharif.sharif.sharif12@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены формы систематизации криминалистически значимой информации, которые составляют содержание транснациональных криминальных и следственных ситуаций. Они представлены в работе в форме графических (визуализированных) моделей преступного события.

Ключевые слова: транснациональные преступления, следственные ситуации, криминалистически значимая информация, графическая модель преступного события

Для цитирования: Шарифходжаев Ш. И. Формы систематизации криминалистически значимой информации, составляющей содержание криминальных и следственных ситуаций при расследовании транснациональных преступлений // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 165–172. EDN: YZEQYQ.

Original article

Forms of systematization of criminalistically significant information that makes up the content of criminal and investigative situations in the investigation of transnational crimes

Sharifkhoja I. Sharifkhodzhaev
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, sharif.sharif.sharif12@mail.ru

Abstract. The forms of systematization of criminalistically significant information that make up the content of transnational criminal and investigative situations are considered. They are presented in the work in the form of graphical (visualized) models of a criminal event.

Keywords: transnational crimes, investigative situations, criminalistically significant information, graphical model of a criminal event

For citation: Sharifkhodzhaev Sh. I. Forms of systematization of criminalistically significant information that makes up the content of criminal and investigative situations in the investigation of transnational crimes. Forensic science and research. 2026;(1):165–172. (In Russ.). EDN: YZEQYQ.

Расследуя транснациональные преступления, следователь погружается в специфическую информационную среду. В этой среде он сталкивается с обширным массивом разнородных данных. Такие данные он должен проанализировать, обработать и преобразовать в целостную систему. Такой мыслительный процесс следователя не может осуществляться без планирования расследования, центральной функцией которого выступает систематизация информации о преступном событии, которая находит свое отражение в криминальной и следственной ситуации. Материальным выражением такой функции является разработка планов, схем и иной вспомогательной документации [1, с. 18–19].

Криминальные и следственные ситуации, выступающие в качестве источников криминалистически значимой информации о событии преступления, обладают сложной и многокомпонентной структурой. В содержание такой структуры входят данные о субъекте преступления, способе совершения и сокрытия преступления, механизме преступления и др. Правильная систематизация таких данных представляет собой, пожалуй, ключевой аспект в деятельности следователя, поскольку именно в процессе систематизации упорядочиваются знания о преступном событии, выявляются недостающие элементы, устраняются противоречия и устанавливаются взаимосвязи между ними [1, с. 19]. Именно поэтому, моделируя следственную си-

© Шарифходжаев Ш. И., 2026

туацию, следователь формирует отдельные информационные блоки, внутри которых осуществляется систематизация, корреляция и проверка криминалистически значимой информации посредством выдвижения следственной версии. В криминалистике выделяются материальные и мысленные модели. Планирование представляет собой мысленную модель, которая может быть материализирована в виде схем, рисунков, описаний, формул и т. п. [2, с. 216].

Таким образом, графические и иные формы систематизации криминалистически значимой информации призваны визуализировать и структурировать данные о преступном событии, содержащиеся в криминальной и следственной ситуации. Визуализация выступает здесь не просто как способ упрощения восприятия информации, а как опосредованный познавательный инструмент, преобразующий информацию в наглядные логико-структурные модели, анализ которых позволяет выдвинуть версии и проверять их посредством следственных действий. Формы их выражения могут быть самыми различными. Так, Н. П. Яблоков выделял следующие формы безмашинного способа сбора, систематизации и оценки информации: 1) конспектирование результатов отдельных следственных действий; 2) составление схем, отражающих связи в преступном событии (схемы преступных связей или взаимодействия внутри преступной группы); 3) аналитическая работа с использованием географических карт; 4) анализ данных аэрофотосъемки; 5) ведение картотек; 6) использование документов различных организаций и предприятий [3, с. 160–164]. Н. П. Яблоков не дает определение «схем преступных связей», а перечисляет их разновидности (схемы связей внутри преступной группы, схемы, отражающие функциональные роли участников преступных структур, «шахматки») [3, с. 161]. Мы же под данными схемами будем понимать графическую модель преступного события, в которой визуализируется структура преступной группы, иерархические отношения и функциональные роли ее участников. Каждая форма решает конкретную задачу, возникшую в ходе расследования.

1. Схема связи внутри транснациональной преступной группы (иерархия и функциональные роли). В данной схеме визуализируется иерархия и основные роли участников преступления. Например, при торговле людьми следователь на первоначальном этапе расследования располагает информацией об исполнителях: вербовщик Петров П. П., который выполняет функцию создания фальшивых вакансий о работе и поиском жертв; перевозчик Козлов А. А., обеспечивающий перемещение жертв из РФ в КНР; сбытчик Иванова А. П., осуществляющая функцию поиска и передачи жертвы конечному потребителю. При этом информация об организаторе и части соучастников («охрана», сопровождающие) остаются неустановленными, что отражается в схеме в виде отметок «ФИО?» (рис. 1).

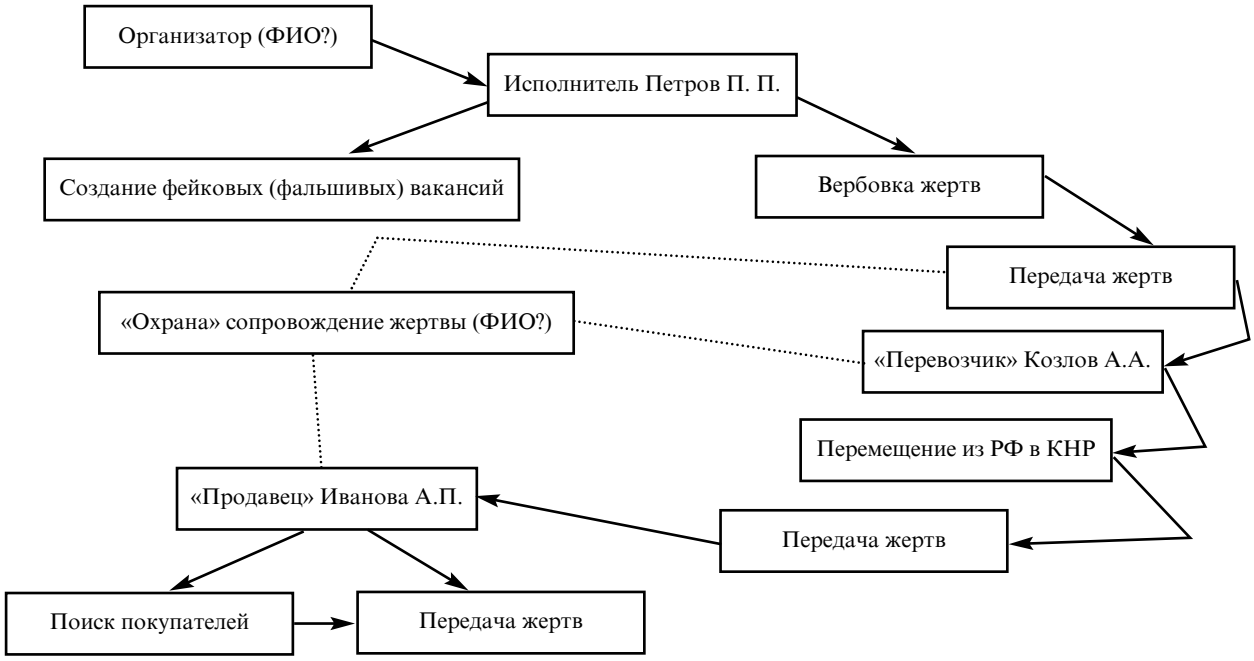

Рис. 1. Связи внутри транснациональной преступной группы

Схема, изображенная на рис. 1, преимущественно систематизирует криминалистически значимую информацию о субъектах преступления, содержащуюся в криминальной и следственной ситуации. В ней визуально отражены сведения об известных/неизвестных участниках преступления с указанием роли и иерархии внутри транснациональной преступной группы. Такая схема позволяет спланировать дальнейшие следственные действия для установления неизвестных обстоятельств для выхода на организатора. Отметим, что подобная схема отражает состояние преступных связей на определенный момент расследования, поэтому изначально она носит статический характер. И по мере поступления новой информации, например, при установлении личности организатора преступления, схема подлежит обязательной корректировке и дополнению. Данную схему можно выразить в виде формулы: Торговля людьми = = Организатор (?) → Исполнитель (Петров П. П.) → «Перевозчик» (Козлов А. А.) → «Сбытчик» (Иванова А. П.), где (→) обозначается иерархическое подчинение, (?) указывает на неустановленного субъекта.

2. Схема преступных связей по эпизодам транснациональной преступной деятельности и «Шахматки». Н. П. Яблоков справедливо отметил, что «при значительном числе преступных структур целесообразно делать несколько таких схем» [3, с. 161]. Транснациональные преступления, как правило, характеризуются многоэпизодностью. Пока не установлен и не задержан организатор преступления, преступная деятельность не прекращается, меняется лишь состав участников преступления. Графическая визуализация транснациональной преступной деятельности по эпизодам совершения преступления позволяет выявить и провести корреляцию между разными событиями (рис. 2).

Рис. 2. Схема преступных связей по эпизодам преступной деятельности

В данной схеме (рис. 2) графически указываются участники преступного события, конкретный эпизод, на примере «Эпизод 1», информация, с помощью которой проверяются и подтверждаются факты в событии преступления. В схеме четко видна роль и иерархия каждого участника преступного события. На схеме указаны доказательства и взаимосвязь их с эпизодом преступления.

Для анализа доказательственной и ориентирующей информации может использоваться специальная таблица «шахматки», в которой по вертикали располагаются эпизоды преступной деятельности, по горизонтали — участники преступных структур, а в отдельных графах — доказательства, собранные по данному эпизоду между деянием и конкретным лицом (табл. 1).

В табл. 1 указывается неустановленная личность организатора и четко прослеживается роль среди установленных участников (исполнитель, перевозчик, сбытчик). Личность организатора не установлена, а его роль подтверждается лишь косвенно по показаниям участников судопроизводства. Не установлены личности «охраны», но их роль также подтверждается показаниями лиц. По таблице видно, что основной массив криминалистически значимой информации получен благодаря показаниям подозреваемого Козлова А. А. и потерпевшей Сидоровой С. С. Таким образом, таблица не просто систематизирует ин-

Таблица 1

«Шахматки»

Участники / Эпизод 1	Организатор (ФИО?)	Исполнитель Петров П. П.	Перевозчик Козлов А. А.	«Охрана» сопровождение жертвы (ФИО?)	«Продавец» сбытчик Иванова А. П.
Торговля людьми (жертва Сидорова С. С.)	Организатор не установлен	Вербовщик	Соучастник	Соучастники не установлены	Сбытчик
Создание фейковых вакансий о работе		Переписка о вакансии с Сидоровой С. С.			
Вербовка Сидоровой С. С. 10.10.2025		Исполнитель по показаниям Козлова А. А.			
Перемещение из РФ в КНР			Исполнитель по показаниям Сидоровой С. С. Авиабилеты «Благовещенск – Пекин» на имя жертвы	Личность не установлена. Сопровождение подтверждается по показаниям Сидоровой С. С.	
Передача покупателю 17.10.2025					Исполнитель по показаниям Сидоровой С. С., Козлова А. А.

формацию, но и показывает связи внутри системы, а именно преступного события.

Следующей формой систематизации криминалистически важной информации является составление конспектов материалов уголовного дела. По сути, данная форма является промежуточной к составлению основного рабочего плана. В конспекте плана следователь в краткой форме фиксирует существенные обстоятельства дела, делает наброски плана и ставит перед собой цель, какие обстоятельства ему необходимо выяснить [1, с. 33–34]. Н. П. Яблоков выделял следующую разновидность конспектирования как конспекты отдельных следственных действий, где также в краткой форме отражаются основные сведения доказательственной и ориентирующей информации применительно к каждому из следственных действий [3, с. 160].

При расследовании транснациональных преступлений следователю в первую очередь необходимо составить конспект по уголовному делу с указанием краткой фабулы, имеющиеся доказательственные и ориентирующие данные, обстоятельства, которые необходимо выяснить, определение первоначальных следственных действий и результаты. В будущем при составлении рабочего плана конспекты будут основой его составления (табл. 2).

Таблица 2

Конспект по уголовному делу

Элементы конспекта	Содержание
Фабула дела	Краткая фабула преступного события: время, место, способ, информация о потерпевшем, подозреваемом, свидетеле и др.
Доказательственная и ориентирующая информация	Вещественные доказательства, данные о местонахождении субъекта преступления и др.
Обстоятельства, подлежащие выяснению	Способ совершения преступления, время, место и другие обстоятельства совершения преступления.
Первоначальные следственные действия	Осмотр места происшествия, допрос, обыск, выемка.
Возможность осуществления международного сотрудничества	Наличие или отсутствие заключенных договоров между государствами и их ведомствами; есть ли политическая возможность применить принцип взаимности.
Результаты	Краткое описание полученных результатов: установлена личность подозреваемого, его местонахождение и т. п.

Несомненно, все перечисленные формы систематизации могут реализовываться без применения ЭВМ, однако их последующая цифровизация не только возможна, но и целесообразна.

Одной из проблем при расследовании преступлений Н. П. Яблоков отмечал неполноту принятого решения, приводящие к тому, что следственная ситуация становится все более неблагоприятной для следователя. Одной из основных причин ошибок при принятии тактических решений является «отсутствие навыков в накоплении доказательственной и иной ориентирующей информации, ее накоплении и систематизации» [3, с. 160]. Проанализировав практическую деятельность органов предварительного следствия и дознания, Ю. В. Гаврилин выявил ряд проблем: низкий уровень планирования расследования, а также отсутствие современной разработки и реализации планов как для производства отдельных следственных действий, так и для расследования в целом [4, с. 143].

На основе анализа научных взглядов и изучения практической деятельности следователей автор приходит к выводу, что проблема заключается в недостаточной эффективности традиционных подходов к планированию. Это выражается в использовании устаревших носителей информации (бумажные носители) и технике планирования, эффективность которых зависит от опыта и уровня знаний следователя, что зачастую приводит к низкому качеству планирования либо и вовсе его отсутствию. Как верно отмечали В. Я. Колдин и Н. С. Полевой: «Для повышения эффективности криминалистической деятельности мы прежде всего должны повысить эффективность информационных процессов, что, как показывает практика, наряду с другими мероприятиями лучше всего обеспечивается целенаправленным и многоаспектным использованием данных математики и кибернетики» [5, с. 86]. Таким образом, они указывали, что при помощи взаимодействия криминалистики с математикой и кибернетикой достигается решение по повышению эффективности процесса сбора, переработки и использования информации о событии преступления и преступнике [5, с. 86]. Такое положение, несомненно, относится и к процессу планирования.

Деятельность следователя по планированию расследования преступлений является сложным мыслительным процессом, который не должен сводиться к простой механической фиксации данных о событии в преступлении. Такая деятельность должна носить целенаправленный и систематизированный характер, которая в дальнейшем позволяла бы на основе этих данных выдвигать и проверять версии посредством следственных действий, получать новую криминалистически значимую информацию и в конечном итоге устанавливать объективную истину по уголовному делу.

По своей сути, деятельность следователя по расследованию преступлений представляет собой процесс криминалистического моделирования объективной действительности в определенную систему (сначала преимущественно в мысленную), конечным результатом которого является преобразование мысленной модели в материальную (схемы, планы и др.) для целей расследования. Так как зачастую криминальное событие обладает обширным массивом данных, то ее систематизация может усложняться. И в связи с развитием информационных технологий, процессов, систематизацию такой информации целесообразно осуществлять с помощью программных обеспечений для ЭВМ.

Для решения указанных проблем в ходе настоящего исследования нами было разработано специализированное программное обеспечение для ЭВМ, призванное автоматизировать работу следователя по планированию расследования. Основой для разработки такого программного обеспечения послужил тезис, согласно которому планирование расследования транснациональных преступлений представляет собой целенаправленную познавательную деятельность по преобразованию исходной неструктурированной информации о событии преступления, содержащейся в криминальной и следственной ситуации, в логически организованную систему знаний. Следователь, планируя расследования, так или иначе, всегда будет придерживаться определенного алгоритма, иначе «формулы», например, для того, чтобы проверить информацию о событии преступления, он всегда выдвигает версии и проверяет посредством проведения следственных действий. Мы предлагаем такую информационную модель, в которой криминалистически значимая информация, составляющая содержание следственной и криминальной ситуации, структурируется в виде взаимосвязанных информационных блоков. Каждый блок последовательно анализируется и проверяется посредством выдвижения и про-

верки следственных версий. Математическим выражением данной модели является «блок-схема», реализованная в алгоритме программы для ЭВМ: «Р = = Б[Способ*(П) + Субъект*(П) + Потерпевший*(П) + Механизм*(П) + Обстановка*(П)] + Систематизация + П (Следственная версия + Следственные действия) → Истина → Итерация» (рис. 3).

Расшифровка элементов.

1. «Р» (результат) — это конечная цель всего процесса планирования: раскрытие преступления и установление объективной истины по уголовному делу.

2. «Б» (блок) — это совокупность информационных блоков криминальной и следственной ситуации. Каждый блок содержит криминалистически значимые данные, которые подлежат проверке посредством «П».

3. «Систематизация» — это логическая обработка информации, в ходе которой разнородные данные преобразуются в целостную систему. На этом этапе устанавливаются связи между элементами, проверяются и дополняются информационные блоки следственной ситуации.

4. «П» (проверка) — это процесс проверки и восполнения недостающих данных в информационных блоках следственной ситуации посредством выдвижения и проверки следственных версий (переход от гипотезы к истине). Для каждой версии определяется программа ее проверки, а именно проведение следственных действий.

5. «Истина» — это результат, полученный при взаимодействии «Б» и «П».

6. «Итерация» — необязательно, но может проводиться в случае уточнения полученных данных, т. е. повторение всего процесса заново.

7. Знак «*» представляет собой взаимосвязь между конкретным информационным блоком криминальной и следственной ситуации (например, способ совершения преступления) и проверкой «П», которая посредством выдвижения следственных версий и проверки следственными действиями восполняет недостающие элементы в блоке и в дальнейшем все информационные блоки суммируются и приобретает «истину».

Такую формулу логической операции планирования мы отобразили в виде программного кода «Python», преобразованной в графический интерфейс. В связи можно вспомнить высказывание К. Маркса: «Наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» [6, с. 66].

Формы и выражения систематизации криминалистически важной информации, содержащейся в криминальной и следственной ситуации, являются разнообразными. Следователь выбирает сам, как ему необходимо систематизировать такую информацию. Но в любом случае она должна носить визуальное (графическое) выражение информации. В данном случае применяется метод сетевого планирования, сущность которого заключается в графическом мо-

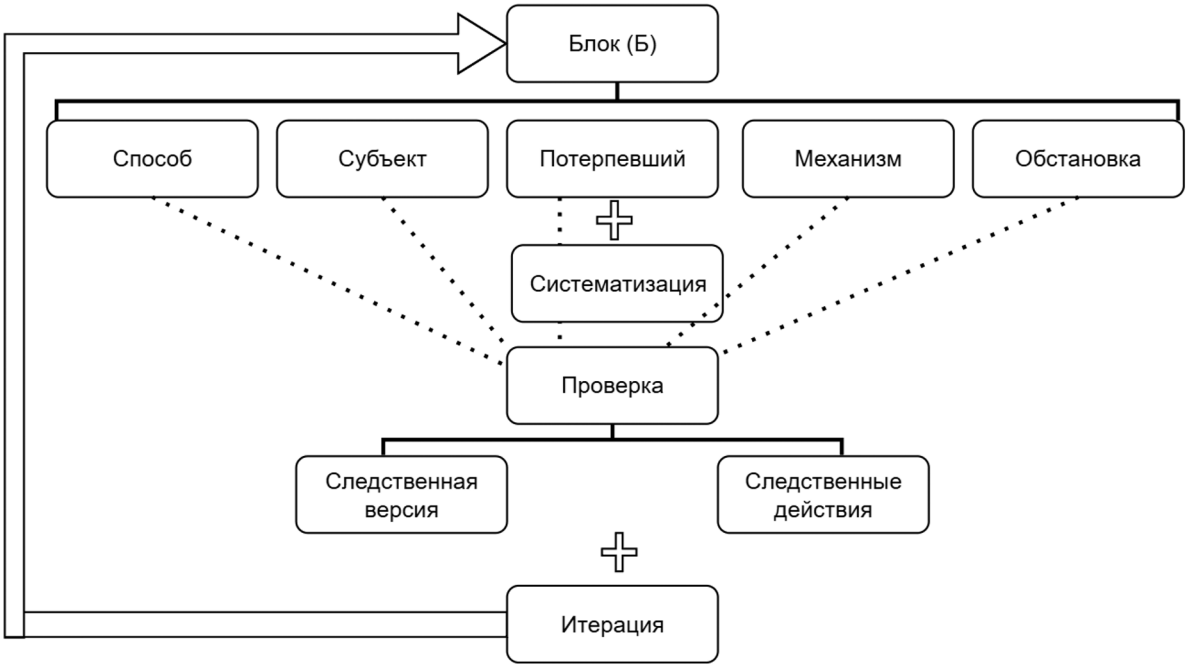

Рис. 3. Формула, реализованная в алгоритме программы для ЭВМ

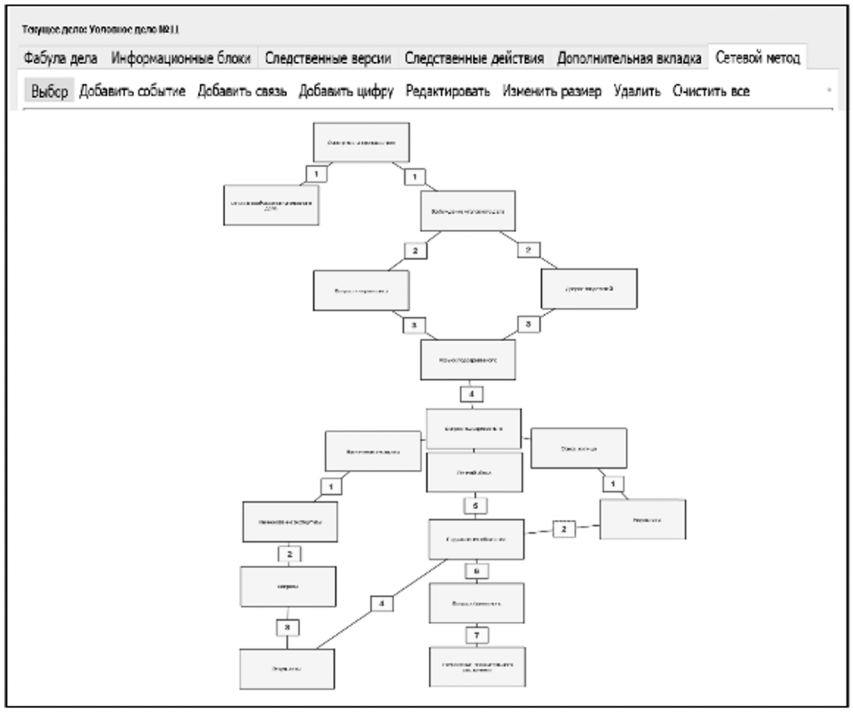

Рис. 4. Интерфейс программного обеспечения: вкладка «Сетевой метод» планирования расследования по уголовному делу

делировании процесса следственной деятельности. Данный метод основан на структурировании всего объема работ на отдельные логически связанные операции, обозначаемые как события [1, с. 28]. События, представляющие собой завершения определенных этапов, визуализируются на сетевом графике с помощью геометрических фигур (круг, овал, квадрат и т. п.). Взаимосвязь между событиями устанавливается посредством стрелок, отображающих выполняемые работы и их направленность. Совокупность последовательных событий и связывающих их работ образует путь, а его продолжительность определяется суммой деятельностей всех входящих в него операций. Критическим называется путь, имеющий максимальную суммарную деятельность среди всех возможных путей графика [4, с. 145]. В разработанном нами программном обеспечении «Система информационного планирования расследования (СИПРа)» реализован сетевой метод планирования.

Его основная функциональность — визуализировать и оптимизировать процесс расследования через построение сетевых графиков. Следователь вносит в модель отдельные события (например, следственные действия, информация о субъектах расследования и т. п.), устанавливая между ними связи. Данный сетевой метод интегрирован в программное обеспечение и может выглядеть следующим образом (рис. 4).

Таким образом, следователь может применять любые графические и иные формы систематизации криминалистической информации, причем данная программа, исходя из заполненной информации о «информационных блоках», «следственной версии», «следственных действиях» и «результатах», может автоматически визуализировать информацию (рис. 5).

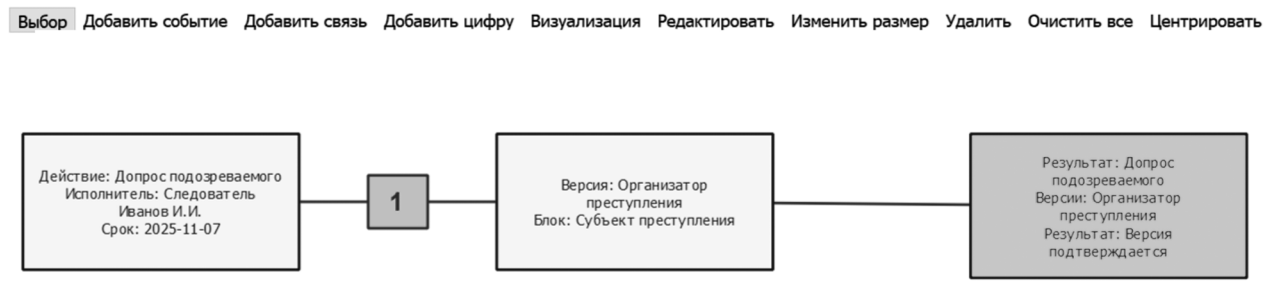

Рис. 5. Интерфейс программного обеспечения: вкладка «Сетевой метод» планирования расследования по уголовному делу

Таким образом, проанализировав различные подходы к формам систематизации криминалистически значимой информации, можно сделать вывод, что наиболее эффективной и перспективной является систематизация такой информации в виде специализированного программного обеспечения для ЭВМ, основанного на методе сетевого планирования. В нем следователь может систематизировать и визуализировать данные, содержащиеся в отдельных информационных блоках криминальной и следственной ситуаций. При этом следует отметить, что программа выступает, прежде всего, инструментом, облегчающим составление планов, в то время как содержательное и методическое наполнение таких планов лежит на следователе.

Криминалистика, находясь на пороге научно-технического прогресса, обязана использовать достижения других наук для решения своих задач. Специализированное программное обеспечение, созданное для ЭВМ, предназначенное для целей расследования, основано на достижениях математики. Однако его теоретическую основу, наполнение составляет криминалистика. Такая взаимосвязь и взаимопроникновение наглядно показывает, насколько эффективен такой подход.

Список источников

1. Долженко Н. И., Жукова Н. А., Ярощук И. А. Планирование расследования: учеб. пособие. Белгород, 2021.

2. Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. М. : Юристъ, 1997.

3. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005.

4. Гаврилин Ю. В., Можаева И. П. Совершенствование технологий планирования расследования преступлений на современном этапе развития криминалистических знаний // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 142–147.

5. Колдин В. Я., Полевой Н. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1985.

6. Лафарг П. Воспоминания о Марксе. В кн.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956.

References

1. Dolzhenko N. I., Zhukova N. A., Yaroshchuk I. A. Investigation planning: textbook. Belgorod, 2021.

2. Obraztsov V. A. Identification and exposure of a criminal. M. : Yurist, 1997.

3. Criminalistics: textbook / ed. by N. P. Yablokov. 3rd ed., revised. M. : Jurist, 2005.

4. Gavrilin Yu. V., Mozhaeva I. P. Improving crime investigation planning technologies at the current stage of development of criminalistic knowledge // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (46). P. 142–147.

5. Koldin V. Ya., Polevoy N. S. Information processes and structures in criminology. M., 1985.

6. Lafargue P. Memoirs of Marx. In the book: Memoirs of Marx and Engels. M., 1956.

Информация об авторе

Ш. И. Шарифходжаев — ассистент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии.

Information about the author

Sh. I. Sharifkhodzhaev — Assistant of the Department of Criminology of the Saratov State Law Academy.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 343.56
EDN: https://elibrary.ru/zkfrvi
NIION: 2022-0089-1/26-395
MOSURED: 77/27-031-2026-01-395

Криминальный консалтинг как элемент организованной преступной игорной деятельности

Никита Павлович Шевкопляс
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, public.sh.nik.2022@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена категория «криминальный консалтинг». Содержание указанной категории обусловлено большой ролью пособнической деятельности в обеспечении предикатного вида преступной деятельности. При этом, зачастую применительно к подобной деятельности зачастую как не дается надлежащая уголовно-правовая оценка, так и не предпринимаются необходимые меры по уголовному преследованию. Указанное влечет становление «криминального консалтинга» как формы востребованного преступного промысла. Отмечено, что «криминальных консалтинг» заключается в предоставлении разовых и систематических криминальных услуг, направленных на обеспечение предикатного вида преступной деятельности — организованной преступной игорной деятельности. При этом, «криминальный консалтинг» может распространяться на несколько видов преступной деятельности одновременно, что образует определенный «синергетический» эффект, который должен подлежать необходимым уголовно-правовой квалификации и доказыванию.

Ключевые слова: азартные игры, пособничество, криминальные услуги, консалтинг, аутсорсинг, организованная преступная игорная деятельность, информационно-аналитическая работа, аддикция

Для цитирования: Шевкопляс Н. П. Криминальный консалтинг как элемент организованной преступной игорной деятельности // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 173–178. EDN: ZKFRVI.

Original article

Criminal consulting as an element of organized criminal gambling activity

Nikita P. Shevkoplyas
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia, public.sh.nik.2022@yandex.ru

Abstract. The category «criminal consulting» was considered. The content of this category is due to the large role of aiding activities in ensuring the predicate type of criminal activity. At the same time, often in relation to such activities, a proper criminal legal assessment is often not given, and the necessary measures for criminal prosecution are not taken. This entails the formation of «criminal consulting» as a form of demanded criminal business. It is noted that «criminal consulting» consists in the provision of one-time and systematic criminal services aimed at ensuring the predicate type of criminal activity — organized criminal gambling activity. At the same time, «criminal consulting» can extend to several types of criminal activity at the same time, which forms a certain «synergistic» effect, which should be subject to the necessary criminal legal qualifications and evidence.

Keywords: gambling, complicity, criminal services, consulting, outsourcing, organized criminal gambling activity, information and analytical work, addiction

For citation: Shevkoplyas N. P. Criminal consulting as an element of organized criminal gambling activity. Forensic science and research. 2026;(1):173–178. (In Russ.). EDN: ZKFRVI.

Введение. В связи с запретами игорной деятельности на основной территории Российской Федерации в период 2006–2011 гг. игорный бизнес в большинстве своем стал носить противоправный характер. Намерение участников игорной деятельности продолжать заниматься ею вне законодательного регулирования и, как следствие, необходимость привлечения большого количества материально-финансовых и кадровых ресурсов для осуществления незаконного игорного бизнеса, привело к тому, что указанный бизнес «эволюционировал» в деятельность организованных форм преступности, подпадающую под действие ст. 171.2 УК РФ [1]. В результате образовался особый вид преступной деятельности — организованная преступная игорная деятельность (далее — ОПИД), в которой принимают участие различные участники, в том числе в качестве пособничества по предоставлению криминальных услуг.

Исследовательская часть. Согласно положениям фазового анализа, механизм преступной деятельности реализуется при помощи функций, по которыми стоит понимать определенные направления деятельности при совершении преступления, требующиеся для выполнения определенных задач [2, с. 118–121].

© Шевкопляс Н. П., 2026

Применительно, к ОПИД, это, в том числе, функции: обеспечения деятельности, осуществление операций с денежными средствами, работы с клиентами, безопасности (которые можно считать универсальными, по причине их встречаемости на нескольких фазах).

Наличие той или иной функции при осуществлении незаконной игорной деятельности и сама сложность данного процесса приводят к необходимости привлечения большего количества персонала, распределению обязанностей между ними и, следовательно, их специализации, необходимости образования профильных подразделений. Указанное говорит о причастности к незаконной игорной деятельности форм соучастия, что преобразует данную преступную деятельность из обычной в организованную.

Рассматривая организованную преступную игорную деятельность, стоит, уделив внимание такому виду соучастия, как пособничество. Говоря о содержании данного института, представляется обоснованной точка зрения М. Г. Горенко, который под пособником понимает «лицо, содействовавшее совершению преступления любым способом, а также лицо, заранее давшее обещание оказать любое содействие в постпреступной деятельности», без ссылки на конкретные способы содействия, как указано в текущей редакции ч. 5 ст. 33 УК РФ. При этом, пособничество может осуществляться не только в отношении исполнителя, но и других соучастников: организатора, подстрекателя или пособника [3, с. 9, 18]. Применительно к ОПИД пособничество будет касаться реализации универсальных функций, направленных на создание условий для проведения азартных игр, для чего стоит привести ряд примеров. Необходимо отметить, что в правоприменении квалификация действий такого соучастника относительно редка, по причине непонимания практиками содержания данного института. По этой причине, зачастую потенциальные обвиняемые остаются в статусе свидетелей, несмотря на активную роль в механизме преступной деятельности.

Пособничество при реализации функции обеспечения в рамках ОПИД может касаться предоставления помещения для игорной деятельности (субаренда, не путать с диспозицией ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, где указана аренда), документации на юридическое лицо или ИП, игрового оборудования, а также персональную разработку игрового софта с последующей продажей, подбор соискателей (рекрутинг), логистику, тематический ремонт и иное.

Примером пособничества при реализации функции обеспечения организованной преступной игорной деятельности может служить следующий пример. Д. в период с 1 января 2021 г. по 31 мая 2021 г., предоставил Б. средство совершения преступления — арендуемое им нежилое помещение, которое было переоборудовано в игровой клуб, в котором в период с 1 июня 2021 г. по 2 июня 2022 г. незаконно осуществлялась деятельность по организации и проведению азартных игр. Действия Д. квалифицированы по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 171.2 УК РФ[1].

Далее, пособничество при реализации функции по работе с активами может быть осуществлено при предоставлении средств платежа (банковских карт, средств эквайринга) третьими лицами (дропами), руководство такими лицами (дроповоды), участии в деятельности по легализации преступных доходов. Стоит отметить, что перечисленные действия по законодательству РФ уголовно наказуемы по ст. 174 и 187 УК РФ, что не исключает квалификации по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 171.2 УК РФ.

В качестве примера подобного невмененного пособничества можно привести следующий случай. А. открыл на свое имя банковскую карту и передал ее в пользование С., являющегося организатором незаконных организации и проведения азартных игр. На банковский счет, открытый на имя А., в результате преступной деятельности поступили безналичные денежные средства в размере не менее 8 204 700 руб., в виде ставок игроков. Деятельность организованной группы была квалифицирована по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ[2].

Следующим видом пособничества является его роль в реализации функции по работе с клиентами. К такому пособничеству можно отнести весь спектр маркетинговых мероприятий: работа маркетологов, а также рекламодателей, владельцев и системных администраторов тематических сайтов, сотрудников службы поддержки, вэб-дизайнеров, таргетологов (интернет-реклама), знаменитостей, участвующих в рекламе (инфлюенсеров, блогеров), их продюсеров и других лиц. На текущий вид пособничества стоит обратить особое внимание, по причине того, что маркетинг незаконного игорного предприятия является важным фактором по вовлечению аудитории игроков в сферу азартных игр, а также по поиску контрагентов — распространителей игрового софта [4].

---

[1] Обвинительное заключение по уголовному делу № ****25 (2023) СУ СК России по Камчатскому краю // По мат. Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

[2] Обвинительное заключение по уголовному делу № ****21 (2023) ГСУ СК России по Красноярскому краю // По мат. Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Примером невмененного пособничества можно считать функционирование организованной группы, занимающейся производством и распространением игрового софта иным незаконным игорным заведениям на всей территории РФ по принципу франчайзинга. Распространение игрового софта осуществлялось через специализированный сайт, функционирование которого обеспечивали системный администратор и вэб-дизайнер. В результате деятельность указанной организованной группы, производящей игровой софт, была квалифицирована по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ[3].

Далее, как вид пособничества можно привести участие в реализации функции безопасности. Это может выражаться в установке систем видеонаблюдения в незаконных игорных заведениях, привлечения частных охранных организаций, «пробив» информации о клиентах, соискателей на работу в незаконном игорном заведении, номинальное оформление на себя юридических лиц, связанных с незаконной игорной деятельностью, работы коррупционеров, недобросовестных адвокатов и экспертов. Некоторые из перечисленных действий могут быть отдельно квалифицированы по ст. 137, 173.1, 173.2, 285 УК РФ и иным.

В качестве примера данного вида пособничества можно привести следующий случай. Так, С. предоставил документацию и печать своего ИП для обеспечения прикрытия преступного сообщества, осуществляющего незаконные организацию и проведение азартных игр, возглавляемого Д. Кроме того, С. для сокрытия втайне личности Д., выступал в качестве его номинального представителя в правоохранительных органах. Деятельность С. была квалифицирована по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 171.2 УК РФ, а Д. по ч. 1 ст. 210 УК РФ, ч. 3 ст. 171.2 УК РФ[4].

Вернемся к изучению структуры незаконного игорного предприятия. Выше упоминалось, что специализация ОПИД влечет необходимость выделения специальных преступных ролей и образования профильных подразделений, что обусловливает признак организованности данной деятельности. Указанное говорит о причастности к незаконной игорной деятельности форм соучастия, что преобразует преступную деятельность из обычной в организованную. Поэтому, с позиции уголовно-правовой оценки, деятельность незаконного игорного предприятия может быть квалифицирована, используя подход А. И. Долговой как организованная группа, преступная организация и преступное сообщество [5 с. 572]. Более подробно хотелось бы обратить внимание на последнюю «непопулярную» форму соучастия.

Учитывая мнение А. И. Долговой, преступное сообщество — это объединение организованных групп, действующих на равных, партнерских и координируемых отношениях и имеющих общие экономические интересы по извлечению преступного дохода — преступного сообщества [5, с. 302–315, 351–369]. Применимо к последней форме можно сказать, что ОПИД заключается не только в функционировании отдельно взятого незаконного игорного предприятия, но и его взаимодействии с иными субъектами, в том числе, преступными предприятиями. К таким субъектам, оказывающим «криминальные услуги» относятся: поставщики игрового оборудования, разработчики игрового программного обеспечения, администраторы сайтов, на которых распространяется тематическая реклама и иные участники нелегальной игорной сферы, перечисленные выше при описании форм пособничества ОПИД. Подобная организация создает специализированный рынок криминальных услуг, действующую по своим технологиям и правилам, участники которого действуют на равных взаимовыгодных условиях по получению своей доли преступного дохода.

Изложенное позволяет допустить, что задачи незаконного игорного предприятия, обычно возлагаемые на специальные преступные роли и профильные подразделения, могут быть оптимизированы посредством «аутсорсинга», согласно положениям менеджмента [6, с. 543]. В данном случае можно говорить о форме преступной кооперации, где привлечение сторонних организаций и лиц к незаконной игорной деятельности для оказания криминальных услуг можно рассматривать как вид пособничества [7; 8].

Стоит отметить, что физическое и интеллектуальное пособничество возможны как разово, так и систематически; т. е. предоставление соответствующих эпизодических или постоянных криминальных услуг, способствующих осуществлению преступной деятельности. Такие криминальные услуги предоставляются на всех фазах путем получения необходимых советов или создания определенных условий, образующих благоприятную обстановку и минимизирующих предпринимательские и защитные риски незаконного игорного предприятия в процессе его функ-

[3] Обвинительное заключение по уголовному делу № ****01 (2020) СУ СК России по Республике Татарстан // По мат. Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

[4] Обвинительное заключение по уголовному делу № ****41 (2020) СУ СК России по Калининградской области // По мат. Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

ционирования. Указанное позволяет говорить о допустимости употребления категории «криминальный консалтинг», которую стоит рассмотреть подробнее.

По мнению Н. В. Князевой, «консалтинг — это полный или частичный аутсорсинг бизнес-процессов» [9, с. 75]. В. А. Жалова считает, что «консалтинг — это платная деятельность, осуществляемая профессиональными консультантами, направленная на предоставление разовой или перманентной квалифицированной помощи с целью оптимизации функционирования организации в различных финансово-экономических, юридических и других сферах деятельности организации» [10, с. 35].

Учитывая содержание указанных определений, можно сказать, использование понятия «криминальный консалтинг» относительно функционирования конкретного незаконного игорного предприятия (далее — НИП) вполне оправдано, так как оказываемые соответствующим субъектом криминальные услуги могут касаться и иных преступных проявлений, т. е. иметь в качестве потребителей других преступных субъектов (например, организованные группы, специализирующиеся на рейдерстве, хищениях, созданию и распространению порнографии и т. д.), что соотносится с положениями системно-деятельностного подхода о взаимосвязанных преступлениях [11; 12]. Указанное говорит уже о систематической разноплановой преступной деятельности, которая будет являться «катализирующим» фактором для иных видов преступной деятельности. При этом, «криминальный консалтинг», возможен не только как форма пособничества, но и в качестве соисполнительства в зависимости от роли и вовлеченности в преступную деятельность.

Однако, хотелось бы остановиться на сущности «криминального консалтинга» на примере организованной преступной игорной деятельности, уделив внимание ее ключевым функциям: безопасности и работе с клиентами.

Ранее Б. Я. Гавриловым и В. П. Лавровым было высказано мнение о том, что «противодействие» может выступать как самостоятельная система, не входящая в понятие «механизм преступления» [13, с. 22]. Учитывая, что понятие «функция безопасности» шире понятия «противодействия расследованию» [14], это может быть основанием считать, что и функция безопасности может быть реализована не только непосредственными исполнителями ОПИД, но и другими лицами, в том числе занимающимися иными видами преступной деятельности. При этом указанная деятельность относительно ОПИД — предикатного вида преступной деятельности, будет носить обеспечительный характер и в рамках «криминального консалтинга» касаться участия коррупционеров, частных охранный предприятий, недобросовестных юристов и экспертов и т. п.

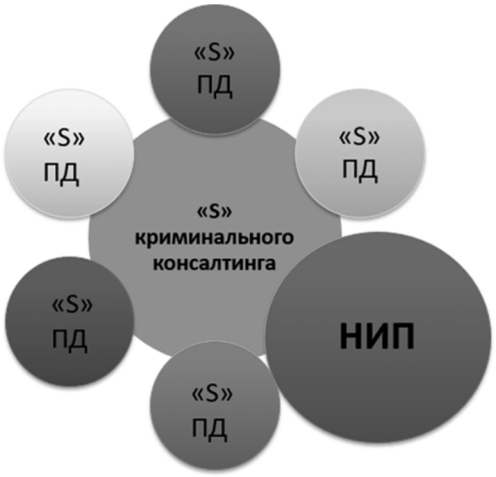
Применительно к ОПИД можно привести следующий пример. Так, на территории Российской Федерации действовало экспертное учреждение, аффилированное с преступным сообществом, маскирующимся под деятельность букмекерских контор и имеющее несколько филиалов в разных регионах. В заключениях, выдаваемых указанным экспертным учреждением, содержались выводы об отсутствии в оборудовании букмекерских контор, программного обеспечения аналогичного игровому софту для незаконной игорной деятельности. По итогу, в случаях доследственных проверок, а также при расследовании уголовных дел, руководителями филиалов преступного сообщества демонстрировались экспертные заключения только вышеуказанного учреждения, для обоснования законности собственной деятельности и, тем самым, воспрепятствования в установлении фактов азартных игр. В итоге вышеуказанное экспертное учреждение выступило субъектом «криминального консалтинга» при реализации функции безопасности[5].

Говоря о функции по работе с клиентами, стоит сказать, что ранее частично на такую возможность пособничества при незаконной игорной деятельности указывали Б. Р. Аветисян, К. Р. Аветисян [7]. Специфика нелегального рынка азартных игр, с одной стороны, делает его зависимым от спроса игроков, с другой стороны — активно оказывает влияние на формирование данного спроса. Указанное позволяет широко применять инструменты маркетинга, как элемента реализации функции по работе с клиентами, для обеспечения предикатного вида преступной деятельности, в том числе путем привлечения возможностей «аутсорсинга» в виде тематических сайтов или услуг маркетологов-фрилансеров. В ходе проведен-

[5] Обвинительное заключение по уголовному делу № ****63 (2023) ГСУ СК России по Красноярскому краю; обвинительное заключение по уголовному делу № ****32 (2017) СУ СК России по Волгоградской области; обвинительное заключение по уголовному делу № ****65, ****66 (2022) СУ СК России по Оренбургской области; обвинительное заключение по уголовному делу № ****26 (2021) СУ СК России по Магаданской области; обвинительное заключение по уголовному делу № ****11 (2021) СУ СК России по Республике Мордовия; обвинительное заключение по уголовному делу № ****38 (2020) СУ СК России по Нижегородской области; обвинительное заключение по уголовному делу № ****39 (2023) СУ СК России по Ханты-Мансийскому автономному округу // По мат. Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

ного исследования было установлено несколько схожих случаев распространения и получения информации об игровом софте, как для клиентов-игроков, так и для клиентов-распространителей. А именно, через сайт Российской Ассоциации Развития Игорного Бизнеса (www.Rarib.ru), несколько незаконных игорных предприятий на территории РФ имели возможность рекламировать собственные программные обеспечения для проведения азартных игр, а также заключить соглашения на его использование по принципу франчайзинга. Следовательно, указанный сайт выступил субъектом «криминального консалтинга», при реализации функции по работе с клиентами[6].

Учитывая изложенное, стоит дать определение категории «криминальный консалтинг», под которым стоит понимать совокупности сторонних криминальных услуг в формах физического и интеллектуального пособничеств, направленных на обеспечение функционирования одного и более предикатных видов преступной деятельности (далее — ПД), в контексте данной работы — организованной преступной игорной деятельности (см. схему).

Выводы. В заключение стоит сказать, что феномен «криминального консалтинга» как самостоятельного структурного элемента взаимосвязанной преступной деятельности, оказывающего на нее «синергетический» эффект, имеет важную теоретическую значимость. Учитывая специфику совершения преступлений в прошедшем и текущем десятилетии, правоохранительные органы неоднократно сталкивались с ситуациями, когда незаконная не только игорная, но и иная преступная деятельность обеспечивалась, провоцировалась и координировалась внешне правомерной деятельностью, в том числе с использованием дистанционных информационных технологий. Изложенное позволяет дать адекватную оценку систематическому и разнонаправленному пособничеству используя понятие «криминальный консалтинг», формулировка и содержание которого могут быть несовершенными и требовать последующей доработки.

Практическая значимость предложенного понятия может заключаться в учете данного феномена в уголовно-правовой квалификации «пособнической» преступной деятельности, а также в процессе ее доказывания, в том числе с использованием возможностей информационно-аналитической работы. Знание о «криминальном консалтинге» может быть учтено при расследовании многоэпизодных преступлений.

Таким образом, в указанной статье была рассмотрена категория «криминальный консалтинг». Установлено, что в содержание организованной преступной игорной деятельности входит разовая и систематическая пособническая деятельность при реализации функций: обеспечения деятельности, осуществление операций с денежными средствами, работы с клиентами, безопасности. При этом, «криминальный консалтинг» может распространяться на несколько видов преступной деятельности одновременно, что образует определенный «синергетический» эффект, который должен подлежать необходимым уголовно-правовой квалификации и доказыванию.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997.

3. Горенко М. Г. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-правовое и прикладное исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.

4. Шевкопляс Н. П. Маркетинг как элемент реализации функции незаконного игорного предприятия по работе с клиентами // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 4 (38). С. 204–211.

5. Долгова А. В. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.

[6] Обвинительное заключение по уголовному делу № ****13 (2022) СУ СК России по Республике Мордовия; обвинительное заключение по уголовному делу № ****01 (2020) СУ СК России по Республике Татарстан; обвинительное заключение по уголовному делу № ****13 (2023) СУ СК России по Республике Чувашия // По мат. Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

6. Анохов И. В. Фирма как идеальная система // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 4. С. 541–549.

7. Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. К вопросу об уголовной ответственности пособника в организации и проведении азартных игр вне игорной зоны // Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8 т. 2017. С. 295–297.

8. Banks J. Online Gambling and Crime: Causes, Controls and Controversies // Routledge. 2014.

9. Князева Н. В. Консалтинг: определения и особенности // Аудиторские ведомости. 2010. № 4. С. 73–81.

10. Жалова В. А. Сущность консалтинга и основные подходы к его определению // Вестник науки. 2023. Т. 5. № 10 (67). С. 29–37.

11. Шабанов В. Б., Ермолович В. Ф. Соотношение криминалистической характеристики преступлений со следственными ситуациями, предметом доказывания, версиями и задачами расследования преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (27). С. 79–84.

12. Антонов О. Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 161–170.

13. Гаврилов Б. Я., Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов. М., 2025.

14. Шевкопляс Н. П. Реализация функции безопасности в рамках деятельности игорного предприятия // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России. 2024. Т. I. С. 245–250.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // LRS «ConsultantPlus».

2. Lubin A. F. The mechanism of criminal activity. Methodology of criminalistic research. N. Novgorod, 1997.

3. Gorenko M. G. Institute of Special types of organization, incitement and complicity of criminal activity (theoretical, legal and applied research): the abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2023.

4. Shevkoplyas N. P. Marketing as an element of the implementation of the function of an illegal gambling enterprise for working with clients // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2023. No. 4 (38). P. 204–211.

5. Dolgova A. V. Crime, its organization and criminal society. M., 2003.

6. Anokhov I. V. Firm as an ideal system // News of Baikal State University. 2016. Vol. 26. No. 4. P. 541–549.

7. Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. On the issue of criminal liability of an accomplice in organizing and conducting gambling outside the gambling zone // Collection of abstracts of speeches and reports of participants. In the 8 vol. 2017. P. 295–297.

8. Banks J. Online Gambling and Crime: Causes, Controls and Controversies // Routledge. 2014.

9. Knyazeva N. V. Consulting: definitions and features // Audit reports. 2010. No. 4. P. 73–81.

10. Zhalova V. A. The essence of consulting and the main approaches to its definition // Bulletin of Science. 2023. Vol. 5. No. 10 (67). P. 29–37.

11. Shabanov V. B., Ermolovich V. F. Correlation of criminalistic characteristics of crimes with investigative situations, the subject of evidence, versions and tasks of crime investigation // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (27). P. 79–84.

12. Antonov O. Y. Criminalistic structure of interrelated types of crimes: content, classification and for the development of complex methods of crime investigation // Actual problems of Russian law. 2018. No. 9 (94). P. 161–170.

13. Gavrilov B. Ya., Lavrov V. P. Countering the investigation of crimes and measures to overcome it: textbook for universities. M., 2025.

14. Shevkoplyas N. P. Implementation of the security function within the framework of the gambling enterprise // Criminalistic and criminal procedural means of ensuring economic security of Russia. 2024. Vol. I. P. 245–250.

Информация об авторе

Н. П. Шевкопляс — аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Information about the author

N. P. Shevkoplyas — Postgraduate student of the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training and Organization of Scientific Research of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 02.03.2026.
The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 02.03.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/vueuwt
NIION: 2022-0089-1/26-396
MOSURED: 77/27-031-2026-01-396

Присвоение и растрата в уголовном судопроизводстве: доказывание умысла и предмета преступления

Нодари Дарчоевич Эриашвили
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы доказывания в уголовных делах о присвоении и растрате (ст. 160 УК РФ). Особое внимание уделено двум ключевым и наиболее сложным элементам состава преступления: предмет преступления (вверенное имущество) и субъективная сторона (прямой умысел). Анализируется юридическая природа «вверенного» имущества; выделяются критерии его отграничения от иных форм владения.

Ключевые слова: присвоение, растрата, Уголовный кодекс Российской Федерации, вверенное имущество, предмет преступления, прямой умысел, доказывание, квалификация хищения, злоупотребление доверием, косвенные доказательства, разграничение составов, уголовно-процессуальные доказательства

Для цитирования: Эриашвили Н. Д. Присвоение и растрата в уголовном судопроизводстве: доказывание умысла и предмета преступления // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 179–184. EDN: VUEUWT.

Original article

Misappropriation and embezzlement in criminal proceedings: proving intent and the subject of the crime

Nodari D. Eriashvili
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

Abstract. Topical problems of proof in criminal cases of misappropriation and embezzlement are considered (Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation). Particular attention is paid to two key and most complex elements of the corpus delicti: the subject of the crime (entrusted property) and the subjective side (direct intent). The legal nature of the «entrusted» property is analyzed; the criteria for its delimitation from other forms of ownership are distinguished.

Keywords: misappropriation, embezzlement, Criminal Code of the Russian Federation, entrusted property, subject of crime, direct intent, proof, qualification of theft, abuse of trust, circumstantial evidence, differentiation of crimes, and criminal procedural evidence

For citation: Eriashvili N. D. Misappropriation and embezzlement in criminal proceedings: proving intent and the subject of the crime. Forensic science and research. 2026;(1):179–184. (In Russ.). EDN: VUEUWT.

Актуальность темы исследования заключается в высокой распространенности и латентности преступлений. Присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) — одни из самых частых преступлений в экономической сфере. Они совершаются в самых разных сферах: от ЖКХ и госзакупок до корпоративного управления. Актуальность обусловлена постоянной необходимостью совершенствовать методы их расследования и доказывания.

Предметом научного исследования является комплекс проблем, связанных с установлением и доказыванием в уголовном процессе объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

Возбуждение уголовного дела по факту хищения вверенного имущества по ст. 160 УК РФ является сложной процедурой. Центральное место в ней занимает установление и доказывание двух фундаментальных компонентов: наличия у подозреваемого прямого умысла на обращение доверенных ему ценностей в свою собственность и особого статуса самого предмета посягательства — имущества, находившегося у обвиняемого на законных основаниях в момент начала противоправной деятельности. От

© Эриашвили Н. Д., 2026

корректного определения данных фактов в прямой зависимости находятся как правильная правовая оценка деяния, так и окончательный результат судебного процесса.

Ключевое отличие присвоения от растраты состоит в том, что присвоенное имущество незаконно удерживается владельцем, не передаваясь обратно собственнику, тогда как растраченное — потребляется или отчуждается. Оба деяния содержат все основные признаки хищения: они совершаются безвозмездно, противоправно и с корыстной целью.

Ряд экспертов в комментариях к ст. 160 УК РФ отмечает, что растрату можно рассматривать как следующую стадию после присвоения. Однако такой подход привел бы к ситуации, когда одно противоправное действие с доверенным имуществом имело бы два момента окончания преступления: сначала присвоение, а затем растрату. На практике, пока имущество находится в неправомерном владении виновного, его действия квалифицируются как присвоение. Если же будет доказано, что материальные ценности были фактически израсходованы или отчуждены, то речь может идти исключительно об их растрате.

Необходимо отметить, что действия по присвоению и растрате не подлежат одновременной квалификации в отношении одного и того же имущественного объекта; кроме того, присвоение не может трансформироваться в растрату. Непосредственным объектом указанных противоправных действий является собственность, владельцем которой является иное лицо, однако вверенная виновному на законных основаниях.

Характер охраняемого имущества обуславливает и специфические черты лица, совершающего подобное деяние. Вверенным считается то имущество, которое, во-первых, было законной собственностью потерпевшего на момент нарушения, а во-вторых, пребывало в правомерном ведении или управлении самого виновного [1].

Имущество, считающееся вверенным, — это собственность иного лица, переданная на основании гражданско-правовых или трудовых соглашений, а также по другим законным причинам, не предполагающим перехода права собственности. Лицо, которому оно передано, наделяется в его отношении определенными правомочиями: возможностью владеть, пользоваться или распоряжаться им. Содержание уголовно-правового понятия «вверенное имущество» в юридической науке и правоприменительной практике понимается неоднозначно. В уголовно-правовой доктрине также отсутствует единообразное понимание сути данного термина. Так, К. Ш. Уканов характеризует вверенное имущество как материальные ценности, добровольно переданные собственником другому лицу для осуществления действий, имеющих юридическое значение [2, с. 89–94]. И. А. Клепицкий полагает, что к вверенному относится имущество, переданное лицу на законных основаниях во владение. Это распространяется и на собственность, переданную по трудовому или гражданско-правовому договору, причем форма такого договора может быть как письменной, так и устной [3]. Н. В. Вишнякова определяет вверенное имущество как собственность, находящуюся в правомерном владении лица вследствие его служебного положения, профессиональных функций, договорных обязательств или специального поручения. Лицо, в чьем ведении оно находится, получает полномочия по его распоряжению, управлению, перевозке, использованию или хранению и обязано обеспечить его сохранность, неся за это полную ответственность [4]. С точки зрения Н. П. Лопашенко, вверенность представляет собой действие, в процессе которого собственник или иной законный владелец передает имущество другому лицу, изначально не имеющему на него каких-либо прав. Цель передачи состоит в том, чтобы это лицо реализовало определенные правомочия или их совокупность, изначально принадлежащие правомерному владельцу. Подобное правоотношение возникает как при наделении виновного почти всем объемом прав собственника, так и при предоставлении ему возможности осуществлять лишь одно из правомочий в отношении переданного имущества [5].

Анализ норм ст. 160 УК РФ приводит к выводу, что законодатель ограничивает предмет присвоения или растраты исключительно имуществом, переданным виновному на основании доверия. Таким образом, действия лиц, в чьем управлении или распоряжении находилось имущество, но которое им лично не было вверено (например, главные бухгалтеры, руководители организаций), под эту статью не подпадают, поскольку имущество было доверено подчиненным им материально ответственным сотрудникам. Содержательно и этимологически термины «находиться в ведении» и «быть вверенным»

не являются тождественными, их смысловые объемы различны.

Согласно определениям, приведенным в Толковом словаре В. И. Даля, глагол «ведать» подразумевает «управление или распоряжение в рамках предоставленных полномочий». В свою очередь, «вверить» означает «передать что-либо под ответственность, оказав доверие» [6].

На основании нашего исследования можно сформулировать несколько принципиальных заключений, касающихся особенностей предмета преступления по ст. 160 УК РФ. Центральным и обязательным свойством имущества как объекта присвоения или растраты выступает его вверенность виновному. Данное правовое положение формируется не произвольно, а исключительно вследствие определенного юридического действия — законной передачи имущества собственником или иным правомочным лицом. Основанием для такой передачи служат договорные отношения (трудовые, гражданско-правовые), специальное распоряжение либо служебные функции получателя. Критически значимо, что статус вверенного имущества характеризуется не только его фактическим нахождением у лица, но, прежде всего, наличием у этого лица конкретных юридических возможностей в отношении данного имущества. К таким правомочиям относятся владение, пользование, управление, транспортировка или хранение, которые неизбежно сопряжены с обязанностью по его охране. В этом состоит коренное различие с ситуацией, когда имущество лишь находится в ведении лица (как в случае с руководителем организации). Руководитель, выполняя функции общего управления, может не обладать непосредственными правомочиями в отношении отдельных материальных ценностей, которые официально вверены подчиненным — материально ответственным сотрудникам. Поэтому его противоправные действия с таким имуществом не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

Многообразие доктринальных подходов к определению «вверенного имущества», от узкого (акцент на физическую передачу вещи) до широкого (включение имущества, полученного в силу служебного положения), отражает сложность и неоднозначность данной уголовно-правовой категории. Однако судебно-следственная практика и системное толкование закона склоняются к пониманию вверенности как правового, а не только фактического отношения. Это означает, что решающее значение имеет не сам факт передачи, а правовое основание, порождающее у виновного определенные полномочия и, что особенно важно, ответственность за сохранность чужого имущества.

Следовательно, корректное определение признака вверенности играет ключевую роль при квалификации хищения. Данный критерий дает возможность точно разграничить присвоение и растрату от иных форм хищения (таких как кража или мошенничество), а также от злоупотреблений должностными или хозяйственными полномочиями. Состав преступления, описанный в ст. 160 УК РФ, может считаться установленным лишь тогда, когда будет достоверно подтверждено, что имущество на законных основаниях было передано виновному, а он, нарушив оказанное доверие, обратил это имущество в свою пользу или израсходовал его. Таким образом, особенность предмета преступления определяет и специфику субъекта — им может выступать исключительно лицо, которому имущество было вверено, т. е. специальный субъект.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [7], присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства). Как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам. Растрату следует считать оконченным преступлением с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения).

Содержание и направленность умысла при присвоении или растрате вверенного имущества характеризуется только прямым и корыстной целью.

Рассмотрим, что понимается под прямым умыслом в рамках присвоения или растраты вверенного

имущества. Речь идет о том, что виновный осознает все фактические обстоятельства преступления: противоправный и безвозмездный характер изъятия чужого имущества, доверенного ему, в свою пользу или в пользу третьих лиц. Он предвидит возможность или неизбежность причинения реального материального ущерба и желает наступления этих последствий.

Корыстный мотив при совершении любого хищения, в том числе присвоения или растраты, состоит в намерении получить фактическую возможность обращаться с чужой собственностью как со своей: владеть ею, извлекать из нее пользу и определять ее судьбу. Иными словами, виновный стремится ее потребить, использовать для удовлетворения личных потребностей либо реализовать иным способом, например, путем продажи или дарения. Предметом доказывания выступает установление направленности умысла. Следствие должно выявить обстоятельства, доказывающие, что умысел был конкретно на противоправное и безвозмездное обращение вверенного имущества в пользу виновного или других лиц. Субъектом преступления по ст. 160 УК РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Это правило распространяется на граждан России, лиц без гражданства, а также иностранных граждан. Ч. 1 ст. 160 УК РФ определяет присвоение и растрату как формы хищения чужого имущества, которое было вверено обвиняемому. Предусмотренный санкциями спектр наказаний широк: от денежного взыскания до реального лишения свободы. Штраф может достигать 120 тыс. руб. Кроме того, возможно назначение исправительных работ на срок до полугода или обязательных работ — до 240 часов. Альтернативой выступают ограничение свободы, принудительные работы либо лишение свободы на срок до двух лет. По данной части привлекаются лица, совершившие растрату вверенного имущества, общая стоимость которого не превышает 5 тыс. руб. При этом в их действиях не должны усматриваться признаки иных составов присвоения или растраты, описанных в других частях этой нормы закона.

Уголовная ответственность за тождественные противозаконные действия, осуществленные организованной группой лиц по предварительной договоренности и причинившие существенный материальный ущерб (от 5 тыс. руб.), установлена ч. 2 ст. 160 УК РФ. Предусмотренные санкции отличаются повышенной строгостью: максимальный размер штрафа может достигать 300 тыс. руб.; возможно назначение наказания в форме обязательных работ продолжительностью до 360 часов, либо исправительных работ сроком до одного года, либо принудительных работ на период до пяти лет, которое может сопровождаться ограничением свободы до одного года или назначаться без него, либо лишения свободы на срок до пяти лет с аналогичным ограничением свободы или без такого. По данной части статьи к ответственности привлекаются лица, совершившие присвоение или растрату чужого имущества в группе из двух и более человек, созданной по предварительному сговору. Квалификация хищения по этой норме также требует, чтобы причиненный потерпевшему ущерб был признан значительным. В качестве иллюстрации: гражданину Н. изначально было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 160 УК РФ. Однако в ходе расследования установили, что в деянии участвовал гражданин Ф., и их совместными действиями гражданке А. был причинен ущерб на сумму 10 000 руб., что признано значительным. На основании этих обстоятельств уголовное дело было переквалифицировано на ч. 2 ст. 160 УК РФ.

Ч. 3 ст. 160 УК РФ определяет квалифицирующие признаки для действий, описанных в первых двух частях, если они совершены с использованием виновным своего служебного положения. Обязательным условием для привлечения к ответственности по данной норме является причинение ущерба в крупном размере. Законодатель устанавливает альтернативные виды наказаний. К ним относятся: штраф в сумме от 100 до 500 тыс. руб. или в размере дохода осужденного за период от одного года до трех лет; запрет занимать определенные должности или осуществлять конкретную деятельность сроком до пяти лет; принудительные работы на тот же срок; лишение свободы до шести лет, которое может быть дополнено штрафом (не более 10 тыс. руб.). Данная норма применяется к лицам, совершившим присвоение или растрату вверенного, но не принадлежащего им имущества, воспользовавшись для этого своим должностным статусом. Для квалификации по этой части необходимо, чтобы размер причиненного преступлением ущерба был признан крупным, т. е. составлял от 250 тыс. до 1 млн руб.

Ч. 4 ст. 160 УК РФ устанавливает ответственность за хищение, совершенное в особо крупном размере организованной группой лиц. Данная норма

применяется к преступным деяниям, осуществленным по предварительному сговору несколькими участниками. Предусмотренное наказание включает лишение свободы на период до десяти лет. Дополнительно к этому может быть назначен штраф величиной до 1 млн руб. или в размере заработка осужденного за срок до трех лет. Также суд вправе добавить ограничение свободы до двух лет либо обойтись без этих дополнительных мер. Ключевыми условиями квалификации являются совершение присвоения или растраты имущества сплоченной группой и причинение ущерба, превышающего 1 млн руб., что признается особо крупным размером.

Примером практического применения этой статьи стал приговор Ленинского районного суда города Курска, вынесенный в феврале 2026 г. Бывшие сотрудники АО «Корпорация развития Курской области» получили реальные сроки лишения свободы за растрату 152,8 млн руб. в ходе строительства оборонных объектов, что было квалифицировано именно по ч. 4 ст. 160 УК РФ [8].

Таким образом, указанная норма уголовного закона представляет собой важный инструмент противодействия наиболее опасным и масштабным хищениям, совершенным в организованном порядке. Как показывает курское дело, государство применяет жесткие меры за посягательства на бюджетные средства, особенно в значимых для общества областях. Назначение виновным реальных сроков заключения вкупе с крупными денежными взысканиями выполняет не только карательную, но и предупредительную функцию. Подобные судебные акты утверждают принцип неизбежности ответственности, что способствует укреплению доверия граждан к системе правосудия.

В заключение необходимо подчеркнуть, что доказывание умысла и предмета преступления по делам о присвоении и растрате представляет собой сложный процесс. Он требует от следователя и суда скрупулезного анализа не только формальных признаков деяния, но и субъективного отношения виновного к вверенному имуществу и своим обязанностям. Установление прямого умысла, направленного именно на обращение чужого имущества в свою пользу или пользу третьих лиц, является обязательным для квалификации. Без этого составы преступлений, предусмотренные ст. 160 УК РФ, просто теряют свою специфику и могут смешиваться с иными преступлениями.

Предмет преступления — чужое имущество, вверенное виновному, — выступает не просто пассивным объектом посягательства, а активным элементом доказывания. Четкое установление его стоимости, индивидуализированных признаков, момента перехода во владение и, что критически важно, правовых оснований такого вверения формирует объективные границы состава. Доказательственная работа здесь строится на триаде: документы, подтверждающие правомочия; свидетельские показания, раскрывающие обстановку и порядок использования имущества; и вещественные доказательства, фиксирующие его дальнейшую судьбу.

Сложность часто заключается в том, что умысел и противоправность изъятия могут маскироваться под внешне правомерные действия: отсрочку возврата, временное использование, мнимые сделки. Поэтому ключевое значение приобретает анализ совокупности действий лица до, во время и после нарушения условий доверия. Несоответствие между фактическим поведением виновного и его должностными или договорными обязанностями становится главным индикатором наличия корыстного умысла. Особую роль играют доказательства, свидетельствующие о сокрытии факта изъятия, подлоге документов или попытках легализовать имущество, что не оставляет сомнений в умышленном характере деяния.

Таким образом, эффективное расследование и рассмотрение дел данной категории возможны только при системном подходе к доказыванию. Взаимосвязь предмета преступления и умысла неразрывна: именно через судьбу конкретного имущества проявляется и доказывается направленность умысла виновного. Современная следственная и судебная практика требует от правоприменителей умения выстраивать непротиворечивые и обоснованные версии, подкрепляя каждую деталь состава надлежащими и допустимыми доказательствами. Такой подход, по нашему мнению, обеспечит справедливое разрешение уголовного дела, защиту прав собственности и недопущение ошибок в квалификации, способных повлечь серьезные последствия как для обвиняемого, так и для потерпевшего.

Список источников

1. Никулина С. И. Комментарий к уголовному кодексу РФ. СПб., 2012.

2. Уканов К. Ш. Предупреждение хищений в Республике Казахстан: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Алматы, 2003.

3. Клепицкий И. А. «Вверенное имущество» в уголовном праве // Законность. 1995. № 12.

4. Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности: дисс. … канд. юрид. наук. Омск, 2003.

5. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: моногр. М. : Норма ; Инфра-М, 2012.

6. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современная Россия. М., 2001.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

8. URL: https://ria.ru/20260220/sud-2075805320.html

References

1. Nikulina S. I. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. St. Petersburg, 2012.

2. Ukanov K. S. Prevention of theft in the Republic of Kazakhstan: criminal law and criminological aspects. Almaty, 2003.

3. Klepitsky I. A. «Entrusted property» in criminal law // Legality. 1995. No. 12.

4. Vishnyakova N. V. Object and subject of crimes against property: diss. ... candidate of legal sciences. Omsk, 2003.

5. Lopashenko N. A. Encroachments on property: monogr. M. : Norm ; Infra-M, 2012.

6. Dahl V. I. Explanatory dictionary of the Russian language: Modern Russia. M., 2001.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 (as amended on December 15, 2022) «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // LRS «ConsultantPlus».

8. URL: https://ria.ru/20260220/sud-2075805320.html

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on February 20, 2026) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the author

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of education.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 18.02.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 18.02.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/vdhrhu
NIION: 2022-0089-1/26-397
MOSURED: 77/27-031-2026-01-397

Функции сбыта в системе незаконного оборота наркотиков

Дмитрий Сергеевич Зинченко[1,2]
[1] Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь», Москва, Россия, Dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru
[2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. В условиях цифровизации общественных отношений незаконный оборот наркотиков приобретает черты сложной, самоорганизующейся криминальной системы, в которой сбыт, осуществляемый с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), трансформируется в распределительное ядро наркорынка. Осмысление функций сбыта как системообразующего элемента имеет принципиальное значение для развития криминологической теории и совершенствования мер противодействия незаконному обороту наркотиков.

Цель — выявить место и функции незаконного сбыта в системе незаконного оборота наркотиков; обосновать его системообразующую роль и особенности трансформации в условиях цифровой среды.

Исследование основано на системном, структурно-функциональном и институциональном подходах, анализе положений Конвенции ООН 1988 г., криминологической доктрины, судебной практики и современных исследований цифровых наркорынков, а также методах логико-правового анализа, моделирования, интерпретации и обобщения.

Обосновано, что незаконный оборот наркотиков представляет собой многоуровневую криминальную систему, включающую производственно-сырьевую, логистическую, распределительно-сбытовую, финансово-экономическую и управленческо-обеспечительную подсистемы. Установлено, что сбыт выполняет интегративную, коммуникативную, распределительную, регулятивную, экономическую, инновационную и защитную функции, обеспечивая воспроизводство системы. Показано, что при использовании ИКТ сбыт приобретает качество распределительного ядра, управляющего потоками наркотиков, информации и доходов, усиливая латентность и устойчивость наркопреступности.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, незаконный сбыт наркотиков, информационно-коммуникационные технологии, цифровые наркорынки, организованная преступность, отмывание доходов

Для цитирования: Зинченко Д. С. Функции сбыта в системе незаконного оборота наркотиков // Судебная экспертиза и исследования. 2026. № 1. С. 185–192. EDN: VDHRHU.

Original article

Functions of distribution within the system of illicit drug trafficking

Dmitriy S. Zinchenko[1,2]
[1] Research and Production Association «Special Equipment and Communications» of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, Dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru
[2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. In the context of digitalization of public relations, drug trafficking is acquiring the features of a complex, self-organizing criminal system, in which sales carried out using information and communication technologies (ICT) are transformed into the distribution core of the drug market. Understanding the functions of sales as a backbone element is of fundamental importance for the development of criminological theory and the improvement of measures to counter drug trafficking.

The goal is to identify the place and functions of illicit trafficking in the drug trafficking system; justify its system-forming role and features of transformation in a digital environment.

The study is based on systemic, structural-functional and institutional approaches, analysis of the provisions of the 1988 UN Convention, criminological doctrine, judicial practice and modern research on digital drug markets, as well as methods of logical-legal analysis, modeling, interpretation and generalization.

It is justified that drug trafficking is a multi-level criminal system, including production and raw materials, logistics, distribution and sales, financial, economic and management and security subsystems. It was established that sales perform integrative, communicative, distribution, regulatory, economic, innovative and protective functions, ensuring the reproduction of the system. It has been shown that when using ICT, sales acquire the quality of a distribution core that controls the flow of drugs, information and income, increasing the latency and sustainability of drug crime.

Keywords: illicit drug trafficking, illegal drug distribution, information and communication technologies, digital drug markets, organized crime, money laundering

For citation: Zinchenko D. S. Functions of distribution within the system of illicit drug trafficking. Forensic science and research. 2026;(1):185–192. (In Russ.). EDN: VDHRHU.

© Зинченко Д. С., 2026

Исходя из содержания ст. 3 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (далее — Конвенция)[1], незаконный оборот наркотиков обладает всеми ключевыми признаками системы, как с точки зрения общей теории систем [1; 2], так в криминологическом понимании преступности как системы [3], такими, как множество взаимосвязанных элементов, структура и управление, общая цель, замкнутый цикл и собственная инфраструктура, обеспечивающая устойчивое воспроизводство.

Содержание данных признаков определяется следующим. Во-первых, указанная норма описывает не отдельные деяния, а функционально взаимосвязанные звенья единого процесса движения наркотика «от поля» (лаборатории) до наркорынка: культивирование сырья; производство, изготовление, использование оборудования и прекурсоров; хранение; транспортировка и транзит; предложение; посредничество; продажа (п. 1(a)(i)–(iv) Конвенции). Каждое из этих деяний функционально связано с другими, поскольку бессмысленно производить наркотики, не имея каналов сбыта, хранить — без последующей транспортировки и т. д. Как известно, именно функциональная взаимозависимость элементов является ключевым признаком любой системы.

Во-вторых, выделение организации, руководства и финансирования этих действий (п. 1(a)(v) Конвенции) свидетельствует о наличии структурированного уровня управления и распределения ролей (организаторы, финансисты, логисты, исполнители и пр.), что указывает на иерархичность и организованность (управляемость) незаконного оборота наркотиков. При этом такая деятельность, как публичное подстрекательство, участие, сговор (п. 3(1)(c)(iii)–(iv) Конвенции) обеспечивает расширение и устойчивость сети участников (субъектов) незаконного оборота наркотиков.

В-третьих, включение отмывания преступных доходов (п. 1(b) Конвенции), владения имуществом и оборудованием (п. 1(c) Конвенции), а также культивирования, хранения и приобретения для личного потребления (п. 2 Конвенции), т. е. сферы спроса, как конечного звена функционирования всей системы, формирует замкнутый производственно-сбытовой и финансовый цикл (получение преступных доходов, конверсия и перевод преступных доходов, их сокрытие), обеспечивающий самовоспроизводство незаконного оборота. Таким образом, процессу незаконного оборота наркотиков присущи замкнутый цикл и единая цель. Все действия, указанные в п. (a), (b), (c) Конвенции объединены общей целью, которой является незаконное производство, доведение наркотика до потребителя и легализация полученных доходов.

В-четвертых, включение в состав незаконного оборота деяний, связанных с оборудованием, материалами, прекурсорами (п. 3(1)(a)(iv), п. 3(1)(c)(ii) Конвенции), а также с владением имуществом преступного происхождения (п. 3(1)(c)(i) Конвенции), указывает на то, что объектом регулирования являются не только «готовые» наркотики, но и инфраструктура их производства и обращения. Конвенция тем самым указывает на целостный комплекс взаимосвязанных элементов, который обладает устойчивостью, способностью к адаптации (смена каналов, прекурсоров, схем отмывания) и воспроизводству.

В-пятых, охват столь разнообразных деяний единым понятием «незаконный оборот» отражает его нормативную и социальную целостность, что позволяет характеризовать данный феномен как сложную, устойчивую, самоорганизующуюся, многоуровневую и экономически ориентированную криминальную систему.

Таким образом, незаконный оборот наркотиков в современных условиях представляет собой сложную, устойчивую, самоорганизующуюся, многоуровневую и экономически ориентированную криминальную систему, включающую производство, транспортировку, хранение, сбыт, отмывание доходов и иные действия, функционально связанные с обеспечением наркорынка.

Незаконный сбыт наркотиков, осуществляемый с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), следует рассматривать не только как частный способ совершения преступления, но и как структурный элемент системы незаконного оборота наркотиков. Непосредственно со сбытом связаны такие виды преступной деятельности по

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., включая Заключительный акт и резолюции, согласованные Конференцией Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf

незаконному обороту наркотиков, предусмотренные на конвенциональном уровне, как предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажа, поставка на любых условиях, посредничество, переправка, транзитная переправка, транспортировка, импорт, экспорт, покупка, а также получение собственности в результате соответствующих правонарушений и преступлений.

Указанное определяет необходимость установления места сбыта наркотиков в системе незаконного оборота наркотиков. Для этого следует на основании анализа структуры, характеристик основных элементов и их взаимосвязей, осуществляемого с учетом цели функционирования системы незаконного оборота наркотиков, установить функции, которые выполняет незаконный сбыт в рамках данной системы.

Системный подход позволяет выделить несколько уровней организации и функционирования системы незаконного оборота наркотиков:

1) макроуровень — транснациональные и межрегиональные каналы производства и транзита (производство в странах-поставщиках, международный и межрегиональный трафик, крупнооптовые партии, вовлечение организованных преступных структур);

2) мезоуровень — региональные и межрегиональные сети, обеспечивающие оптовый и крупнорозничный оборот, распределение партий внутри страны, создание «оптовых складов», логистическое и финансовое обеспечение, коррупционную защиту;

3) микроуровень — розничный сбыт и непосредственное взаимодействие с потребителем (личные контакты, бесконтактный «закладочный» формат, уличный, клубный, «домашний» сбыт и т. п.). На этом уровне возникает основная масса регистрируемых уголовных дел, но одновременно сосредоточена и наиболее латентная часть наркопреступности, особенно в цифровой среде.

Незаконный сбыт наркотиков, как составляющая данной системы, имеет место на всех указанных уровнях, что указывает на функциональную значимость этого элемента.

С позиций теории систем и криминологического анализа незаконный оборот наркотиков можно представить как совокупность следующих функциональных компонентов (подсистем):

1) производственно-сырьевой (выращивание наркосодержащих растений, синтез и изготовление, производство наркотиков);

2) логистический (перевозка, пересылка, хранение, маскировка и дробление партий и пр.);

3) распределительно-сбытовой (совокупность оптовых и розничных звеньев, сетевых посредников, розничных «точек» и каналов, обеспечивающих доступ наркотика к различным сегментам потребителей);

4) финансово-экономический (получение, аккумулирование и перераспределение доходов, отмывание преступных доходов, инвестиции в легальный сектор и пр.);

5) управленческо-обеспечительный (координация, конспирация, защита рынка, коррупция, внутренняя дисциплина и пр.).

Производственно-сырьевая подсистема обеспечивает создание предмета незаконного оборота, тогда как логистическая — выполняет функцию пространственного распределения наркотиков. Обе подсистемы функционируют с целью обеспечения последующего сбыта и формируют поток наркотиков, но сами по себе не реализуют цель функционирования всей системы незаконного оборота наркотиков, заключающейся не только в производстве, но и доведении наркотиков до потребителя и легализации полученных доходов. Достижение данной цели возможно лишь в результате незаконного сбыта наркотиков.

Финансово-экономическая и управленческо-обеспечительная подсистемы структурно подчинены логике сбыта. Финансово-экономическая подсистема аккумулирует и перераспределяет доходы, обеспечивает их отмывание, инвестирование в легальный сектор, а также финансирование дальнейшего производства наркотиков и логистики. Управленческо-обеспечительная — включает уровень «стратегического управления» (организаторы, координаторы), конспирацию, защиту рынка, коррупционные связи, внутреннюю «кадровую политику» и санкции в отношении участников незаконного оборота наркотиков. Обе подсистемы выполняют «обслуживающую» функцию по отношению к сбыту — они обеспечивают устойчивость и воспроизводство именно сбытового компонента, а через него — и всей системы.

Исходя из содержания деятельности по незаконному сбыту наркотиков (как непосредственно реализации наркотиков, так и иных деяний, направленных на их последующую реализацию), а также связей незаконного сбыта с иными видами преступной деятельности по незаконному оботру наркотиков, можно

сделать вывод о том, что в рамках системы незаконного оборота наркотиков незаконный сбыт наркотиков выступает центральным, системообразующим элементом.

Рассматривая незаконный оборот наркотиков как систему, образуемую взаимосвязанными подсистемами, можем констатировать, что сбыт является распределительным ядром всей системы. Без организованного сбыта незаконное производство и транзит наркотиков теряют экономический смысл, а, следовательно, сама система утрачивает устойчивость и способность к воспроизводству.

Именно вокруг подсистемы незаконного сбыта наркотиков концентрируются управленческие решения (выбор рынков сбыта, определение ассортимента и ценовой политики, распределение ролей между участниками), формируются логистические цепочки (определение маршрутов, способов хранения и дробления партий), выстраиваются коррупционные связи и механизмы защиты всей системы незаконного оборота наркотиков, развивается криминальная субкультура и осуществляется массовое вовлечение новых участников (в том числе несовершеннолетних как курьеров и исполнителей низшего уровня). Таким образом, незаконный сбыт выступает системообразующим звеном, обеспечивающим интеграцию производственно-сырьевого, логистического, финансово-экономического и управленческо-обеспечительного компонентов незаконного оборота наркотиков.

В процессе сбыта происходит трансформация наркотиков из предмета незаконного оборота в источник преступного дохода, а также пересечение криминального предложения и потребительского спроса. При этом цифровизация общественных отношений, развитие ИКТ, распространение социальных сетей, мессенджеров, а также анонимизирующих сервисов и криптовалют и альтернативных способов платежей радикально трансформируют содержание сбыта, его конфигурацию и криминологические характеристики.

В условиях цифровизации на традиционную структуру системы незаконного оборота наркотиков (производственно-сырьевой, логистический, распределительно-сбытовой, финансово-экономический, управленческо-обеспечительный компоненты) «наслаивается» использование ИКТ, включая:

♦ интернет-магазины и маркетплейсы наркотиков (в том числе в теневом сегменте сети);

♦ социальные сети, каналы и боты в мессенджерах, специализированные форумы и чаты;

♦ электронные платежные системы, криптовалютные сервисы;

♦ анонимизирующие платформы.

Именно функционирование подсистемы незаконного сбыта наркотиков с использованием ИКТ создает новые конфигурации связей между участниками всей системы незаконного оборота наркотиков.

Структурно ИКТ не образуют отдельной автономной подсистемы, а выступают надстроечной средой, функционально усиливающей все остальные подсистемы. Для незаконного сбыта наркотиков использование данных технологий определяет переход от локальных и персонализированных схем к сетевым и трансграничным формам, основанным на платформенных механизмах, характеризующихся высокой степенью анонимности и «бесконтактности». Тем самым роль сбыта в системе незаконного оборота наркотиков не только сохраняет системообразующее значение, но и приобретает новое качество — незаконный сбыт наркотиков с использованием ИКТ трансформируется в подсистему, выступающую распределительным ядром, управляющим потоками как наркотиков, так и информации и коммуникации, а также доходов.

Устанавливая функции незаконного сбыта наркотиков, как элемента системы незаконного оборота наркотиков, следует исходить из интервального подхода [4; 5], позволяющего рассматривать незаконный сбыт наркотиков как:

1) криминальную практику, в которой формируются нормы и правила взаимодействия, иерархия и распределение ролей, особая субкультура. При этом необходимо учитывать, что в судебной практике к сбыту относятся также ситуации, когда лицо организовывает передачу наркотика, не взаимодействуя физически с конечным потребителем (например, дистанционное указание места тайника), если оно контролирует процесс и распоряжается наркотическими средствами[2]. Таким образом, «сбыт» выступает не только как технический акт передачи (реализации) наркотиков, но и как определенный

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

процесс управления распределением наркотиков, включающий подготовительные, организационные и обеспечительные действия;

2) особый вид нелегальной экономической деятельности, направленной на извлечение преступного дохода за счет удовлетворения нелегального спроса на наркотики;

3) фактор воспроизводства наркопреступности и наркопотребления, поскольку именно через сбытовые сети наркотики становятся массово доступным для различных групп населения.

Указанное позволяет установить полифункциональность сбыта в системе незаконного оборота наркотиков, а также учитывать связи данной системы с иными подсистемами преступности (ее видами) и связи преступности с иными подсистемами общества [6]. Незаконный оборот наркотиков в России и мире имеет характер высокодоходной и динамично адаптирующейся криминальной системы. ООН прямо указывает на связь незаконного оборота наркотиков с организованной преступностью, коррупцией и подрывом экономических и политических основ государства[3].

Незаконный сбыт наркотиков, являясь системообразующим элементом системы незаконного оборота наркотиков, обеспечивающим интеграцию производственно-сырьевой, логистической, финансово-экономической и управленческо-обеспечительной подсистем, выполняет, таким образом, интегративную функцию. Данная функция заключается в объединении различных элементов незаконного оборота наркотиков в единую целостность через устойчивые криминальные связи. Сбыт в системе незаконного оборота наркотиков выступает связующим звеном между производством, логистикой, финансами и управлением, образующими организованную сеть, в которой сбытчики выступают ключевыми посредниками. Они обеспечивают согласование интересов разных элементов системы и удержание в рабочем состоянии.

При использовании ИКТ как способа незаконного сбыта наркотиков специфика реализации интегративной функции определяется тем, что участники незаконного оборота наркотиков связаны не столько личными контактами, сколько принадлежностью к той или иной цифровой платформе, которая превращается в своеобразный «организующий центр» распределительного ядра незаконного оборота наркотиков.

Непосредственно связанной с интегративной функцией незаконного сбыта наркотиков является коммуникативная функция, заключающаяся в обеспечении прямой и обратной связей между различными участниками незаконного оборота наркотиков (организатор — производитель — перевозчик — оптовик — розничный сбытчик — потребитель). Применение современных информационных технологий позволяет преступникам осуществлять анализ данных связей на основе реализуемой коммуникации и множества иных факторов [7; 8] и вырабатывать на этой основе рекомендации по повышению эффективности организации незаконного оборота наркотических средств.

Использование ИКТ позволяет реализовывать коммуникацию участников незаконного оборота наркотиков (прежде всего сбытчиков и потребителей) опосредованно, через защищенные каналы связи, мессенджеры, анонимизирующие платформы, что кардинально усложняет выявление и фиксацию коммуникационных связей традиционными оперативно-розыскными средствами и повышает латентность сбыта и всего незаконного оборота наркотиков. За счет анонимности цифровых сервисов, шифрования трафика, использования псевдонимов, территориальной распределенности участников (производитель, администратор, оператор и сбытчик могут находиться в разных регионах или странах) обеспечивается надежная и эффективная коммуникация, что значительно повышает устойчивость системы незаконного оборота наркотиков. В то же время сбыт превращается в совокупность алгоритмов и процедур (регистрация, рейтинг, система гарантий и т. п.), задающих «правила игры» для всех участников [9; 10; 11].

Распределительная функция заключается в пространственно-временном распределении наркотиков по потребительским нишам и территориям, благодаря чему незаконный сбыт обеспечивает физическое доведение наркотика до конечного потребителя. С учетом коммуникативной функции, обеспечивающей как прямые, так и обратные связи между элементами

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., включая Заключительный акт и резолюции, согласованные Конференцией Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf

системы незаконного оборота наркотиков, реализация распределительной функции обеспечивает распределение доходов, получаемых от сбыта наркотиков, между иными участниками оборота.

При осуществлении незаконного сбыта наркотиков с использованием ИКТ ключевым инструментом распределения наркотиков становится цифровая инфраструктура, позволяющая оперативно перераспределять потоки между территориями и сегментами спроса. Ключевым становится не физическое присутствие сбытчика, а цифровая инфраструктура, обеспечивающая возможность управлять заказами, маршрутами «закладок», объемами и географией поставок в режиме реального времени. В результате незаконный сбыт наркотиков, осуществляемый с использованием ИКТ, превращается в «распределительное ядро» незаконного оборота, представляющее собой совокупность платформ, технологий и практик, обеспечивающих массовый «бесконтактный» сбыт и перераспределение криминальных доходов.

Наличие в процессе незаконного сбыта наркотиков обратной связи по структуре спроса, ценовой конъюнктуре и рискам, влияющая на объемы производства, маршруты логистики, способы конспирации и прочие условия функционирования системы незаконного оборота наркотиков, определяет регулятивную функцию сбыта.

Экономическая функция незаконного сбыта наркотиков заключается в обеспечении трансформации предмета незаконного оборота в доход, а также в генерации и управлении финансовыми потоками: получении, аккумулировании и перераспределении доходов, в том числе инвестиций в производство наркотиков и иные элементы системы, инвестиций в легальный сектор и иной легализации преступных доходов.

Применение ИКТ позволяет использовать криптовалюты, электронные кошельки, системы мгновенных переводов и иные современные финансовые инструменты, что создает дополнительные возможности для распренделения финансовых потоков и их последующей легализации. Сбыт выполняет роль вовлечения средств в цифровую финансовую инфраструктуру, где операции могут дробиться, маскироваться и выводиться за пределы национальной юрисдикции. Международные исследования подчеркивают, что цифровые рынки наркотиков не только изменяют структуру распределения, но и существенно меняют финансовую архитектуру незаконного оборота [12].

Инновационная функция незаконного сбыта наркотиков, совершаемого с использованием ИКТ, заключается в постоянном поиске новых технологических решений для осуществления данной преступной деятельности. При использовании ИКТ сбыт становится ключевым фактором технологических инноваций внутри криминальной среды в сфере незаконного оборота наркотиков. Осуществляется постоянный поиск новых платформ, алгоритмов продвижения, ранжирования предложений, автоматизированных ботов, нестандартных платежных решений, внедрение элементов геймификации для поиска, удержания клиентов и т. п. Инновационное развитие методов организации, форм и способов осуществления незаконного сбыта наркотиков закономерно влечет за собой развитие всей системы незаконного оборота наркотиков. Таким образом сбыт совершенствует всю систему незаконного оборота наркотиков, направляя к более сложному технологическому уровню развития и функционирования, формируя адаптивный наркорынок.

Защитная функция незаконного сбыта наркотиков определяется тем, что инновационные технические и организационные решения, обусловленные использованием ИКТ, направленные на реализацию коммуникации и иного взаимодействия между элементами системы незаконного оборота наркотиков, обеспечивают защищенность данной системы от социального контроля и определяют уровень ее «видимости» для правоохранительных органов.

В традиционной модели незаконного оборота наркотиков сбыт структурно локализованный, персонализированный и территориально привязанный, а функции сбыта реализуются преимущественно через прямые межличностные контакты и иерархические связи, что делают данную деятельность уязвимой для воздействия со стороны правоохранительных органов. Анонимные аккаунты, шифрованный трафик, территориальная распределенность участников и их функционала, иерархия и распределение ролей, сленг и псевдонимы, нормы и правила взаимодействия, цифровые логистические решения и прочие инновации в организации незаконного сбыта, осуществляемого с использованием ИКТ, при масштабном использовании данных технологий для вовлечения в преступную деятельность новых участ-

ников, дает возможность обеспечивать эффективность и относительно высокую безопасность сбыта — выявляются и привлекаются к ответственности преимущественно исполнители низшего звена — «закладчики», являющиеся «расходным материалом» в инфраструктуре незаконного сбыта наркотиков. В результате эффективность сбыта определяет безопасность всей системы незаконного оборота наркотиков.

Таким образом, незаконный оборот наркотиков в современных условиях представляет собой сложную, устойчивую, самоорганизующуюся, многоуровневую и экономически ориентированную криминальную систему, включающую производство, транспортировку, хранение, сбыт, отмывание доходов и иные действия, функционально связанные с обеспечением наркорынка. Незаконный сбыт наркотиков является центральным, системообразующим элементом данной системы, обеспечивающим интеграцию ее производственно-сырьевого, логистического, финансово-экономического и управленческого компонентов.

Сбыт выполняет в системе незаконного оборота наркотиков интегративную, коммуникативную, распределительную, регулятивную, экономическую, инновационную и защитную функции. Использование ИКТ трансформирует сбыт в платформенное распределительное ядро, управляющее потоками наркотиков, информации и финансов, повышая латентность и устойчивость незаконного оборота. Функции сбыта в условиях информационной среды трансформируются и получают специфическое содержательное наполнение, они реализуются преимущественно через цифровую инфраструктуру и требуют особых подходов к их криминологическому анализу и выработке мер противодействия.

Список источников

1. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М. : Наука, 1974.

2. Горохов А. В. Основы системного анализа: учеб. пособие для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2019.

3. Игнатов А. Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97–104.

4. Игнатов А. Н., Семенова Е. Г., Ильянович Е. Б. Интервальная методология в криминологическом исследовании феномена насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 94–104.

5. Пудовочкин Ю. Е., Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Интервальная методология в исследовании преступности: сущность, преимущества и перспективы // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 55–60.

6. Игнатов А. Н., Ильянович Е. Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 129–133.

7. Иванцов С. В., Молчанова Т. В. Информационно-телекоммуникационные технологии — современная реальность преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 89–96.

8. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Молчанова Т. В., Спасенников Б. А. Big Data как современный криминологический метод изучения и измерения организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 718–726.

9. Дикарев В. Г., Гаврюшкин Ю. Б. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 2 (38). С. 19–25.

10. Земцова С. И. Бесконтактный сбыт наркотических средств с использованием интернет-магазинов: актуальные вопросы // Наркоконтроль. 2019. № 3. С. 17–22.

11. Тимофеев С. В. Особенности предупреждения сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 192–199.

12. Bertola F. Drug Trafficking on darkmarkets: how cryptomarkets are changing drug global trade and the role of organized crime // American Journal of Qualitative Research. 2020. No. 4 (2 Special Issue). P. 27–34.

References

1. Sadovsky V. N. Foundations of the general theory of systems. M. : Nauka, 1974.

2. Gorokhov A. V. Fundamentals of system analysis: textbook. handbook for universities. M. : Yurayt Publishing House, 2019.

3. Ignatov A. N. Crime as a system // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No. 9. P. 97–104.

4. Ignatov A. N., Semenova E. G., Ilyanovich E. B. Interval methodology in criminological research of the phenomenon of violence // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 3. P. 94–104.

5. Pudovochkin Yu. E., Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Interval methodology in crime research: essence, advantages and prospects // Society and law. 2020. No. 2 (72). P. 55–60.

6. Ignatov A. N., Ilyanovich E. B. Methodological foundations of crime research // Society and law. 2015. No. 2 (52). P. 129–133.

7. Ivantsov S. V., Molchanova T. V. Information and telecommunication technologies — the modern reality of crime // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (88). P. 89–96.

8. Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Molchanova T. V., Spasennikov B. A. Big Data as a modern criminological method of studying and measuring organized crime // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 5. P. 718–726.

9. Dikarev V. G., Gavryushkin Yu. B. Features of countering the contactless method of selling drugs using the Internet // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2016. No. 2 (38). P. 19–25.

10. Zemtsova S. I. Contactless sale of narcotic drugs using online stores: current issues // Drug control. 2019. No. 3. P. 17–22.

11. Timofeev S. V. Features of drug sales prevention carried out using information and telecommunication technologies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (92). P. 192–199.

12. Bertola F. Drug Trafficking on darkmarkets: how cryptomarkets are changing drug global trade and the role of organized crime // American Journal of Qualitative Research. 2020. No. 4 (2 Special Issue). P. 27–34.

Информация об авторе

Д. С. Зинченко — старший научный сотрудник отдела развития средств противодействия функционированию беспилотных аппаратов центра развития беспилотных аппаратов и средств противодействия их функционированию научно-производственного объединения «Специальная техника и связь» МВД России, адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

D. S. Zinchenko — Senior Researcher of the Department for the Development of Means of Counteracting the Functioning of Unmanned Vehicles of the Center for the Development of Unmanned Vehicles and Means of Counteracting their Functioning of the Research and Production Association «Special Equipment and Communications» of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 04.03.2026; accepted for publication 10.03.2026.